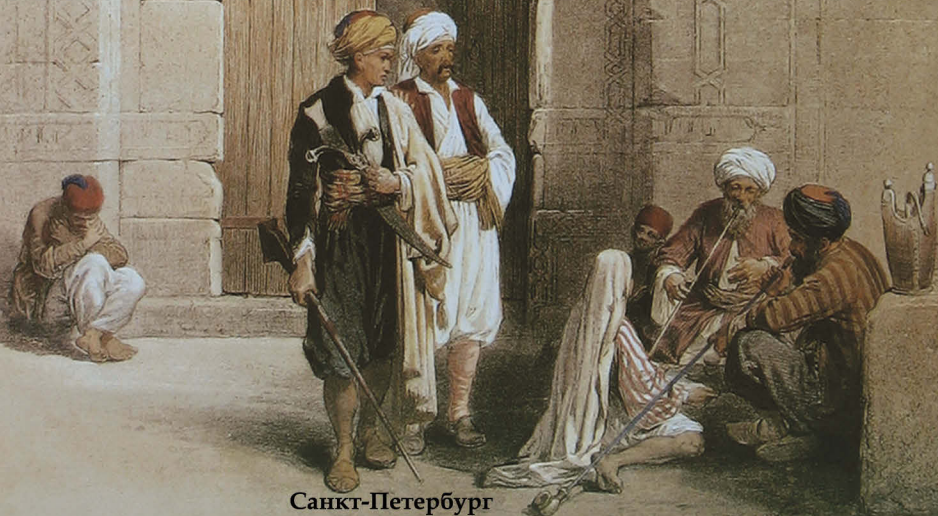

РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР
К 200-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ШЕЙХА АТ-ТАНГАВИ
(1810-1861)

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

2-3 ноября 2010

Санкт-Петербург
2010

Шейх Тантави
(1810-1861)

**SAINT PETERSBURG STATE
UNIVERSITY**

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

INTERNATIONAL CONFERENCE

RUSSIA AND THE ARAB WORLD:

**DEDICATED TO THE
200TH ANNIVERSARY OF SHAIKH
MUHAMMAD AYYADH AT-TANTAWI
(1810-1861)**

November 2–3, 2010

ABSTRACTS AND PAPERS

**St.Petersburg
2010**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР:

**К 200-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ШЕЙХА АТ-ТАНТАВИ
(1810-1861)**

2–3 ноября 2010

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

**Санкт-Петербург
2010**

ББК 63.3(0)
Р76

*Печатается по постановлению
Ученого совета Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861), 2–3 ноября 2010 г.: Материалы конференции / Отв.ред. Н.Н.Дьяков, А.С.Матвеев. – СПб., 2010. – 303 с.
ISBN 978-5-288-05115-9

Издание материалов научной конференции осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-14020г.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-288-05115-9

© Восточный факультет
С.-Петербургского
государственного
Университета, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. ШЕЙХ АТ-ТАНТАВИ И РАЗВИТИЕ АРАБИСТИКИ В РОССИИ В XIX-XXI ВВ. / SHAIKH AL-TANTAWI AND DEVELOPMENT OF ARABIC STUDIES IN XIX-XXI CC	12
<i>Дьяков Н.Н. (ВФ СПбГУ) Шейх Мухаммад 'Аййад ат-Тантави (1810-1861): профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета</i>	<i>12</i>
<i>Долинина А.А. (ВФ СПбГУ) «Автобиография» Шейха Тантави.....</i>	<i>22</i>
<i>Арабский текст «Автобиографии» Шейха Тантави, опубликованный академиком И.Ю.Крачковским</i>	<i>33</i>
<i>Фролова О.Б. (ВФ СПбГУ) О малоизвестном арабском переводе книги И.Ю. Крачковского «Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета»</i>	<i>37</i>
<i>Фролова О.Б. (ВФ СПбГУ) Профессор Санкт-Петербургского университета Тантави и его учитель в аль-Азхаре 'Абд ар-Рахман ас-Сафти</i>	<i>39</i>
<i>Резван Е.А. (МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб) «Каир – Петербург»: фильм о Шейхе ат-Тантави и русско-арабских связях</i>	<i>39</i>
<i>Kaj Öhrnberg (Helsinki, Finland) The Professor and his pupil: Muḥammad 'Ayyād al-Ṭanṭāwī and Georg August Wallin.....</i>	<i>41</i>
<i>Терюков А.И. (МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб) Ученик шейха Мухаммада 'Аййада ат-Тантави финский арабист Георг Август Валлин.....</i>	<i>42</i>
<i>Французов С.А. Григорий Гульбин – несостоявшийся издатель путевых заметок шейха ат-Ṭanṭāwī.....</i>	<i>49</i>
<i>Дьяков Н.Н. (ВФ СПбГУ) Новое время – новая «рихла»: египтяне о Европе и России XIX века (Р.ат-Тахтави, М.А.ат-Тантави, А.Заки)</i>	<i>50</i>

- Еремина (Минц) М. В. (ВФ СПбГУ) *Изображение Турции египетским шейхом ат-Тантāwī (По страницам рукописи «Описание России», 1850)*.....52
- معاذ يوسف يعقوب (كلية الحضارة واللغات بفرع جامعة أوريا الإسلامية في إستانبول)
الطنطاوي بين مصادر ترجمته العربية وغيابه عن الواقع الثقافي العربي.....67
- Roswitha Badry (University of Freiburg, Germany) *Rifā'a Rāfi' al-Tahtāwī (1801-1873) as a precursor of women's rights?*.....74
- Илюшина М.Ю. (ВФ СПбГУ) *Путешествие в Петербург: О судьбе рукописи «Китаб ар-Рихла» Мухаммада ал-Хусайни (XVI в.) из Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ*.... 75
- Матвеев А.С. (ВФ СПбГУ), Чернов А.В. (ВЦ СПбГУ ЭФ), Ястребова О.М. (РНБ, СПб) *Проект электронной публикации коллекции арабских рукописей Шейха ат-Тантави в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ*..... 76
- Алексеев А.К., Азаркина М.А. (ВФ СПбГУ) *Неизвестная арабская рукопись библиотеки Восточного факультета: предварительное описание*.....86
- Яфия Юсиф Джамиль, Азаркина М. А. (ВФ СПбГУ) *Некоторые рукописи, посвященные арабскому глаголу, в фондах библиотеки Восточного факультета СПбГУ*.....90
- Жуков К.А. (Восточный ф-т СПбГУ) *Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы XIX века (по неопубликованным мемуарам К. А. Губастова)*92
- Валеев Р. М., Зяппаров Т. И. (ИВ Казанского федерального университета) *Письма профессора А.К. Казембека академику Х.Д. Френу*.....93
- Валеев Р.М. (ИВ Казанского федерального университета) *Арабистика в истории казанского университетского востоковедения (XIX–нач. XX вв.)*95
- Пумпян Г.З. (Библиотека РАН, СПб) *Научно-исследовательская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (1881 – начало XX*

века): по материалам изданий ИППО 98

Родионов М.А. (МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб) *Абд ал-Азиз Бин Акил – исследователь обычного права Хадрамаута (из истории российско-йеменских научных связей)* 111

Фаязова С.С. (ВФ СПбГУ) *Деятельность Мухаммада Абдо в университете Аль-Азхар* 116

РАЗДЕЛ II. АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ИСЛАМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ / ARABIC LANGUAGE AND ISLAM IN THE RUSSIAN EMPIRE..... 119

Маламагомедов Д.М. (Отдел востоковедения, ИИАЭ ДНЦ УРАН, Махачкала) *Распространение арабоязычной литературы в Дагестане и жанровый состав памятников дагестанской арабоязычной литературы XVIII–XIX вв.* 119

Бобровников В.О. (ИВ РАН, Москва) *Историк джихада хаджжи-‘Али Чохский: опыт критической биографии* 126

Сипенкова Т.М. (ВФ СПбГУ) *Диалог или триалог?* 143

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА / HISTORY AND CULTURE OF THE MIDDLE EAST..... 151

Герасимов И.В. (ВФ СПбГУ) *Легенды о происхождении правящих династий государств Судана (XVI–XVIII вв.)* 151

Григорьев С.Е. (ВФ СПбГУ) *Арабы Афганистана* 154

Добронравин Н.А. (ФМО СПбГУ) *Исламское образование и арабский язык в истории африканской диаспоры (XIX в.)* .. 155

Долгов Б.В. (Центр арабских исследований ИВ РАН, Москва) *Ислам и социально-политическая эволюция арабского мира в конце XX – начале XXI века* 157

Boris Dolgov (Institute of Oriental Studies, Moscow) *Islam and Social and Political Development of the Arab World at the end of XX – early XXI century.* 160

<i>Зеленев Е.И. (ВФ СПбГУ) Иностранные военные миссии в Египте в 50-70-е годы XIX в.....</i>	<i>162</i>
<i>Исаев Г.Г. (Факультет политологии и ВФ СПбГУ) Россия и арабские страны в начале XXI в.: политическое и экономическое сотрудничество.....</i>	<i>168</i>
<i>Макеева Н. (ВФ СПбГУ) Обоснование национального и исторического единства в египетском историческом дискурсе.....</i>	<i>170</i>
<i>Мокрушина А.А. (ВФ СПбГУ) Свадебная обрядовая терминология в арабской культуре.....</i>	<i>184</i>
<i>Пелевин М.С. (ВФ СПбГУ) Модернизация исламского общества и право.....</i>	<i>186</i>
<i>Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ) Политическое завещание афганского племенного вождя (1666 г.).....</i>	<i>189</i>
<i>Радивилов Д.А. (ИВ НАН Украины, Киев) Халифат ‘Усмана в свете ибадитской традиции.....</i>	<i>191</i>
<i>Сотниченко А.А. (Факультет международных отношений СПбГУ) Турция: ислам и особенности национальной модернизации.....</i>	<i>193</i>
<i>Туманян Т.Г. (Философский факультет СПбГУ) Социально-этические аспекты философии Ибн Баджжи (1082-1138) в трактате «Рисалат ал-вада ‘».....</i>	<i>197</i>
<i>Хизриев А.Х. (Даггосуниверситет, Махачкала) Иностранные займы как средство усиления экономической зависимости Египта в XIX в.</i>	<i>199</i>
<i>Pavel Basharin (Russian State University for the Humanities, Moscow) The Image of the Xrafstra in Hadith, or Snakes, Scorpions and Others.....</i>	<i>201</i>
<i>Gad Gilbar (Department of Middle East History, University of Haifa, Israel) Paradigms of Trade and Finance in Ottoman Historiography: The 19th and 20th Centuries.....</i>	<i>202</i>

<i>Mesut ÇAPA (Karadeniz Technical University, Trabzon, Turkey)</i> <i>Russian Consulate in Trabzon in the Period of the Foundation of</i> <i>Turkish Republic</i>	214
--	-----

РАЗДЕЛ IV. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА АРАБСКИХ СТРАН / LANGUAGE AND LITERATURE OF ARABIC COUNTRIES

.....	227
<i>Берникова О.А. (ВФ СПбГУ) Инновационные тенденции</i> <i>развития арабистики: принципы и методы лингвистического</i> <i>анализа</i>	227
<i>Билык И.Е. (РГГУ, Москва) Совмещение фольклорно-</i> <i>мифологического и реального пространства в повести</i> <i>Ибрахима ал-Куни «Обет Деве Марии»</i>	228
<i>Гаипова Шахноза (ТашГИВ, Ташкент) Сюжеты и традиции</i> <i>«Тысячи и одной ночи» в пьесе Салаха 'Абд ас-Сабура</i> <i>«Принцесса ожидает»</i>	230
<i>Зарипов И.Р. (ВФ СПбГУ) Семантика глаголов моделей</i> <i>фа 'ала, фа 'ила, фа 'ула в арабском языкознании</i>	233
<i>Зиявутдинова Мухлиса (ТашГИВ, Ташкент) Место Бинт</i> <i>аш-Шати в истории литературы и науки Египта</i>	235
<i>Ковыришина Н.Б. (РУДН, Москва) Особенности формирования</i> <i>жанра романа в литературе Иордании</i>	237
<i>Мамедшахов Р. Г. (ВФ СПбГУ) Падежная система личных</i> <i>местоимений в литературном арабском языке</i>	239
<i>Мустафаева А.А. (КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата)</i> <i>Основные источники синонимии в современной арабской</i> <i>терминологии</i>	240
<i>Надирова Г.Е. (КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата)</i> <i>Языковой плюрализм в арабском романе</i>	243
<i>Насырова М.А. (ТашГИВ, Ташкент) Основные труды</i> <i>лингвистической школы Мавераннахра эпохи зрелого</i> <i>средневековья (X-XIII вв.)</i>	248

<i>Редькин О.И. (ВФ СПбГУ) Арабская письменная традиция: проблемы ранних этапов развития.....</i>	<i>250</i>
<i>Рустамий Салима (ТашГИВ, Ташкент) «'Илм ал-балāга» и стилистика.....</i>	<i>251</i>
<i>Сейтметова Ж.Р. (КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата) Драматургия Альфреда Фарага (1929-2005).....</i>	<i>253</i>
<i>Суворов М.Н. (ВФ СПбГУ) Литературная и околотературная жизнь в сегодняшнем Йемене.....</i>	<i>255</i>
<i>Ходжаева Р.У. (ТашГИВ, Ташкент) Арабская поэзия в период правления Мамлюков в Египте и Сирии.....</i>	<i>257</i>
<i>Храковский В.С. (ИЛИ РАН, СПб) Арабский глагол: нетривиальная деривация.....</i>	<i>260</i>
<i>Салихов М.С. (ВФ СПбГУ) Саади и традиция газели в персидской классической поэзии.....</i>	<i>263</i>
<i>Aftab Ahmad (India Arab Cultural Centre (IACC), New Delhi, India) Origin and Spread of Arabic Madh Poetry in India.....</i>	<i>263</i>
<i>Magda El-Nowieemy (University of Alexandria, Egypt) East and West: Reading of Ibn Tufayl's Hayy Ibn Yaqzan</i>	<i>265</i>

**РАЗДЕЛ V. «ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА» /
YOUNG SCHOLARS' SECTION267**

<i>Авсинеева Н.М. (РУДН, Москва) Методический аспект деловой переписки на французском и арабском языках</i>	<i>267</i>
<i>Боков Тимофей (ВФ СПбГУ) Сирийская пресса в 1918 – 1932 гг. по материалам работы Валида ал-Му'аллима «Сирия в 1916–1946 гг.: Путь к свободе».....</i>	<i>269</i>
<i>Герасимов Ярослав (ВФ СПбГУ) Советский Союз и Россия XX – XXI вв. в арабской художественной литературе.....</i>	<i>272</i>
<i>Гиниятуллин Руслан (ВФ СПбГУ) Особенности компьютерной и интернет-терминологии в современном арабском литературном языке</i>	<i>276</i>

<i>Жуков А.Е. (Институт Африки РАН, Москва) Россия и ЛАГ: перспективы взаимодействия по разрешению кризисной ситуации в Судане</i>	277
<i>Касьмова С.С. (ТашГИВ, Ташкент) Хамидуддин Дарири и его произведение «Мукаддимат ад-Дарири»</i>	280
<i>Коровкина А.Ю. (ВФ СПбГУ) Развитие системы образования в Бахрейне в XX веке</i>	281
<i>Кункова В.И. (ВФ СПбГУ) Арабский город в период своего торгово-экономического расцвета при Аббасидах (на примере Басры)</i>	283
<i>Победоносцева А.О. (ВФ СПбГУ и Гуманитарный факультет Стамбульского университета) Иудейские общины в этническом Курдистане (Турция, Иран, Ирак) в XIX-XX вв.</i>	285
<i>Попов В. (ВФ СПбГУ) Текущая предвыборная ситуация в Египте: новое и хорошо забытое старое</i>	287
<i>Сологуб М.С. (Факультет международных отношений, СПбГУ) Участие палестинского общества в деле мирного урегулирования арабо-израильского конфликта в XXI веке</i> . 290	
<i>Степанова А. (ВФ СПбГУ) Альхесирасская конференция и позиция России по марокканскому вопросу в начале XX века</i>	291
<i>Тихомиров В. (ВФ СПбГУ) Монеты как средство пропаганды официальной идеологии в Омейядском халифате (41/ 661 – 133/ 750 гг.)</i>	294
<i>Юлгушева А.Х. (ИВР РАН) Значение аднанитско-кахтанитского конфликта в политической истории ал-Андалуса со времени завоевания до провозглашения Омейядского эмирата (711-756 гг.)</i>	295
<i>Босая Е.М. (ВА СПбГУ) Бурса – административный, культурный и экономический центр Османской империи в XIV-XVI вв.</i>	300

РАЗДЕЛ I.
ШЕЙХ АТ-ТАНТАВИ
И РАЗВИТИЕ АРАБИСТИКИ В РОССИИ В XIX-XXI вв. /
SHAIKH AL-TANTAWI
AND DEVELOPMENT OF ARABIC STUDIES IN XIX-XXI CC

Дьяков Н.Н.
(Восточный факультет СПбГУ)
Шейх Мухаммад 'Айяад ат-Тантави¹ (1810-1861):
профессор Восточного факультета
Санкт-Петербургского университета

*Экзотическим цветком промелькнула
эта жизнь в старой России...
Академик И.Ю.Крачковский*

Востоковедение в Санкт-Петербурге и в целом в России на начальном этапе его развития в XVIII-XIX вв. было широко представлено именами выдающихся ученых своего времени – уроженцев Европы и Востока.²

¹ Полное арабское имя шейха ат-Тантави: Мухаммад ибн Са'д ибн Сулайман 'Айяад ат-Тантави. В русской традиции он известен как «Шейх Тантави» или «Шейх Мухаммед Айяд Тантави». С точки зрения арабского языка слово «шейх» не является именем и, соответственно, не должно писаться с большой буквы, однако, учитывая сложившуюся в России традицию, подобное русифицированное написание имени этого одновременно арабского и русского ученого представляется правомерным. Подобным образом ат-Тантави назван и в официальных документах XIX в., и в надписи на надгробном памятнике на Волковом кладбище, и в книге, написанной о нем акад. И.Ю.Крачковским. С другой стороны, нет никаких оснований отрицать правомерность стандартного арабистического варианта написания его имени. В связи с этим в настоящем сборнике выбор варианта написания имени ат-Тантави оставлен на усмотрение авторов статей. (*Прим. ред.*).

² В этой славной плеяде: Георг-Яков Керр (1682–1740) – профессор из Лейпцига, служивший в России с 1732 г.; Сильвестр де Саси (1758–1827), в 1818 г. избранный членом Санкт-Петербургской Академии наук; ученики последнего Франсуа Бернард Шармуа и Жан Франсуа Деманж были приглашены в Санкт-Петербург для преподавания восточных языков. В 1836 г. в Петербург переехал из Харькова и преподавал в Императорском университете Бернхард (Борис) Дорн (1805–1881) – уроженец Саксен-Кобурга, приват-доцент Лейпцигского университета. С 1807 г. в Казани, а с 1818 г. в Петербурге работал Христиан Мартин (Христиан Данилович) Френ (1782–

Большую роль в ближневосточных исследованиях того времени сыграли выходцы с Ближнего Востока, среди которых особое место, безусловно, занимал Мирза Казембек (1802-1870) – «родом персиянин, в мусульманстве – Мухаммад Али», а в христианстве – Александр Константинович, ставший первым деканом созданного в 1855 г. Факультета восточных языков (ФВЯ).

Трудно также переоценить вклад, который внес в развитие петербургской арабистики в XIX в. Мухаммад Айяад ат-Тантави (1810-1861) – замечательная фигура в истории отечественной науки и университетского образования, сыгравшая важную роль в диалоге культур народов России, Европы и мусульманского Востока в Новое время.

«Ученый шейх с берегов Нила и Невы».

Шейх Тантави родился в 1810 г. в маленькой деревушке на севере Египта, близ города Танта. В 1830-х гг. еще совсем молодым человеком он «славился в Каире как один из ученейших профессоров при тамошней Эльзагарской мечети и отличнейший знаток отечественного языка и литературы. По Европе славу о нем разнесли ученики его Френель, Вейль и др., от которых он, в свою очередь, выучился французскому»¹.

Благодаря своей широкой известности в Египте и Европе, Тантави был приглашен в 1839 г. в Россию по рекомендации профессора К. Френа и в 1840 г. начал вести курс арабского языка в Учебном отделении при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1847 г. он сменил в Санкт-Петербургском университете вышедшего в отставку О.И.Сенковского и с 1848 г. стал преподавать на кафедре арабского языка.²

1851) из университета Ростова. В 1840 г. Казанский университет закончил Вильгельм Францевич Диттель (1815–1848), преподававший в 40-е гг. и в Санкт-Петербургском университете. С 1822 г. в СПбУ преподавал выпускник Виленского университета О.И.Сенковский (барон Брамбеус). Из Финляндии в Петербург прибыли и работали там Георг Август Валлин (1811–1852) и его ученик Герман Август Чельгрэн (1822–1856).

¹ Цит. по: Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 132.

² История отечественного востоковедения до середины XIX в. / ред. Г.Ф.Ким, П.М.Шаститко. М., 1990. С. 158. С учреждением Восточного факультета в 1855 г. в Петербургский университет на должность адъюнкта арабской словесности был переведен М.Т.Навроцкий (1823–1871), вскоре сменивший заболевшего Тантави. Как и другие преподаватели, шейх Тантави давал в своих лекциях по языку и литературе немало сведений и по исто-

В августе 1840 г. в «С.-Петербургских ведомостях» вышла статья ученика О.И.Сенковского, нумизмата и археолога П.С.Савельева, где он описывал Шейха Тантави: «...красивый мужчина в восточном костюме, в белой чалме, с черной как смоль бородою, с живыми полными огня глазами и умным выражением лица, загорелого... не на нашем бледном солнце севера... выступающий гордой поступью по плитам светлой стороны Невского проспекта...»¹.

К сожалению, уже в первые годы основания ФВЯ Тантави был безнадежно болен. По официальным документам, с 1855 г. он «страдал параличом нижних конечностей...». Ученый медленно угасал: его последняя статья была датирована 28 марта 1855 г. Последний раз профессор М.А.Тантави присутствовал на заседании только что открытого факультета 10 сентября 1855 г., но еще шесть лет до 29 (?) октября 1861 г. вел тяжелую борьбу с болезнью, которая кончилась гангреной...².

Спустя два десятка лет на «татарском» кладбище у Волковой деревни появилась могила с памятником, на котором была надпись на двух языках – арабском и русском. Русский текст гласил: «Ординарный профессор С.-Петербургского университета статский советник Шейх Мухаммед Айяд Тантави. Скончался 27 октября 1861 г. на 50-м году жизни».

Жизнь и творчество Шейха ат-Тантави первым тщательно исследовал выдающийся отечественный востоковед академик И.Ю.Крачковский. В университетской библиотеке «у светлоясеневых шкафов, – вспоминал И.Ю.Крачковский, – я впервые ощутил настоящего Тантави, я узнал, что наполняло его жизнь и в Каире, и в Петербурге, над исписанными им страницами я понял, может быть, никому неведомую, кроме этих листов, тяжелую трагедию последних лет его существования...»³.

Важный этап в знакомстве И.Ю.Крачковского с наследием Тантави открылся, когда «с пробуждением интереса к своей старине, про Тантави стали вспоминать его земляки. Заметки о нем начали с 1924 г. появляться в Известиях Арабской академии в Дамаске и в каирских журналах. «Я видел, – писал И.Ю.Крачковский, – что родина Тантави далеко не располагает тем материалом, который накопился у меня, и с радо

рии арабского Востока и Османской империи [Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. С. 243–245].

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. (2 изд.) М.–Л., 1946. С. 100.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 132.

³ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 101.

стью принял участие в арабской прессе, оживляя образ, одинаково близкий и для нас, и для арабов»... «И Европа начинала интересоваться оригинальным петербургским профессором. Редактор оправившегося после мировой войны известного международного издания «Энциклопедия ислама» в 1924 г. попросил меня дать статью о Тантави. Суммируя результаты почти 10-летней работы, я отчетливо почувствовал веление какого-то внутреннего голоса, который настоятельно внушал, что теперь я должен написать о Тантави книгу...»¹.

Коллекция рукописей ат-Тантави в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ насчитывает в целом более 300 единиц.² В университетскую библиотеку, писал И.Ю.Крачковский, перешла коллекция Тантави из «около полутораста томов...». Среди них попадались «никому неведомые сочинения самого Тантави, начиная с юношеских лет, переписанные им сочинения других авторов, рукописи с его пометками, поправками и приписками... Постепенно, шаг за шагом, обрисовывался «круг» учения и чтения современников Тантави, его собственные интересы, далеко выходящие за пределы этого «круга», его первоначальные, робкие еще попытки сбора материалов, отвечающих на запросы европейских учеников и друзей... Одни рукописи он приобретал еще питомцем, а затем и преподавателем аль-Азхары... над другими проводил невольный досуг в длительном карантине Смирны или Стамбула во время путешествия в Россию, третьи перенесли его на родину с далекой чужбины, где он кончил свою жизнь...»³.

Среди рукописей Тантави – классические сочинения по богословию, таухиду и хадисам, по истории пророков и святынь, мистицизму/суфизму, медицине и космологии, этике и стилистике (среди авторов – классики средневековой арабской культуры: Ибн Араби, Ибн Кутайба, ал-Бусири, аш-Шаарани, аш-Шурунбабили, ал-Йамани, ат-Тарабулуси) и, конечно, по языкознанию, в т.ч. по египетскому диалекту арабского языка (ал-Ансари, ал-Магриби, ал-Фаси и др.).

¹ Там же, с. 103.

² Коллекция шейха Тантави – важная часть общего собрания арабских рукописей, превышающего тысячу наименований и объединяющего также поступавшие в разное время коллекции известных востоковедов, дипломатов, политиков XIX в., в т.ч. И.Диттеля, И.Ф.Готвальда, И.Н.Березина (1818–1896), А.О.Мухлинского (1808–1877), М.Т.Навроцкого, Н.И.Веселовского, В.Ф.Гиргаса (1835–1887), И.Ю.Крачковского (1883–1951), генерала Богуславского, министра народного просвещения Глазова, министра иностранных дел Франции Леона Гамбетта (1838–1882) и др.

³ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 103.

Именно рукописи помогли И.Ю.Крачковскому узнать и эпилог жизни Тантави. В конце «работы над Тантави» Крачковский получил в университетской библиотеке ворох листов, судя по всему, заметок больного Тантави, материалов по риторике, лексике, грамматике, пословиц на египетском диалекте и т.п. «Перо или калам не слушались его; большая рука старалась выводить арабскую или русскую букву, «но вместо этого вдруг судорожно дергалась и какая-то фантастическая изломанная черта пробегала чуть не по всей странице...»¹.

Описание России – важный раздел творчества Тантави. К сожалению, значительная часть этого уникального материала относится уже к периоду жизни, отмеченному болезнью ученого. Среди обнаруженных И.Ю.Крачковским записей Тантави – оды, заметки и хронограммы, посвященные официальным церемониям и жизни царской семьи: ода в честь Николая I и Александры (1852); хронограмма 25-летия коронавания императора Николая I (1851) и хронограмма на кончину Николая I (1855); хронограмма восшествия на престол императора Александра II (1855) и т.п.

В 1924 г. И.Ю.Крачковский наткнулся в одном востоковедческом журнале на очередной список арабских рукописей в стамбульских библиотеках, опубликованный неким немецким арабистом, работавшим учителем в Стамбуле. Наряду с другими памятниками, хранившимися в мечети Риза-паши в Румели Хисар, там имелся автограф 1266/1850 г. сочинения «Подарок смышленным с сообщениями про страну Россию Шейха Мухаммада Айяда ат-Тантави», посвященного султану Абд ал-Маджиду.²

Это было «лучшее сочинение Шейха, – утверждал И.Ю.Крачковский, – очень близкое нам, живо отражающее его наблюдательную, отзывчивую ко всем явлениям натуру, его острый взгляд, тонкий, добродушный юмор». В своем сочинении Шейх обстоятельно описывал путешествие из Каира в Петербург, вспоминая и поездку на родину в 1844 г., подробно говорил о своих впечатлениях о России и русских за десятилетнее пребывание здесь, о поездках на каникулах в Прибалтику и в Финляндию. Для земляков он детально излагал историю России в новое

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 106.

² Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 103. В 1927 г. Крачковский получил копию стамбульской рукописи, которая, по его словам, была, видимо, снята турком, плохо знавшим арабский язык и не всегда удачно разбиравшим оригинал, особенно в «мудреных русских названиях». (В настоящее время эта «стамбульская» рукопись хранится в РНБ в Петербурге, Кр.49).

время и рисовал топографию Петербурга в его эпоху. Все это сопровождалось «живыми и яркими черточками, которые и теперь бесценны для нас...»

Осенью 1928 г. И.Ю.Крачковский получил от одного из своих учеников – А.Я.Борисова, скончавшегося в 1942 г. в блокадном Ленинграде, рукопись в картонном переплете, приобретенную у букиниста на Литейном (пр. Володарского). Знакомый почерк указывал на выполненный в конце 1840-х гг. автограф того же сочинения Тантави, известного у нас как «Описание России» – явно черновой автограф с массой собственноручных поправок и дополнений автора.¹

Крачковский отмечал, что неизвестное ранее путешествие египетского Шейха Тантави в Россию, написанное около 1850 г., может занять особое место среди сказаний иностранцев о государстве Российском, «наряду с бытовыми подробностями, оно богато материалом для исторической топографии Петербурга»². Сочинение содержит общие сведения по географии и истории России, однако не меньшего внимания заслуживают личные культурологические наблюдения и заметки ученого, касающиеся повседневной жизни, религии, обычаев и нравов русских в середине XIX в.

Книга И.Ю.Крачковского, посвященная М.А.ат-Тантави, увидела свет в начале 1930 г.³, но «не всем почему-то понравилась...», правда, автора утешало, что «арабисты и арабы, а особенно земляки Шейха, ее оценили и нашли для нее теплое слово»⁴.

Ни французские работы Тантави, «главным образом, по критике текста или по родному египетскому диалекту – первые в своем роде, ни его арабские сочинения, оставшиеся в рукописи, не получили скольконибудь широкой известности у нас. От родины его быстро отрезала и Крымская война, и неизлечимая болезнь; земляки про него забыли. Даже лучшее его литературное произведение – «Описание России» – осталось им не известным. И историк Университета [В.В.]Григорьев и позже историк [Восточного] факультета [академик В.В.]Бартольд были

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 104. Рукопись, судя по инициалам I.N., вероятно, принадлежала Иринею Нофалю – уроженцу Триполи, преемнику Тантави по преподаванию в Учебном отделении восточных языков МИД. (В настоящее время эта рукопись-автограф хранится в РНБ СПб., Кр.47).

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 235.

³ Крачковский И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810-1861). Л., 1929; переиздана в Избр. соч. Т.5. М.–Л., 1958, С. 229–299.

⁴ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 106.

правы, когда говорили, что “преподавание знаменитого Шейха не оставило никаких следов в России: из него могли извлекать пользу не такого рода слушатели, каких встречал он у нас”. Но для лиц, хорошо подготовленных, с самостоятельными запросами, он был незаменимым наставником и быстро становился верным другом. Славу его принесли в Европу французские, немецкие и английские ученики из Египта; попав в Петербург, он привлек молодых ориенталистов из Гельсингфорса, как Френ и Сенковский привлекали из Москвы и Вильны». ¹ Его имя «осталось связанным навсегда с крупнейшим путешественником по Аравии Г.А.Валлином (1811-1852), а также учеником Валлина финским доцентом санскрита Абрагамом Германом Августом Чельгреном (1822-1856).» ²

Другом Тантави был И.Ф.Готвальд (1813-1897) – уроженец Ратибора (Силезия), выпускник Бреславльского университета (1836), сменивший Казембека на кафедре арабского и персидского языка в Казани (1849). Преподававший в Дерпте «все семитские», а также персидский язык И.Х.Фольк (J.Chr.M. Volck, 1835-1898?) на основе материалов Чельгрена, которому помогал Тантави, издал в 1866 г. в Лейпциге известное арабское грамматическое стихотворение Ибн Малика ³.

«В науке имя Шейха Тантави не должно затеряться: если теперь мы не можем принять без оговорок даже вывод Григорьева о том, что его преподавание не оставило следов в России, вспоминая про роль Тантави в финском востоковедении, – подчеркивал И.Ю.Крачковский, – то неопределимой его заслугой перед второй родиной является тщательно и любовно составленное собрание восточных рукописей, которое перешло в библиотеку С.-Петербургского университета». ⁴

«Рукописи открыли мне все картины этой житейской драмы, которая началась в маленькой египетской деревушке, развернулась в центрах арабской науки Танте и Каире, перешла в столицу России С.-Петербург и запечатлена могильной плитой на Волковом кладбище...». ⁵

Многим современникам, а также потомкам облик египетского

¹ Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т.5, С. 82–83.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 116. Во время своего путешествия по арабским странам в середине 1840–х гг. Г.-А.Валлин встретился с Шейхом Тантави, а также с петербургскими профессорами В.Ф.Дителем и И.Н.Березиным [Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературы. С. 138].

³ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 175.

⁴ Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, профессор Санкт-Петербургского университета (1810–1861) // Избр. соч. Т.5, С. 278.

⁵ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 106.

шейха-профессора Санкт-Петербургского университета стал знаком по литографированному портрету конца 1853 г., выполненного рукой известного художника Мартынова и помещенного в «Альбом деятелей современной науки»: на восточном одеянии Шейха оригинально смотрелся орден Анны на шее. Сам ученый добродушно посмеивался над этим в своем двестишии:

«Поистине я видел чудо в Петербурге:

Там Шейх из мусульман прижимает к груди своей Анну...»¹.

Надгробный памятник Шейху Тантави на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге: эпитафия на русском языке. (Фото А.Победоносцевой).

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. С. 101.

**Надгробный памятник Шейху Тантави на Волковом кладбище:
эпитафия на арабском языке:**

هذا مرقد الشيخ العالم محمد عياد الطنطاوي كان مدرس العربية في المدرسة الكبيرة
اليمبراطرية بطبرسبورغ المحروسة وتوفى في شهر جمادى الثاني سنة ١٢٧٨ من
الهجرة عن خمسين سنة

Мои́ла Шейха Тантави на Волковом кладбище в С.-Петербурге.
(Фото А.Победоносцевой).

Долинина А.А.
(Восточный факультет СПбГУ)
«Автобиография» Шейха Тантави

*Я видел здесь чудо чудное,
Дивиться не перестану,
Как шейх-мусульманин прилюдно
К груди прижимает Анну.*

Экспромт Тантави по поводу
награждения его орденом Св.Анны
(Перевод А.А.Долининой)

«Автобиография» Шейха Мухаммеда ‘Айяда Тантави представляет несомненный интерес не только как источник для частной биографии египетского ученого, профессора Санкт-Петербургского университета, охватывающий дороссийский период его жизни, но имеет и более общее историко-культурное значение. По оценке И.Ю.Крачковского, «она очень хорошо рисует среду и круг интересов арабских ученых в первой половине XIX в., в пору господства традиционного направления, но уже на заре новой арабской литературы»¹, а современник Тантави историк-востоковед В.В.Григорьев назвал ее «самым любопытным произведением ученого шейха»². Как явствует из ее текста, написана «Автобиография» была вскоре после приезда Тантави в Петербург, то есть в конце лета или осенью 1840 г., очевидно, в качестве *curriculum vitae* для Х.Д.Френа³, тогдашнего главы петербургской арабистики. Листок с кратким черновым наброском «Автобиографии» сохранился в архиве Тантави. Впоследствии она была дополнена автором,⁴ и копия дополненного варианта была предоставлена Френом немецкому ученому Й.Козегартену,⁵ который опубликовал арабский текст «Автобиографии»

¹ Крачковский И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810-1861). Л., 1929. С. 3–4.

² Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 253.

³ Френ Х.Д. (1772–1851) – семитолог, арабист, основатель Азиатского музея при Академии наук в Петербурге (1818). См. о нем: И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Избр. соч. Т.V. М.–Л., 1958. С. 55–57, 70–77.

⁴ Крачковский И.Ю. Шейх Тантави. С. 70.

⁵ И.Ю. Крачковский полагает (Ук. соч., С. 70), что повышение интереса европейских арабистов к жизни и трудам М.А. Тантави вызвано появлением в 1848 г. его работы «Traité de la langue arabe vulgaire» (Leipsic, 1848/1264).

с немецким переводом в «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» в 1850 г. (Bd.VII, S.43-63, 197-200).

В 1929 г. И.Ю.Крачковский опубликовал известную монографию о Шейхе Тантави и в приложении к ней поместил полный арабский текст «Автобиографии» (с.89-93), предназначая его в первую очередь арабским читателям, для которых издание Козегартена оставалось недоступным¹, не говоря уж о том, что в своем издании Крачковский мог использовать и краткий вариант, сохранившийся в рукописи Тантави и имеющий определенные различия с текстом, опубликованным Козегартеном. В своей книге И.Ю. Крачковский использовал наиболее существенные факты, изложенные в «Автобиографии», привел много цитат из нее и, вероятно, поэтому счел излишним приложить к монографии полный русский перевод; тем более что один европейский перевод уже существовал (я имею в виду упомянутый выше перевод Козегартена).

Однако времена изменились: вышедший более чем полтора века назад журнал стал библиографической редкостью, да и немецкий язык утратил свою популярность среди востоковедов. Кстати, и первому изданию монографии Крачковского уже более 80 лет, а в т.V его «Избранных сочинений» она перепечатана без приложений, то есть арабский текст «Автобиографии» Тантави в нем отсутствует.

Эти обстоятельства побудили меня подготовить русский перевод «Автобиографии» Шейха Тантави по тексту, опубликованному в 1929 г. И.Ю.Крачковским, раскрыв в примечаниях названия и авторов в сокращенном виде упоминаемых шейхом арабских сочинений, которые изучаются в ал-Азхаре. В идентификации этих руководств и пособий я основываюсь на комментариях И.Ф.Готвальда, ценность которых в свое время подчеркивал И.Ю.Крачковский. Но если Крачковский, не повторяя их, отсылал читателя к публикации И.Ф.Готвальда², считая такое повторение излишним, то в настоящее время оно необходимо по тем же причинам, что побудили меня к переводу: малодоступный немецкий журнал и немецкий язык, которым пользовался комментатор. Расшифровка названий азхарских учебных руководств, список которых был получен из первых рук, дает первоклассный материал для истории мусульманского образования.

¹ Крачковский И.Ю. Шейх Тантави. С. 89.

² Aus einem Briefe des Bibliothekar Dr. Gottwaldt // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1850, IV, S. 243–248.

Готвальд И.Ф. (1813–1887) – русский арабист, сотрудник Публичной библиотеки в С.-Петербурге, друг М. А. Тантави. В 1848 г. переехал в Казань, заняв там Кафедру арабского и персидского языков.

Не менее интересны приводимые мною вслед за И.Ю.Крачковским арабские примечания самого Тантави, сделанные им по просьбе Й.Козегартена: они не только разъясняют некоторые реалии, непонятные первому переводчику «Автобиографии», но и дают представление о воззрениях Тантави на задачи науки, лишней раз доказывая, что он не был простым начетчиком, каких нередко можно было встретить среди мусульманских шейхов, претендующих на ученость, а человеком мыслящим, стремящимся постичь истинную суть вещей.

Предполагая, что «Автобиография» шейха Тантави может заинтересовать не только арабистов, я позволила себе добавить еще несколько примечаний, которые специалисту могут показаться избыточными.

АВТОБИОГРАФИЯ

Высококочтому господину Френу сообщает ничтожный Мухаммед ибн Са'д ибн Сулейман 'Аййад ат-Тантави. Сулейман – это имя моего деда, 'Аййад – фамильное имя моей семьи. Я – Мухаммед 'Аййад, отец мой – Са'д 'Аййад, дед – Сулеман 'Аййад и т.д. Фамилия «'Аййад» относится не [только] к имени Сулейман, но и к моему имени, равно как «ат-Тантави». Моих отца и деда называли также «ал-Мархуми» по их родному городу Махаллат Мархум, покинув который они поселились в Танте. Написание «Танта» отражает употребление этого названия в обиходной речи, а в книгах оно пишется «Тандта» и *нисба*¹ от него будет «Тандитайи».

Я родился в деревне Ниджрид, расположенной недалеко от Танты, в 1225 году². Дело в том, что мой отец все свои дни проводил, по выражению ал-Харири³, «между остановкой и поездкой», потому что он был купцом, торговавшим тканями, кофе, мылом и другими подобного рода товарами; он закупал их большими партиями и распределял по [мелким] торговцам. У него было три дома: в Танте, в Ниджриде и в ас-Сафийи. Я родился в Ниджриде, а матушка моя родом из ас-Сафийи; отец же про-

¹ *Нисба* – именование человека по месту его рождения или по племени, из которого он происходит.

² Шейх Тантави здесь и в дальнейшем указывает даты по мусульманскому летоисчислению – *хиджре*. 1225 г. *хиджры* соответствует 1810 г.

³ Ал-Харири (Абу Мухаммад ал-Касим ал-Харири, 1054–1122) – знаменитый арабский литератор, прославившийся своими «Макамами» – сборником плутовских и назидательных новелл в изысканной рифмованной прозе, героями которых являются странствующий купец ал-Харис ибн Хаммам и хитроумный бродяга Абу Зайд.

исходил из Махаллат Мархум, [когда-то] крупного города по соседству с Тантой. Лет восемьдесят назад этот город был богаче Танты, и жителей в нем было больше. Потом, когда [паша Египта] ‘Али Бек¹ построил в Танте соборную мечеть [святого] господина нашего ал-Бадави, а вокруг нее – *кайсарийю*, то есть крытый рынок, и купеческие лавки, Махаллат Мархум стал постепенно приходить в упадок и запустение, так что от него почти ничего не осталось; дома в нем, лавки и бани разрушились, в то время как Танта стала разрастаться и процветать вплоть до наших дней. А причина ее обогащения в том, что господин наш ал-Бадави – один из четырех знаменитых людей, чьи могилы находятся там. В его честь устраиваются два праздника, большой и малый, и на каждый из них приезжают люди из Каира и Верхнего Египта, покупают и продают. В Танте живут ученые, *факихи*², чтецы Корана. Обучение чтению Корана там поставлено лучше, чем в Каире, в противоположность обучению наукам. Об этом говорится в пословице: «Нет Корана, кроме Ахмедовского, нет науки, кроме Азхарской. [Название] «Ахмедовский» восходит к мечети господина нашего Ахмеда ал-Бадави, а «Азхарский» – к ал-Азхару³.

Мои родители отправились в Хиджаз⁴, когда мне было около четырех лет. Они оставили меня в ас-Сафийи у материнской родни. Затем, когда подрос, я переехал в Танту, в наш тамошний дом, и стал ходить в школу, а было мне тогда около шести лет. Я дважды учил Коран наизусть, впервые и повторно, как это делается обычно. Выучив Коран, я продолжал занятия в школе, учил наизусть многие тексты, как например, «ал-Манхадж фи ‘илм ал-фикх»⁵, а он по размеру как Коран, и, на-

¹ ‘Али бек – Мухаммад ‘Али (1769–1849), правитель Египта в 1805–1849 гг., содействовавший развитию промышленности, строительства, военного дела и культуры.

² *Факих* – знаток мусульманского права.

³ Ал-Азхар – крупнейший мусульманский университет Египта. Находится в Каире.

⁴ Хиджаз – область на юго-западе Аравии, на территории которой находятся священные города Мекка и Медина. Надо полагать, имеется в виду, что родители Мухаммада ‘Айяда отправились в паломничество. См.: Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, С. 12.

⁵ «Ал-Манхадж» – «Манхадж ат-туллаб фи-л-фикх» («Путь изучающих фикх») Закарийи ибн Мухаммада ал-Ансари (1422–1520 гг.). Пособие с комментариями по законоведению шафи‘итского толка.

пример, «Алфийю Ибн Малика»¹ по грамматике и т.п.

Потом, когда мне исполнилось десять лет, я приступил к изучению науки: под руководством покойного шейха Мухаммеда ал-Куми в течение года я изучал комментарий Ибн Касима к *фикху*, затем, на втором году, изучал [его же] повторно у Аби-н-Наджа², известного ученого и писателя, затем, на третьем году, изучал у него комментарий ал-Хатиба к *фикху*. При этом я не только занимался, но и много времени тратил на игры. Грамматику я [в Танте] не изучал, прошел только три урока перед отъездом [из Танта], так как грамматика там преподавалась слабо. Затем, в конце третьего года обучения, в 1238 г.³ – а было мне тогда тринадцать лет, я поехал с дядей, братом отца, в Каир, потом к нам присоединился мой отец. Так мы покинули Танту, но я приезжал туда на *маулид*⁴, и мне случилось вести там преподавание по книге «‘Илм ал-маджаз»⁵ и по книге «Маулид ан-Наби»⁶ – так я отдал Танте свой долг.

¹ «Ал-Алфиййа» («Тысячница») Джамал ад-Дина Мухаммеда ибн ‘Абдаллаха ибн Малика (1203–1273 гг.) – учебная грамматика арабского языка, уложенная в тысячу стихотворных строк.

² Абу-н-Наджа – о нем см.: Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, С. 13. Названия комментариев, изучавшихся Тантави под его руководством, идентифицировать не удалось.

³ 1238 г.х. – от 18.09.1822 до 9.08.1823 г. н.э.

⁴ *Маулид* (букв. «время рождения», «место рождения») – праздник дня рождения или смерти («рождения в вечную жизнь») святого. В этот день люди обычно совершают паломничество к месту его погребения; такие паломничества часто становятся массовыми народными праздниками.

Комментарий Тантави: В Танте существует три *маулида* в честь великого святого, похороненного там, господина нашего Ахмада ал-Бадави, одного из четырех знаменитых людей [Танты]. Второй [из них] – господин наш Ибрахим ад-Дасуки, третий – господин наш Ахмад ар-Рифа‘и, четвертый – господин наш ‘Абд ал-Кадир ал-Килани. Первый – большой *маулид*, второй – малый, на них съезжаются купцы с товарами из Каира и других городов и остаются на неделю; затем *маулид* в месяц *раджаб*, когда люди приезжают только поклониться святым местам. Во время моего пребывания в Танте и ас-Сафийе я преподавал: читал и толковал некоторые книги своим ученикам.

⁵ «‘Илм ал-маджаз» («Наука об иносказательности») – комментарий ‘Исам ад-Дина на сочинение Абу-л-Касима ас-Самарканди (XIII в.) об иносказательных выражениях.

⁶ «Маулид ан-Наби» («Праздник в честь Пророка») – в арабской литературе существует целый ряд сочинений с таким названием. Можно предпо-

Я преподавал также и в ас-Сафийе, когда наезжал туда, но это были малозначимые книги по *фикху* и *тахиду*,¹ [ныне] забытые.

Пребывание в Каире было для меня счастьем. Здесь я изучал грамматику, *фикх* и другие науки. Нет сомнения, что три года учебы в Танте, хоть и проходили пополам с игрой, принесли мне пользу, и я стал разбираться, особенно в грамматике и других науках, больше, чем в *фикхе*. Я изучил «ал-Аджуррумийю»² и комментарий шейха Халида³, комментарий к «Катр»⁴, комментарий Ибн ‘Акила к «ал-Алфийе» и комментарий к ней же ал-Ушмуни⁵, краткий комментарий Ибн Са‘да на [сочинение] «‘Илм ал-ма‘ани ва-л-байан ва-л-бади’»⁶, а также расширенный комментарий; комментарий на «Джам‘ ал-джавами‘ фи ‘илм усул ал-фикх»⁷, комментарий на «ал-Варакат»⁸ о том же, «ал-Мугни»¹, коммен-

ложить, что здесь имеется в виду книга известного писателя-энциклопедиста Ибн ал-Джаузи (1116–1200).

¹ *Фикх* – юриспруденция, мусульманское право в широком смысле; *тахид* – учение о единобожии, мусульманская теология.

² «Ал-Аджуррумийя» – краткая элементарная грамматика арабского языка Абу ‘Абдаллаха Мухаммада ибн Дауда ас-Санхаджи ибн Аджуррума (ум. в 1323 г.), очень распространенное учебное пособие.

³ Комментарий шейха Халида – имеется в виду его комментарий на ал-Аджуррумийю (см. прим. 2).

⁴ Комментарий на «Катр» – комментарий ‘Абдаллаха ибн Хишама (1308–1360 гг.) на его же собственное сочинение «Катр ан-нада ва балл ас-сада» («Капли утренней росы и утоление жажды»).

⁵ Ибн ‘Акил (1294–1367) и ‘Али ибн Мухаммад ал-Ушмуни (ум. в 1494 г.) – авторы комментариев на популярное грамматическое сочинение Ибн Малика «ал-Алфийя» (см. прим. 6 к с.25).

⁶ Краткий комментарий Ибн Са‘да на «‘Илм ал-ма‘ани ва-л-байан ва-л-бади’» – имеется в виду краткий комментарий Ибн Са‘да ат-Тафтазани (1322–1389) на известное сочинение по риторике «Талхис ал-Мифтах» («Краткое изложение «Ключа») Джалал ад-Дина ал-Казвини (ум. в 1338 г.), которое, в свою очередь, представляет собой краткое изложение ч.III филологического сочинения Сирадж ад-Дина ас-Саккаки (1160–1229) «Мифтах ал-‘улум» («Ключ к наукам»).

⁷ Комментарий на «Джам‘ ал-джавами‘ фи ‘илм усул ал-фикх» («Соединение всеобъемлющих в науке об основах фикха») – комментарий Джалал ад-Дина ал-Махалли (ум. в 1460 г.) на фундаментальное юридическое сочинение ас-Субки (1327–1370)

⁸ Комментарий на «ал-Варакат» – комментарий того же Джалал ад-Дина ал-Махалли на сочинение об основах фикха «ал-Варакат» («Листы») ‘Абд ал-Малика ал-Джувайни (1018–1085)

тарий на «ат-Тахрир фи-л-фикх»², комментарий на «ал-Манхадж»³ о том же, комментарий ал-Махалли на «ал-Минхадж»⁴ о том же, один из комментариев на «ал-Бахджа»⁵ о том же, краткий комментарий ас-Сануси на «ал-Мантик»⁶, комментарий ал-Ахдари на «ас-Суллам»⁷ о том же, комментарий на «Исагуджи» о том же⁸, комментарий на «ас-Самаркандию фи ‘илм ал-маджаз»⁹, комментарий на «ас-Санусию фи ‘илм ат-таухид»¹⁰, комментарий на «ал-Джаухара»¹¹ о том же и т.д. Большая часть моих занятий проходила под руководством шейха Ибрахима ал-Баджури, а он, бесспорно, самый ученый из профессоров ал-

¹ «Ал-Мугни» – «Мугни-л-лабиб ‘ан кутуб ал-ариб» («Избавляющий смышленного от [прочих] умных книг») – филологическое сочинение ‘Абдаллаха ибн Хишама (ср. прим. 4 к с.27).

² Комментарий на «Таджвид фи-л-фикх» («Изложение [основ] фикха») – комментарий Закарийи ал-Ансари на его же собственное сочинение (ср. прим. 5 к с.25).

³ См.: прим. 5 к с.25.

⁴ Комментарий на «ал-Минхадж» – комментарий ал-Махалли (ср. прим. 7, 8 к с.27) на сочинение Йахьи ан-Навави (1233–1278) «Минхадж ат-талибин» («Путь стремящихся [к знанию]»).

⁵ Комментарий на «ал-Бахджа» – «ал-Гурар ал-бахийа фи шарх ал-бахджа ал-вардийа» («Сверкание звезды в комментарии на «Красоту роз») – комментарий Закарийи ал-Ансари (ср. прим. 5 к с.25) на стихотворное переложение ‘Абд ал-Гаффара ал-Казвини (ум. в 1226 г.) «ал-Хави ас-сагир» («Малый сборник») по *фикху*.

⁶ «Шарх мухтасар ас-Сануси фи-л-мантик» («Комментарий на краткое [сочинение] ас-Сануси по логике») – сочинение по логике с кратким комментарием Мухаммада ибн Йусуфа ас-Сануси (ум. в 1486 г.).

⁷ «Шарх ал-Ахдари ‘ала-с-Суллам» («Комментарий ал-Ахдари на «Лестницу») – авторский комментарий на сочинение «ас-Суллам ал-мураунак фи-л-мантик» («Сияющая лестница, [ведущая] к логике») ас-Садра ибн ‘Абд ар-Рахмана ал-Ахдари (ум. в 1534 г.).

⁸ «Шарх Исагуджи» – комментарий Закарийи ал-Ансари (ср. прим. 5 к с.25) на «Введение в категории Аристотеля» греческого философа Порфирия Финикийского (232–ок. 304 гг.), которое в Средние века считалось основным пособием по логике.

⁹ См.: прим. 5 к с.26.

¹⁰ «Шарх ас-Санусийа» – авторский комментарий на сочинение Мухаммада Йусуфа ас-Сануси (ср. выше, прим. 6) «‘Акидат ахл ат-таухид ас-сугра» («Сжатое изложение [воззрений] людей единобожия»).

¹¹ «Шарх ал-Джаухара» – комментарий на «Джаухарат ат-таухид» («Драгоценный камень единобожия») Ибрахима ал-Лакани (ум. в 1631 г.), составленный его сыном Абд ас-Саламом ал-Лакани.

Азхара в наше время.¹

На пятом году моего пребывания в Каире скончался мой отец, который находился в это время в Танте. По этой причине я пребывал в мрачном настроении около двух лет. В это время я [уже] начал преподавание в ал-Азхаре. Первым предметом, который я стал преподавать, была арабская метрика (*ал-‘аруд*), при этом я сам [тогда] посещал лекции [по этому предмету]. Затем я вел занятия по грамматике и другим наукам. Я неоднократно читал [с учениками] комментарий шейха Халида, «ал-Азхарийю»², «Катр»³ и «Шузур»⁴, потом комментарий Ибн ‘Акила⁵, потом «ал-Мугни»⁶, и было это в прошлом году.

Читал я [с ними] комментарий ал-Муллави «на [сочинение] по риторике»⁷ и его же комментарий на [сочинение] по логике⁸. И читал [с ними] «Тафсир ал-Джалалайн»⁹, читал «аш-Шифа»¹⁰, и это было последнее, что я читал в ал-Азхаре, закончив его за четыре дня до отъезда.

¹ Ибрахим ал-Баджури (1783–1861) – автор многих комментариев и глосс на сочинения по догматике, праву, грамматике, логике; в 1847–1861 гг. – ректор ал-Азхара. См.: Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, с.14–15.

² «Ал-Азхариййа» («Азхарская») – комментарий шейха Халида на «ал-Аджуррумийю» (см. прим. 2 и 3 к с.27).

³ См. прим. 4 к с.27.

⁴ «Аш-Шузур» – «Шузур аз-захаб» («Золотые крупинки») Джамал ад-Дина Абу Мухаммада Ибн Хишама (1308–1360) – грамматический трактат с комментарием.

⁵ См. прим. 5 к с. 27.

⁶ «Ал-Мугни» – «Ал-Мугни фи ‘илм ан-нахв» («Достаточное [сочинение] по грамматике») Ахмада ибн ал-Хасана ал-Джарабарди (ум. в 1345 г.) в значительной своей части – повторение краткого грамматического трактата «ал-Унмузадж» («Образец») Абу-л-Касима Махмуда ибн ‘Омара аз-Замахшари (1074–1143).

⁷ «Шарх ал-Муллави фи-л-маджаз» – комментарий ал-Муллави на сочинение Мухаммада ибн Ашрафа ас-Самарканди (ум. в 1291 г.) «Китаб адаб ал-бахс» («Книга о правилах ведения диалога»).

⁸ «Шарх ал-Муллави фи-л-мантик» – комментарий га сочинение ‘Абд ар-Рахмана ал-Ахдари «ас-Суллам» (см. прим. 7 к с. 28).

⁹ «Тафсир ал-Джалалайн» («Толкование двух Джалалей») – очень популярный в мусульманском мире комментарий на Коран, начатый Джалал ад-Дином ал-Махалли (1389–1459) и законченный в 1465 г. его учеником Джалал ад-Дином ас-Суйути (1445–1535).

¹⁰ «Аш-Шифа» – сочинение ‘Ийада ас-Сабти ал-Малики (1088–1149) о жизни пророка Мухаммада «аш-Шифа фи та’риф хукук ал-Мустафа» («Надежное средство для ознакомления с заслугами Избранного»).

Читал я в ал-Азхаре [также] Харириевские *макамы*¹ и комментарий аз-Заузени к *му‘аллакам*², и я не знаю никого, кто читал бы это в ал-Азхаре до меня. Читал я [касыды] «ал-Бурда»³, «Банат Су‘ад»⁴, «ат-Тухфат фил-хисаб»⁵ и комментарий ас-Са‘да на «ал-‘Иззи фи-с-сарф»⁶, затем составил к этому тексту полезную глоссу и прочел этот текст вторично с моим толкованием; читал грамматическое сочинение «Ламийят ал-аф‘ал»⁷ и бесчисленное число маленьких полезных трактатов. При этом мне не пришлось преподавать *фикх*, потому что я был очень занят добыванием средств к пропитанию; из-за этого многие в ал-Азхаре полагали, что я не знаю *фикха*, и были правы, ибо, перестав им заниматься, я растерял свои знания в этой области. С того момента, как умер мой отец, разумеется, я перестал заниматься умственной работой, и время мое проходило впустую. [Это продолжалось] около двух лет.

Затем все вернулось на свое место, и судьба привела меня к удаче. Я стал водить знакомство с европейцами, жившими в Каире, и первым, с кем я подружился, был господин Френель⁸. В его природе была заложена любовь к арабскому языку, и он постоянно побуждал меня к занятиям. Теперь он [французский] консул в Джедде. Благодаря ему я окреп в литературных науках, потому что читал с ним много книг [в этой об-

¹ См. прим. 3 на с. 24.

² Комментарий аз-Заузени к *му‘аллакам* – комментарий филолога ал-Хусайна ибн ‘Али ибн Ахмада аз-Заузени (ум. в 1093 г.) к сборнику самых знаменитых поэм («*му‘аллак*») доисламского времени (конец V – нач. VII вв.).

³ «Ал-Бурда» – «Касыда плаща» Мухаммада ибн Са‘ида ал-Бусири (1211–1294), поэма, восхваляющая пророка Мухаммада, написанная в подражание «Касыде плаща» Ка‘ба ибн Зухейра (см. прим. 4).

⁴ «Банат Су‘ад» («Рассталась [со мной] Су‘ад») – начало знаменитой поэмы Ка‘ба ибн Зухейра (VII в.), восхваляющей пророка Мухаммада, которому она так понравилась, что он подарил поэту собственный плащ, за что она и получила название «Касыда плаща» («Касидат ал-бурда»).

⁵ «Ат-Тухфа фи-л-хисаб» («Подарок в счете») – пособие по арифметике Шихаб ад-Дина ал-Хайма ал-Фаради (ум. в 1512 г.).

⁶ «Шарх ас-Са‘д ‘ала-л-‘Иззи фи-с-сарф» – комментарий ас-Са‘да ат-Тафазани (1322–1389) на сочинение по морфологии.

⁷ «Ламийят ал-аф‘ал» («Глагольная ламийя») – грамматическое сочинение в виде длинного стихотворения с рифмой на «лам» Ибн Малика (см. прим. 1 к с. 26).

⁸ Френель (Fresnel F., 1795–1855) – французский ориенталист, автор «Писем об истории арабов до ислама» («Lettres sur l’histoire des Arabes avant l’Islamisme»).

ласти]. Он из тех, кому свойственны точность и утонченность [понимания], у него свежий взгляд на вещи и прекрасные мысли.¹ Он написал работы о тех сочинениях, что мы с ним читали, как например, перевод аш-Шанфары², «Айям ал-‘араб»³ и т.п. и часто упоминал о них. Затем Френель приохотил меня к французскому языку и сам учил меня, но недостаток времени помешал завершить начатое. Признаюсь, что я его неоплатный должник. Египтяне всегда тянут с уплатой долга, и никак не выплатят его до конца.

Далее, благодаря ему я познакомился с другими европейцами: немцем господином Вайлем⁴, господином Прунером⁵, врачом в ал-Каср ал-‘айни, а это человек прекрасного характера и нрава, он исцеляет больного добрым выражением лица еще до того, как приступит к лечению; познакомился также с господином Перроном⁶, нынешним директором ал-Каср ал-‘айни, с которым я прочел много биографий из «Китаб

¹ По-арабски: وله توقعات حسنة وبنات افكار جميلة

Тантави объясняет это следующим образом: التوقعات – это сомнение (التشكك) и отсутствие стремления к подражанию (عدم التقليد). У нас говорят: наука – это позиция (الوقفة), т.е. ученый это тот, кто понимает слова так, как требует его собственное рассуждение, и если видит [в нем] ошибку – признает это, или, если встречает затруднение, ищет способ его преодолеть, а не тот, кто понимает согласно тому, что находит [у предшественников] и следует этому.

بنات الافكار означает точные толкования. Известно, что то или иное арабское выражение иногда толкуется по-разному, и если высказывание получает наиболее подходящее яркое толкование, это и считается من بنات الافكار.

² Аш-Шанфара (VI в.) – арабский поэт, автор знаменитой «Арабской ламийи» (поэмы с рифмой на «лам»). См.: Крачковский И.Ю. Аш-Шанфара. Песнь пустыни. Избр. соч., т. II. М.–Л., 1956. С. 238–245.

³ «Айям ал-араб» («Дни арабов») – прозаические предания о старинных межплеменных войнах. Были записаны известным филологом Абу ‘Убейдой в конце VIII – нач. IX вв. и включены во многие исторические своды.

⁴ Вайль Г. (Weil G., 1808–1889) – в то время корреспондент «Augsburger Zeitung» в Каире и преподаватель европейских языков. Впоследствии профессор Гейдельбергского университета, специалист по истории ислама и арабского халифата.

⁵ Прунер Ф. (Pruner F.) – врач в главном Каирском госпитале ал-Каср ал-‘айни, впоследствии придворный врач Мухаммада ‘Али.

⁶ Перрон А. (Perroun A., ум. в 1886 г.) – французский востоковед, отличавшийся интересами в самых разнообразных областях – от истории мусульманской юриспруденции до арабского коневодства.

ал-агани»¹ и «ал-‘Икд ал-фарид»². Я преподавал [также] в английской школе в Каире, а было это за год до моего отъезда.

Что же касается службы паше³, то меня часто к ней привлекали, но в душе я не чувствовал склонности к ней. Тому были причины. Одна из них состоит в том, что идущий на эту службу не может преподавать в ал-Азхаре, еще одна – в том, что занятие ею вызывает отвращение, потому что переводчики [часто] употребляют нелепые слова, не передающие смысл [написанного], и редактор может понять его только с великим трудом, и при этом переводчики ведут себя заносчиво и высокомерно.

Среди тех европейцев кого я учил, – господин Николай Мухин⁴, русский, и господин Френ – [тоже] русский.⁵ Они пригласили меня поехать в Петербург. Я согласился и по прошествии времени, необходимого для осуществления этого предприятия, прибыл в Петербург под Ваше покровительство и попечение.

¹ «Китаб ал-Агани» («Книга песен») – сочинение Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, включающее лучшие из известных в то время арабских стихотворений, сведения об истории создания стихов и биографии их авторов.

² «Ал-‘Икд ал-фарид» («Редкостное ожерелье») Ахмада ибн Мухаммада Ибн ‘Абд Раббихи (860–940 гг.) – популярная антология занимательных рассказов, изречений и анекдотов, расклассифицированных по темам и расположенных в строгом порядке, как камни в ожерелье. И.Ю. Крачковский предполагает, что на материале этих двух сочинений, читанных Перроном под руководством шейха Тантави, была впоследствии основана его книга «Femmes arabes» («Арабские женщины»). См.: Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, С. 25–26.

³ Служба паше – государственная служба, которая для М.‘А. Тантави и ему подобных ученых, хорошо владевших арабским литературным языком и стилем, состояла в обязанностях редактора или корректора переводов с европейских языков, которым Мухаммад Али придавал большое значение в деле возрождения Египта. О трудностях этой работы далее и пишет Тантави.

⁴ Мухин Николай (1810 – ? гг.) – русский дипломат, переводчик. О нем см.: Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, С. 28–29.

⁵ Френ Рудольф (1812 – ? гг.) сын Х.Д. Френа (см. прим. 3 на с. 22), русский дипломат, сменивший Н. Мухина на посту переводчика посольства. О нем см.: Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, С. 29–30.

**Арабский текст «Автобиографии» Шейха Тантави,
опубликованный академиком И.Ю.Крачковским¹**

Настоящее издание автобиографии Тантави основано как на ее краткой редакции, сохраненной одной рукописью библиотеки Ленинградского университета, так и более полной, опубликованной Kosegarten'ом. Их взаимоотношение в общих чертах характеризуется в главе о сочинениях Тантави (под № 25); там же даны детальные указания об источниках текста. Краткая версия в примечаниях обозначается буквой L (= Leningrad), полная — K (= Kosegarten); буквой T (= Tantavi) обозначены те разъяснения Шейха, которые были даны им по просьбе Kosegarten'a и опубликованы последним при издании автобиографии. Цифры при букве T указывают страницы тома IV *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*.

В переиздании автобиографии мною руководило, главным образом, желание помочь соотечественникам Тантави, которые, при недоступности на востоке *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, давно составляющего библиографическую редкость, были до сих пор лишены возможности познакомиться с этим произведением своего земляка.

إلى حضرة الجناب الوقور الخواجه فرين يقول الفقير محمد بن سعد بن سليمان عياد الطنطاوي¹ ولدت بقرية² طنطا تُسمى نجرید سنة ١٢٢٥ والسبب في ذلك أن أبى كان كما قال الحريرى كل يوم بين تعريس ورحلة وذلك لأنه كان تاجرًا في الأقمشة والبَن والصابون ونحو ذلك فكان يأتي بالبضائع الكثيرة ويفرقها على التجار فكان له بيت بطنطا وبيت بنجرید وبيت بالصافية وأنا ولدت بنجرید مع أن أمى من الصافية وأصله من محلة مرحوم بلد كبيرة بجوار طنطا وكانت منذ ثمانين

سليمان اسم جدى عياد اسم عايلتى أنا محمد¹ L оп. начало. T 197: عياد أبى سعد عياد جدى سليمان عياد الخ فقولى عياد ليس وصفًا لسليمان بل وصف لى وكذلك الطنطاوى وكان يقال لابى وجدى المرحومى نسبة الى محلة مرحوم بلدهما الأصلية وقد تركها وسكننا طنطا طنطا هكذا كتبت كما يقال فى الكلام الرواج ولكن فى الكتب طندتا النسبة طندتايبى.

و سبب L⁴ L оп.³ بنجرید قرية قرب L²

¹ Крачковский И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810-1861). Л., 1929. С. 89–93.

سنة أخرى وأكثر سكّاناً من طنطا ثمّ لَمّا بنى علىّ بيك جامع السيّد البدويّ وبنى حوله القيسارية أى سوق التجّار ودكاكينهم لا زالت محلّة مرحوم فضحلّ شيئاً فشيئاً حتىّ ثلاثت و لم يبق منها إلاّ القليل فترى بيوتها ودكاكينها وحماماتها منهدمة ويقدر ذلك أخذت طنطا في العمارة وزادت إلى يومنا هذا وسبب ثروتها أنّ السيّد البدويّ أحد الأقطاب الأربعة الذي مزاره فيها له مولدان مولدٌ صغير ومولد كبير وفي كلّ منهما يأتى أهل مصر والصعيد وسائر النواحي فيبيعون وبشترتون وبها علماء وفقهاء وقراء وتعليم القران بها أحسن من مصر بخلاف العلم ولذلك يقال في المثل ما قرآن إلاّ أحمدى ولا علم إلاّ أزهريّ أحمدى نسبة لجامع سيّد احمد البدويّ وأزهريّ نسبة للأزهر وقد سافر أبى وأمى الحجاز وعمرى نحو أربع سنين وتركونى بالصافية عند أخوالي.

ثمّ لَمّا ترعرت ذهبت إلى طنطا في بيتنا هناك وذهبت إلى المكتب وعمرى نحو ستّ سنين فحفظت القرآن مرّتين¹ بداية وعبادة كما هو العادة ثمّ بعد حفظى القران لم أخرج من المكتب بل حفظت فيه متوناً كثيرة كمتن المنهيج في علم الفقه وهو قدر القران وكتن ألفية ابن مالك في النحو النحّ ثمّ لَمّا كان عمرى عشر سنين ابتدأت في تعلّم العلم فحضرت على المرحوم الشيخ محمد الكومى شرح ابن قاسم في الفقه مدّة سنة ثمّ مرّة ثانية في سنة ثانية على المرحوم الشيخ السيّد محمّد أبى النجا عالم شهير مصنّف ثمّ حضرت عليه² شرح الخطيب في الفقه في السنة الثالثة ومع ذلك فما كنت أطلع وكنتم ألعب كثيراً ولم أحضر نحو ثلاثه دروس قبل سفرى لأنّ النحو قليل في طنطا.

ثمّ في آخر السنة الثالثة سنة ١٢٣٨ وهى السنة الثالثة عشر من عمرى رحلت مع عمى إلى مصر وبعد ذلك أبى وتركنا سكنى طنطا لكن كنت أذهب إليها في الموالد³ وقد اتفق أئى درّست فيها كتاباً في علم الحجاز وكتاب مولد النبى فقد دفعت لها دينى وكذلك درّست بالصافية لَمّا

¹ L on. ² L on. ³ L on. ⁴ فيبيوتها ⁵ L on. ⁶ ضربحه ⁷ L on.

⁸ مولدين ⁹ L on. ¹⁰ ولذا ¹¹ L on. ¹² L on.

¹³ T 48: قرأ عند العلماء معناه درّس وهو عرف عام كما أنّ حضر معناه تعلّم على الشيخ في حلقة الدرس.

¹⁴ T 198: الموالد جمع مولد و في طنطنا ثلاث موالد للولى الكبير المدفون: فيها سيّدى أجد البدويّ أحد الأقطاب الأربعة والثانى سيّدى ابراهيم

كنت أذهب إليها لكن بعض كتب خفيفة تناست العوام كالفقه والتوحيد فكان مكثي في مصر من سعادتي فحينئذ حضرت في النحو والفقه وغيرهما ولا شك أن تعلم الثلاثة سنين في طنطا وإن كان مع اللعب أكسب لي بعض فهم فكنت أفهم خصوصًا في النحو وغيره أكثر من الفقه فحضرت الأجرومية وشرح الشيخ خالد وشرح القطر وشرح الألفية لابن عقيل وشرحها للأشموني وشرح مختصر السعد في علم المعاني والبيان والبديع وشرح مطوله كذلك وشرح جمع الجوامع في علم أصول الفقه وشرح الورقات فيه والمعنى وشرح التحرير في الفقه وشرح المنهج فيه وشرح المحلى على المنهاج فيه وبعض شرح البهجة فيه وشرح مختصر السنوسي في المنطق وشرح الأخرى على السام فيه وشرح ايسانوجي فيه وشرح السمرقندية في علم العجاز وشرح السنوسية في علم التوحيد وشرح الجوهرية فيه الخ وغالب حضوري على الشيخ إبراهيم الباجوري وهو أعلم أهل الأزهر الآن بلا نزاع.

وفي السنة الخامسة من مكثي في مصر مات والدي لكن في طنطا وقد تكدت بسبب ذلك نحو سنتين وكنت ابتدأت في التدريس فيها وأول ما درست درست في العروض مع أني أحضر ثم بعد ذلك في النحو وغيره فقرأت شرح الشيخ خالد والأزهرية والقطر والشذور مرارًا ثم شرح ابن عقيل ثم المعنى وكان ذلك في السنة الماضية وقرأت شرح الملوي في العجاز وشرح الملوي في المنطق وقرأت تفسير الجلالين وقرأت الشفا وهو آخر ما قرأت في الأزهر فإني ختمته قبل السفر بأربعة أيام وقرأت المقامات الحبرية في الأزهر وشرح الزوزني على المعلقات وما علمت أحدًا قبلي

الدسوقي (الرسوقي) K) والثالث سيدي أحمد الرفاعي والرابع سيدي عبد القادر الكيلاني الأول المولد الكبير والثاني الصغير وفيها يأتي التجار من مصر القاهرة وغيرها ببضائعهم ومكثون أسبوعًا ثم المولد الرجبي وفيه يذهب الناس للزيارة فقط في مدة إقامتي في طنطا والصالفة درست يعني قرأت وفسرت بعض كتب للتلامذة.

1 K القوام. 2 L оп. от слова لكن. 3 L وكان. 4 L ذلك.

5 L فحضرت. 6 L оп. 7 K النوسى. 8 K النوسية.

9 L вместо всего отдела от слова النحو только العقلية العلوم.

10 L سنة 1743. 11 L оп. 12 L вставка من مصر في عرض.

13 L فتكدت. 14 L بلا طائل.

15 L вставка سنة في تلك.

قرأهما فيه وقرأت البردة وبانت سعاد والتحفة في الحساب وشرح السعد على العزى في الصرف ثم صنفت على المتر حاشية مفيدة وقرأته بها مرة ثانية وقرات لامية الأفعال في الصرف وما لا يحصى من الرسائل الصغيرة المفيدة ومع ذلك فلم يتفق لي التدريس في الفقه لاشتغالي بأمر المعاش فذلك كان كثير من عامة أهل الأزهر يظنون أنني لا أعرف الفقه وقد صدقوا فأني بترك مزاولته ضيعته ومن مدة ان مات والدي تكدر ذهني وعرائي شغل البال وضاع مني الزمان بلا فائدة نحو سنتين².

ثم تراجع الأمر وأجأني الدهر إلى الكسب فعاشرت بعض الأفرنج المقيمين بمصر وأول من عاشرتُه حضرة الخواجه فرينل وهو يحب العربية بالطبع فكان يحثني دائماً على الاشتغال وهو الآن قنصل جدة وبسببه تقويت في العلوم الأدبية لأنني كنت أقرأها معه وهو كان من أهل التحقيق والتدقيق وله توقّفات¹⁰ حسنة وبنات أفكار¹² جميلة وقد كتب رسائل فيما كان يقرأ معنى كترجة الشنفرى وأيام العرب الخ¹⁴ ونوه¹⁵ بذكرى فيها ثم رغبني في اللغة الفرنسية وعلمني¹⁷ إلا أن قصر الزمان عاق عن التمام¹⁸ وبالجملة فأنا اعترف¹⁹ بأنني مكسور له في دفع الخراج وداثماً أهل مصر يحاطلون الباشا في الخراج فتراهم عليهم البقايا دائماً ثم اجتمعت على غيره بسببه كالخواجه وائل النمساوي²³ والخواجه برونير الحكيم بالقصر العيني

¹ K الفزى. ² L оп. отдел от слова. ³ L вст. بعد ذلك.

⁴ L вст. بمصر. ⁵ L вст. لاعلمهم العربية. ⁶ L اعاشرت منهم. ⁷ L оп.

⁸ T 199: الخواجه فرينل يحيل طبعه إلى اللغة العربية فيمليه. ⁹ L إليها ليس لغرض.

¹⁰ L вместо абзаца от الآن только. ¹¹ L يغربني.

¹² T 199: التوقّفات التشكك وعدم التقليد ويقال عندنا العلم في الوقفة. ¹³ T 199: يعني أن العالم هو الذي يفهم الكلام كما يفترضه النظر وإذا رأى خلافاً عرفه أو صعوبة فتش على إذهابها لا من يفهم كما يجحد ويقند.

¹⁴ T 200: بنات الأفكار هي الأفكار الدقيقة ولا يخفى أن العبارة. ¹⁵ T 200: العربية تارة تفهم على وجوه شتى فإذا فهم المعنى الأليق والأشبه عد ذلك من بنات الأفكار.

¹⁶ L وابتدأ معي في تعلم. ¹⁷ L оп.

¹⁸ L دفع. ¹⁹ L معترف. ²⁰ L عاداتهم المماثلة. ²¹ L оп.

²² L فترى. ²³ L переносит эти слова после слова выше.

²⁴ L النمساوي كان حكيمًا بقصر L.

سابقاً وهو رجل حسن الأخلاق والطباع يشغى بـبشره المريض قبل علاجه والخواجه بيرون مديبر القصر العيني الآن وقد قرأ معى كثيراً من ترجمات الأثانى وأنساب العقده وكنت أعلم فى مكتب الانكليز فى مصر وذلك سنة قبل سفرى وأما خدم الباشا فأتى دعيت إليها كثيراً ومع ذلك لم اجد نفسى تميل إليها وذلك لأسباب منها أن من ذهب إليها لا يقدر أن يكون له درس فى الأزهر ومنها ان أشغالهم مقرفة وذلك ان المترجم يأتى بالفاظ سخيطة لا تفيد معنى فلا يفهم العصح منه المعنى إلا بعد شق النفس ومع ذلك فلهم أنفة وتكبر النح ثم من جلة من قرأ على من الفرنج الخواجه نقوله موخن المسكوبى ثم الخواجه فربن المسكوبى ثم سألانى الذهاب إلى بتربورغ فأجبت ثم بعد انقضاء الزمان اللازم لتوفية هذا الأمر حضرت إلى بتربورغ فى دراكم وتحت حاكم.

Фролова О.Б.

(Восточный факультет СПбГУ)

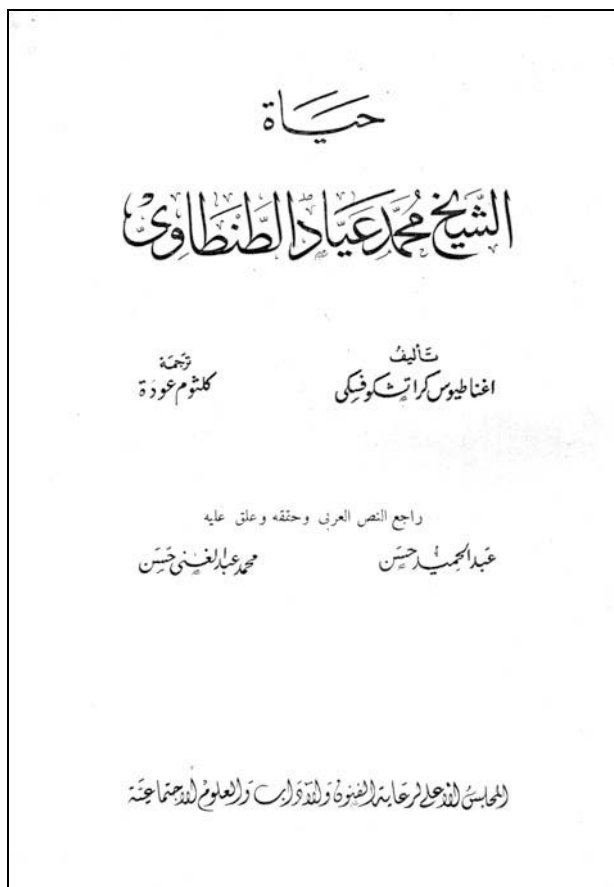
**О малоизвестном арабском переводе книги И.Ю. Крачковского
«Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета»**

В 1964 году в Каире (Египет) вышел в свет арабский перевод книги академика И.Ю.Крачковского о профессоре Шейхе Мухаммеде 'Айяде ат-Тантави. Имя переводчицы было указано – Кульсум Оде.

Невольно возникает вопрос, является ли эта переводчица известной российской ученой и общественным деятелем Клавдией Викторовной Оде-Васильевой? Египетские редакторы этой книги Абд ал-Хамид Хасан и Мухаммед Абд ал-Гани Хасан отвечают на этот вопрос безусловным «Да!». Они пишут в предисловии, что «Высший Совет Объединенной Арабской республики по опеке искусств, литературы и социальных наук» предложил перевести эту книгу с русского на арабский госпоже Кульсум Оде, палестинке, которая еще на родине изучила русский язык, затем вышла замуж за русского и уехала с ним в Россию, где все свои силы отдавала преподаванию арабского языка и литературы.

Этот перевод, эта книга до настоящего времени оставались мало известными в России. Сейчас, когда ученые Санкт-Петербургского университета отмечают юбилей службы в нем профессора из Египта Шейха Тантави, представляется необходимым вспомнить об этой работе К.В.Оде-Васильевой, которая, не жалея сил, подготовила этот перевод, увидевший свет в год ее кончины.

Арабский перевод этой книги вызвал большой интерес в Египте и других арабских странах. В тот период добрые отношения между нашей страной и арабским миром набирали силу, и автор этих строк непосредственно ощутила это. Вскоре после публикации книги ко мне подошел арабский аспирант Мухаммед Абд ал-Азиз, защищавший в Москве диссертацию о лексике русского языка, и вручил книгу с переводом труда И.Ю.Крачковского о Шейхе Тантави. Он рассказал, какой интерес вызвала у арабов эта книга и как горячо выражали люди свои добрые чувства по отношению к России.

Титульный лист арабского перевода книги академика И.Ю. Крачковского о Шейхе Тантави.

Фролова О.Б.

(Восточный факультет СПбГУ)

**Профессор Санкт-Петербургского университета Тантави
и его учитель в аль-Азхаре 'Абд ар-Рахман ас-Сафти**

Знаменитый мусульманский университет ал-Азхар, основанный в 972 г., со времени начала своей деятельности славился во всем мире ислама своими знатоками в области основ мусульманской религии.

Среди наиболее знаменитых выпускников ал-Азхара можно назвать и любимого ученика шейха 'Абд ар-Рахмана ас-Сафти Арифа Хикмета, который был *кади*-судьей Медины, Иерусалима, Каира, а с 1846 г. *шейх ал-ислам* в Стамбуле. Учениками 'Абд ар-Рахмана ас-Сафти был профессор Санкт-Петербургского университета в 1840–1861 гг. Мухаммад 'Айяд ат-Тантави, а также профессор А.О. Мухлинский, первый преподаватель арабского языка в Санкт-Петербургском университете (1835-1839 гг.) и декан Восточного факультета (1859–1866 гг.) того же университета.

Перу 'Абд ар-Рахмана ас-Сафти, рукописный труд которого хранится в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета на Восточном факультете, принадлежит описание некоторых событий, очевидцем которых он был, например рассказ об осаде войсками Наполеона в 1799 г. палестинского города 'Акка.

Очень велика роль ученика ас-Сафти профессора ат-Тантави не только в преподавательской деятельности – обучении арабскому языку русских студентов, но и в пополнении библиотеки Восточного факультета арабскими рукописными сочинениями (так, около одной трети всех арабских рукописей библиотеки поступило из коллекции ат-Тантави), а также в составлении и переписке других сочинений, в частности, труда его учителя и друга 'Абд ар-Рахмана ас-Сафти.

Резван Е.А.

(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

«Каир – Петербург»:

**фильм о Шейхе ат-Тантави и русско-арабских связях
(автор сценария Е.Резван, режиссер Т.Соловьева, 2007, 26 мин.)**

В рамках конференции, посвященной 200-летию юбилею шейха ат-Тантави, мы планируем показать фильм, посвященный знаменитому Шейху и тем связям, которые через него продолжают соединять два великих города – Петербург и Каир.

В фильме на фоне истории, связанной с судьбой профессора Петербургского университета шейха Мухаммада 'Айяда ат-Тантави, одно-

го из зачинателей преподавания арабского языка в России, разворачивается своеобразный диалог между жителями Санкт-Петербурга и виднейшими учеными ал-Азхара, крупнейшего религиозного, исследовательского и учебного центра мира ислама.

Собеседниками авторов фильма стали такие крупные деятели египетской религиозной, политической и культурной жизни, как:

Великий имам ал-Азхара, доктор Мухаммад Саййид Тантави, человек не раз представлявший мусульманский мир в диалоге с крупнейшими религиозными, общественными и политическими организациями Запада;

доктор Али ас-Самман, один из ключевых египетских политиков, известный не только во всем арабском мире, но и далеко за его пределами, советник по международным делам президентов Насера, Садата и Мубарака, генеральный секретарь Ассоциации по экономической информации «Европа – Египет», советник Великого имама Аль-Азхара по межконфессиональному диалогу;

шейх Фаузи аз-Зафзаф, Президент постоянного комитета ал-Азхара по диалогу с монотеистическими религиями, Представитель Великого имама в международных межрелигиозных организациях;

профессор Ахмад ал-Кошери, один из виднейших египетский юристов, специалист по международному праву;

член Высшего исламского совета профессор Тайсир Мандур.

Нисба недавно ушедшего из жизни Великого имам ал-Азхара Мухаммад Саййид Тантави указывает на то, что он, как и петербургский профессор, происходил из города в Нижнем Египте – Танты, которая как в XIX, так и в XX веке оставалась одним из крупнейших центров традиционной мусульманской учености. Оба они – выпускники и преподаватели главного мусульманского университета ал-Азхара, и оба – люди, сочетавшие в себе глубокое традиционное мусульманское образование и знакомство с достижениями европейской науки, открытые восприятию новых идей и культур, люди способные к межкультурному и межконфессиональному диалогу.¹

¹ О восприятии фильма в арабском мире – см. на с. 71 настоящего сборника. (*Прим. ред.*).

Kaj Öhrnberg
(Helsinki, Finland)
The Professor and his pupil:
Muḥammad ‘Ayyād al-Ṭaṇṭāwī and Georg August Wallin

The aim of this paper is to highlight the teacher – pupil relationship between the Egyptian Professor of Arabic in St Petersburg Muḥammad ‘Ayyād al-Ṭaṇṭāwī (1810-1861) and the Finnish Arabist and explorer of the Arabian Peninsula Georg August Wallin (1811-1852).

Russia acquired Finland from Sweden in the war of 1808-09. This opened Russia to the Finns and several Finns pursued Oriental studies in the main seats of Oriental scholarship in Russia: St Petersburg, Moscow and Kazan. Wallin had begun his studies of Oriental and Classical languages at the University of Helsinki in 1829. Between 1840 and 1842 he continued his studies of Arabic, Persian, and Turkish at both the University and the Institute of Oriental Languages of the Ministry of Foreign Affairs in St Petersburg. His teachers were Muḥammad ‘Ayyād al-Ṭaṇṭāwī in Arabic, Mīrzā Ismā‘īl in Persian, and Anton Muchlinski in Turkish. In 1841 Wallin was awarded a travel grant from the University of Helsinki to further his studies of Arabic dialects and to peruse himself with the doctrines of the nineteenth-century fundamentalists, the Wahhabis, who then dominated the form of Islam practised on the Arabian Peninsula. The travel grant was all the more surprising as the interest of Finnish academic circles, inspired as it was by romanticism and an awakening national spirit, was almost exclusively focused on Siberia.

Wallin tried to persuade al-Ṭaṇṭāwī to travel with him to Egypt but without success. However, the last person to see Wallin off on the quay in Helsinki in July 1843 was al-Ṭaṇṭāwī who had travelled to Finland together with P.I. de Maison, the director of the library at the Institute of Oriental Languages of the Ministry of Foreign Affairs in St Petersburg.

Wallin arrived in Cairo in January 1844. Henceforth he presented himself as Abd al-Wali, a Muslim and Russian subject from Bukhara in Central Asia. Using Cairo as his base he made three journeys into the desert, journeys upon which his enduring reputation as a linguist and explorer is founded. Also in Cairo he met several fellow-students and colleagues from both St Petersburg and Kazan, who were sent on official missions by the Russian government. These included among others Ilja Nikolajevitsh Berjozin, Wilhelm F. Dittel and Timofejev. This was a "period in the history of Russian Orientalism when needs of scholarly Orientalism were totally sacrificed to the real or alleged interests of the national life", as the great Russian Orientalist V.V. Barthold has noted.

Wallin returned to Helsinki in June 1850. To qualify for the chair of

Oriental literature Wallin commenced to work with his dissertation «*Al-Qaṣīda al-ḥā'īya min al-ash'ār al-fāriḍīya... Carmen Elegiacum Ibnu-l-Faridi cum commentario Abdu-l-Ghanyī e duobus codicibus Londinensi et Petropolitano in lucem edidit*». At the National Library of Finland we have a copious exchange of letters between Wallin and al-Ṭaṭṭāwī: Wallin asking questions and his teacher answering them.

Following his appointment as Professor of Oriental literature, he enthusiastically started preparations for a new and even more ambitious journey to the Arabian Peninsula. He viewed his earlier journeys into the desert as mere preparations for future expeditions. The idea was that the Royal Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society should share the costs. But problems rouse because the Russians wanted Wallin to visit Bukhara, Samarkand and Khiva in Central Asia, where Russia had in the 1850s most definite political and military goals to achieve. But while the negotiations were still going on Wallin died suddenly at his home in Helsinki. His dearest wish, that God would grant that he could lay his head on the desert sands, was never to be fulfilled.

Терюков А.И.

(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

**Ученик шейха Мухаммада 'Айяда ат-Тантави
финский арабист Георг Август Валлин**

Георг Август Валлин (Georg August Wallin, Yrjö Aukusti Wallin, Abd al-Wali, 1811-1852) – финский ориенталист и путешественник. Родился в приходе Сунд (Зунд) на Аландских островах.¹ С 1817 г. его семья проживала в г. Або (Турку), где он учился в школе при Кафедральном соборе. В 1829 г. стал студентом Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе, где окончил кафедру восточных языков на философском факультете. Здесь его учителем был профессор Габриель Гейтлин, под руководством которого он изучал арабский и персидский языки, а также английский и французский. В 1836 г. получил степень магистра философии. Потом работал библиотекарем университетской библиотеки и готовил докторскую диссертацию по компаративистике диалектов классического и современного арабского языка, одновременно став сверхштатным доцентом по восточным литературам.

¹ Першиц А.И. Георг Август Валлин: Исследователь внутренней Аравии. Москва: Географгиз, 1958; Trautz M.G. A.Wallin, a forgotten explorer of Arabia // *Journal of the Royal Central Asian Society*. 19. (1932). P. 131–152; Holma H. Georg August Wallin, 1811–1852 // *Studia Orientalia*, 17:1 (1952). P. 1–16.

Весной 1840 года он первый раз прибывает в столицу империи, чтобы поступить на русскую службу, но неудачно. Поэтому, желая совершенствовать свои знания, в сентябре 1840 году он приезжает в Петербург, где встречается с шейхом Мухаммедом Айядом ат-Тантави и выясняет возможность обучения на Восточном факультете Императорского Петербургского университета. Одновременно, получив на это разрешение, слушает лекции Бернгарда Дорна (1805 – 1881) по арабской литературе и Антона Мухлинского (1808 – 1877) по турецкому языку. Позднее, во время празднования 200-летия Александровского университета в Гельсингфорсе он знакомится с рядом русских ученых, которые были приглашены на это мероприятие, в частности, с ректором Петром Плетневым, академиком Андреасом Шегреном и т.д. Благодаря их поддержке Г. Валлин с сентября 1840 по октябрь 1841 г. учится у шейха Мухаммеда Айяда ат-Тантави. Обладая серьезной подготовкой, молодой арабист, по отзыву своего учителя, уже через год приобрел необычайную способность с легкостью читать, писать и говорить по-арабски. Тем не менее он оставался в России до 1842 года, продолжая занятия арабским языком у Тантави и персидским у Мирзы Исмаила. Именно в это время он задумывается о путешествии в Аравию с посещением Мекки. Чтобы обеспечить себе хороший прием со стороны местного населения, молодой ученый, решив выдать себя за странствующего врача, в 1842-1843 прошел в клинике Александровского университета полный курс практической медицины.

В 1843 г. Александровский университет соглашается предоставить ему стипендию для путешествия на Восток. Этому во многом способствовал академик А.Й. Шегрен, давший Валлину блестящие характеристики. На 2 стипендии претендовали М. Кастрен, Г. Валлин и венгерский путешественник А. Регули. А. Шегрен, один из основателей современного финно-угроведения, был крайне заинтересован в получении данных по тюркским языкам, а так как Г. Валлин собирался некоторое время пробыть в Турции, надеялся получить через него данные по турецкому языку и поддержал его кандидатуру. Кроме того, блестящую характеристику для молодого ученого дал и Айяда ат-Тантави. Все это склонило выбор в пользу М. Кастрена и Г. Валлина.

В июле 1843 г. он через Париж и Марсель отправляется в свое восточное путешествие. В Марселе Г. Валлин исчезает, а в ноябре в Константинополе появляется Abd al-Wali, который направляется в Александрию. Там он целый год изучает арабскую филологию у известного каирского грамматика Али Нида ал-Баррани в знаменитой каирской академии Аль-Азхар. Это место было выбрано не случайно, именно здесь совершенствовал свои знания Айяда ат-Тантави. Летом 1844 г.

Г. Валлин пробует свои силы и знания в путешествии по верхнему Нилу и Нубии. Наконец, весной 1845 г. он решается отправиться в большое и очень трудное путешествие по Аравийскому полуострову.

Для этого он через Синай направляется в г. Маан на территории современной Иордании. Оттуда начался его путь в глубь Аравии, в Неджд. Считается, что именно здесь зарождалась классическая арабская поэзия. Первый этап его путешествия закончился в Эль-Джауфа, где путешественник пробыл 4 месяца. Это время он потратил на отдых и исследования культуры бедуинов. Чтобы не вызвать подозрение у местных жителей, он занимался медицинской практикой и ожидал попутного каравана. Далее его путь лежал через пустыню Нефуд в Джуббу и далее в Хаиль, столицу эмирата Джебель-Шаммар. Г. Валлин был первым европейцем, достигшим пределов этого государства. В Хаиле он прожил два месяца, знакомясь с местным наречием, обычаями и нравами. По намеченному ранее плану финский путешественник должен был направиться через Эр-Рияд и Неджран в Йемен, но из-за финансовых проблем он был вынужден отказаться от этого и возвратиться в Каир. Поэтому в конце ноября 1845 года он присоединяется к каравану персидских паломников, совершающих *хаджж*, отправляется в Медину и Мекку. Это был самый опасный отрезок его пути. Г. Валлин был болен, и ему было трудно передвигаться через запретную для немусульманина территорию. Но ему удалось неузнанным побывать в этих священных городах и стать первым европейцем в XIX веке, побывавшим там. Следующим европейцем, побывавшим там во время своего путешествия 1851-1853 гг. был англичанин Ричард Френсис Бертон (Richard Francis Burton). Кстати, он написал перед своим путешествием большое письмо Г. Валлину с просьбой проконсультировать его, но опоздал. Письмо пришло в Гельсингфорс уже после смерти финского путешественника.¹

Летом 1846 года Г. Валлин возвращается в Каир. В конце 1847 года, поправив свое здоровье, приведя в порядок и отправив друзьям в Финляндию свои записи, получив деньги, Г. Валлин предпринимает второе путешествие во внутренние районы Аравии, в Неджд. На картах его времени белым пятном оставалась часть северо-западной Аравии – Мадиян древних географов. На этот раз он попытался добраться туда со стороны Красного моря: из Мувайлы на побережье Красного моря через селения Тебук и Тайму. К концу весны 1848 г. путешественник во второй раз добирается до Хаиля, намереваясь сразу же двинуться отсюда в южный Неджд. Но в столице Джебель-Шаммара его ждет неожиданный

¹ Burton R.F. Personal Narrative of a Pilgrimage to El-Medinah and Meccah. Vol. 1-2. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1857.

удар. Оказывается, в Неджеде узнали о его европейском происхождении. Выяснилось, что еще во время первого путешествия Валлина в кочевьях и городах Аравии начались толки о странном враче, отказывающемся брать деньги со своих многочисленных пациентов. Георг Валлин вторично должен был остановиться на полпути к самой заветной своей цели. Теперь в качестве обратного пути был избран северный отрезок Дороги персидских паломников, южная часть которой была пройдена путешественником два года назад. В середине июня финский путешественник достиг иракского города Эн-Неджеф, который тогда назывался Мешхед-Али. Перенесенные лишения не истребили в нем любви к Востоку. Из Эн-Неджефа Валлин направляется в Багдад, где встречается со знаменитым дешифровщиком клинописи англичанином Роулинсоном, а затем еще целый год путешествует по Ираку, Ирану и Сирии. И снова отсутствие средств заставляет его осенью 1849 года оставить Восток и вернуться на родину.

В Лондоне, куда Г. Валлин в конце 1849 года заезжает по дороге домой, чтобы познакомиться с коллекцией арабских рукописей Британского музея, к скромному гельсингфорскому доценту приходит научная слава. Картографы Английской Ост-Индской компании по его указаниям составляют лучшую для того времени карту северной и центральной Аравии, Королевское географическое общество присуждает ему премию за проведенные исследования, а Географическое общество в Париже – большую серебряную медаль.¹ Как это ни покажется странным, меньше всего интереса к замечательным путешествиям Г. Валлина проявил императорский Петербург. С 1850 г. он ведет большую преподавательскую работу в Александровском университете, публикует в европейских журналах результаты своих исследований. Становится профессором, открывает кафедру восточных языков и литературы. Пытается организовать третье путешествие в Аравию, чтобы детально ознакомиться с Хиджазом, Неджраном, Оманом, Махрой, Хадрамаутом, Йеменом. Но не встречает большого понимания в Александровском университете.

¹ Именно в Англии были опубликованы его основные работы: Notes taken during a Journey through Part of Northern Arabia in 1848 // *Journal of the Royal Geographical Society*, 20, 1851, p.293–344; Narrative of a Journey from Cairo to Medina and Mecca by Suez, Araba, Tawila, al-Jauf, Jubbe, Hail and Nejd in 1845 // *Journal of the Royal Asiatic Society*, 24, 185, p.115-207; Narrative of a Journey from Cairo to Jerusalem // *Journal of the Royal Geographical Society*, 25, 1855; Travels in Arabia (1845 and 1848). Cambridge: Olander Press, 1979.

Более отзывчивыми оказались коллеги из Англии. Королевское географическое общество обещало 300 фунтов на 2 года, а Г. Валлин предполагал уехать на 5 лет.¹ Тогда руководство Королевского географического общества обратилось к президенту Русского географического общества Великому князю Константину с просьбой организовать совместную экспедицию в Аравию. В своем письме в РГО в мае 1851 г. Г. Валлин просил освободить его от преподавания в университете на 6 лет с сохранением жалования, а также дотацию на покрытие расходов экспедиции – 400 английских фунтов ежегодно, обеспечение инвентарем, необходимым для научных исследований, оплату долга в сумме 1200 рублей серебром, вызванного затратами на проведение предыдущей экспедиции. Потом, во время личной встречи Константина с Г. Валлином последний напрямую изложил свои планы на новое путешествие. В результате произошло то, чего никогда не было в истории Александровского университета, – освобождение его на шесть лет от должности профессора с сохранением полного жалования. Одновременно выделялось 1000 рублей серебром на экспедиционные расходы.

Во время переговоров и переписки большинство организационных вопросов было решено. Но РГО неожиданно предложило использовать 2 года из 6 на посещение Кабула, Герата, Балха, Самарканда, Бухары и Хивы, то есть районов, которые представляли интерес для России и одновременно для Англии, что делало его путешествие двусмысленным. Сначала Г. Валлин согласился расширить план и маршрут путешествия – ведь у него вновь появилась возможность отправиться на Аравийский полуостров. О своем решении он успел сообщить вице-президенту РГО генералу Муравьеву. Но, вернувшись в Хельсинки и более тщательно обдумав вопрос, Г. Валлин решил все же отказаться от путешествия, преследующего одновременно как научно-исследовательские, так и военно-разведывательные цели. И хотя несколько позднее он еще раз пытался реанимировать свой проект с англичанами, но все было безрезультатно.

В 1852 г. в разгар продолжающихся переговоров Г. Валлин в возрасте 41 года неожиданно умирает.

Иллюстрации взяты из книги: Georg August Wallin, Skrifter. Band I. Studieåren och resan till Alexandria. Helsinki. 2010:

1. Письмо ат-Тантави Г.А. Валлину от 5.10.1841 г. – стр. 374.
2. Письмо Г.А. Валлина ат-Тантави от 21.9.1842 г. – стр. 375.

¹ William R. Mead. G.A.Wallin and the Royal Geographical Society // *Studia Orientalia*, 23, 1958.

حققة انقله ولبح حفظ الله من كل سوء وانا .

بسم الله الرحمن الرحيم والحمد لله الذي هدانا لهذا الذي كنا لنهتدي لولا ان هدانا الله والحمد لله الذي هدانا لهذا الذي كنا لنهتدي لولا ان هدانا الله
انكم لم تجيبوا فرجت وقد صحت عند بعض معارفني وفي هذه اليوم التلحظ فان كان بكنهك والبرد
تلك ذكرا ففعلت ووهو السجدة التي لم الدنيا ويتبع جلدك على كل من سبها العيب والارواح
فانه انقطاع الموالاة على بير المدينة ووسيل استوف امر يخرج جدا خصصها برب الاحباب
ممكن انما من مرة ثم ما تجاسرت لذهبت عند احد من معارفني في الليل لانه اخاف
ان اجبر القناطر فوقع عند الرجوع لم وقع الفولج ببروك فانه جاء عند بعض
معارفني ومر على القنطرة ولما رجع لم يجدها فغدى على قارب وقاسس الخطر
بواجمه فان لا ارجب امر ولا المظن ولا الخطر بالبرد والتفكير على عجل
الذي يربو من الله لما عهدتها بالكلية نروح عند اخواننا في سوريا
في سوريا وتقوم ~~طريق~~ ~~التي~~ بالتميم في
ان كنت تروى ولكن يكون ذلك على النهر المذكور
ويكون ~~بعض~~ ~~من~~ هذا في سوريا
بالحق الذي ودعيت في حفظ الله ونجى ودمت

محمد
١٢٦٤
١٨٤٤

Письмо Мухаммеда Айяда ат-Тантави Г.А. Валлину
от 5. 10. 1841 г.

اشرف ما تنهوا به اهل الوداد واجله ما تنهوا به اهل النجفة والاتحاد سلم سلم
 وثناء عميم الى جناب حضرت سيدى العزيز المحترم الفخيم الشيخ محمد عباد
 سلمه الله تعالى ثم ان تحركه الخاطر العاطر بنوع من السؤال عن حال من لا
 حال عن المحبة والاتحاد فمن حمد الله والمنة في نهايه ما يكون من الصبه
 والاعتدال بانهدم الكثير السؤال عنكم وعن احوالكم في كل وقت ثم ان الباعث
 لتحرير ذريعه الاخلاص والوداد بله علم منا شريف السلام والتحيه والكرام
 واعلمم استاذنا العزيز اننا ارسلنا لكم مكتوب في او اخر ربيع الاول مشتمل على
 سفرى من طرفكم في الشنا وسائر احوالى بعد الفراق منكم واني من ذلك الزمن
 لاخباركم دائما منتظب ولورود رسالتكم شرف ولكن ما تفضلتم بانزال ما بنا من
 اليبال بانها عما انتم عليه من الاحوال ولم يلقى قرار ولا طوعنى اضطبار
 حتى سالتكم اصل لكم ذلك الكتاب او كبرت نفسكم النفس عن الجواب
 ذلك ومن قبل السفر الى مصر السعيد فغيرت قصدى حتى ما اسامر
 هناك هذا الصينو الا فى الربيع الا فى ابدا ان اطلع فى علم الطب
 وايدى اقعدهنا سنه تقريبا لاجل امرت على هذا العلم وبعده اروح ان شا
 الله اسافر الى مصر نادى العصر والى غيرها من اطراف المشرق وارجو
 من الله تعالى انكم تقعدوا فى تبريز مده هذه السنه ثم تسافر معا السنه
 اتيه الى بلدكم ذلك ومن قبل اشغالى فى هذا الزمن فطلعت فى علم الطب
 وعالجت المرضى فى المارستان وزياده على ذلك طلعت فى لسانكم وتقدمت فيه
 على قدر ما كان يمكنى فى فراقى منكم وباليمنى كنت عندكم لاسمع درر الفصاحه

Письмо Г.А.Валлина Мухаммеду Айяду ат-Тантави от 21.09.1842 г.

Французов С.А.
Григорий Гульбин – несостоявшийся издатель
путевых заметок шейха ат-Тантāвī

Несколько лет назад в очерке, посвященном жизненному и творческому пути репрессированного востоковеда Г.Г. Гульбина (1892–1941)¹, автор этих строк писал: «Нет сомнений в том, что именно с благословения своего учителя Г.Г. Гульбин начал подготовку исследования памятника «Китāб тухфат ал-азкийā би-ахбār билād ар-Рўсийа», посвященного путешествию Мухаммада ‘Аййāда ат-Тантāвī из Каира в Петербург через Одессу в 1840 г., по двум спискам: петербургскому, подаренному И.Ю. Крачковскому в 1928 г., и копии стамбульского списка, пополненной годом раньше личную библиотеку академика... Среди архивных материалов Г.Г. Гульбина сохранились шесть листов, на которых аккуратно реконструировано начало этого сочинения с учетом разночтений между списками [АВ СПбФ ИВ РАН, ф. 78, оп. 1, ед. хр. № 16] – очевидно, все, что ему удалось сделать. В начале 1990-х гг. в Иордании вышло в свет издание этого памятника, подготовленное по стамбульской рукописи..., однако его петербургский список, к сожалению, не введен пока в научный оборот»².

Проведение конференции, посвященной шейху ат-Тантāвī, стало хорошим поводом детально рассмотреть этот вопрос, в частности, попытаться оценить, насколько Г.Г. Гульбин был подготовлен к тому, чтобы осуществить критическое издание данного памятника. Представляется, что такой подход является неременным условием объективного изучения истории отечественного востоковедения и ни в коей мере не может бросить тень на память трагически погибшего научного сотрудника, чье имя и так вошло в историю нашей арабистики благодаря подготовленному им «Биобиблиографическому словарю русских и советских арабистов»³.

¹ *Французов С. А.* Полузабытый «востоковед-мусульманист» и его словарь // Восток, 2005, № 3, С. 115–124 (статья переиздана с исправлением опечаток в: Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III. М., 2008, С. 477–491).

² *Французов С. А.* Ук.соч., с. 122 (переизд.: С. 489).

³ Первая часть этого словаря (от *А* до *Л*) вместе со вступительным словом его редактора И.Ю. Крачковского и предисловием составителя опубликована в: Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III, С. 492–498, 500–642, – вторая (от *М* до *Я*) находится в печати. Вступительное слово, предисловие и статьи на букву *А* ранее были изданы в: Восток, 2005, № 3, С. 124–138.

Сравнение текста начальной части *Тухфат ал-азкийā*... (л. 1v–4r), аккуратно переписанного Г.Г. Гульбиным на основании списков этого сочинения, ныне хранящихся в РНБ под шифрами Кр. 47 и Кр. 49, с самими этими списками показало, что уровень его владения арабским языком и приобретенные им навыки чтения рукописного арабского текста не были достаточны для того, чтобы он смог выступить в роли издателя¹. Несколько примеров с л. 1v ясно на это указывают: так, два последних слова в обороте *وقيض له اعوانا يعضدونه وانصارا يحمونه* он совершенно невразумительно прочел как *انصار اليمونه*, сочетание *مناهج الرشاد* – как *منامج الرشاد*, *يدرك* – как *يدرن*, *بديعا*, *بديعا* – как *يديعا*, *والبحار* – как *والبخار*, *ابدهوه* – как *ابده* и даже *كالصغير* – как *السغير* (в последнем случае речь, скорее всего, идет об опiske).

Не исключено, что после знакомства с несколькими страницами критического текста сочинения ат-Тантāвй, подготовленного Г.Г. Гульбиным, И.Ю. Крачковский отсоветовал ему продолжать эту работу. Возможно, и сам составитель библиографического словаря арабистов вовремя осознал, что взялся за непосильную для себя задачу.

Знакомство с рукописями *Тухфат ал-азкийā*... из собрания РНБ позволило установить, что переписчик, скопировавший стамбульский список, не слишком хорошо знал арабский и, по крайней мере, в некоторых случаях механически воспроизводил текст, не понимая его содержания.

Дьяков Н.Н.

(Восточный факультет СПбГУ)

Новое время – новая «рихла»: египтяне о Европе и России XIX века
(Р.ат-Тахтави, М.А.ат-Тантави, А.Заки)

Эра Пробуждения, Возрождения – «ан-Нахда» – дала арабам новое видение окружающего мира. Новые оттенки обретают традиционные жанры в литературе, включая «книги странствий» – «рихла» – путевые заметки о дальних странах.

В отличие от путешественников прошлого арабские авторы нового времени, особенно в отношении бурно развивавшейся Европы, выступают на рубеже XIX–XX вв. скорее наблюдателями-учениками, нежели просвещенными посланцами «золотого века» Халифата. На фоне колониальной экспансии Запада новый взгляд на Европу, по признанию арабских ученых, был взглядом покоренного на победителя, помогая в

¹ Не следует забывать, что по своей основной специализации Г.Г. Гульбин был османистом, а не арабистом.

то же время лучше познакомиться с достижениями и пороками западной цивилизации.

Посещение Европы купцами, дипломатами, литераторами из арабских стран и провинций Порты в «галантный век» Просвещения, завершившийся эпохальной и одновременно скандальной экспедицией Бонапарта на Восток, открыли миру ислама как позитивные, так и отрицательные стороны новой Европы. Масштабные преобразования Мухаммеда Али-паши (1805-1848), направленные на модернизацию государственных и общественных институтов, выдвинули Египет на пороге XIX века в лидеры движения за обновление арабского мира.

Вышедшее в 1834 г. «краткое описание» Парижа выпускником ал-Азхара Р. Ат-Тахтави приоткрыло арабам дверь в новую Европу, во многом определив воззрения модернистов-западников и консерваторов-традиционалистов на пути развития мира ислама. К концу XIX в. подобные поездки становятся обычным явлением, нередко сопровождаясь изданием очерков и путевых впечатлений арабских авторов о жизни Европы и России.

С эпохой Мухаммеда Али была связана и поездка в Россию другого известного «азхариота» шейха М.А.ат-Тантави (1810-1861), многие годы преподававшего в Санкт-Петербургском университете и, по сути, заложившего основы университетской арабистики накануне открытия в 1855 г. Факультета восточных языков. Наряду с активной преподавательской деятельностью, работой над рукописями профессор ат-Тантави живо интересовался жизнью своей «второй родины», оставив нам яркие очерки, посвященные быту и нравам простых россиян, а также знаменательным событиям в жизни дома и двора Романовых (см. *Предисловие*).

Заметное место в списке египетских просветителей Нового времени принадлежит уроженцу Александрии Ахмаду Заки (1866-1934). Филолог и философ, сотрудник французского Археологического института и член британского Королевского географического общества, А.Заки вошел в историю Египта как видный общественный и политический деятель, один из основателей Каирского университета.

Приверженец панарабизма, «*шейх ал- уруба*», а позже – основатель «Восточной лиги» («*Ар-рабита аш-шаркийя*») за возрождение народов Азии и Африки, А.Заки-паша внес еще не оцененный до конца вклад в изучение арабо-мусульманской цивилизации, ее памятников в странах Востока и Запада.

Возвращаясь с очередного международного конгресса востоковедов (Лондон, 1892) через Париж – «столицу мира», А.Заки-паша провел около двух месяцев в Испании и Португалии, включив свои впечатления об увиденных там следах арабской культуры в сборник «Писем с

конгресса» («*Ар-раса'ил ал-му'тамарийа*»), завершённый в Гранаде 23 января 1893 г. В наполненном тоской по безвозвратно «утраченному раю» очерке о стране Ал-Андалус А.Заки-паша одним из первых обратился к жанру «ностальгических путевых записок» («*рихлат ал-ханин*»), получившему развитие на волне «арабского Возрождения».

Восхищенный и настороженный, критический и романтический взгляд арабских авторов на Европу и Россию – бесспорно, ценный и пока недостаточно изученный источник как по истории становления межкультурных контактов Нового времени, так и по идеологии духовного подъема арабского мира накануне национально-освободительных революций XX века.

Литература:

- Ахмад Заки. Путешествие в Ал-Андалус. (*Рихлат ила-л-Андалус*). 1893 г. Изд. М.К.ал-Хатиб. Дамаск, 1990.
- Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. 2 изд. М.-Л., 1946.
- Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950.
- Реда М.М.А. «Описание России» Шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX века. Диссертация на соиск.уч.ст. к.ф.н. Л., 1984.
- Рифа'а Рафи'и ат-Тахтави. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа или Драгоценный диван сведений о Париже. Изд. В.Н.Кирпиченко. М., 2009.

Еремина (Мици) М. В.

(Восточный факультет СПбГУ)

***Изображение Турции египетским шейхом ат-Тантāвй
(По страницам рукописи «Описание России», 1850)***

Рукописное «Описание России» шейха ат-Тантāвй – классический пример мусульманской книги путешествий, сходный по стилистике и структуре с такими памятниками, как, например, «Книга путешествия» Эвлия Челеби или «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже» ат-Тахтāвй. Основные черты таких памятников – стремление к объективности, непосредственность описаний, обилие отступлений в мусульманской традиционной манере, отсутствие размышлений о политике.

Вступительная часть «Описания России» ат-Тантāвй содержит рассказ о путешествии из Каира в Петербург в 1840 году. Речь в основном идет о Египте, Турции и России. Примечательное само по себе, повествование в этой связи приобретает дополнительный подтекст. Незадолго

до 1840 года эти страны стали главными игроками в многостороннем (с участием Франции, Англии и Австрии) историческом действе, а именно – в турецко-египетском конфликте 1831-33 и 1839 гг., в котором Россия из соображений своей выгоды выступила на стороне Турции.¹

В безмятежном повествовании ат-Тантāвī эти драматические события никоим образом не отозвались. Дружественный и мирный взгляд автора «Описания России» ничем не напоминает о глубочайшем конфликте между Турцией и ее вассалом Мухаммадом ‘Али, наместником Египта, восставшим против султана Махмūда II. Египтянин ат-Тантāвī, посетивший Турцию на пути в Россию, лоялен и благорасположен ко всем странам и культурам, ибо исходит из принятия мультикультурного мира, если таковой существует по благословию Аллаха. Он далек от политики, демонстрирует почтение к своему владыке, султану ‘Абд ал-Мадждиду I, и выражает это почтение в пышных ритуальных формулах, ведь рукопись, законченная в 1850 году, была предназначена для ублажения султана. Да и сама интонация повествования в его сочинении продиктована арабской литературной традицией.

Следует, однако, отметить, что фрагмент, посвященный Турции, представляет особый интерес не только как свидетельство ярко выраженной верноподданнической позиции египтянина по отношению к Высокой Порте. Ат-Тантāвī, прежде всего, является носителем арабомусульманской культуры и ненавязчиво отделяет ее от турецкой как исходную, более древнюю. Он, несомненно, патриот Египта и думает о его благе. Наконец, перед нами интеллигентный восточный наблюдатель, который стремится к объективности, мягкости и такту по отношению к чужой стране. Все это вместе взятое создает довольно любопытный синтез, своеобразие которого проявляется особенно в сравнении со свидетельствами российских наблюдателей, побывавших в Турции приблизительно в ту же эпоху с совершенно другими целями.

Особый интерес эта страна в 1830-е годы представляла для русских дипломатов. Он отразился в книгах таких активных участников россий-

¹ «Причины, которые побудили Николая I оказать поддержку Порте в ее борьбе против Мухаммеда ‘Али следующие: боязнь, что Мухаммед ‘Али, захватив власть в Османской империи, превратит ее в сильное государство; опасения, что такая перемена в положении Турции отвлечет силы и внимание России от дел Европы; боязнь, что с победой Мухаммеда ‘Али Россия потеряет выгоды, приобретенные ею по Адрианопольскому договору; страх перед революцией, носителем которой якобы являлся Мухаммед ‘Али, и боязнь его влияния на мусульманских подданных в России» [Новичев А.Д. История Турции. II. Новое время. Ч. 1 (1792–1839). Л., 1968. С. 197].

ской дипломатической деятельности на Востоке, как Константин Михайлович Базили и Николай Николаевич Муравьев (позднее – Карский), уполномоченный Николаем I вести переговоры и с турецким султаном, и с Мухаммадом ‘Али¹. Правда, К.М. Базили – особый случай, ибо он был по происхождению константинопольским греком и до 12 лет жил в Стамбуле. Тем не менее как зрелый профессионал он сформировался в контексте русской культуры.

Ат-Тантāвī дважды совершал поездку из Каира в Стамбул: первый раз, когда отправлялся на службу в Российскую Империю, а второй раз – после своего кратковременного и единственного отпуска в 1844 году. Это закрепило многие его впечатления. Морское плавание он совершал на австрийском паровом судне, которое на Востоке воспринимали как диковинку. Сам же ат-Тантāвī обнаруживает свою осведомленность в таких областях технического прогресса, как изобретение парохода и железной дороги. Он даже рассказывает по этому поводу анекдот о Наполеоне, видимо, имевший хождение в среде египетских французов, а может быть, услышанный уже в России: «Наутро толпа зевак собралась, чтобы посмотреть на наш корабль. Народу становилось все больше, когда судно отчаливало. Такое неугасающее удивление наблюдалось во всех странах. Но я не думаю, что это [изобретение парохода] является чем-то уникальным. Это можно сравнить с изобретением железной дороги на паровой тяге. И первоначально изобретателя паровой тяги не восприняли серьезно, и его идеи сочли абсурдными. Тогда изобретатель парохода попросил разрешения на его создание у Наполеона, и такое разрешение было дано. Затем после проверки корабля он сообщил Наполеону [о том, что паровой корабль готов], однако в присутствии императора и большого количества людей [двигатель] парохода не заработал. И сказал [изобретатель], что пароход исправен, ведь вчера он работал, просто некоторые завистники покопались в механизмах судна. Однако Наполеон его не послушал, а когда, находясь в ссылке на острове Святой Елены, он увидел проходящий мимо пароход, его одолела глубокая печаль и он признал свою ошибку» (11 – 12)².

¹ *Базили К.М.* Новые очерки Константинополя, с четырьмя гравированными рисунками из альбомов Карла Брюллова. Ч. 1. СПб.: Типография Н. Греча, 1836; *Муравьев Н.Н.* Русские на берегах Босфора. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1869.

² «Описание России» ат-Тантāвī цитируется по следующей рукописи: Шейх ат-Тантāвī. Подарок смышленным с сообщениями про страну Российскую. ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. Рук. № 49. Перевод выполнен М.В.Ереминой. В круглых скобках указаны страницы рукописи.

Отношение «толпы зевак» к европейскому паровому судну объяснялось не только технической отсталостью людей, но и историческими особенностями навигации в этом регионе: «До XIX в. в Черное море очень редко заходили иностранные суда, и грузовое сообщение здесь осуществлялось полностью османскими судами: капитанам кораблей выдавалось под поручительство разрешение (*изн-и сефине*), и они выходили в Черное море. После того, как иностранные суда получили право свободного прохода в Черное море, компании, прежде всего австрийские, а также русские, английские и французские, стали совершать регулярные рейсы как между Европой и османскими портами, так и между собственно османскими, и хотя судов под турецким флагом было больше, иностранцы весьма активно действовали в области перевозок пассажиров и грузов. В середине XIX в. они взялись даже за перевозки на Мраморном море, на Босфоре и в Измирском заливе»¹.

Кроме Стамбула ат-Тантāвī бегло описывает только один большой город Турции – ее крупнейший порт Измир (древняя Смирна): «Мы поплыли дальше, проплыли множество островов и, в конце концов, причалили в порту Измира, крупного города Анатолии. В этом городе много зелени и большое количество построек. Расположен он на полуострове, поскольку море омывает его не со всех сторон» (13).

Из всей богатейшей истории Смирны, которую заселяли и завоевывали в разные века греки, римляне, различные группы тюркоязычных племен, рыцари-иоанниты, генуэзцы, наконец, Ибрāхīm-пāшā, сын Муḫаммада ‘Али, в 1833 году, ат-Тантāвī упоминает только о римском периоде:

«Здесь я увидел дома с колоннами в ромейском стиле, нижняя часть которых выполнена из мрамора. И когда я второй раз возвращался из Египта, меня поселили на карантин в элегантном доме, расположенном в аллее, засаженной виноградом и деревьями. Виноград на этих деревьях был без косточек и не мог давать приплод» (14). Возможно, ат-Тантāвī мог наблюдать постройки периода Восточной римской империи (Византии) либо стилизацию, характерную для домов западных европейцев и для южноевропейской архитектуры. Изобилие мрамора и устойчивые архитектурные традиции могли привести к сохранению элементов византийского стиля в относительно поздних постройках. Подлинные древности Смирны будут открыты через много лет после поездки ат-Тантāвī.

Большую часть турецкой части «Путешествия» составляет, конеч-

¹ История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х тт. Т.1 / под ред. Экмеледдина Ихсаноглу. М., 2006. С. 482.

но, описание Стамбула. Интересен топонимический экскурс автора, отражающий, очевидно, наиболее распространенные версии происхождения турецких географических названий. Ат-Тантāвī использует наименование «Ислāмбӯл» («Земля Ислама») наряду с более традиционным «Истāнбӯл», а также греческое «Константинополь» наряду с арабским «Қустантинййа». Он свидетельствует о том, что в Египте думали, будто название «Истāнбӯл» – греческое слово в армянском произношении, происходит от греческого «Константинополь» и изначально звучало «Стамполи», что означает «городской», «из города»¹.

Вообще, в тексте много детальных филологических экскурсов, избочливающих в египетском шейхе склонности к сравнительному языкознанию. При этом он скептически настроен по отношению к восточным переводчикам, анализирует их ошибки. Мусульмане пытались в этой сфере угнаться за достижениями европейцев, которые к этому моменту уже имели целые востоковедческие институты, но долгое время им это не слишком удавалось. «Что касается Османского государства, тут дела шли не блестяще. Сначала [Османы] пользовались услугами людей, знавших [иностранные] языки, принявших ислам и занимающих различные административные должности в финансовых, судебных и иных структурах, но, начиная с XVII в., эти должности стали монополией греческих семей. По причине всплеска национальных чувств, возникшего с развитием Французской революции, эти переводчики время от времени наносили непоправимый вред, вплоть до предательства... Осознав важность и необходимость переводческих кадров, Высокая Порта в 1821 году открыла Палату переводов и подготовила дипломатов-мусульман, владеющих [иностранными] языками»².

Ат-Тантāвī посвятил лирические строки «Константинопольскому

¹ Подобные филологические комментарии были свойственны не только ат-Тантāвī. Это одна из отличительных черт арабской литературы, посвященной путешествиям, и признак высокой образованности автора подобных изысканий. Другой египетский шейх Рифā'а Рāфи' ат-Тахтāвī в своем описании Парижа также не избежал филологических пояснений. «Знай, что французы называют этот город Пари, с персидским «п», которое произносится как среднее между арабскими «фа» и «ба», но пишут «Парис», хотя «син» не произносят. У французов принято некоторые буквы писать, но не произносить, особенно букву «син» в конце слов. Арабы, турки и некоторые другие пишут «Барис» или «Бариз», а произносят иногда даже «Фаис»» (Ат-Тахтāви Р.Р. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. М.: Наука, 2009. С. 36).

² История Османского государства, общества и цивилизации. Т.1. С. 166.

заливу» (*ал-халидж ал-Қустантиний¹*), отметив, между прочим, деталь, которая встречается и в других книгах о Стамбуле: «Мы видели рыб, выпрыгивающих из воды. Затем мы оказались в Константинопольском заливе, после чего прибыли в город ислама, который по всей своей протяженности находится на возвышенности, а это хранимый город Константинополь (*Қустантинийя*)» (14). Прыгающие рыбы – вовсе не поэтическая условность. Подъезжающие к Стамбулу по морю путешественники XIX и начала XX веков неизменно видели дельфинов. Прибывший в Стамбул в 1833 году с миссией миротворца Н.Н. Муравьев в своей книге «Русские на Босфоре в 1833 году» повествует о дипломатических действиях, политических шагах и военных маневрах, но и он не смог удержаться от создания поэтической панорамы Стамбула, открывающейся с моря, упомянув и дельфинов: «Вид самого Цареграда, огромного купола Святой Софии, мечетей, легких минаретов, кипарисовых рощ, многочисленных судов под флагами всех наций, бесчисленного количества каиков, или тамошних остроконечных лодок, быстро перерезывающих во всех направлениях Босфор, наконец, даже толпы дельфинов, играющих на поверхности вод – все сие переносит зрителя в какой-то мир очарования»².

Ат-Тантāвī отмечает выгодное и эффектное географическое положение Стамбула как порта³, а также как центра богатой империи и огромного торгового ареала: «Стамбульский порт – самый прекрасный и самый ухоженный порт, ведь этот город находится на границе Европы и Азии, между Черным и Средиземным морями. Город окружен плодородными предместьями и огромной империей. Во всех краях страны, на севере, юге, западе и востоке, собирают обильный урожай. Сюда один за другим непрерывно стекаются караваны из Азии и парусные и паровые суда из Европы. В этом городе смешались все народы и религии со всего мира, включая турок, армян, европейцев, итальянцев, иудеев,

1 Константинопольским заливом/ проливом (арабское слово *халидж* в равной степени обозначает и «залив», и «пролив») автор, по всей видимости, называет и знаменитую бухту Константинополя Золотой Рог и пролив Босфор, вероятно, рассматривая их как единую систему.

² *Муравьев Н.Н.* Ук. соч. С. 33.

³ Э. Элдем, Д. Гоффман и Б. Мастерс сомневаются, что правомерно ассоциировать Стамбул с портом, хотя и отмечают, что стамбульский порт представляет собой прекрасное зрелище. Они также связывают само название Высокая Порты именно со значением древнегреческого слова «порт» – «врата». Стамбул мыслится как врата в Европу и Азию. См.: *Eldem E., Goffman D. and Masters B. The Ottoman City between East and West. Aleppo, Izmir and Istanbul.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 137–138.

французов и других)¹ (14-15).

Почтительная любознательность египетского путешественника очень ярко проявляется в отношении к разным национальным культурам Стамбула. К русским, особенно переводчикам, он испытывал исключительный интерес, что объяснялось его миссией. Но и другие народы удостоились его пристального и заинтересованного взгляда. Так, описание армянской церкви и судьбы армянских христиан дает автору повод рассказать в тоне объективной констатации о египетской и турецкой культурной и религиозной политике: «Здесь также стоит католическая церковь, которая была освещена с разрешения благословенного и почитаемого султана Махмуда. Это стало поводом для обращения египетских армян с просьбой о восстановлении их церкви, чему [ранее] препятствовали египетские *улемы*; и [армяне] получили согласие на это. В этой церкви была ниша с водой, к которой вели лестницы, и [служители] утверждали, что вода святая. В эту воду [прихожане] окунали головы и пили ее для благословения. Там я увидел постоянно работавшие водяные мельницы» (22).

Напрасно было бы искать в этих словах открытую похвалу или порицание политики Египта и Турции по отношению к немусульманам. Однако позиции явно противопоставлены. Замечание аҫ-Ҙанҫәви объективно отражает своеобразие положения армян в Стамбуле: «Политические и административные права, которыми пользовались армяне в Турции, были весьма ограничены. Константинопольский армянский патриарх занимал патриарший трон только с разрешения султана. Право на восстановление церквей, издание газеты, постройки каких-либо значительных сооружений и т.д. регламентировалось правительством»².

Различие верований, обычаев и календарного ритма жизни представителей трех мировых религий аҫ-Ҙанҫәви эффектно изобразил, описывая режим торговых заведений: «Мусульмане Исламбұла закрывают свои лавки по пятницам, иудеи закрывают всё в субботу, а у христиан всё закрыто по воскресеньям. Исключение составляют христиане Егип-

¹ К этому списку стоит добавить греков, представителей балканских и кавказских народов, голландцев, англичан. Европейцы занимались в Стамбуле не только торговлей, но и врачебной, аптекарской практикой. «В Стамбуле их обычно именовали «франками», объединяя под этим названием выходцев из разных стран Западной Европы» (*Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 74).*

² *Гукасян В.Г. Константинопольские армяне и национально-просветительское движение. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1989. С. 46.*

та (копты), которые закрывают свои лавки лишь по случаю малых и больших праздников» (18). Этим символическим пассажем, отражающим, кстати, «торговый аспект» Стамбула, автор «Описания России» продемонстрировал свой интерес к религиозной составляющей быта, а также указал на отлаженность и привычность такого сложного ритма жизни многонационального города. Он не объясняет, почему так происходит, видимо, считая религиозную мотивацию режима торговли общеизвестной. Он также не дает никаких нравственных и психологических характеристик представителям описываемых народов¹.

Автор «Описания России» обращает внимание на ландшафт, архитектуру, инженерные устройства, обычаи и повседневную жизнь. Он хорошо знает топографию Стамбула, рассказывает об азиатской и европейской его части, о таких предместьях, как Галата и Ускюдар. «Я покинул дворец Карантинийа и оказался в Галате, огромном предместье, где полно европейцев» (17). С большой теплотой рассказывает ат-Тантāвй о русском квартале в Галате и о том, как его там принимали «с радушием и благоговением» (22).

Галата – центр европейской жизни, политической, дипломатической и торговой, источник иностранного и совсем не мусульманского духа города. Именно в Галате обитали европейские купцы и жили дипломаты, и именно сюда причаливали корабли с запада или отчаливали, направляясь в Средиземное море. Это был мир контрастов, где царил хаос и беспорядок портовой жизни, а винные погреба уживались с элитными домами представителей знатных европейских и местных немусульманских семей². Галата представляла собой и в XIX, и в начале XX века «самое многолюдное, оживленное торговлею и богатейшее предместье Константинополя», «бывшее некогда не менее знаменитым в торговом отношении поселением генуэзцев»³.

¹ Для сравнения приведем характеристики, данные в книге «Типажи местных жителей и их методы ведения торговли» (*Characters of the natives and their trade. Paris, Archives Nationales, Affaires Etrangères, Série B III 241, pièce 18, Caractère des gens du pays, leur commerce, ca. 1750*): «Французской Нации приходится ежедневно иметь дело с турками, греками, армянами и иудеями. Турки часто злые, всегда жадные, хотя иногда они становятся рабами своего слова, греки обычно рассеянные и ненадежные, иудеи строят козни и им нельзя верить, а армяне скупые и грубые» (*Eldem E., Goffman D. and Masters B. Op. cit. P. 158*).

² Eldem E., Goffman D. and Masters B. Op. cit. P. 147–148.

³ Путеводитель по Константинополю. Описание замечательных и святых мест. Издание иеромонаха Антония в пользу Русского Ильинского скита на Афоне. Одесса: Типо-Литография Е.И. Фесенко, 1884. С. 104.

Столь же мало изменился к XX веку характер азиатского предместья Ускудар, или Скутари, самого большого после Галаты предместья Константинополя. Ускудар имел особого верховного судью *мола* и своего особого военного губернатора. Этот район расположен на семи холмах. Там можно было увидеть роскошные сады, мечети, дворцы. Ускудар являлся конечным пунктом караванов из Малой Азии и начальным – в Малую Азию, Сирию, Египет и Индию¹. Вот как описывает Ускудар ат-Тантāвī: «Там [можно увидеть] множество зданий с приятными садами, кладбища с мраморными могилами, а в центре находится здание с колоннами, которое было так хорошо построено, что [со временем лишь] облупилось с двух сторон. Особенно сильно разрушился дворец Его Величества султана, память о котором не сохранилась ни на словах, ни в записях, и о его благородных [делах] можно судить только по этому дворцу» (15).

Упоминает ат-Тантāвī и «Кāгидхāн, названный так потому, что здесь находился дом увеселений в эпоху султана Ахмада» (22). «В Кāгидхāне на лугах с сочной травой пасли султанских коней, а возле находившейся здесь знаменитой протоки жители города любили устраивать пикники»². Ат-Тантāвī описывает большие кофейни, красивые дворцы и многочисленные деревья. Местная дорога ему «напомнила дорогу в египетской деревне в дни разлива Нила, когда лошадям приходилось буквально скользить по воде, как будто по зимнему [льду]» (22)³. Вообще, он все время вспоминает свою родину, сравнивает, какие-то реалии Турции ему нравятся больше, например, рынок. Причина этого предпочтения характерна: на турецких рынках есть красивые, всеми почитаемые мечети. Вот как описывает один из рынков Стамбула современный исследователь: «На Крытом рынке [в Стамбуле] под одной крышей размещено свыше пяти тысяч лавчонок и магазинов, разделенных множеством узеньких улиц, где даже старожилы с трудом могут ориентироваться. Есть на рынке и своя мечеть»⁴.

Одна из оригинальных черт турецкой культуры – искусство калли-

¹ Там же. С. 135–136.

² *Льюис Р.* Османская Турция. Быт. Религия. Культура. М.: Центрполиграф, 2004. С. 76.

³ Ср.: «Узкие, немощные переулки, взбегавшие вверх и сходявшие вниз по склонам холмов, на которых стоял город, превращавшиеся в грязное месиво зимой и пыльное летом, с кучами мусора и лужами помоев, тянулись к основным мощеным улицам, содержавшимся городской службой в чистоте». (*Льюис Р.* Османская Турция. С. 77).

⁴ *Юсупов А.Р.* Стамбул. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 88.

графии – отмечена египетским ученым наряду с другими проявлениями чувства изящного, характерного для турок в их бытовой среде, в обыденных мелочах: «Тут [встречается] множество горшков для цветов и других [мелочей], множество сладких изделий и благовоний, а красивые линии [заметны] даже в чернилах, [которыми написаны] рукописные тексты» (17). Возможно, что автор имеет в виду не только тексты в традиционном смысле этого слова, но и каллиграфические надписи, которыми турки любили украшать свои жилища¹.

Ат-Тантāвī подробно рассказывает о чуме как весьма серьезной проблеме для Стамбула в XIX веке, как, впрочем, и для Египта. Он говорит о предосторожностях, применяемых по отношению к чужестранцам, детально описывает помещение в Ускюдаре, которое он называет «Карантинным дворцом» (дворцом *Карантинийа (Карантинна)*): «В [этом дворце] много помещений для вещей и посетителей, много кранов для набора питьевой воды и (16) для других нужд. И не требуется [этой водонапорной системе] никаких водяных мельниц, но, однако [вода в ней] соленая. В египетских дворцах все устроено иначе: [для водопровода] требуются водяные мельницы, даже если этот дворец находится на берегу Нила. Около дворца [в котором мы остановились] находилось мусульманское кладбище и кладбище для представителей других конфессий, и тех, кто умирал во время карантина, хоронили там. Пока мы там находились, у одного марокканца умерла одна из спутниц от оспы: она совсем ослабела, затем ее накрыли саваном и похоронили на этом кладбище» (15-16).²

Константин Базили, чьи «Новые очерки Константинополя» с гравюрами Карла Брюллова были изданы за четыре года до посещения

¹ Ср.: «По стенам развешаны в рамках каллиграфические надписи с гармонично вырисованными буквами» (*Эссад, Джелал*. Константинополь. (Предисловие Ш.Диля). М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 289–290). «Над резными дверями турецких домов можно увидеть священные надписи, предохраняющие от дурного глаза. Дома бывают украшены орнаментальными решетками, маленькими домиками с колонками, дверями и окнами – для птиц» (Там же, с. 294).

² Любопытно сравнить приведенный фрагмент с описанием карантина в Марселе, сделанным другим египетским шейхом ат-Тантāвī: «Мы стали на якорь в Марселе, одном из портов Франции. Нас усадили в небольшие лодки и привезли в поместье за городом, приспособленное для «карантина»... Территория, на которой мы находились во время карантина, очень большая. На ней расположены дворцы, сады и добротные постройки. Здесь мы познакомились с искусством строительства в этой стране» (*Ат-Тантāвī Р.Р.* Ук. соч. С. 30–31).

Стамбула египетским шейхом, критически оценивает отношение к чумной заразе в Стамбуле: «Признаюсь, я удивлялся их беззаботному спокойствию, следствию долгого пребывания в стране чумы, в котором, видимо, отражался фатализм Востока, необходимый спутник того, кто решился жить с турками»¹. Очевидно, ат-Тантāвī, приехавший в Стамбул в годы правления уже другого султана (не Махмūда, а юного ‘Абд ал-Маджīда), застал изменения в этой области, отражающие процесс европеизации страны в период Танзīmāта.

Чума буквально преследовала Стамбул на протяжении многих веков². Отношение к этой стихии в Стамбуле отражало и консерватизм турок, и религиозные традиции, и природный страх смерти. К.М. Базили проницательно объяснял отсутствие решительных действий со стороны султана народным мнением: «Многие спрашивают, отчего до сей поры Султан Махмūd, в царствование которого столько раз свирепствовала чума, не подумал об учреждении карантинных оцеплений. Но в Константинополе и то не понравилось народу, когда по распоряжению правительства были прекращены сообщения с одним предместием, где была зараза. Княжеские острова и некоторые предместия, населенные одними христианами, в пору сильной заразы себя сами охраняют, не пускают к себе никого и никому из своих не позволяют отлучаться в город»³. Тот же Базили, по-видимому, разделял распространенное в то время поверье, что чума рождается в тесных еврейских кварталах Стамбула как «продлившаяся до нашего времени одна из язв Израиля»⁴. Ничего подобного мы не встретим у ат-Тантāвī. Он просто деловито описывает карантинные мероприятия, не касаясь философско-религиозных проблем, не намекая на разное отношение конфессий к жизни и смерти. О жертвах болезни он повествует со сдержанной печалью, принимая смерть как неизбежный элемент этого мира. Но и европейские веяния в сфере защиты от чумы он также воспринимает привычно, ибо его родина уже давно испытывала влияние европейской культуры.

Присутствие чумы ощущалось в ту эпоху и в Египте, и в Турции, и

¹ Базили К.М. Ук. соч. С. 52.

² «В 1466 г. В Стамбуле ежедневно гибли от этой страшной болезни по 600 жителей. Мертвцов не всегда успевали хоронить вовремя, ибо в городе не хватало могильщиков... Эпидемии чумы бывали в Стамбуле и в последующие века. Десятки тысяч жизней унесла, в частности, эпидемия чумы, свирепствовавшая в столице в 1625 г.» (Петросян Ю.А. Османская империя, С. 73).

³ Базили К.М. Ук. соч. С. 83.

⁴ Там же. С. 50.

это только усугубляло свойственный мусульманскому наблюдателю интерес ко всему, что связано с бренностью жизни: к кладбищам, погребальному обряду. Тема эта проходит лейтмотивом в «турецком» фрагменте «Путешествия». При этом Ат-Тантāвī философски смотрит на соседство жизни и смерти, веселья и скорби: «Рядом с группой танцоров я случайно увидел другую группу, в центре которой находился мертвец с поднятой рукой, и хоронили его с прикрытым лицом. [Этот человек умер] от чумы. Для него вырыли глубокую яму, на нем был головной убор, и его опустили с закрытой головой [в яму]. Священник бросил на него лоскут ткани, чтобы скрыть запах [мертвеца]. Затем он окропил его водой и произнес какие-то слова. Я не понял смысла этих слов и ритуала с водой. Как сказал ал-Харйрī: «Эти трудности не мешали им хоронить человека и одновременно танцевать». Я увидел, что один человек оплакивает умершего. Я не смог прослезиться, хотя рядом с этой церковью находилось мусульманское кладбище, большинство могил которого были сделаны из мрамора, на котором были высечены имена [умерших]» (22).¹

Особый интерес представляет все, что связано с отношением ат-Тантāвī к мусульманской культуре в Турции. Тон спокойного интереса к культурам иноверцев сменяется здесь на ревнивую констатацию отличий в храмовой архитектуре, религиозной обрядности, в манере чтения Корана. Здесь автор предстает не столько любознательным путешественником, сколько правоверным мусульманином и знатоком ислама. Рассказывая о переделке собора Святой Софии в мечеть Айя-София, он с благоговением упоминает замену Евангелия на Коран, педантично замечает отличия от традиционного устройства мусульманского храмового здания, в частности, расположения *минбара* и *қиблы* (*михраба*): «Минбар выдавался вперед с одной стороны, а *қибла* находилась с

¹ Житель Стамбула Джелал Эссад в начале XX века подтверждает обилие кладбищ в городе: «Мусульманин желает покоем возле мечети или часовни. Кладбище обычно расположено в садике возле храмового здания. Закрытые усыпальницы предназначены только для святых, султанов и очень важных лиц. Одно из ритуальных украшений могилы называется *тюрбэ*. Надгробная тумба в виде восьмиугольника или квадрата с куполом и папертью. В головах гроба ставится *тюрбан*. Сторожа читают Коран... Общественные кладбища помещаются вблизи города. Кроме маленьких кладбищ, которые встречаются в каждом квартале возле мечети, город имеет три главных кладбища, настоящие города мертвых» (*Эссад Дж.* Ук. соч. С. 264–265). Восхищался красотой турецких кладбищ в кипарисовых рощах и Н.Н. Муравьев, замечая тем не менее, что там стоит неприятный запах тления. См.: *Муравьев Н.Н.* Ук. соч., С. 176–177.

внешней стороны от стены, и между ними имелось некоторое пространство. Обычно при строительстве мечети *минбар* примыкает к *қибле*. Здесь *қибла* располагалась в одной из стен мечети, а в *қибле* стояли две свечи в виде двух колонн [вертикально], а рядом с ними висели полотна из ценных тканей. В этой мечети имелись также шкафы для книг, также там были цветы, а в центре находился большой мраморный кувшин, из которого можно было пить» (20).

В исламе основные требования к оформлению мечетей сложились еще в первые века его существования. Ат-Тантāвӣ, очевидно, не только сторонник, но и блюститель чистоты изначальной религиозной символики. Адресуясь к собратьям по вере, он ничего не поясняет. Между тем строгость расположения частей мечети имеет глубокий религиозный смысл. Мечеть «представляла собой просторное, обычно под куполом, помещение, достаточное для того, чтобы вместить верующих всего квартала на полуденную пятничную молитву. В середине одной из стен мечети имелась ниша – *михраб* (*қибла*), указывающая направление на Мекку, а справа от нее располагался минбар – кафедра проповедника»¹.

Критическая оценка, которую ат-Тантāвӣ стремится несколько смягчить оговорками, звучит в эпизодах, посвященных практике чтения священных текстов в Стамбуле: «В пятницу я молился в хорошо выстроенной мечети возле Залива, устланной коврами, над которой построен купол. Однако чтец молитвы (*хатиб*) то тщательнее обычного выговаривал [слова] проповеди (*хутбы*), то спешил, порой переходил на шепот, а порой говорил очень громко. Там находится небольшое возвышение (*дикка*), украшенное перламутром, на котором сидит тот, кто читает суру «Пещера». Под ним устроена площадка, огороженная небольшим парапетом, где [чтец] молится, когда спускается [с возвышения]. В Египте такого нет: тот, кто читает суру «Пещера», когда спускается с возвышения [молится] как и все остальные. Возможно, причиной обустройства такого [специального] места является большое скопление народа, так что чтец не может найти [себе] места, кроме как в толпе» (18-19). «...Они читали [*қақыду*] «Плащ»², как и в Египте, и они хорошо ее читали, потому что по происхождению они были арабами. И меня это очень удивило. Однако они произносили слова с ошибками, хотя им это простительно, ведь ошибки случаются и у тех, кто читает ее в Египте, арабской стране» (20).

Приведенные фрагменты обнаруживают чувство превосходства представителя арабской ветви ислама в соблюдении канонов и в прак-

¹ Льюис Р. Ук. соч. С. 52.

² *Қақидат ал-бурда*: см. выше прим. 3–4 на с. 30. (Прим.ред.).

тическом богослужении. В то же время шейх упоминает о том, что всем свойственны ошибки и оправдывает некоторые отступления от канона местными обычаями. Для сравнения внутреннего обустройства мечетей приведем слова английского исследователя Египта XIX века Эдварда Уильяма Лэйна, который писал о том, что в Каире расположено огромное количество мечетей, но все они устроены примерно одинаково. «В центре внешней стены помещается ниша, которая указывает направление на Мекку (*михраб*), а справа — кафедра проповедника (*минбар*). Напротив ниши, в передней части портика или в его центральной части, обычно расположена площадка (*дикка*), покоящаяся на колоннах и окруженная парапетом. Около нее или перед ней — два сиденья с возвышением наподобие парты, туда кладется Коран, из которого вслух для всей общины читается какая-нибудь из сур»¹.

Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты «турецкого» фрагмента «Описания России», требующего, как и все произведение, подробного научного комментария. Обзор этих страниц рукописи ат-Тантāвй позволяет сделать предварительные выводы. Какие бы чувства ни испытывал египетский шейх к стране, с которой Египет вступил в 1830-е годы в острый военный и политический конфликт, в своем произведении он неизменно сохраняет тон любознательного путешественника, то восхищенного, то удивленного, но принимающего культурное разнообразие мира как подтверждение всемогущества Бога.

Наряду с этим он занимает позицию ученого, стремящегося к объективности описания. Единственное исключение представляют отрывки, посвященные мусульманской обрядности в ее турецком варианте. Именно здесь обнаруживается ненавязчиво выраженная ат-Тантāвй мысль о религиозно-культурном превосходстве арабского Египта над Турцией, об исконности и правильности религиозного канона в его арабском варианте. Вполне очевидно, что это не могло не наполнять душу ат-Тантāвй гордостью за Египет и ту культуру, которую он представлял. Тем не менее Турция и особенно многонациональный Стамбул, несомненно, расширили культурные горизонты египетского ученого, в определенной мере подготовив его к встрече с Россией.

¹ Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян первой половины XIX века. М.: Восточная литература, 1982. С. 101.

معاذ يوسف يعقوب

(كلية الحضارة واللغات بفرع جامعة أوربا الإسلامية في إستانبول)

الطنطاوي بين مصادر ترجمته العربية

وغيابه عن الواقع الثقافي العربي

تنويه :

لا تذكر هذه المقالة أي ترجمة للشيخ محمد عياد الطنطاوي فترجمته مذكورة في مظانها العربية - وهي في جلها مذكورة في هذه المقالة - وكذلك بالروسية وهي لن تخفى على الباحث المهتم، ولكن هذه المقالة تحاول ذكر المصادر الخاصة التي اقتصرت على ترجمة الطنطاوي بالعربية دون كتب الأعلام العامة، مع محاولة معرفة أسباب غيابه عن الواقع العربي مقارنة بحضور من لحقوه على نفس الدرب وألّفوا عن الغرب (أعني الطهطاوي والشدياق) ويحاول استقصاء الأسباب ووضع بعض المقترحات لإعادة الاعتبار لمكانة الشيخ الطنطاوي لوضعه في المكان اللائق به والذي يعتقد كاتب المقال أنه ينبغي أن يكون الأول - زمنياً على الأقل.

في دمشق القديمة شمال الجامع الأموي حيث يقع قبر صلاح الدين يستطيع أي سائح أن يرى ثلاثة قبور مختلفة قليلاً رغم أنها حديثة نسبياً تعود إلى أوائل القرن الماضي حيث يلاحظ الكتابة التركية والعلم التركي الرسمي، كما سيلاحظ أن السواح الأتراك بناءً على برامجهم السياحية قلما يغفلون عن زيارة هذه القبور كونها تعود لجنديين وضابط عثماني قضا هنا وكان أحدهم من أوائل الطيارين الحربيين الأتراك.

لم أرَ قبر الطنطاوي في سان بطرسبرغ حتى أعرف أن كان هناك اهتمام أو علم مصري منقوش عليه أم لا، لكنني أعرف أن العرب بشكل عام والمصريون بشكل خاص مقصرون في التعريف بهذا الرجل العظيم العالم بالعربية والضليع في اللغات واللهجات والألسنة، وأحد أوائل الكتاب الذين واصلوا بين مشرق الأرض ومغربها ومن السابقين إلى التعريف

بالتأليف عن الغرب للشرق وأحد العرب القلائل الذين تتلمذ المستشرقون على أيديهم ويكاد يكون الوحيد في عقر دارهم. من عجائب قدر النشر أن العالم العربي يعرف مؤلفين عن أوروبا لمؤلفين تأخر وفاته عن وفاة مؤلف آخر بالكاد سمع البعض باسمه ناهيك عن معرفة كتابيه والذي طبع أحدهما مؤخراً فيما لا يزال الآخر مفقوداً. الكتاب الثالث (الواسطة في أحوال مالطة وكشف المخبا عن فنون أوروبا) وهو الأقل شهرة وقد طبع طبعات كثيرة كانت منها طبعات شعبية أو على شكل هدية مع مطبوعات أخرى. توفي مؤلفه الشدياق عام 1887م. أما الكتاب الثاني فهو تلخيص الإبريز في تلخيص باريز وهو الأشهر والذي طبع طبعات مختلفة عديدة فقد توفي مؤلفه الطهطاوي عام 1873م.

لكن الكتاب الأول (تحفة الأذكىء بأخبار بلاد روسيا) لصاحبنا الطنطاوي المتوفى عام 1861 فلم يطبع إلا طبعة يتيمة متأخرة ويبقى كتابه الآخر (وصف روسيا) وربما كان هو الذي يستحق أن نسميه ما قبل الأول في سلسلة التعريف بأوروبا فنتنظر معجزة للعثور عليه ناهيك عن إخراجه وطباعته

المصادر الخاصة المتقصرة على ترجمة الطنطاوي بالعربية

تكاد المعلومات المتوفرة بالعربية مما هو بين أيدينا اليوم تنتهي بالأستاذ الدكتور محمد عيسى صالحية من جامعة اليرموك بالأردن وهو الذي قام على إخراج كتابه تحفة الأذكىء وقدم لها بمقدمة شاملة حسب المتوفر بين يديه حيث ذكر في إهدائه للكتاب أن العلامة صلاح الدين عثمان هاشم قد أوكل إليه مهمة البحث عن هذا الأثر وقد قام بتحقيق هذه المهمة خير قيام حيث طبع الكتاب بمؤسسة الرسالة عام 1992 ، كما ألقى صالحية كلمة وافية في ندوة (الغرب في عيون عربية) والتي كانت محور ندوة مجلة العربي الكويت من 6-8 ديسمبر عام 2003م. وخصت

الندوة أبحاث الفترة المسائية الثانية 2003/12/7 كاملة عن الشيخ الطنطاوي وكتابه بعنوان (البلاد الروسية في عين الشيخ محمد بن عياد الطنطاوي 1860-1840م) وكانت الجلسة برئاسة الأستاذ عبدالعزيز سعود الباطين رئيس مؤسسة الباطين للإبداع الشعري .

القليل مما كتب عن الشيخ الطنطاوي مبكراً بقي مقصوراً على نخبة من المثقفين وربما لم يتجاوز متابعي مقالات الكاتب، حيث "كان العلامة الجليل أحمد تيمور باشا أول من تنبه إلى أهمية الشيخ محمد عياد الطنطاوي في تاريخ علم المشرقيات، حيث بذل الجهد في تسقط أخباره زماناً من مختلف المصادر، وسأل عنها علماء الأزهر الشريف، ووسع دوائر بحثه عند المستشرقين، ومن ثمّ كتب مقالته الشهيرة (الشيخ محمد عياد الطنطاوي) في مجلة المجمع العلمي المجلد 4، الجزء 9، أيلول 1934م - هكذا وردت وهو خطأ مطبعي على الأرجح ولعل الصواب 1924 / صفر 1342 هـ ص 387-391 [صالحية . د. محمد عيسى تقديم كتاب تحفة الأذكياء بأخبار بلاد روسيا ص 7 - مؤسسة الرسالة - دار البشير عمان طبعة 1992م-1412هـ].

ثم استدرك العلامة كراتشكوفسكي بمقالة تحمل الاسم نفسه ضمنها أهم المراجع التي حوت ترجمة الشيخ نشرت في مجلة المجمع العلمي المجلد 4، الجزء 12، كانون الأول 1924م / جمادى الأولى 1342 هـ ص 387 - 391 ص 562 - 564 أعقبها بعد ذلك برسالة لتيمور باشا مع صورة لشاهد القبر فعقب العلامة تيمور في رسالة أرسلها إلى العلامة كراتشكوفسكي يشكره فيها ويعدّه بأن ينشر ملخص الرسالة في مجلة الزهراء وقد نشرت فعلاً بعنوان شاهد قبر الشيخ عياد الطنطاوي في ذو القعدة 1347 مجلد 5، ص 360. وكانت مقالات تيمور باشا وكراتشكوفسكي أفضل ما كتب عن الشيخ الطنطاوي بحق [ينظر صالحية - المرجع السابق ص 7-9].

بعد عقدين من الزمن وبالتحديد في تاريخ 7 محرم سنة 1363 هـ

3 - يناير 1944 م وفي العدد 549 من مجلة الرسالة الذائعة الصيت آنذاك ظهر مقال جديد بعنوان: (الشيخ عياد الطنطاوي) كانت المقالة رجائية استقهامية! حيث يرجو كاتبها محمد أمين حسونة ممن يعثر على شيء من تاريخ هذا الرائد المجهول أن يدلي على صفحات الرسالة بالمصادر التي يمكن الرجوع إليها. وقد استجاب الأستاذ سعيد الأفغاني لهذا الرجاء حيث نبه إلى جهود أحمد تيمور باشا وكراتشكوفسكي بعد أسابيع من نشر مقال حسونة في العدد 554 بتاريخ 19 صفر 1363 هـ - 14 فبراير 1944 م [ينظر صالحية - المرجع السابق ص 8-9].

ظهرت بعد ذلك بوضع سنوات في مجلة الكتاب وفي عدديها يوليو 1946 ويونيه 1949 مقالات لـ ج بولوتسكي ومحمد عبد الغني حسن بعنوان (عربي في بلاد الصقالبة الشيخ محمد عياد الطنطاوي 1810 - 1861) ثم نشره مرة أخرى بموضع آخر تحت عنوان مختلف (أعلام النهضة الحديثة) ، و لكنها - حسب رأي صالحية- لا تخرج عما نشر قبل ذلك وهي لا تعدو أن تكون النقطات من مقالات تيمور باشا وكراتشكوفسكي [ينظر صالحية - المرجع السابق].

وهكذا وعلى فترات متفرقة ظهر للأديب حسن علي محفوظ مقال في العدد السابع من مجلة كلية الآداب بجامعة بغداد عام 1964 بعنوان (الشيخ محمد عياد الطنطاوي معلم اللغة العربية العربي الأول في أوربا) ثم طبعت مستلة المقال من المجلة بشكل كتيب مستقل في مطبعة الحاني ، حتى كان سنة 1409 هـ - 1989 م حين ظهرت مقالة لمحمد عبد القادر بافقيه بعنوان(من قصص الاستشراق والتغريب الطنطاوي الذي مات في بترسبرج) نشره في مجلة المنتدى السنة السادسة العدد 67 جمادى الآخرة 1409 هـ - فبراير 1989 م لكنه يكاد يكون منقولاً بحرفيته من كتاب كراتشكوفسكي (مع المخطوطات العربية 236-237) [ينظر صالحية - المرجع السابق].

أما الأستاذ الدكتور محمد عيسى صالحية الذي انتهى إليه ما كتب

عن الطنطاوي قديماً وحديثاً فاستوعبها في مقدمة كتاب الطنطاوي (تحفة الأذكياء بأخبار بلاد روسيا)، كما تفرد عن سبقه بأنه أخرج كتابه القيم إلى النور، وقام بدراسة عنه، ولنتركه يقول: “ومن جانباً فمن خلال اطلاعنا على ما ورد في الدوريات العربية والأجنبية عن سيرة الشيخ محمد عياد الطنطاوي، ودراستنا لكتابه تحفة الأذكياء، فإننا نقدم ترجمة نراها قريبة إلى الصواب، ونلقي أضواء على سيرة هذا الرائد. تروي سيرته بأن اسمه:

هو محمد عياد بن سعد بن سليمان عياد الشافعي المرحومي الطنطاوي، ولد....” [صالحية - المرجع السابق ص 9-10]

وإذا أضفنا إلى مقدمته لكتاب تحفة الأذكياء كلمته التي خصص لها أبحاث الفترة المسائية الثانية كاملة 2003/12/7 حيث تناول الشيخ وكتابه من خلال نظرة الشيخ إلى روسيا آنذاك يكون الدكتور صالحية هو المرجع اليوم باللغة العربية عن شيخنا الطنطاوي.

كذلك ذكر الأديب عيسى أسكندر معلوف الشيخ الطنطاوي من خلال زوايا معرفته ومؤلفاته عن اللهجات العربية واللهجة المصرية ضمن سلسلة مقالاته في مجلة مجمع اللغة العربية عن اللهجة العربية العامية والتي صدرت فيما بعد مع مقالات أخرى لغيره بشكل مستقل بعنوان: (اللهجات العربية: بحوث ودراسات، مجمع اللغة العربية، القاهرة 2004م)

على صعيد وسائل الوسائط المتعددة نستطيع أن نجد على شبكة الإنترنت أيضاً في موقع الجمعية الدولية للمترجمين واللغويين العرب للدكتورة فاطمة عبد الفتاح عدة أجزاء في سلسلة مقالات بعنوان إضاءات على الاستشراق الروسي وفي الجزء الثاني منه والذي هو بعنوان مصادر الاستعراب الروسي نبذة غير يسيرة عن شيخنا الطنطاوي وأعقبته بذكر العديد ممن سار سيرة الطنطاوي وأعقبه في الوصول إلى سان بطرسبرغ بل والتدريس هناك أيضاً

[وصلة الموقع والمقال

<http://www.wata.cc/site/researches/55.htm/>

كذلك يمكن أن نجد في بعض المنتديات الشعبية المهمة ترجمة لسيرته أو ذكراً لكتابه أو جهوده، على أن كتاب تحفة الأذكىاء متوفر على شبكة الإنترنت بصيغة الأكروبات (.pdf).

وقد خصص راديو موسكو بالعربية حلقة 18 فبراير سنة 2008 من برنامج الإنسان والثقافة للحديث عن الطنطاوي وكتابه من خلال استضافة يفيم ريزفان، نائب مدير متحف الانثروبولوجيا والاثنوجرافيا (دار التحف) التابع لأكاديمية العلوم الروسية ، ورئيس تحرير المجلة العلمية الدولية (*Manuscripta Orientalia*)، والأستاذ في جامعة سان بطرسبورغ، والذي أشار إلى فلم وثائقي عن الشيخ الطنطاوي عرض في البحرين ضمن مشروع (عجمة) لزيادة مد جسور التواصل بين روسيا والعالم العربي والإسلامي، ولا تزال الحلقة بكاملها محفوظة في موقع الإذاعة على شبكة الإنترنت [وصلة الموقع والحلقة متوفرة بشكل نصي [<http://arabic.ruvr.ru/2008/02/18/40186.html>

كما أن قناة الجزيرة ومن خلال برنامج (تحت المجهر) خصصت حلقة 29 مارس 2007 بعنوان صفحات من التغريبة الروسية حيث استضافت الباحثة العريفة أنستاسيا شيرينسكايا وتطرق الحديث إلى جوانب من سيرة الشيخ الطنطاوي وربما عند عائلتها صورة له كون جدها الجنرال نسفيتي فينش كان من المقربين إلى القصر آنذاك وكان مسموحاً له التصوير في أي مكان شاء بالقصر كما تصرح في هذه الحلقة [وصلة الموقع والمقال <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/EF1FEBC-43D9-4600-B447-0DE153B8B309.htm>

لماذا غاب الطنطاوي عن الواقع الثقافي العربي؟

أجمل من نفسي أنني تعرفت على كتاب (صعيدي في بلاد الروس) لزكريا تركي وقرأته قبل أن أعرف عن كتاب تحفة الأذكىاء، غير أنني لا أعتبر نفسي فقط مسؤولاً عن هذا التقصير، بل هناك أسباب أخرى منها ما يتعلق بشيخنا الطنطاوي ومنها ما يتعلق بالبلد الذي هاجر منه

والآخر الذي هاجر إليه، وحسب رأي كاتب هذا الأسطر أن أسباب غياب الطنطاوي وكتابه القيم عن الواقع الثقافي العربي مقارنة بمن نحى نحوه في التأليف (الطنطاوي والشدياق) يمكن أن تندرج فيما يلي:

1- البعد الجغرافي لروسيا مقارنة بالبلدان الأوروبية الأخرى، رغم وقوع الكثير من أراضي روسيا ضمن قارة آسيا حيث يمكن أن يعد سبباً غير مباشر أيضاً

2- سعي العرب لمعرفة أوروبا أكثر من معرفتهم بروسيا وهذا من خلال جانبين مختلفين:

الجانب الأول يتمثل في تعرض بلادهم للاستعمار الأوروبي بينما لم يشهد أي بلد عربي ضيوفاً غير مرغوب فيهم من روسيا
الجانب الثاني يتمثل في إغراء أوروبا للعرب بحضارتهم التقنية وتقدمهم التكنولوجي والتي لم تكن الأحوال في روسيا تضاهيها بل كانت لا تزال بلداً زراعياً وإن لم تكن تخلو من صناعات متقدمة نسبياً
ولئن لم تكن لملاطة -موضوع كتاب الشدياق الأساس- تلك الأهمية لكنها أقرب البلاد الأوروبية إلى العرب وإن كان الشدياق يعد لغتهم ذات أصل عربي من لهجات الساحل السوري

3- قضى الطنطاوي كثيراً من عمره في روسيا خارج البلاد العربية حتى مات ودفن هناك، لذلك لم يكن له احتكاك بالفعاليات الثقافية العربية آنذاك مقارنة مع قرينيه

4- تبنى كل واحد من الطنطاوي والشدياق حاكمٌ عربي له سلطة نافذة حيث محمد علي الكبير في مصر وباي تونس الذي ضم الشدياق في حاشيته حتى جرت بينه وبين شيخ الإسلام هناك مناظرات انتهت بإسلامه.

5- لذلك كان يمكن عد الشدياق شرقياً متهماً بالميل للمستشرقين بسبب دينه، لكنه انتقل إلى الطرف المقابل بعد إسلامه، عكس الطنطاوي الذي يمكن أن يعد من الشرقيين الذين مالوا للاستشراق ويكفي أن الكثير من المستشرقين تتلمذوا على يديه في عقر دارهم وبأرضهم كالمستشرق فالن

والمستشرق أنطوني موخلينسكية و والمستشرق نافروتسكي والمستشرق كروكاس وغيرهم.

أما ماذا يمكننا أن نفعل لإعادة الاعتبار

تكثيف الجهود للتعريف بالشيخ الجليل الذي كان سابقاً لأوانه في مد جسور التواصل بين روسيا والعالم العربي والإسلامي بعد أن تخلصنا من شوائب التشنج التي كانت قد تبرز أثناء الحقبة الشيوعية من خلال :

1- إطلاق اسمه على مختلف الفعاليات العلمية والثقافية بما فيها كراسي التدريس والقاعات في الأكاديميات والجامعات المهمة بهذا الجانب،

2- زيادة الاهتمام بترائه المكتوب والمخطوط في مختلف وسائل الإعلام والاستفادة من شبكة الإنترنت بإنشاء صفحة خاصة بالتعريف به وبكنوزه العلمية تكون مصدراً مفتوحاً لبحث وتلقي المزيد عنه ،

3- عقد ندوات في المراكز الثقافية العربية والإسلامية والمصرية بشكل أخص كذلك في المراكز الثقافية الأوربية والروسية بشكل خاص عن الشيخ وإنتاجه العلمي والفكري ،

4- إعادة طبع كتابه تحفة الأذكياء بطبعات شعبية على غرار مشروع (كتاب في جريدة) الذي ترعاه اليونسكو وتوزع في مختلف البلاد العربية مجاناً وقد كان لكتاب الشدياق نصيب في أحد أعداد هذا المشروع ،

5- توجيه الباحثين والدارسين وبخاصة من طلبة الدراسات العليا بالاستفادة من ترائه المخطوط وإجراء المزيد من الدراسات حوله وحول كتابه.

Roswitha Badry
(University of Freiburg, Germany)
Rifā'a Rāfi' al-Ṭaḥṭāwī (1801-1873)
as a precursor of women's rights?

Rifā'ā Rāfi' al-Ṭaḥṭāwī, the well-known author, translator and educational reformer, belongs to that crucial group of Egyptian intellectuals who have returned from Europe to mediate its traditions, norms and sciences and those of their own country, religion and culture.

Concerning his early life, he had much in common with Muḥammad 'Ayyād al-Ṭantāwī. Both studied with Ḥasan al-ʿAṭṭār at al-Azhar University who inspired them to become open-minded for new ideas and influences; both wrote a famous book on their observations, impressions and experiences in Europe, Paris/France and St. Petersburg/Russia respectively, and both should have a far-reaching effect on the educational sector, either in Egypt or Russia.

In several respects Ṭaḥṭāwī can be considered as a pioneer of a transitional phase. With regard to women's rights, for instance, the Shaykh may be seen as a predecessor of 'Ā'īša Taimūriyya (1840-1902) and Qāsim Amīn (1865-1908). Apart from state's measures the writings of those personalities prepared the public opinion gradually to accept female education and a shift in gender norms and roles. Although deeply rooted in his inherited conviction, already in his «Riḥla» of 1834 Shaykh Ṭaḥṭāwī spoke rather enthusiastic about the educational system in France, where even girls are sent to school. He praised the participatory consequences of a general literacy for common people. Furthermore, he advocated an improvement in women's status in society countering common held beliefs on women's virtue and morality, as well as their rational and intellectual capacities.

Shortly before his death Ṭaḥṭāwī published «al-Murshid al-amīn lil-banāt wal-banīn» (The Honest Guide for Training Girls and Boys). In it he called again for girls' education to make them «real partners of their spouses» and to draw them «closer to virtue». Next to historical and rational arguments the author reminded his readers that Islam extolled education for women and men alike.

This contribution will analyze Ṭaḥṭāwī's main arguments in favor of both girl's education and an improvement in women's status. How did he try to convince the conservatives? Which arguments were taken up by the succeeding reformist generation(s) and became a discursive pattern for the *islāhī*-movement? To what extent his ideas were related to the political situation and his official position? To what extent they reflect his personality?

Илюшина М.Ю.

(Восточный факультет СПбГУ)

Путешествие в Петербург:

*О судьбе рукописи «Китаб ар-Рихла» Мухаммада ал-Хусайни (XVI в.)
из Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ*

В Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ хранятся многочисленные арабские рукописи, собранные шейхом ат-Тантави (1810-1861), переписанные им самим или содержащие пометки, сделанные его рукой. Записи о времени приобретения или прочтения того или иного памятника, оставленные шейхом ат-Тантави, позволяют уточнить факты его биографии.

Петербургский период жизни шейха ат-Тантави начался в 1840 г. Заметка, обнаруженная в рукописи Ms.O. № 729 («كتاب الصادح والباغم»), стихотворная обработка «Калилы и Димны» Ибн ал-Хаббари (ум. в 1110 г.), позволила акад. И.Ю.Крачковскому установить, что летом 1844 г. шейх ат-Тантави посетил Египет. О другой поездке шейха на Восток, в 1842 г., свидетельствует приписка на одном из листов рукописного сборника Ms.O. № 366.

Первую часть сборника составляет анонимный трактат на персидском языке о Мекке и Мекканском храме. Далее следует «Книга о зимнем и летнем путешествии» (كتاب رحلة الشتاء والصيف) на арабском языке. Ее автор Мухаммад ал-Хусайни (ум. в 1659 г.) высоким, изысканным слогом рассказывает о своей поездке из Мекки через Каир и Александрию в Стамбул и обратно через Дамаск и Карак. Список датируется 1598 г.

На титульном листе «Книги о... путешествии» имеется запись о том, что Мухаммад 'Айяд ат-Тантави начал изучать это сочинение в карантине Константинополя в 1842 г. и завершил чтение в Петербурге. Другая надпись на том же листе свидетельствует, что Шейх ат-Тантави подарил рукопись хокандскому посланнику при дворе русского царя, Мияну Мухаммаду Халилю. Обе заметки сделаны рукой переписчика.

Таким образом, данный экземпляр является не тем, которым располагал шейх ат-Тантави во время путешествия в Петербург, а копией, сделанной уже после того, как рукопись попала к Мияну Мухаммаду Халилю. Владельцем копии стал А.К.Казембек (1802-1870), работавший тогда еще в Казани. Позднее рукопись была приобретена у А.К.Казембека Казанским университетом, а в 1855 г. передана в Санкт-Петербургский университет. В 1849 г. начал свою деятельность в Петербурге и сам А.К.Казем-бек.

Так сочинение ал-Хусайни, созданное в жанре *рихла*, закончило свое «путешествие», а открытый при Санкт-Петербургском университете Восточный факультет объединил в своих стенах двух владельцев рукописных копий этой работы, замечательных ученых: Мухаммада ‘Айяда ат-Тантави и А.К.Казембека.

***Матвеев А.С. (Восточный факультет СПбГУ),
Чернов А.В. (ВЦ СПбГУ Экономики и финансов),
Ястребова О.М. (Российская национальная библиотека, СПб)***
***Проект электронной публикации
коллекции арабских рукописей Шейха ат-Тантави
в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ¹***

Целью данного проекта является изучение и публикация хранящейся в Восточном отделе научной библиотеки СПбГУ коллекции арабских рукописей, собранной профессором СПбУ Мухаммадом ‘Айядом ат-Тантави (1810–1861). Значение собрания ат-Тантави обусловлено, с одной стороны, выдающейся ролью этого уроженца Египта в становлении российской арабистики, с другой – значительным размером коллекции и исключительной ценностью входящих в нее рукописей, в том числе – автографов сочинений самого Шейха. Коллекция профессора ат-Тантави – это уникальный памятник не только науки и культуры мусульманского мира, но и истории межкультурных связей России и Арабского Востока в Новое время – в эпоху становления восточной политики и востоковедных исследований в нашей стране.

Коллекция ат-Тантави, поступившая в восточный отдел библиотеки Санкт-Петербургского университета в 1871 г., является – наряду с собранием другого уроженца Ближнего Востока – первого декана факультета Восточных языков СПбУ А.К.Казембека (1802–1870), – крупнейшей в собрании рукописей Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ (почти треть арабского собрания). Она насчитывает 256 единиц хранения: шифры Ms. O. 684–839. Число входящих в эти рукописи сочинений – более трехсот, однако точное количество можно будет установить лишь после завершения описания всей коллекции, так как уже сейчас очевидно, что не все содержащиеся в рукописях сочинения попали в созданные ранее каталоги.

¹ Данный проект осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00540, 2010 г. Руководитель проекта – проф. ВФ СПбГУ Н.Н. Дьяков. База данных для описания и публикации коллекции ат-Тантави разработана н.с. ВФ СПбГУ А.С.Матвеевым и программистом ВЦ СПбГУ ЭФ А.В.Черновым при участии н.с. РНБ О.М.Ястребовой.

Энциклопедический характер научных интересов этого одновременно и египетского, и русского ученого нашел свое яркое выражение в многообразии собранной им коллекции, которая включает в себя классические арабские сочинения практически по всем областям знания: богословию, истории ислама, исламскому мистицизму, медицине, космологии, этике (например, труды знаменитых средневековых ученых Ибн Кутайбы, ал-Бусири, аш-Шурунбабили, ал-Йамани, ат-Тарабулуси, редкий трактат, принадлежащий перу великого философа и теоретика суфизма Ибн ‘Араби и др.). Наряду с ценнейшими религиозно-философскими сочинениями в коллекции представлены труды, касающиеся различных аспектов арабского языка и арабской филологии в целом. В числе рукописей коллекции такие памятники, как автограф словаря египетского диалекта Йусуфа ал-Магриби (ум. в 1609 г.) (рук. № 778) – «уникуму мирового значения», как охарактеризовал его акад. И.Ю.Крачковский.¹ Этот словарь содержит в себе уникальный лингвистический и этнографический материал XVI–XVII вв. (в него включены народные рассказы, песни, пословицы, поговорки, загадки и т.д.), который исключительно важен для изучения мало исследованной истории развития арабского языка и его диалектов в эпоху позднего средневековья. Не менее ценны и собственные сочинения ат-Тантави в этой области, открывающие новый этап в развитии традиционной арабской грамматической традиции.

В собрание ат-Тантави входят и его собственные сочинения, среди которых наряду с исследованиями в области арабистики представлены стихи, написанные по канонам традиционной арабской поэзии, элегии, прозаические заметки и др. Среди произведений ат-Тантави есть оды в честь представителей царствующей семьи Романовых: ода в честь Николая I и Александры (1852); хронограмма 25-летия коронавания императора Николая I (1851), хронограмма на кончину Николая I (1855); хронограмма восшествия на престол императора Александра II (1855), а также в честь других венценосных особ, например, ода Его Величеству принцу Вюртембергскому от 2 ноября 1852 г. Особое значение для изучения русско-арабских связей имеет и еще одно сочинение ат-Тантави, хранящееся в РНБ в Петербурге, – «Описание России», изучение и оцифровку которого также планируется осуществить в рамках данного проекта.

Изучение фигуры ат-Тантави как ученого и профессора СПбУ через призму его рукописного собрания включает в себя анализ состава и классификацию коллекции, содержащей как средневековые арабские

¹ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.-Л., 1955. Т. I, с. 368.

рукописи, привезенные из Египта, так и рукописи, переписанные им лично, а также его собственные оригинальные сочинения. Исследование сочинений ат-Тантави, касающихся истории русско-арабских связей, представляет собой самостоятельную тему. Комплексный подход к изучению одной из важнейших арабских рукописных коллекций Петербурга позволит не только изучить отдельные рукописные памятники, содержащие ценные сведения по арабской филологии, философии и истории, но и получить новую информацию по истории отечественной арабистики. Анализ коллекции позволит нарисовать портрет традиционно-арабского ученого и его научных интересов, а также изучить особенности восприятия России в XIX в. со стороны ближневосточного общества – в лице одного из наиболее выдающихся его представителей.

Учитывая малую доступность коллекции ат-Тантави для научной общественности, главной целью текущего проекта является публикация коллекции в электронном виде (на DVD) с подробным кодикологическим описанием рукописей. Привлечение новейших разработок в области информационных компьютерных технологий и гуманитарных баз данных для обработки рукописных материалов позволит создать удобную для пользователя форму описания и публикации коллекции арабских рукописей ат-Тантави, сделав ее доступной как для ученых-востоковедов, так и для студентов С.-Петербурга и России в целом, а также для зарубежных исследователей.

В текущем году участниками проекта была осуществлена разработка базового компьютерного обеспечения, необходимого для изучения, описания и подготовки электронной публикации коллекции ат-Тантави:

- Была разработана концепция научной базы данных (далее – БД) для описания рукописной коллекции, в том числе структура электронного формуляра описания рукописей, с формализацией атрибутов поиска и сортировки.
- На основе разработанной концепции был создан программный продукт – электронная БД, сделанная в стандартной программе, входящей в комплект MS Office, – MS Access. БД включает в себя формуляр описания рукописей, снабженный цифровой копией описываемых манускриптов, а также развитую систему поиска и отбора содержащейся в БД информации.

Такая БД носит прикладной характер и необходима для ведения текущей *работы по описанию и каталогизации коллекции*. Следует отметить, что при последующей публикации коллекции на DVD, ориентированной уже на *конечного пользователя* – востоко-

веда или историка, будет разработана специальная компьютерная оболочка БД, не требующая установки каких бы то ни было специализированных программ для пользования базой.

- В настоящее время ведется работа по публикации материалов коллекции в созданную БД и ее одновременное тестирование. По результатам тестирования были внесены различные изменения в структуру БД; доработка БД будет продолжаться и в дальнейшем по мере публикации материалов, что обеспечивается гибкостью структуры разработанной БД.

Ниже приведены основные таблицы комплексного формуляра для описания отдельных рукописей коллекции и содержащихся в них сочинений.

Microsoft Access - [Man]

MS Sans Serif | 12 | Ж К Ч

Name English: al-Tantawi, Muhammad 'Ayyad

Name Arabic: الطنطاوي، الشيخ محمد عياض

Name Russian: (Шейх) ат-Тантави, Мухаммад 'Аййад

Place of Activity: Египет

Field of Activity: ученый, преподаватель, литератор

Nationality: араб, египтянин

Main Works:

Traité de la langue arabe vulgaire par le Scheikh Mouhammad Ayyad el-Tantawy. Leipsic, 1848/1264.

Тухрат ал-азкия' би-ахбâr билад русийа ("Подарок смышленным с сообщениями про страну Российскую"). ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. Рук. № 49 (т.н. «Описание России»).

Notes:

преподаватель ал-Азхара, ученый

с 1840 - преподаватель арабского языка в Учебном отделении при Азиатском департаменте МИД

с 1847 - также профессор СПбУ

Conventional AH/AD date period

Date of birth: 1810 г. from 01.01.1225 to 30.12.1225

1-Rabi' al-awwal-490 AH 1-Jumada al-ula-499 AH

22-фев-1097 AD 15-январь-1106 AD

Date of death: 1861 г. from 01.05.1277 to 30.12.1278

1-Rabi' al-awwal-580 AH 1-Sa'ban-582 AH

19-июнь-1184 AD 23-окт-1186 AD

Табл. I. Формуляр с краткой информацией об Авторе («Author»).

Acc. No 744 Inv. No 2426	Tantawi Coll. No 63 Frolova Cat. No 81	☐ Part of Convolute	☐ Number 51 of Fols	Main text script	Насх. Чернила черные.
Date of copying VI-VIII /XII-XIV в.	Conventional AH/AD date period from 01.01.600 to 30.12.600 1-Мухамм-600 АН 16-сен-1203 AD	☐		Headings script	Заголовки более крупным почерком.
Place of copying ЕГИПЕТ(?)		☐		Catchwords ☒	Кустоды надписаны другими, более светлыми чернилами.
Paper	Восточная, плотная, вержированная, с редкими понтюзо, лошенная, Кремевая, Первый лист нелощеный	☐		Decoration	
Watermarks		☐		Binding	
Folio size 175x120 мм (n 1)	☒ Ruling линеатура	☐		Condition	
Text size 115x35 мм	Provenance	☐		Notes	Удовл Состояние в целом удовлетворительное. Сшивка блока книги повреждена. некоторые листы выпадают. Многие листы
Number of lines 13	Number of columns 1	☐		Work: Title Arabic 1 <input type="text" value="علم النصر"/> 0 <input type="text" value="2V-51R"/>	
References	Pages	Comment			
Indices	26				
GAL	I. 335; №2				
GAL SB	I. 572; № 2, 3				
Краковский, Материалы	II. 325-335				
Белая-Булгаков	23.				

Запись: 1 из 5

Arabic Name English Name Status Remarks

Persons related to the MS

Табл. II. Формуляр общего описания Рукописи («Manuscript»).

Microsoft Access - [Work] Введите адрес	
<p>Acc.No 744 Fols. 2 Catalogue No 81</p>	<p>Full copy ☐ Defective copy ☐</p>
<p>Title A'lam al-nasr</p>	<p>Incipit ادام الله نصره الاجلام و نصره (٤) الايام بتخليد ملك الجات العلي المؤوي الملكي العادلي المنظري الهاشمي ناصر الاسلام عياث الالام سيف الدين سلطان جيون بن المسمن خليل امير المؤمنين...</p>
<p>Title Arabic</p>	<p>Explicit و قال آخر والله لاكتفبه وانو آتاه كاتندر او كاتشمس او كاتمكتفي (٤) فليمت زين جماله و فعاله فاذا الماحة بالحيانه لافي</p>
<p>Title Russian "Знамена победы", поэтическая антология</p>	<p>References</p>
<p>Title in MS</p>	<p>Notes Поэтическая антология, в которой собраны стихи, в основном, аббасидских поэтов и самого Ибн Маммат.</p>
<p>Author Arabic As'ad b. al-Khatib b. Mammat</p>	<p>Work References Отмена неавтоматически</p>
<p>Author English As'ad b. al-Khatib b. Mammat</p>	<p>Pages</p>
<p>Date of compilation</p>	<p>Comment</p>
<p>Начало XIII в.</p>	
<p>Conventional AH/AD date period from to</p>	
<p>Subject</p>	
<p>poetry</p>	

Табл. III. Формуляр описания отдельного Сочинения («Work»).

Microsoft Access - [Illustration] Введите слово

Файл Правка Вид Вставка Формат Записи Сервис Опно Справка Adobe PDF

Type:

Notes

К рукописи приложен двойной лист из школьной тетради с описанием этой рукописи и р-си Ms. O. 835. Описание написано шариковой ручкой:

п. I
Ms. O 744
Знамена победы. غنم النصر
Поэтическая антология. Написана(Собрана египетским чиновником Ибн Маммай в начале 13 в. Данная рукопись относится, судя по почерку, к 13 или 14 веку. Написана египетским почерком
Антология содержит в основном стихи поэтов Аббасидского периода а также много стихов самого Ибн Маммаи.
п. IV
Ms. O. 835
ابون الحنفى و رياض الحب الوفى
Нежность влюбленного и цветущие сады горячо любящего друга.
Рукопись из коллекции Шейха ат-Тантави. Написана маринскими почерком (особое написание ة و ي). Рукопись относится к 1715 г.
Антология стихов без начала, поэтому автор неизвестен.
Содержит интересные и редкие сведения о маринских поэтах и их стихи.

Image

Табл. IV. Формуляр дополнительных и иллюстративных материалов (приписки, владельческие печати, Exlibris, приложения и др.)

Первыми, кто описывал рукописи коллекции Шейха ат-Тантави, были К. Залеман и В. Розен¹, однако их описания кратки, касаются в основном содержащихся в них сочинений. Акад. И.Ю. Крачковский, работая над составлением биографии ат-Тантави², начал изучение коллекции как единого комплекса, обращая особое внимание на те особенности входящих в нее книг, которые давали ценную информацию о личности и фактах жизненного пути Шейха. К таким особенностям, в первую очередь, относятся многочисленные приписки, оставленные владельцем на листах рукописей и представляющие собой ценный источник о его биографии. Впоследствии отдельные рукописи коллекции привлекали ученых благодаря уникальности своего содержания³.

Содержание всех рукописей подробно расписано О.Б. Фроловой в каталоге арабских рукописей Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ, в котором описания расположены в алфавитном порядке названий сочинений⁴. Однако значительная часть рукописей коллекции представляет собою сборники, в состав которых входит по несколько различных текстов. Отсутствие в каталоге указателя, который бы связывал

¹ Залеман К.Г., Розен В.Р. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Императорского Санкт-Петербургского университета // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1888. Т. 3, с. 197–222.

² Крачковский И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810–1861). Л., 1929.

³ Шмидт А.Э. ‘Абд-ал Ваххаб аш Ша‘раний (ум. в 973/1565 г.) и его книга рассыпанных жемчужин. СПб, 1914; Розен В., Крачковский И.Ю. Образчик арабской ученой пародии (Китāб-Ихтирā‘-ал-Хурā‘ ас-Сафадия) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. № 1 (1925). С. 291–304; Крачковский И.Ю. Неизвестная антология ал-Маммати // Доклады Академии наук СССР. Л., 1928. № 1. С. 1–6; Йūsuf ал-Магрībī. Даф‘ ал-иср ‘ан калам ахл Миср: Факсимиле рукописи / Предисл. и указ. А.С. Аввада. Ред. В.И. Беляев. М., 1968. (Письменные памятники Востока, XXIII); Фролова О.Б. Рукописный сборник арабских трактатов начала XVIII в. из Восточного отдела библиотеки Ленинградского университета // Востоковедение. № 13. Л., 1987. С. 110–136, 341–360; Фролова О.Б. Суфийский трактат о Единстве бытия (по материалам библиотеки Санкт-Петербургского университета) // Петербургское востоковедение. Вып. 5. СПб., 1994. С. 111–121; и др.

⁴ Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета: Краткий каталог / сост. О.Б. Фролова, Т.П. Дерягина. Ред. О.Б. Фролова. СПб., 1996.

номера описаний с шифрами рукописей, не дает читателю представления о полном составе рукописи и о книге в целом: читатель получает лишь информацию о том, на каких листах рукописной книги находится описываемое сочинение.

Таким образом, полного и систематического кодикологического описания всех рукописей до настоящего времени не проводилось. Соответственно, составление подробных описаний всех рукописей коллекции ат-Тантави и ввод этих описаний в электронную базу данных является важнейшей частью данного проекта.

При описании каждой рукописи регистрируется следующая *информация кодикологического характера*:

- место и время переписки, указанные в рукописи или предполагаемые на основе кодикологических данных;
- имя писца, если оно упомянуто в колофоне;
- числовые данные: количество листов, размер листа, размер поля текста, количество строк на странице;
- особенности материала-носителя: бумага – восточная или европейская, наличие филиграней и штемпелей, качество, цвет, лощение;
- материал письма: цвет чернил, использование чернил иного цвета для выделения заголовков и отдельных слов в тексте;
- тип письма и почерк (или почерки), которым переписана рукопись; отмечается, если в заголовках используется тип письма, отличный от того, которым переписан основной текст;
- наличие кустодов;
- украшения (цветные рамки, таблицы, рисунки)¹;
- переплет.

Кроме того, подробно описываются имеющиеся в рукописи печати и разнообразные приписки. К последним относятся писцовые колофоны, владельческие записи (заметки о приобретении или продаже рукописи, о ее прочтении, о содержании), а также заметки на полях текста – исправления, комментарии, пояснения. Текст колофонов и владельческих приписок приводится по возможности полностью, так как это может дать ценную информацию об истории рукописи до того, как она оказалась во владении Шейха ат-Тантави. К сожалению, многие при-

¹ Среди просмотренных рукописей нам пока не попалось ни одной художественно оформленной. Это не удивительно, если учесть, что коллекция эта собиралась ученым, которого прежде всего интересовало содержание книг, а не их оформление.

писки, оставленные старыми владельцами, последующими владельцами затерялись, так что текст их становился неразборчив.

При описании содержания книг мы приводим название сочинения в той форме, в которой оно упомянуто в самой рукописи; кроме того, предусмотрен ввод также так называемого «научного», или стандартного, заглавия. Это стандартное заглавие помогает охарактеризовать тексты, не имеющие заглавия как такового, например, некоторые сборники хадисов, молитв и пр. Кроме того, в базу вводятся начальные и конечные слова каждого сочинения (*инципит* и *эксплицит*).

Составляемое в рамках проекта описание рукописей коллекции имеет целью дать читателям и исследователям максимально полное представление о рукописи как о материальном предмете, о месте и времени ее создания, о ее истории.

Здесь следует отметить, что работа по описанию коллекции ат-Тантави представляет особую важность в связи с долгосрочной, но неотложной задачей, стоящей перед мировой арабистикой – электронной публикацией арабского рукописного наследия, для чего, в частности, необходима выработка базового формуляра для описания арабских рукописей и содержащихся в них сочинений. В этой связи предложенный нами формуляр может послужить одной из отправных точек для создания подобной единой системы электронного описания рукописей.¹

В настоящее время работа над описанием коллекции находится на начальном этапе. Просмотрена лишь небольшая часть рукописей, причем, по мере составления их описаний проходило усовершенствование и отладка компьютерной оболочки электронного каталога. На этом этапе еще рано делать выводы о коллекции в целом, однако можно упомянуть о некоторых важных наблюдениях, сделанных на том материале, который уже описан и внесен в базу.

Из описанных рукописей большинство написаны в XVIII–XIX вв. на бумаге турецкого производства с филигранями. Самой старой из просмотренных является рукопись поэтической антологии Ибн Мамматти «*А'лām ан-наср*» («Знамена победы»), относящаяся к XIII–XIV вв. (№ 744, см. выше табл. I–II). Оригинальный переплет ее, к сожалению, не сохранился; сейчас рукопись находится в кожаном турецком переплете XVIII в. с клапаном. Многие рукописи имеют переплеты, изготовленные для них уже в библиотеке университета. По-видимому, те из них, которые были в плохом состоянии, здесь же подверглись реставра-

¹ Любые предложения и замечания по разработке электронного формуляра и его техническому оформлению можно присылать на адрес конференции: tantawi2010@mail.ru.

ции. Часть рукописей не сплетены и хранятся в специальных чехлах, сделанных из картонных крышек, оклеенных мраморной бумагой, с мягкими корешками из светло-коричневой кожи. Эти чехлы могли быть изготовлены по заказу самого Тантави до того, как рукописи были привезены в Россию.

Среди приписок можно отметить, например, интересную заметку в рукописи 1176/1763 г. сочинения о Коране 'Атийи ал-Аджхури (шифр 795). В ней говорится о том, что список был сделан писцом под диктовку автора и потом ему прочитан. Вероятно, автор по какой-то причине не мог писать и читать самостоятельно, возможно, очень плохо видел или был слеп. Таким образом, рукопись можно рассматривать как разновидность автографа.

Владельческих печатей в рукописях мы пока что не встретили, однако на некоторых из них имеются записи о приобретении книги. Так, на первом листе переписанного в 1703 г. дидактического сочинения 'Абд ал-Му'мина б. Хуббат-Аллаха ал-Магриби ал-Исфакхани «Золотые блюда» (шифр 754) есть автограф астронома Хасана ал-Джабарти (ум. в 1188/ 1744 г.), а рядом – надпись рукою ат-Тантави о приобретении им рукописи в 1254/ 1838–39 г.

Довольно часто встречаются заметки об изучении рукописей, например, сообщается, что антология Ибн Маммати штудировалась неким Мухаммадом в 1029/ 1619–20 г. Однако особый интерес для нас представляют записи, касающиеся самого владельца коллекции, такие как приписка на последнем листе списка антологии ас-Са'алиби «Прохлаждение сердец в антонимах» (шифр 777). В ней сообщается о том, что она была изучена ат-Тантави во время его нахождения в карантине в Стамбуле в 1840 г. на пути в Россию.

Алексеев А.К., Азаркина М.А.
(Восточный факультет СПбГУ)

***Неизвестная арабская рукопись библиотеки Восточного факультета:
предварительное описание***

Изучение рукописного наследия мусульманского Востока еще далеко не завершено и является одной из наиболее актуальных задач современного востоковедения. По приблизительным оценкам известного знатока арабской рукописной книги А.Б. Халидова (1929 – 2001) общее число когда-либо составленных арабских рукописей приближается к 5 миллионам единиц, в то время как «ныне в мире существует около 630

тысяч арабских рукописей»¹. По словам акад. В.В. Бартольда (1860 – 1930): «В области востоковедения далеко еще не исполнена первоначальная задача каждой отрасли филологической и исторической науки – сделать доступными для исследователей, путем печатных изданий и переводов, главные памятники и исторические источники». В то же время, значительная часть мусульманского рукописного наследия еще не попала в поле зрения исследователей, и ее только предстоит открыть научной общественности. Одним из примеров такого неожиданного обретения новой рукописи в казалось бы хорошо изученном собрании является список *Шарх ал-'ака'ид ал-'ададиййа (Пояснение к доктринам, содействующее их пониманию)*, о котором пойдет речь в настоящем докладе.

Список этого сочинения был обнаружен М.А. Азаркиной в ходе работы по инвентаризации рукописного фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького среди отчетов о научной деятельности отдела за 1960-70 гг. Список не имел ни инвентарного номера, ни библиотечного шифра и в инвентарных книгах не значился. Не вошел он и в изданные к данному времени каталоги арабского рукописного фонда библиотеки².

История поступления списка в библиотеку пока не установлена. Как следует из основного текста (л.1 а) автором сочинения является Мухаммад б. ас-Са'ад (или Ас'ад) ас-Садик ад-Давани (ум. в 907/1501 г.). В собрании библиотеки Восточного факультета имеется еще один список того же сочинения, принадлежащего данному автору³. Даже произведенный поверхностный анализ позволяет с уверенностью говорить о том, что списки имеют серьезные различия.

Труд ад-Давани представляет собой сочинение по мусульманскому схоластическому богословию (*калам*) и основам *таклида*. Введение в научный оборот данного памятника, равно как и изучение проблематики *иджтихада* имеют большую актуальность в связи с участвовавшими в среде мусульман дискуссиями о месте и роли *иджтихада* в современной религиозной практике.

¹ Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. С. 254–255; Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре народов Средней Азии XV – XIX вв. СПб., 2005. С. 3.

² Беляев В.И., Булгаков П.Г. Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета // Памяти акад. И.Ю. Крачковского. Л., 1958. С. 21–35; Арабские рукописи Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Краткий каталог / сост. О.Б. Фролова, Т.П. Дерягина. Ред. О.Б. Фролова. СПб., 1996.

³ Фролова, Дерягина, 1996. С. 120. № 580.

١٠٨٨ اتفاق على جعل كل من العقد الاصل والفرع
 في كتاب واحد ولا يجوز ان يكون في كتابين
 الا ان كان العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 كالعقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 كالعقد الاصل والفرع في كتاب واحد

في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد

في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد
 في العقد الاصل والفرع في كتاب واحد

وقربا نحو تزويره بكل من الامتداد والحق والبرهان ونحوها
 روية اعلى العيين بعد انزل استناده ونكته كلها انما هي
 ابتداء وكذا هي في لاي عين ليدت ولا يفرق والتوق بان
 الالاته والرضا وغير ذلك مما يربط في حاشية في حاشية
 فيها كما يختار بكتبتهم اجمع الالاته بها في بعض الاتفاقات
 بعضه من شرطه وهو اتفاق جميع اهل العمل والعقد من الاخره
 كل من شرطه حكمه من احكام الدين فان المذكور من ليدت
 كذا في المذكور لانه لا يفرق في حاشية وهم استنفاد الصالح
 من العرفين العارفين باجاءت رول فهدى هذا في حاشية
 وتزويرها بغير الصالح والحسن الشريف وتزويرا وضرا
 من هو مشرفا واخذت المسلمين وان على استناده في حاشية
 العالم بهونه الاصل ما يعلم به انه كما تم لما يعلم به شيء تم
 فليست استناده على ما يعلم به فهدى وهو ما سؤدت وصفا
 جازت وما كانت فضلا من شرطه على طلاق خبره على
 استناده بالعدم بحيث ان يكون متبوق الوجود والاعمال بها

Лист из рукописи Шарх ал-'ака'ид ал-'ададиййа Мухаммада ад-Давани.

Идея о необходимости завершения споров в среде суннитских теологов (*'улама*) с целью прекращения дробления мусульманской общины (*умма*) привело к сложению в XI в. концепции «закрытия врат *иджстихада*», что послужило началом широкого распространения доктрины *таклида* (араб. «уподобление», а в религиозном контексте – абсолютное следование духовным авторитетам по различным вопросам). Естественно, что и к XI в., когда исламская община уже разделилась на значительное число религиозно-правовых школ (*мазхаб*) и «сект» (*фирка*, *каум*, *та'ифа*, *синф*), далеко не все придерживались принципа «закрытия врат»¹. В настоящее время все большее число мусульманских авторитетов в разных частях мира считают необходимым возвращение к практике *иджстихада*, без которого, по их мнению, ислам может отстраниться от процессов, происходящих в современном обществе: «Тот, кто говорит, что двери *иджстихада* закрыты... выносит Исламу смертный приговор. Он делает Ислам безжизненной религией, устрняя из него движение и развитие и лишая его возможности искать решения все новых и новых проблем, возникающих с каждой эпохой»².

Однако сочинение, о котором идет речь в настоящем сообщении, было составлено в XV в., то есть в тот период, когда убеждение среди последователей (*ахл*, *асхаб*) ряда суннитских *мазхабов* в том, что *муджтахид* может достигнуть лишь степени *мукаллида*, было доминирующим. Соответственно, имелаась насущная потребность в руководствах по *таклиду*, что, видимо, и представляет собой труд ад-Давани. Автор ничего не сообщает относительно мотивов написания сочинения, скорее всего, речь может идти о личной инициативе. Посвящения, характерные для мусульманской литературы средневековья, также отсутствуют.

Теперь несколько слов о самой рукописи. Переплет рукописи дефектный, вторая сторона обложки отсутствует. Обложка – картон зеленого цвета, декорированная (*турундж* с растительным орнаментом). По периметру обложки – графический орнамент. Торцевая часть переплета красного цвета. На нижнем торце синими чернилами сделана надпись «мулла Джалал». На боковом торце синими чернилами надпись «мулла Джалал Давани» (возможно, владелец рукописи, наследник автора). Характер сохранившихся фрагментов переплета говорит об утрате значи-

¹ Подробнее о религиозно-правовых школах см.: Прозоров С.М. Правовое и заблуждение в раннем исламе // Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004. С. 7–31.

² Кафтаро А. *Иджстихад* – отличительная черта Ислама // <http://www.islam.ru/pressclub/analitika/kaftaro>.

тельной части сочинения, возможно, авторского введения (*мукаддима*), либо можно вести речь о двух сочинениях, содержащихся в рамках одного кодекса. Бумага восточная, пожелтевшая от времени. Формат списка 24x14 см. Почерк – *наسخ*. На каждой странице 15 строк. Поля большие, по 6 см. Список изобилует дополнениями на полях (Лл. 2 аб, 3 аб, 4 аб и т.д.). Ряд страниц содержит обширные комментарии к тексту. Пагинация отсутствует. *Хафизы* присутствуют внизу каждой страницы. *Коранические* термины и фразы, примеры *хадисов* выделены в межстрочном пространстве красными чернилами. На последнем листе указан год окончания работы над рукописью – 1275/ 1858-1859 гг.

Данное описание носит сугубо предварительный характер, так как предстоит большая работа по полной атрибуции сочинения и текстологическому анализу его материалов. Обретение данного списка и его исследование могут оказать существенную помощь в понимании вопросов *таклида* и их трактовки, а также послужить интересным источником по истории мусульманской религиозной мысли в период позднего средневековья.

Яфия Юсиф Джамиль, Азаркина М. А.
(Восточный факультет СПбГУ)

***Некоторые рукописи, посвященные арабскому глаголу,
в фондах библиотеки Восточного факультета СПбГУ***

Арабская рукописная книга была и остается источником знания и вдохновения для исследователей разных отраслей науки. Историки открывают завесу тайны на события минувших веков, искусствоведы изучают традиции оформления рукописей миниатюрами и орнаментами, физики и химики изучают химический состав и особенности технологии производства бумаги, чернил и красок и т.д. Прикосновение к этим удивительным памятникам восточной мудрости зачастую переворачивают не только представления современного человека на многие факты, но и изменяют судьбы самих исследователей.

Арабская рукописная коллекция из фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ в этом смысле представляет несомненный интерес для исследователей. К.Г. Залеман, В.Р. Розен, В.Ф. Гиргас, А.А. Рома-скевич, И.Ю. Крачковский, В.И. Беляев, П. Г. Булгаков и другие ученые в разные годы занимались изучением и описанием коллекции. Можно сказать, что на сегодняшний день мы имеем достаточно полное представление о хранящихся в фонде сокровищах. Многие произведения микрофильмированы и оцифрованы, отдельные фрагменты рукописей опубликованы. И все же лишь очень незначительная часть рукописей

была подвергнута пристальному анализу; большая часть фонда по-прежнему остается неизученной.

Нами были изучены шесть рукописей под названием *Taṣrīf al-af'āl*, посвященных арабскому глаголу: рукопись №1384, листы 107–114, рукопись №1321, л.90–96, рукопись №1316, л.38–40 и л.40–42, рукопись №956, л.62–63, рукопись №1241, л.1–16, и рукопись №1308, л.70–77. Подробно были рассмотрены три первые рукописи.

Все три сочинения начинаются с формулы «Во имя Бога Всемило- стивого и Всемилосердного» *bismi llāhi-r-raḥmani-r-raḥīm*, которая получила сокращенное название *басмала*. Далее следует прославление Бога и пророка Мухаммада, которое традиционно называется *ḥamdala*. В рукописях №1321 и №1384 представлена следующая формула прославления: *al-ḥamdu li-l-lāhi 'alā na'ma'ihī wa-ṣ-ṣalātu 'alā rasūlihi miḥammad ḥātimī anbiya'ihī* (Слава Богу за его милость и молитва его пророку Мухаммаду, самому последнему из его пророков). Далее следует оборот *wa-ba'du*, после которого начинается введение к сочинению.

В рукописи №1316 после формулы прославления *al-ḥamdu lil-lāhi rabbi-l-'ālamīn wa-l-'āqibatu li-l-muttaqīn wa-ṣ-ṣalāwatu was-salāmu 'alā ḥayri ḥalqihī wa ālihi wa'aṣḥābihi aḡma'in* (Слава Богу, господу миров, и раи для уверовавших, молитва и приветствие самому лучшему из его созданий (Мухаммаду) и всему его роду и его сподвижникам) следует сочетание *'ulīma anna* в значении «известно, что», после чего начинается основной текст сочинения.

Рукопись №1384 представляет собой незаконченное сочинение, написанное почерком *ar-ruq'a*. Комментарии на арабском языке на полях работы также сделаны этим почерком. В рукописи отсутствует указание на год и место написания сочинения, однако в каталоге рукопись датируется 1285 годом по *хиджре* (1868 г.). Рукопись состоит из четырех глав, в которых так же, как в остальных сочинениях, описаны породы трех- и четырехбуквенного глагола в перфекте и имперфекте. Текст рукописи №1321 совпадает с текстом рукописи №1384, но приведен не до конца, а содержит только пять листов и три строки. В рукописи №1321 после *басмалы* следует орнамент, текст написан почерком *dīwānī*, а комментарий на полях сделан на персидском языке почерком *fārsī*. В конце сочинения указан 1257 год, в каталоге – 1257 год по *хиджре*/ 1841.

Рукопись №1316 состоит из двух частей. Текст первой написан почерком *ar-ruq'a*, комментарий на полях сделан на персидском языке почерком *nasta'liq*. Данная рукопись в каталоге датируется серединой XIX века, но в самой рукописи год не указан.

Вторая часть рукописи представляет собой начало рукописей №1321 и №1384, ее текст также написан почерком *ar-ruq'a*, а комментарии на полях сделаны на арабском языке.

Жуков К.А.

(Восточный ф-т СПбГУ)

**Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте
Министерства иностранных дел в 60-е годы XIX века
(по неопубликованным мемуарам К. А. Губастова)**

Шейх Мухаммед Тантави был приглашен в Петербург вести курс арабского языка в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 1839 г. История этого учебного заведения, созданного в 1823 г. по плану А.А. Фонтона, одного из представителей славной константинопольской династии драгоманов, известна достаточно хорошо. Его выпускниками были не только карьерные дипломаты, некоторые воспитанники Учебного отделения достигли известности также своими учеными трудами. Среди таких универсалов был К. А. Губастов, успешно сочетавший дипломатическую работу с научными исследованиями в области генеалогии и общественной деятельностью.

Константин Аркадьевич Губастов родился в г. Елатъма Тамбовской губернии 24 апреля 1845 г. (ст. ст.), скончался 4 февраля 1918 г. (по другим данным 4 августа 1919 г.) в Царском Селе. Частично его архив находится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Ниже мы приводим краткий послужной список Губастова (все даты даны по ст. ст.):

13 июня 1863 г. выпущен из 2-го кадетского корпуса (по болезни) в гражданскую службу; в августе 1863 г. поступил в Учебное отделение восточных языков МИДа; 12 января 1866 г. определен студентом миссии в Константинополе; 15 апреля 1867 г. назначен секретарем и драгоманом консульства в Адрианополе; 13 июня 1869 г. назначен вице-консулом в Виддине; 4 мая 1872 г. назначен делопроизводителем VIII класса Азиатского департамента; 19 августа 1872 г. назначен 2-м секретарем посольства в Константинополе; в 1877 г. исполнял должность секретаря миссии в Гааге; в марте 1878 г. поручено управлять генеральным консульством в Константинополе; 4 июля 1879 г. – чиновник особых поручений МИДа при Варшавском генерал-губернаторе; 28 октября 1881 г. назначен консулом в Вене; 24 марта 1885 г. возведен в звание генерального консула; 26 февраля 1896 г. назначен вице-директором Азиатского департамента; 5 июля 1897 г. назначен министром-резидентом в Черногорию; 8 октября 1900 г. назначен министром-

резидентом при Св. Престоле; 19 марта 1904 г. назначен чрезвычайным и полномочным министром в Белграде; 29 мая 1906 г. назначен товарищем (т.е. заместителем) министра иностранных дел; 25 января 1908 г. уволен от службы по прошению при милостивом Высочайшем рескрипте¹.

Мемуары К.А. Губастова охватывают период с 1845 по 1897 гг. Они были им написаны уже после отставки, а именно в 1909-1918 гг. Текст воспоминаний, сохранившийся в Пушкинском Доме, был предназначен для издательства «Огни», но так и остался неопубликованным. Рассудительно-взвешенный стиль, характерный для их автора, иногда вносит определенные коррективы в наши представления о деятельности и деятелях российской дипломатии на Востоке, сложившиеся благодаря трудам более счастливых дипломатов-мемуаристов (Ю.С. Карцов, В.А. Теплов, П.С. Боткин, Ю.Я. Соловьев и др.) и дипломатов-писателей. Среди последних отметим К.Н. Леонтьева, сослуживцем и близким другом которого был К.А. Губастов.²

В настоящем докладе основное внимание привлекается к следующим темам из воспоминаний Губастова, имеющим отношение к деятельности Учебного отделения: особенности приема в это учебное заведение; характеристика преподавательского состава (Мирза Джафар Топчибашев, И. Г. Нофаль, Осман-эфенди, П. И. Демезон), организация работы студентов посольства в Константинополе.³

Валеев Р. М., Зяппаров Т. И.

***(Институт востоковедения Казанского (Приволжского)
федерального университета)***

Письма профессора А.К. Казембека академику Х.Д. Френу

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН) хранится дело, которое может быть весьма полезным для исследователей становления отечественного востоковедения и арабистики: письма А.К.Казембека Х.Д.Френу. Широко известно, что Х.Д.Френ и А.К.Казембек являются патриархами российской ориенталистики, заложившими фундамент новой науки в первой половине XIX века не только в Казани, но и в целом в России, оформившими задачи востоковедения и определившими его развитие в будущем. Тем не менее харак-

¹ РО ИРЛИ. Ф. 463. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

² См. К.А. Губастов. Из личных воспоминаний о Константине Николаевиче Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 187–234.

³ РО ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 5–13 об.

тер и содержание отношений между двумя бывшими профессорами Казанского университета до сих пор не были предметом специального исследования.

Адресатом писем был известнейший академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Христиан Мартин (впоследствии Христиан Данилович) Френ. Воспитанник немецкого ориенталиста О.Г.Тихсена, он в 1807 г. по приглашению попечителя Казанского учебного округа Румовского приехал в Россию.

Через десять лет после начала преподавания в Казани в 1817 г. Х.Д.Френ переехал в Санкт-Петербург, где стал бессменным директором Азиатского музея при Академии наук. Тем не менее связь с Казанью он не терял до конца своей жизни, поддерживая постоянные рабочие и дружеские отношения с казанскими профессорами и, в первую очередь, с А.К.Казембеком.

Всего писем 33, общее количество листов – 50. Большинство писем написано на обеих сторонах листа. Письма выполнены на обычной бумаге, в основном формата А 4. В начале или в конце письма, как правило, содержатся трудночитаемые пометки немецким готическим шрифтом с датой получения, судя по почерку, принадлежащие перу Х.Д.Френа.

На страницах своих посланий А.К.Казембек предстает в самых разных амплуа: любителем редких рукописей, о покупке (но чаще о продаже) которых он пишет едва ли не в каждом втором письме; глубоким исследователем литературы, культуры, языков мусульманского Востока; наконец, просто человеком со своими проблемами и слабостями.

Взаимоотношения с другими преподавателями Казанского университета, личная жизнь и общая обстановка, в которой жил и работал ученый, не получили широкого освещения в письмах. Однако благодаря им мы все же узнаем некоторые подробности о ранней биографии А.К.Казембека, его супруге и людях из его круга общения. Голос автора писем был крайне эмоционален, когда он писал об огромном несчастье, постигшем Казань: пожаре 1842 г., в котором сгорели и некоторые записки А.К.Казембека.

Письма А.К.Казембека дают, как нам кажется, ответ на еще один непростой вопрос, касающийся межличностных отношений в преподавательской среде, а именно: существовала ли преемственность между поколениями казанских профессоров начала XIX века, занимавшихся изучением Ближнего Востока? Если говорить более конкретно, нас интересует вопрос: работали ли Х.Д.Френ и А.К.Казембек в одном и том же научном направлении? Существовала ли между ними общность научных интересов, подходов, методов?

Сам А.К.Казембек уделял большое внимание вопросу преемственности академических традиций и постоянно просил руководить его научными изысканиями.

Из писем следует, что Х.Д.Френ неоднократно рассматривал и рецензировал труды А.К.Казембека, покупал у него рукописи, высылал по его просьбе ученые издания в Казанский университет (в частности, полное собрание арабских пословиц Г.В.Фрейтага), рекомендовал представить его к наградам и сделать членом-корреспондентом Академии наук, и, в конце концов, сыграл не последнюю роль в переводе А.К.Казембека в Санкт-Петербург.

Благодаря значительному временному отрезку, охватываемому письмами (15 лет с 1831 по 1846 гг.), можно проследить не только научные интересы А.К.Казембека в период его казанской деятельности, но и увидеть его стремительное развитие – превращение из вчерашнего астраханского студента «арабских наук» (т.е. мусульманского богословия, юриспруденции, филологии) в светило российской и европейской ориенталистики.

Хочется надеяться, что намеченная в скором будущем публикация этих писем в переводе на русский язык, дополненная комментариями и вступительной статьей, станет важным предприятием в интересах изучения истории отечественной арабистики XIX в.

Источник:

Письма А.К.Казембека к академику Х.Д.Френу. СПФА РАН. Ф. 778. Опись 2. Д. 130. – 52 лл.

Валеев Р.М.

***(Институт востоковедения Казанского (Приволжского)
федерального университета)***

***Арабистика в истории казанского университетского
востоковедения (XIX – нач. XX вв.)***

В нашем докладе мы хотим дать обзор основных имен, событий, этапов и направлений, а также некоторых особенностей формирования и развития университетской арабистики и изучения арабомусульманской цивилизации в Казани в XIX – нач. XX вв.

В России во второй половине XVIII – XX вв. изменялась система арабистического образования, научные, просветительские и мировоззренческие принципы исследовательской работы арабистов – ученых и практиков. Арабистика как комплекс знаний и научное направление ориенталистики, занимающаяся изучением истории и культуры арабоязычных народов, становилась органической сферой отечественной науки и культуры.

В XVIII в. истоки знакомства с арабо-мусульманской цивилизацией связаны с преподаванием арабского языка, изданием арабского текста Корана в эпоху Екатерины II, русскими переводами Священной Книги с западных языков, переводом и изданием европейских текстов «1001 ночи», повествований об «Агарянах», «Измаильтянах» и «Сарацинах» и т.д.

Подготовка и издание оригинальных переводов классических арабских литературных памятников, составление словарей, грамматик, пособий сыграло основную роль в формировании целостного видения арабо-мусульманского мира и наследия народов Арабского Востока в российском обществе. На рубеже XVIII – XIX вв. зарождаются научные и культурные традиции российской арабистики. В этот период происходит переход к систематическому и комплексному изучению арабского, персидского и тюркских языков, письменных и материальных памятников, осмыслению арабо-мусульманского наследия.

В первые десятилетия XIX в. арабистика в России приобретает подлинно научный и гуманистический характер. Знания и наука об истории и культуре народов Арабского Востока в России были органично связаны с историко-культурными контактами, государственными и общественными интересами. Во второй половине XIX – начале XX вв. проводятся активные филологические и исторические арабистические исследования, появляются новые методики и приемы изучения, а самое главное – расширяется источниковедческая база академической и университетской арабистики. Научное и общественное значение российской арабистики определялось накоплением объективных знаний об арабоязычных народах и интересом к ним со стороны российского государства и общества. В XIX – начале XX в. формируется классическая арабистика, связанная с арабским языкознанием, изучением литературных и исторических памятников, древней и средневековой истории и культуры арабо-мусульманских народов.

В основе формирования и развития российской арабистики в XVIII – начале XX вв. лежат разнообразные межгосударственные, торгово-экономические и научно-культурные связи народов России и Арабского Востока, научные достижения европейской арабистики и самобытные национальные школы и культуры мусульманских народов России, которые органично впитывали классическое и современное им арабское духовное наследие.

На протяжении XIX – начала XX вв. в России формируется и развивается классическая арабистика – актуальная научная дисциплина мирового востоковедения. Стержнем развивающейся классической арабистики в России становится ориентация академических и университет-

ских центров на исследование памятников арабской классической словесности и материальной культуры арабо-мусульманской цивилизации, изучение диалектов арабского языка. На рубеже XIX – XX вв. академическая и университетская арабистика сформулировала важные мировоззренческие, методологические и исторические выводы об историко-культурном наследии Арабского Востока.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья и казанского востоковедения XIX – начала XX вв., в особенности в университетской ориенталистике, арабистика занимает важное и почетное место. Развитие казанской научной школы российской арабистики XIX – нач. XX в. свидетельствует в основном об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности исследований. Университетская арабистика в Казани связана с традицией преподавания классического арабского языка, научно-просветительскими путешествиями на Арабский Восток, оригинальными описаниями культурных традиций арабского мира казанскими путешественниками, популяризацией в обществе знаний об истории и культуре арабо-мусульманских народов.

Наиболее заметными результатами научного этапа развития арабистики в Казани стали следующие: переводные и оригинальные материалы с разнообразной арабской тематикой; оригинальные работы в области арабского языкознания; публикации лингвистических материалов – текстов, стихов, лексики арабского языка; осмысление разнообразных письменных и материальных источников по истории и культуре народов Арабского Востока; знакомство с достижениями европейской арабистики; источниковедческое осмысление опубликованных священных текстов ислама и классических литературных сочинений, систематизация основных событий истории народов арабского мира.

Научные и социокультурные традиции исследования арабо-мусульманской цивилизации в Казани XIX – начале XX вв. обусловлены следующими основными особенностями: преподавание арабского, персидского, турецко-татарского языков на базе классических литературных и эпических образцов; исследования в области живой речи, народного творчества, фольклора и диалектологии арабо-мусульманских народов; подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; поиск, приобретение, изучение мусульманских рукописей и книг, материальных памятников арабо-мусульманской цивилизации; переводы арабоязычных авторов; подготовка и организация научных путешествий в страны Арабского Востока; личные научные связи с отечественными и зарубежными арабистами; публикация оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических статей и

работ по истории и культуре арабо-мусульманской цивилизации.

Казанская университетская арабистика XIX – нач. XX вв. продемонстрировала формирование новых социо-политических и культурных образов Арабского Востока. Прошлое и настоящее казанской университетской арабистики XIX – XX вв. сформировало прочную основу перспективных политических, экономических и духовных взаимоотношений народов России, Татарстана и стран арабского мира.

Пумпян Г.З.

(Библиотека РАН, СПб)

*Научно-исследовательская деятельность Императорского
Православного Палестинского Общества (1881 – начало XX века):
по материалам изданий ИППО*

Научная, научно-издательская и просветительская деятельность всегда относились к числу важнейших направлений работы Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Главной областью научных исследований Общества было комплексное изучение Палестины и сопредельных территорий, то есть то, что составляет предмет «палестиноведения» (история региона, археология, прежде всего, библейская и христианская, церковная история, история святых мест, топография, топонимика Палестины и других стран Библейского региона, сбор и публикация относящихся к теме источников и т.д.¹).

Вокруг Общества сложился круг исследователей, среди которых были как вполне состоявшиеся ученые, так и начинающие исследовате-

¹ Главным научным изданием ИППО является «Православный Палестинский сборник». Основанный В.Н.Хитрово в 1881 г., за год до официального открытия Общества, Сборник выходил до 1917 г. (вып. 1–63); был возобновлен в 1954 г. под названием «Палестинский сборник», с 1992 г. выходит под восстановленным историческим названием. Ученые труды и разнообразные материалы научно-популярного характера регулярно публиковались также в журнале «Сообщения Православного Палестинского Общества» (основан в 1886 г., регулярно выходил, с разной периодичностью, с 1891 по 1916 г., по одному выпуску вышло в 1917 и затем в 1926 г.) и в «Отчетах Православного Палестинского Общества» (с 1883 по 1911 г.). Среди других продолжающихся изданий Общества следует назвать серии «Палестинский Патерик» (вып. 1–22) и «Чтения о Святой Земле» (вып. 1–52). Помимо публикаций научного характера в изданиях ИППО имеются материалы о благотворительной, просветительской и миссионерской деятельности, хроникальные заметки и отчеты, содержащие важные сведения для изучения русской культуры и истории Передней Азии.

ли, научные интересы которых так или иначе были связаны с изучением, в первую очередь, истории и культуры Византии, Христианского Востока, славянских письменных памятников и истории православия в России и у южных славян. К Христианскому Востоку в науке принято относить христианские народы и общества Востока, одними из первых принявшие христианство и имеющие ряд общих черт восточно-христианской культурной традиции: сирийцы, копты, арабы-христиане, армяне, грузины, эфиопы.

Среди ученых, специализировавшихся в этой области, были как представители светской науки, связанные с крупнейшими российскими университетами и Академией наук, так и церковные ученые, преподаватели Санкт-Петербургской, Московской, Киевской, Казанской и Сибирской духовных академий. Зарождение этого научного направления в России относится к периоду конца XIX—начала XX вв., и нужно сказать, что ИППО сыграло заметную роль в его становлении и развитии.

На первом этапе (до 1917 г.) в научной деятельности Общества в большей степени принимали участие ученые-слависты (специалисты в области изучения древней и средневековой русской истории, летописей, древнерусского искусства), византилисты и антиковеды, специалисты в области византийского искусства, греческих источников, а также церковные ученые. К их числу относятся специалисты по истории церкви, литургике (богословская дисциплина, имеющая предметом изучения христианское церковное богослужение, где главное место занимает литургия; ее основные разделы – гимнографии (богослужебные песнопения) и эртологии (наука о праздниках, их истории и традициях), патристике, или патрологии (история христианской догмы, занимается изучением развития христианской богословской мысли)¹, агиографии (изучение житий святых как памятников религиозной и литературной истории – т.н. «критическая» агиография, которая в научной литературе может осмысляться как часть агиологии – теории святости)², а также по христианской археологии и церковному искусству.

К их числу относятся такие исследователи, как палестиновед, специалист в области латинской и греческой филологии, классической и христианской археологии, греческой и русской агиологии, истории и нумизматики, инициатор издания серии «Палестинский патерик» И.В. Помяловский; историк-византист, директор Русского археологического института в Константинополе и редактор «Византийского вре-

¹ Архимандрит Иона (Карпунин). Литургика (учебное пособие).
<http://azbyka.ru/dictionary/11/liturgika-all.shtml>.

² www.krugosvet.ru/articles/104/1010498/1010498a1.htm.

менника», впоследствии председатель ИППО в 1921–1928 гг. Ф.И. Успенский; историк древнерусского и византийского искусства, профессор Новороссийского университета в Одессе, впоследствии старший хранитель в Эрмитаже Н.П. Кондаков; историк церкви, особенно Христианского Востока, редактор журнала «Христианское чтение», проф. Сибирской Духовной Академии и Санкт-Петербургского университета И.Е.Троицкий; профессор литургики и церковной археологии Киевской Духовной академии, четвертый секретарь ИППО А.А. Дмитриевский; филолог, историк, эпиграфист В.В. Латышев (также возглавлявший Общество в 1918–1921 гг.); византилисты и археографы Г.С. Дестунис и А.И. Пападопуло-Керамевс, оба – греки по происхождению; византист, историк церковного права, в советское время – автор исследований в области экономических и социальных отношений в Византии проф. СПбДА И.И. Соколов, который 1904 г. стал редактором СИППО; богослов и экзегет, патролог, проф. СПбДА, зам. председателя ИППО в 1921 г. Н.Н. Глубоковский; проф. Киевской Духовной Академии археолог А.А.Олесницкий; проф. Московской Духовной Академии историк Н.Ф. Каптерев; археолог, специалист в области классической и восточной культуры М. И. Ростовцев, археолог и историк искусства, хранитель Эрмитажа Я.И. Смирнов; автор трудов по античной истории, эпиграфике, археологии, классической филологии, древней истории Северного Причерноморья профессор Санкт-Петербургского (затем Ленинградского) университета С.А. Жебелев; византист, канонист (специалист по истории римско-византийского, славяно-русского, грузинского и армянского права), и.д. (исполняющий должность) экстраординарного профессора Петроградского (позже профессор Ленинградского) университета В.Н. Бенешевич; славист, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета П.А.Сырку.

Другой обширной группой ученых, сотрудничавшей с Обществом, были востоковеды, профессора Факультета восточных языков Петербургского университета: египтолог и эфиопист, основатель христианской ориенталистики и журнала «Христианский Восток» Б.А. Тураев (который, кстати, прекрасно зная богослужебный устав Церкви, был одним из составителей службы Всем Русским Святым и старостой университетской церкви святых апостолов Петра и Павла, а в советское время – «малой» университетской церкви Всех Святых, в земле Российской просиявших, находившейся на квартире слависта акад. И. И. Срезневского до 1924 г.¹); семитолог акад. П.К. Коковцов; арабисты барон В.Р. Розен (академик, декан Факультета восточных языков и с 1885 г.

¹ hram.iphil.ru/parishioners/turaev.

председатель Восточного отделения Русского археологического общества, основатель «Записок ВОРАО»), Н.А. Медников и тогда еще молодой приват-доцент И.Ю. Крачковский; арабист и историк Византии А.А. Васильев, впоследствии в эмиграции ставший родоначальником школы византинистов в Америке и почетным председателем Международной ассоциации византинистов; кавказоведы – А.А. Цагарели, Н.Я. Марр, кн. И.А. Джавахов (Джавахишвили), К. Кекелидзе (протоиерей, историк литургики, ученик А.А. Дмитриевского, ставший впоследствии академиком Грузинской АН).

В изданиях ИППО принимали также участие и русские дипломаты на Ближнем Востоке (например, генеральный консул К.Д. Петкович), а также сотрудничавшие с Обществом православные арабы, как работавшие в России (М.А. Аттая, А.Муркос, П.К.Жузе), так и «местные», палестинские (А.Г.Кезма, К.Каназе). Следует сказать, что исследования этого круга ученых могли публиковаться также и в ряде других, не имевших отношения к ИППО научных изданиях. Таким образом, Палестинскому Обществу требовалось найти свою «нишу» среди многих изданий, выходивших в этот период.

В отчетах ИППО научной деятельности Общества уделяется большое внимание. Так, уже на начальном этапе деятельности ИППО в 1885 г. был напечатан информативный научный «Отчет отдельных ученых исследований и изданий ППО» по докладу Д.Ф. Кобеко, читанному в заседании 28.10.1885.¹ И.В. Помяловскому принадлежит вышедший отдельным изданием аналитический обзор научной деятельности ИППО примерно за то же время (1881–1885 гг.), в который включен также ряд профессиональных замечаний.² К 25-летию ИППО был издан обширный исторический обзор деятельности ИППО А.А. Дмитриевского – в том числе и в области научных исследований.³

Публикации, связанные с изучением Палестины и сопредельных областей, опубликованные в изданиях ИППО, можно конкретизировать более подробно по разным направлениям. Прежде всего, сюда относятся группа ценнейших документальных источников (на русском, а также греческом, южнославянских, грузинском и западноевропейских языках). Это донесения, грамоты, челобитные, договоры – восемь ценнейших

¹ Кобеко Д.Ф. Отчет Отделения ученых исследований и изданий ППО /чит. Д.Ф. Кобеко. СПб., 1885. 7 с. – На заседании 28.11.1885.

² Помяловский И. В. Ученая деятельность ИППО в 1884–1885 г. СПб.: Тип. В.С. Балашова, [1886]. 18 с.

³ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество за первую четверть века своего существования. СПб., 1907.

памятников. Далее – картографические материалы – шесть, публикации путешествий, хождений, сказаний – 42 памятника, включая русские путешествия и греческие проскinitарии (т.е. путеводители). Среди паломников были как духовные, так и светские лица – купцы, крестьяне. ИППО предполагало осуществить полное научное издание записок русских паломников в Святую Землю, начиная с Крещения Руси и до XVIII в.

Одной из главных своих задач издатели ППС считали публикацию греческих источников. Так, с 1890 по 1903 гг. было впервые издано тринадцать из двадцати четырех известных византийских памятников, связанных со Святой Землей: путешествий, проскinitариев, богословских сочинений. Для подготовки к печати этих и других произведений византийской письменности, а также фундаментального «Описания греческих рукописей Патриаршей библиотеки в Иерусалиме» В.Н. Хитрово специально пригласил на работу в «Православный Палестинский сборник» известного греческого византиниста-археографа А.И. Пападопуло-Керамевса.

В 1889 г. в ППС был также издан знаменитый памятник на латинском языке «Itinerarium Aetherae», или иначе «Peregrinatio ad Loca Sancta saecula IV exeuntis» («Паломничество по святым местам конца IV в.»)¹, приписываемый паломнице Сильвии Аквитанке (по латинскому названию области в Галлии – Аквитании), аббатисе из Галлии, сестре константинопольского префекта Руфина Аквитанского, министра императора Феодосия, которая признана зачинательницей литературного жанра христианских паломничеств. В современной научной литературе ее называют Этерия или Эгерия. Это издание, прекрасно откомментированное для своего времени, с латинским текстом, русским переводом и объяснениями было подготовлено И.В. Помяловским. Кроме того, в качестве приложения к образцово выполненному М.А. Веневитиновым изданию «Хождения Даниила» было напечатано в русском переводе «Путешествие в Святую Землю» Зевульфа (Seawolf), англосакса, посетившего Палестину в 1102 г. Как поясняется в послесловии М.А. Веневитинова, к этому были две побудительные причины. Во-первых, путешествие Зевульфа произошло в 1102–1103 гг., следовательно, почти одновременно с Даниилом, которого он в некоторых местах дополняет и разъясняет. Во-вторых, описание Зевульфа дает возможность провести сравнение паломнических текстов двух религиозно-культурных традиций – православной и западноевропейской. Здесь следует отметить, что хотя текстология как наука, занимающаяся изучени-

¹ ППС. 1889. Т. 7, вып. 2(20). С. I–XV, 1–313, 1 карт.

ем истории текста и критическим изданием письменных памятников, в этот период еще не оформилась, но публикации в ППС на рубеже XIX–XX вв. уже имеют характер серьезных научных работ, с критическим изданием текста, переводом и текстологическим анализом и комментарием, хорошим справочным аппаратом.

В этой области, как правило, работали постоянные авторы. Так, в подготовке публикаций греческих материалов участвовали упоминавшиеся выше Г.С. Дестунис и А.И. Пападопуло-Керамевс. Некоторые письменные памятники, изданные ИППО, больше не переиздавались. В частности, единственным критическим изданием «Хождения Трифона Коробейникова», на который до сих пор ссылаются исследователи, остается издание ППС, подготовленное Х.М.Лопаревым по инициативе секретаря ППС В.Н. Хитрова.¹

Ряд публикаций связан с собиранием и описанием рукописей в хранилищах Святой Земли и прилежащих областях (в монастырских собраниях Палестины, на Афоне в Греции, в монастыре Св. Екатерины на Синайском полуострове). Одним из первых серьезную работу в этой области проделал епископ Порфирий (Успенский), обследовавший и описавший собрание рукописей в монастыре Св. Екатерины на Синае в 1845 г.: «он один из первых в науке обратил внимание на исторические памятники христианско-арабской литературы и сохранил от забвения немалое количество имен, опубликовав в извлечениях на русском языке ряд открытых им хроник».² ИППО планировало и сумело профинансировать ряд научных поездок и экспедиций по исследованию и описанию рукописей в Передней Азии и сопредельных областях: в 1882 г. – поездка на Синай проф. А.А. Цагарели для изучения грузинских древностей; в 1886 г. – поездка П.В. Безобразова на острова Архипелага и в Грецию для описания рукописей о византийских паломничествах в Святую Землю; в 1900 г. – командировка проф. В.Н. Мышцына в Иерусалим для описания рукописей и музея архимандрита Антонина (Капустина); в 1902 г. – поездка Н.Я. Марра на Синай для изучения грузинских рукописей в библиотеке монастыря Св. Екатерины; в 1898 г. – поездка художника Н.К. Клуге в Мадебу в Заиорданье для воспроизведения только что открытой мозаичной карты Палестины, на которой были обозначены

¹ Федорова И.В. Из истории издания «Хождения Трифона Коробейникова» ИППО // ППС. 2005. Вып.102. С. 143.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 154.

ны пункты паломничества в Святую Землю.¹ Н.К. Клуге, который также занимался в Палестине такими важными для археологии работами, как съемка планов, графическая и фотографическая фиксация, выполнил лучшее на то время акварельное изображение карты. ИППО приобрело акварельный рисунок карты и опубликовало статью Н.К. Клуге, правда, без подписи автора.²

По результатам этих поездок в ППС был напечатан ряд каталогов с описанием рукописных собраний. В ряде случаев материалы о научных командировках в периодических изданиях ИППО публиковались в форме отчетов, докладов или обзоров и записок о путешествии, а детальное научное изложение исследуемых материалов издавалось в виде отдельных монографий под эгидой ИППО или в других печатных органах (например, РАИК). ИППО также издало в пяти выпусках каталог с описанием рукописей патриаршей библиотеки в Иерусалиме, который подготовил А.И. Пападопуло-Керамевс.³

Среди востоковедов, сотрудничавших в обозначенный период с ИППО и упомянутых выше, далеко не все печатались в его изданиях. Многие ограничивали свою работу в Обществе главным образом участием (и довольно активным) в работе заседаний Общества, обсуждением проблемных сторон научной деятельности и даже инициировали ряд проектов. Авторами публикаций в изданиях ИППО были Б. А. Тураев (статьи по истории Древнего Востока – Финикии, истории христианских (в частности, абиссинской) церквей на Востоке), Н.Я.Март (подготовка к изданию и переводы рукописей на армянском и грузинском языках, в частности, предисловие и участие в подготовке к изданию рукописи IX в. Святейшего архиепископа Константинопольского Фотия о Гробе Господнем, содержащей разделы, помимо греческого, и на армянском языке, издание, перевод и предисловие грузинского подлинника жития Петра Ивера, царевича-подвижника и епископа Майумского V в., а также предварительный отчет о работах на Синае, проведенных в сотрудничестве с И.А. Джаваховым, и во время поездки в апреле – ноябре 1902

¹ Карта была обнаружена в небольшой иорданской деревне Мадебе, когда-то библейском городе, при строительстве греческой церкви в 1884–1887 гг. Она была изображена на мозаичном полу второй половины VI в.

² Мозаичная географическая карта, найденная в г. Мадебе // СИППО. 1897. Т. 8, апр. С. 224–232.

³ Papadopulos-Kerameus A.I. Ierosolymitike Bibliotheke etoi Katalogos ton en te Bibliotheke tou agiotatou... patriarchikou thronou ton ierosolymon kai pases Palaistines apokeimenon ellenikon kodikon. I–V. Petropolis, 1891–1910; Analekta ierosolymitikes stachyologias. I–V. Petropolis. 1891–1898.

г. в Иерусалим), А.А. Цагарели (о грузинских письменных памятниках в Святой Земле, в том числе публикация его речи «Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае», читанной в заседании 30 декабря 1883 г.).

Событием большой научной важности была публикация в 1897 г. четырехтомного труда Н.А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам».¹ Труд Н.А. Медникова получил высочайшую оценку в научной среде: это «свод, ценный не только безукоризненно документированными переводами, но и продуманными, строго просеянными выводами, убедительной силе которых подчинились крупнейшие представители западной науки, хотя им нередко приходилось отказываться от выработанных раньше взглядов, как итальянцу Каэтани, составителю капитального свода «Annali del' Islam», или голландцу де Гуге, автору монографии о завоевании Палестины»².

Уже с 1910 г. начинает сотрудничать с ИППО и с 1915 г. становится его пожизненным членом тогда еще молодой арабист И.Ю. Крачковский, будущий академик, глава отечественной школы арабистики. И.Ю. Крачковский печатает рецензию в СИППО на зарубежную (арабскую) публикацию о деятельности ИППО, там же публикуются рецензии на некоторые из его работ. В круг очень широких научных интересов И.Ю. Крачковского входило и изучение арабо-христианской литературы³ – одной из христианских литератур Востока (наряду с эфиопской, коптской, сирийской, грузинской и армянской). К числу ее важнейших памятников относились ранние христианские тексты, переводы Библии на арабский язык и богослужебные книги, арабские версии апокрифических (т.е. неканонических) Евангелий и агиографических (т.е. о святых) сочинений, например, апокрифические «Евангелие детства» и «История плотника Иосифа», неопубликованные переводы которых хранятся в архиве И.Ю. Крачковского,⁴ сохранившаяся до наших дней арабская

¹ Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // ППС. 1897. Т.17, вып.2, 1(50) – 4 (50).

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 145.

³ В ближайшее время в издательской фирме «Восточная литература» в серии «Классики отечественного востоковедения» планируется выход в свет издания: Труды И.Ю. Крачковского по Христианскому Востоку / сост. А.А.Долинина, С. А.Французов, Л.И.Николаева; ввводн. статьи к разд. I, III, IV А.А.Долининой, к разд. II С. А.Французова.

⁴ Пайкова А.В. Христианско-арабская литература в творческом наследии академика И.Ю. Крачковского // Игнатий Юлианович Крачковский (1883–

версия так называемого Диатессарона (сводная композиция на основе четырех канонических и некоторых апокрифических текстов Евангелий, составленная сирийским ученым II в. Татианом (ок. 180 г. от Р.Х.), арабская версия мученичества Св. Екатерины Александрийской, арабская же версия «Жития» Иоанна Дамаскина, арабские версии памятников мировой литературы («Повесть о Варлааме и Иоасафе»), географические сочинения арабов-христиан.

В 1915 г. в СИППО¹ печатается рецензия на одну из интереснейших статей И.Ю.Крачковского – «Благодатный огонь» по рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X–XIII в.». Это любопытное и очень трогательное свидетельство автора-мусульманина о чуде «благодатного огня» в Храме Господнем, исполненное глубочайшего уважения, пиетета и доверия к чудесному явлению христианского мира. Вот как об этом писал И.Ю. Крачковский: «...его (ал-Бируни) сообщение о благодатном огне является наиболее важным в ряду арабских свидетельств не только по своей древности, но и по внутреннему достоинству. Отношение его к описываемому обряду дает ценную черту для характеристики автора: в нем мы находим пример вдумчивой терпимости к чужой религии, который едва ли легко встретить в христианском средневековье по отношению к мусульманству»².

Важное место в публикации источников по изучению Палестины и сопредельных областей занимают мемуарные источники (дневники, путевые заметки, письма), а также корреспонденции и сообщения о поездках членов ИППО – их девяносто шесть. Регулярно публикуются «Вести с Православного Востока» проф. И.И. Соколова (иногда под псевдонимами Световостоков, Византийский, Померанцев). Например, корреспонденция в разделе «Иерусалимские вести» о первой половине паломнического периода года, так называемого Рождественского».

Среди публикаций исследовательского плана также большое место отводится вспомогательным историческим дисциплинам: эпиграфике (надписи в Палестине, ассирийские, греческие, самаритянские и т.д.), нумизматике, археологии. Особенно много и подробно написано по разным аспектам археологии. Одно из главных направлений археологических исследований в этом регионе принадлежит, безусловно, библей-

1951): биобиблиографический указатель. СПб.: БАН, изд-во Альфарет, 2007. С. 197–200.

¹ СИППО. 1915. Т.26, вып.1–2. С. 220–221.

² Крачковский И.Ю. «Благодатный огонь» по рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X–XIII в.» // Христианский Восток. 1915. Т.3, вып.3. С. 225–242.

ской и, шире, христианской археологии. Первые попытки идентификации библейских древностей делались еще в ранневизантийский период. Так, в восточно-христианских литературах сохранились варианты предания на разных языках, согласно которому по инициативе Елены, матери Константина Великого, в 326 г. в Иерусалиме проводились раскопки с целью найти остатки Гроба Господня. На месте Голгофы были найдены три креста и табличка с именем Христа.

По словам крупнейшего русского египтолога начала XX в. акад. Б.А.Тураева, «интерес к местностям и другим свидетелям библейских событий, столь естественный и у иудеев, и у древних христиан, засвидетельствован еще в римское время. Не только в Святой Земле, но и за пределами ее путешественникам показывали связанные с библейскими повествованиями примечательности, например, в Вавилоне и ров львиный¹, и речь халдейскую, и башню смешанных языков... Торжество христианства в Империи дало новый импульс к этому интересу... Появляются труды церковных писателей, справедливо считающиеся предшественниками исследований по библейской археологии и являющиеся теперь для нее источниками. Таковы книга Евсея Кесарийского об именах местностях, встречающихся в Священном Писании, труды Епифания о библейской метрологии. В средние века отсутствует научное отношение к Святой Земле, но существует монашеская и паломническая традиция о положении святых мест... Лишь с началом филологического и исторического изучения Библии в эпоху Ренессанса проявляется научный интерес к библейским древностям»².

На первом этапе изучения библейских местностей (до XIX в.) осуществлялись осмотр и описание памятников Месопотамии, Сиро-Палестинского региона, иногда делалась идентификация городов, сбор и систематизация коллекций, сюда же относятся работы французских ученых и художников во время экспедиции Наполеона в Египет в 1798–1801 гг. Второй этап охватывает работы XIX в. Дешифровка египетских иероглифов и клинописи Месопотамии и Ирана дали археологам инструмент для соотнесения письменных документов с материальными памятниками, их идентификации и датировки. Целенаправленное и регулярное исследование библейских древностей как наука началось в сере-

¹ Имеется в виду библейское сказание о Пророке Данииле, который был брошен в ров львиный царем Дарием по наущению и из-за интриг завистливых чиновников (князей и сатрапов), но остался невредимым благодаря своей чистоте перед Богом и царем и вере в Бога, пославшего Ангела своего, который заградил пасть львам (Книга пророка Даниила: гл.6, 1–28).

² Тураев Б. Библейская археология // Христианство. Т.1. 1993. С. 211.

дине XIX в. и связано с обследованием библейских памятников Палестины в 1838 и 1852 гг. американскими учеными Э. Робинсоном и Э. Смитом с целью проверки монастырских преданий о святых местах.¹ Это придало систематический характер идентификации библейских городов и прочих памятников. Активизация библейской археологии в середине XIX в. была связана с необходимостью «верифицировать Священную историю и поставить описываемые в ней события на почву реальных фактов после того, как эти события стали объектом атак раннего дарвинизма. Но ее развитию помогало и стремление взять на себя заботу о святых местах, пропаганда которых усиленно велась в Европе, Америке и России...».²

РДМ в Палестине и ИППО с самого начала своего создания проявили огромный интерес к археологическим исследованиям в Святой Земле. На Русском месте, близ Гроба Господня, на улице ад-Дабаггин (род. падеж мн.ч. от араб. *даббāḡ* – «дубильщик»), приобретенном консулом В.И. Дорогобужинным в 1859 г., в результате пробных раскопок были найдены остатки древних стен и византийских арок. Однако настоящему значительным вкладом в развитие библейской археологии стали работы, произведенные русскими учеными под руководством архимандрита Антонина (Капустина). Его раскопки, проведенные с помощью главного архитектора Иерусалима и археолога К. Шика, привели к ряду открытий в области ветхозаветной и раннехристианской археологии. Была обнаружена вторая обводная иерусалимская стена, построенная, как предполагал архимандрит Антонин, в 445 г. до Р.Х. при Неемии (Неем.2). Открытый в стене порог Судных врат, шедших за город, свидетельствовал о нахождении здесь укрепленных ворот, через которые могла проходить конечная часть Крестного пути. Таким образом, определение направления стены могло бы решить спор о местонахождении Голгофы. Однако полемика по поводу датировки и идентификации стены не завершена. Также архимандритом Антонином были открыты остатки базилики Константина Великого с пристройками ранневизантийского времени (VII– VIII вв.). Некоторые находки о. Антонина попали в музеи (бюст Ирода Великого, по его завещанию, хранит-

¹ Райт Дж. Э. Библейская археология / пер. А.А.Чеха, ред., [коммент. и послесловие] А.Б. Никитина. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2003. 456 С.

² Беляев Л.А. Палестинская археология в конце XIX – начале XX в.: православная, католическая и реформаторская версии [доклад на Международной церковно-научной конференции «Православная Византия и латинский Запад»: к 950-летию разделения церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами]. М., 26–27 мая 2004 г.]. <http://palomnic.org/history/bh/8>.

ся в Государственном Эрмитаже, а коллекция палестинской керамики и саркофаг эллинского времени находятся в Музее, который был основан РДМ в Иерусалиме и размещен в настоящее время в Елеонском Вознесенском монастыре, в юрисдикции Русской Церкви за рубежом)¹.

В изданиях ИППО широко представлен ряд публикаций, посвященных русским археологическим исследованиям, в особенности трудам Антонина (Капустина). ИППО также планировало и финансировало некоторые экспедиции и исследования археологического плана: в 1883 г. архимандритом Антонином и архитектором и археологом К. Шиком были начаты раскопки в Иерусалиме; в 1886 г. – научные исследования А.А. Олесническим места храма Соломона; в 1891 г. – исследование памятников христианских древностей в Хауране, Аджлуне и в Заиорданье Н.П. Кондаковым, А.А.Олесническим, Я.И. Смирновым; в 1898 г. проводились археологические работы русских ученых в Заиорданье, Тивериаде и Синае; также в 1898 г. была получена субсидия от ИППО в размере пяти тыс. руб. на научную экспедицию РАИК во главе с его директором Ф.И. Успенским в Сирию, Пальмиру, Иерусалим, Балъбек (Ливан) и др. места, экспедиция состоялась в 1900 г., а ее результаты были опубликованы в издании РАИК; в 1891–1892 гг. ИППО и РДМ организовывали в Палестине экспедиции Н.П. Кондакова по исследованию раннехристианских древностей.

Эти поездки не предполагали полевых исследований и назывались «археологическими путешествиями». Во время этих поездок, в первую очередь, выполнялись осмотр памятников, фотофиксация, зарисовки, сбор музейных экспонатов, что позволило впоследствии по их результатам подготовить солидные печатные труды². Как отмечалось выше, в изданиях ИППО материалы по результатам научных поездок светских ученых публиковались, как правило, в виде докладов и отчетов, что же касается более подробного и обстоятельного изложения научных материалов, то они чаще печатались в виде монографических исследований отдельно, иногда под эгидой ИППО, иногда – в других изданиях, в том числе – РАИК.

Наиболее значимой была поездка И.П. Кондакова, по результатам которой была опубликована в 1892 г. статья в СИППО «О результатах первой русской научной экспедиции в Святую Землю»,³ а в 1904 г. – его

¹ Никитин А.Б. Послесловие // Райт Дж.Э. Библейская археология / пер. А.А.Чеха, ред., [коммент. и послесловие] А.Б. Никитина. С. 206–425.

² Беляев Л.А. Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // ППС. 2007. Вып. 105. С. 49–50.

³ СИППО. 1892. Вып.3. С. 144–160.

же монография «Археологические путешествия по Сирии и Палестине» (СПб, 1904). В СИПО имеются также описания разных археологических памятников: а) культовые памятники и погребальные сооружения, т.е. хранилища урн с прахом после кремации, погребальные пещеры, а также мегалитические памятники, например, гробницы, которых много в Палестине (мегалитическими памятниками называют доисторические сооружения в виде больших каменных глыб или плит каменной (неолитической), бронзовой и отчасти более поздних эпох, служивших либо гробницами, либо памятниками, либо святилищами); б) сооружения хозяйственно-бытового и культурного назначения (например, гидротехнические сооружения, цистерны, водопроводы и т.д.); в) прочие памятники и предметы материальной и духовной культуры.

В 1895 г. в ППС было опубликовано монографическое исследование А.А. Олесницкого «Мегалитические памятники Святой Земли» (вып. 41). Двадцать восемь статей посвящено археологическим раскопкам. Имеются обзоры западноевропейских работ. В качестве примера таких публикаций можно привести заметки об Английском фонде по исследованию Палестины. Все эти публикации, как правило, напечатаны в «Сообщениях ИППО».

Следует отметить, что финансирование русских археологических работ значительно уступало по своим объемам и возможностям финансированию западных палестинских обществ. К началу XX в. в России был накоплен опыт серьезных научных исследований в области археологии на Востоке, особенно христианской археологии на территории бывшей Византии, Сирии и Палестины Археологическим институтом в Константинополе (1894 – 1914), созданным специально для этих целей по предложению русского посла в Константинополе А.И. Нелидова при активном участии Ф.И. Успенского и находившимся официально в ведении Министерства народного образования. В апреле 1900 г. по инициативе и под руководством П.К. Коковцова при ИППО состоялось совещание по археологии Палестины и сопредельных стран с целью расширения исследований. В нем приняли участие В.Н.Хитрово, египтолог и эфиопист Б.А. Тураев, археолог М.И. Ростовцев, арабисты Н.А. Медников и барон В.Р. Розен, антиквовед и классицист, историк, эпиграфист и археолог С.А. Жебелев. Ставился вопрос о создании аналогичного института в Иерусалиме, к этому вопросу возвращались и позже (1915), однако происшедшие затем исторические события помешали реализации этих планов. Вновь о планах создания археологического института в Иерусалиме вспомнили лишь в наше время.

В советский период в 1926 г. было выпущено последнее издание «Сообщений ППО», которое включало семь работ сугубо научного ха-

рактера. Далее, по данным архивов, Общество продолжает довольно активную научную работу примерно до середины 30-х гг. в форме заседаний, чтения и обсуждения докладов,¹ однако в издательской деятельности Общества наступает перерыв до 1954 г.

Родионов М.А.

(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

**Абд ал-Азиз Бин Акил – исследователь обычного права Хадрамаута
(из истории российско-йеменских научных связей)²**

Деятельность комплексной экспедиции Российской академии наук на юге Йемена в 1980-е – 1990-е гг. принесла не только значительные научные результаты в области археологии, истории, этнографии, лингвистики, но и способствовала появлению йеменских исследователей, прошедших российскую научную школу. Один из самых примечательных представителей этого круга – Абд ал-Азиз Джафар Бин Акил, принимавший участие в работе российско-йеменской экспедиции с ее первого полевого сезона 1983 г.

Выходец из хадрамаутского племени нахд, выпускник педагогического училища в Мукалле, работавший учителем в одной из средних школ провинции Махра (тогда – VI провинция Народно-Демократической Республики Йемен), он был направлен на учебу в Краснодар, где закончил Исторический факультет Кубанского университета. Вернувшись в НДРЙ, он стал научным сотрудником южнойеменского Центра культурных исследований в V-й провинции, т.е. Хадрамауте. Получив опыт полевой работы в археологическом, историко-культурном и этнографическом отрядах экспедиции, Абд ал-Азиз Бин Акил остановил свои интересы на вопросах социальной антропологии Хадрамаута: занимался изучением этноплеменной специфики населения Западного Хадрамаута³ и социальной роли мест паломничеств (ед. ч. *хаута*)⁴.

¹ Грушевой А.Г. Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П.Медведева. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. С. 134–156.

² Доклад подготовлен в рамках проекта «Южноаравийская поэзия *хумайни* и историческая память Хадрамаута», представленного в РГНФ.

³ Bin ‘Aqīl, ‘Abd al-‘Azīz Ja‘far. Wādī al-‘Ayn: mudunuḥu wa-qurāḥu wa-tarqībuhu al-ijtimā‘ī al-qibalī wa-mawāqī‘uhu al-athārīya // *Ḥaḍramawt*. Al-Mukāllā. 1984, p. 20-39.

⁴ Bin ‘Aqīl, ‘Abd al-‘Azīz Ja‘far. Al-Ḥuwaṭ fī Ḥaḍramawt: qawā‘id li-l-abḥāth al-maydānīya // *Ḥaḍramawt al-qadīma wa-l-mu‘āṣira*. Say‘ūn, 2, 1987, p.

В 1990 г. он был принят соискателем в Ленинградский филиал Института востоковедения АН СССР, т.е. появился в городе на Неве через 150 лет после египетского шейха ат-Тантави, которому посвящена наша конференция. Когда молодой йеменец защитил кандидатскую диссертацию в 1992 г., академия уже называлась Российской, филиал института – Санкт-Петербургским, а Советско-Йеменская комплексная экспедиция (СОЙКЭ) превратилась в Российскую. Произошло объединение Северного и Южного Йемена, ЙАР (Йеменской Арабской Республики) и НДРЙ, в ЙР – Йеменскую Республику.

Абд ал-Азиз живо интересовался происходящими у себя на родине и в России историческими переменами. Сравнивая жестко регламентированную советскую действительность, которую наблюдал в Краснодаре на рубеже 1970–1980-х гг. с бурными девяностыми в Северной Пальмире, йеменский соискатель удивлялся неожиданной открытости петербуржцев, участвовал в непрекращающихся общественных спорах о прошлом и будущем России, жадно читал широко публикуемые после упразднения цензуры новые исторические материалы и новых авторов.

Его диссертационное исследование, защищенное в Санкт-Петербурге на русском языке под научным руководством П.А. Грязневича, организатора и первого руководителя йеменской экспедиции, получило название «Этносоциальная структура и институты социальной защиты в Хадрамауте (XIX – первая половина XX вв.)».¹

Под этносоциальной структурой понималась ранжированность традиционного общества Хадрамаута – иерархия социальных страт, среди которых племенная страта заметно выделяется многочисленностью, организованностью и боевым духом. В рассматриваемый период в данном ареале было 15 крупных племенных союзов, сотни отдельных племен и племенных подразделений. Под институтами социальной защиты подразумевались механизмы регулирования внутриплеменных и межплеменных конфликтов, или, по определению диссертанта, совокупность «организационно-правовых принципов и норм и механизма их реализации в сфере обычного и общего права»². Сбой этих механизмов

178-192; Bin ‘Aqīl, ‘Abd al-‘Azīz Ja‘far. *Ḥawṭa fī ṭawr al-ta‘sīs // Afāq*, №10. 1987, p. 28-40.

¹ Бин ‘Акил, ‘Абд ал-‘Азиз Джа‘фар. *Этносоциальная структура и институты социальной защиты в Хадрамауте (19 – первая половина 20 вв.)*. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1992. 22 с. (Российская Академия наук, Институт востоковедения, Санкт-Петербургский филиал (ИВР РАН)).

² Там же, с.2.

под влиянием внешних факторов, как показано в работе, и привел к кризису и трансформации социума.

Кроме печатных и рукописных исторических трудов, источниковой базой исследования послужили более 400 неопубликованных племенных документов XVI – первой половины XX в., переданных в 1988 г. из архива Социалистической партии (куда они попали из канцелярии султанов ал-Куайти) в Центр культурных исследований (г. Мукалла). С 1992 г. указанный Центр вошел как региональное отделение «Прибрежный Хадрамаут» в общеименскую Генеральную организацию древностей, музеев и рукописей ЙР, из которой позже выделилась самостоятельная организация рукописей и документов.

Ценность диссертации Абд ал-Азиза Бин Акила заключается не только в четкой рубрикации документов и их скрупулезном анализе, но и в том, что большинство привлеченных им источников утрачены или не доступны исследователям после драматических событий 1994 г. – подавления попыток южан разорвать политический союз с Севером. Лучше обстоит дело с племенными документами из архива султанов ал-Касири (г. Сейун), которые местным сотрудникам Центра культурных исследований (позже – региональное отделение «Вади Хадрамаут и пустыня» Генеральной организации древностей, музеев и рукописей) удалось систематизировать и сохранить благодаря инициативе выдающегося краеведа Абд ал-Кадира Мухаммада ас-Саббана.

Исследование Абд ал-Азиза Бин Акила делится на две части. Первая часть дает краткую историю формирования традиционного общества Хадрамаута, рассматривает этносоциальную структуру этого общества и вскрывает специфику местных племен того периода, когда они представляли собой вполне самодостаточные этносоциальные организмы. Один из ключевых выводов сформулирован автором так: «Племена и племенные союзы, вопреки их кажущейся статичности в наши дни, складывались под влиянием целого ряда факторов. Некоторые из этих племенных коллективов сохранили свое имя и место обитания с далеких времен, другие мигрировали в Хадрамаут извне или перебирались из одного локального района в другой. Племена переходили из старых союзов в новые, понижали или повышали свой статус в стратовой иерархии, пресекались. Общей чертой этого ареала является тем не менее однородность обычаев и традиций, положений обычного права и культурных феноменов <...>»¹.

Во второй части работы дана развернутая характеристика властных отношений в племенах Хадрамаута, механизмов разрешения конфлик-

¹ Там же, с.15-16.

тов и динамики изменения этих факторов в XX в. Привлечены племенные документы, которые исследователь разделяет на следующие категории: соглашения о прекращении боевых действий и мире, союзах, границах, купле-продаже, вопросах чести¹. Он описывает процесс инаугурации племенных вождей (обычно наследственных) и их помощников, очерчивает круг их функций. Особое внимание уделяется посреднической роли, которую играют старейшины-мансабы двух высших социальных страт (потомки пророка Мухаммада – *сейиды* и наследственные религиозные авторитеты – *машайих*) при разрешении конфликтов, а также полномочиям верховного *хакама* – арбитра племен Хадрамаута.

Абд ал-Азиз Бин Акил подчеркивает, что «нормы обычного права особенно нетерпимы к нарушениям внутриплеменного единства и союзных договоров в отношении мира, перемирия, союзнических прав, безопасности коммуникаций и других аспектов, регулируемых институтами социальной защиты». Восходящее к доисламским временам обычное право, сохраняемое устной традицией, постоянно подвергалось коррекции с помощью толкований и дополнений. Неизменным оставался примат коллективного над индивидуальным, нашедший выражение в принципе круговой поруки, переносящим ответственность за преступления, совершенные субъектом, на всю его семейно-родственную группу. В качестве причин, подорвавших социальную иерархию традиционного общества в XX в., автор выделяет миграционные и реформистские процессы, которые в эпоху британского «косвенного управления» привели к относительной модернизации и возникновению националистических настроений.²

В заключение работы намечены планы дальнейших исследований по рассматриваемой теме: систематический учет и описание населенных пунктов Хадрамаута для выявления стратовой принадлежности населения, его связи с племенными союзами и институтами, сбор полевого материала о племенных конфликтах для подготовки детальной карты этноплеменного состава жителей Хадрамаута, сводной схемы племенных генеалогий и словаря специальных терминов на базе племенных документов, рукописей и полевого материала.³ К сожалению, эти планы

¹ Бин Акил, Абд ал-Азиз Джафар. Категории племенных документов Хадрамаута (XIX – начало XX в.) // *Культура Аравии в азиатском контексте (Сборник статей к 60-летию М.А. Родионова)*. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. С. 157-167.

² Там же, с.15-17.

³ Там же, с. 20-21.

до сих пор не реализованы.

Уже в первые годы деятельности Российско-йеменской комплексной экспедиции Абд ал-Азиз Бин Акил начал знакомить арабского читателя с работами российских ученых. Почин был положен библиографическим обзором, посвященным этнографической изученности Хадрамаута,¹ который в арабском переводе появился сразу в двух йеменских журналах – «Афак»² и «ал-Хикма»³. Позднее другая статья того же автора «Поэт в системе властных отношений»⁴, переведенная Абд ал-Азизом Бин Акилем, вышла в журнале «ас-Сакафа»⁵.

Защитив диссертацию, доктор Бин Акил возглавил региональное отделение Генеральной организации древностей, музеев и рукописей в Мукалле, продолжая вести научную и переводческую работу. Он сотрудничает с различными международными археологическими экспедициями, ведущими раскопки в Хадрамауте, прежде всего с российскими и американскими исследователями, с которыми щедро делится своими знаниями. Продолжает сотрудничество в области полевой этнографии с автором этих строк и его коллегой по академическому Музею антропологии и этнографии (Кунсткамера) П.И. Погорельским, с этнографами из Германии, Франции и других стран.

В 2004 г. в прекрасном переводе Абд ал-Азиза Бин Акила и с его предисловием Французский центр археологии и социальных наук в Санае выпустил арабскую версию кандидатской диссертации 1990 г. петербургского ученого С.А. Французова «Социально-политическая история Хадрамаута в раннее средневековье (IV – XII вв.)»⁶, фрагменты которой

¹ Родионов М.А. Этнографическое изучение Хадрамаута: результаты и перспективы // *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования*. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I. / Отв. ред. П.А. Грязневич, А.В. Седов. М.: Издательская фирма «Всемирная лит-ра». РАН, 1995. С. 380-396.

² «Афак». Мукалла, 1985, № 8, с. 31-43.

³ «Ал-Хикма». Аден, 1985, № 122, с. 76-96.

⁴ Родионов М.А. Поэт в системе властных отношений. Полевой материал из Хадрамаута (Йемен) // *Этнические аспекты власти*. Сб. статей. СПб.: Языковой центр филол. ф-та СПбГУ, 1995. С.123-137.

⁵ «Ас-Сакафа». Сана, 1991, № 31, с. 270-302.

⁶ Fräntsüzüf, Sarjīs. *Tā' rīkh Ḥaḍramawt al-ijtimā'ī wa-l-siyāsī qubayl al-Islām wa-ba'duhu. Al-'uṣūr al-waṣṭā al-mubakkira (al-qarn al-rābi' – al-thānī 'ashar al-mīlādī)*. Taqdīm wa-ta'rīb duktūr 'Abd al-'Azīz Ja'far Bin 'Aqīl. Ṣan'ā', 2004. 223 p. (Al-Ma'had al-Faransī li-l-athār wa-l-'ulūm al-ijtimā'īyya bi-Ṣan'ā').

Бин Акил печатал еще в 1991 г. в журнале «ал-Хикма»¹. На очереди арабское издание неопубликованной кандидатской работы 1992 г. другого члена СОЙКЭ Ю.Ф. Кожина «Традиционная архитектура Хадрамаута».

Творческое увлечение культурой и этнографией родного края Абд ал-Азиз Бин Акил передал своим младшим братьям. Так, один из них, Абд ар-Рахман, опубликовал комментированное собрание стихотворений выдающегося средневекового поэта-суфия Умара Ба Махрамы с очерком его жизни и анализом его мировоззрения²; написал исследования о ритуальной охоте на каменного козла³ и об истории ибадитов в Омане и Хадрамауте⁴. Другой брат, Бадр, журналист и литератор, издает в Мукалле тонкие журналы «Шибам» и «ас-Сакафи», где регулярно печатаются материалы по истории, социологии и этнографии Хадрамаута, без которых сегодня не может обойтись ни один исследователь. Среди многих его краеведческих публикаций – «Стихи и события Хадрамаута, 813-1386 гг. хиджры [/ 1410-11 – 1967]», подборка стихотворных откликов на местные исторические реалии. В большой семье Бин Акилей не ослабевает интерес также и к городу на Неве, судьбам и людям России.

Фаязова С.С.

(Восточный факультет СПбГУ)

Деятельность Мухаммада Абдо в университете Аль-Азхар

В конце XIX века зарождаются новые подходы к анализу государства и права, что в значительной степени предопределяет дальнейшее развитие арабо-исламской политической и правовой мысли. По мере развития национально-освободительного движения начался процесс политизации ислама, который выражался в использовании исламских лозунгов в политической борьбе.

На протяжении нескольких сотен лет именно университет Аль-Азхар является центром исламского обучения, будучи хранителем традиций образования и воспитания в духе «умеренного» ислама. В стенах

¹ «Ал-Хикма». Сана, 1991, № 30, с. 94-120.

² Bin 'Aqīl, 'Abd al-Raḥmān Ja'far. *'Umar Bā Makhrama al-Saybānī, 884 – 952 A.H. Ḥayūātuhu wa-taṣawwufuhu wa-shī'ruhu*. Dimashq: Dār al-Fikr, 1423 / 2002. 351 p.

³ Bin 'Aqīl, 'Abd al-Raḥmān Ja'far. *Qanīṣ al-wa'l fī Ḥaḍramawt*. Al-Damān, 1425 / 2004. 165 p.

⁴ Bin 'Aqīl, 'Abd al-Raḥmān Ja'far. *Ṣafahāt min tā'rīkh ibādīyat 'Umān wa-l-Ḥaḍramawt*. Al-Mukāllā: Dār Ḥaḍramawt, 1426 / 2006. 371 p.

Аль-Азхара зарождались идеи, которые влияли на судьбу Египта и арабского мира в целом. Университет Аль-Азхар за годы существования пережил различные периоды подъема и упадка.

В конце XIX века общественный деятель, реформатор и религиозный деятель Мухаммад Абдо (1849–1905 гг.), ученик и последователь Аль-Афгани, начинает процесс модернизации учебных программ, внутреннего распорядка и организационной структуры Аль-Азхара. Выходец из крестьянской семьи, получивший образование в мусульманском университете Аль-Азхар в Каире, Абдо энергично отстаивал идею реформации ислама через возврат к его основам. В 1890 году он создал первый совет по управлению университетом, в который входили наиболее авторитетные богословы во главе с ним самим. Были пересмотрены образовательные методики, в программу включены современные науки и новые учебные дисциплины, что было обусловлено начавшимся процессом вестернизации.

В Аль-Азхаре Мухаммад Абдо читал лекции о Коране. Из множества традиционных истолкований текста Корана Абдо отбирал те, которые имели подтверждение в *хадисах*, восходящих к самому Пророку. Абдо считал, что разум в своих познавательных возможностях не знает предела и подчинен только Аллаху.

Во взглядах Абдо на принципы справедливого государственного устройства мусульманско-правовые представления тесно переплетались с европейскими политическими концепциями. Он полагал, что в основе справедливой власти лежат три начала: свобода, исламский принцип совещательности и право.

Принцип *аш-шура* (совещание, совет) Абдо считал синонимом демократизма в вопросе управления государственными делами и антиподом деспотизму. *Аш-шура*, по мысли Абдо, – это некий представительный орган, в функции которого включены советы правителю, ограничивающие его власть и препятствующие принятию ошибочных или субъективных решений. Мухаммад Абдо указывал на необходимость введения в Египте указанного института, с помощью которого представители народа могли бы защищать интересы нации. Эти функции он возлагал на представителей просвещенной элиты. Абдо рассматривал право в качестве критерия общественного прогресса и цивилизованности, действующее только в условиях политической свободы и для выражения общих интересов.

Со смертью Абдо в 1905 году движение реформ в Аль-Азхаре в очередной раз замерло. После революционных событий 1919 и 1921 гг., носивших антиколониальный характер, король Египта Фуад I приказал в 1930 году разработать новый устав этого университета, в соответствии

с которым студентам предоставлялась возможность уделять больше внимания общеобразовательным предметам. В середине XX века «Аль-Азхар» становится известен как один из наиболее крупных и престижных исламских университетов религиозного и языкового направления.

РАЗДЕЛ II. АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ИСЛАМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ / ARABIC LANGUAGE AND ISLAM IN THE RUSSIAN EMPIRE

Маламагомедов Д.М.

*(Отдел востоковедения, ИИАЭ ДНЦ УРАН, Махачкала)
Распространение арабоязычной литературы в Дагестане
и жанровый состав памятников
дагестанской арабоязычной литературы XVIII–XIX вв.*

С проникновением и утверждением в Дагестане ислама связано распространение в этой горной стране арабоязычной литературы, ставшей достоянием многочисленных народов, входивших в состав Арабского халифата.

Процесс распространения ислама в Дагестане длился несколько веков. Параллельно с ним распространялись арабский язык и арабомусульманская культура. Этому способствовало открытие учебных заведений типа медресе, изучение языка Корана, распространение религиозной литературы. Более широкому распространению арабского языка способствовало возникновение местной, оригинальной литературы на арабском языке, представленной на раннем этапе главным образом историческими сочинениями, первые образцы которых относятся к X в.

Впоследствии положение арабского языка и арабоязычной литературы в Дагестане все более укрепляется, а в XVIII – начале XX вв. наблюдается расцвет научной и литературной деятельности на арабском языке. Хотя арабский язык и не заменил местные языки в быту, но стал основным языком литературы, науки, образования, делопроизводства; на нем велась частная и официальная переписка. Местные ученые писали на арабском языке труды по мусульманскому праву, этике, логике, медицине, исторические сочинения и поэтические тексты. И именно на основе арабского языка появилась письменность на языках дагестанских народов. Литературные традиции народов Дагестана подтверждают слова Х.А.Гибба о том, что арабская литература – это «бессмертный памятник, созданный не одним народом, а целой цивилизацией»¹.

Важной причиной распространения арабского языка и литературы на территории Дагестана обычно называют то обстоятельство, что арабский язык воспринимался как неотъемлемая часть мусульманского вероучения, игравшего определяющую роль в жизни общества. Не умаляя значимости данного фактора, следует учитывать и ряд других обстоя-

¹ Гибб Х.А. Арабская литература. Классический период. М., 1960. С. 9.

тельств. Так, на наш взгляд, именно активные культурные и отчасти торгово-экономические контакты со странами Ближнего Востока были тем фактором, который способствовал расширению сферы распространения арабского языка. Процессу распространения арабоязычной культуры активно способствовала и сложившаяся в Дагестане социально-политическая ситуация, обеспечивающая арабскому языку максимальное благоприятствование.

В истории распространения в Дагестане арабского языка и арабоязычной культуры акад. И.Ю.Крачковский различает два периода: «На Кавказе мы можем проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями, неглубоко затронула местное население Закавказья, а вторая, медленно нараставшая с XVI в., постепенно создала в Дагестане, Чечено-Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкессии местную оригинальную литературу на арабском языке»¹. Исследования последних лет других ученых (А.Р.Шихсаидова, М-С.Дж.Саидова, Г.Г.Гамзатова, Л.И.Лаврова) позволяют в рамках данной периодизации выделить более узкие временные границы. Первый период датируется VII–XIV вв. – это период проникновения, распространения и утверждения ислама как социально значимой религии, как духовного уклада и образа жизни, стиля мышления и интеллектуального творчества.

Литература данного периода создавалась и бытовала в арабской языковой оболочке. Она представляла собой сочетание традиций арабской литературы, проникшей в Дагестан из Ближнего Востока и Средней Азии, с творческими принципами, выработанными местными деятелями культуры. Первые произведения местных авторов, большая часть которых представляет собой труды по общей истории и суфизму, относятся к X–XI вв.

Второй период охватывает XIV–XVI вв. Тогда в Дагестане усилился процесс формирования местной оригинальной литературы на арабском, турецком, персидском языках, которая создавалась дагестанскими авторами и отражала местные реалии.

Третий период охватывает временной отрезок XVII – начало XX вв. Он характеризуется переводом литературы на местные дагестанские языки, что стало возможным благодаря созданию национального письма на основе арабской графики, приспособленного к фонетическим особенностям дагестанских языков. Такое письмо получило наименование «аджам»². В этот период, по справедливому суждению И.Ю.Крач-

¹ Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т.6. М.–Л., 1960. С. 611.

² «Аджам» – слово персидского происхождения. В арабском языке приобрело значение «не араб», «плохо говорящий по-арабски».

ковского, в Дагестане отмечался своеобразный «ренессанс» арабской культуры¹.

Арабоязычная культура выступала как фактор многовекового влияния на культурную жизнь народов Дагестана и Кавказа в целом, «как один из источников, вспоивших культуры этого региона, а сам процесс овладения арабским языком – как отражение духовной потребности горского населения в знаниях и в приобщении к достижениям мировой цивилизации»².

Состав и структура памятников арабоязычной письменности, получивших распространение в Дагестане, свидетельствуют о знакомстве местных авторов со многими традиционными для средневекового Востока произведениями – это Коран, тафсиры, хадисы, грамматические трактаты, сочинения по лексикографии, мусульманскому праву, теологии, этике, философии, истории. Накопление рукописей шло не только за счет поступления извне. В большей степени потребность местного образованного сословия удовлетворялась посредством переписывания текстов на местах. Перечисление хотя бы части сохранившихся в Дагестане рукописных книг демонстрирует масштаб заимствования памятников книжной культуры, созданных представителями народов Ближнего и Среднего Востока:

– Толковый словарь арабского языка «ас-Сихах» («Соответствующий истине») Абу Насра Исмаила ибн Хаммада ал-Джаухари (ум. в 1003 г.), переписанный в 1118 г. в Багдаде; неполная рукопись того же лексикографического труда, переписанная в 1178/9 г., и полный список тома III с датой – 1196 г.

– «Макамы» крупнейшего писателя арабского средневековья Абу Мухаммада ал-Касима ал-Харири (1054–1122). Рукопись – одна из старейших в мире, переписана в 1173 г.

– Несколько экземпляров куфического Корана (неполных), датированных XII–XIII вв. Древнейший экземпляр сочинения по суфизму – «Ихйа ‘улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамида ал-Газали (ум. в 1111 г.), переписанный в Багдаде в 1191 г.

– Сочинение «Мисбах» («Светильник»), возможно, это «ал-Мисбах фи-н-нахв» («Светильник по грамматике») Насира ал-Мутарризи, в списке 1257 г. из Бухары.

– Толковый словарь арабского языка «ал-Гарибайн» («Два редкостных слова») Абу Убайда Ахмада ибн Мухаммада ал-Харави (то есть,

¹ Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т.6. М.–Л., 1960. С. 612.

² Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. М., 1978. С. 30.

происходившего из Герата), переписанный в 1299 г.

– «Шарх ат-танбих фи-л-фикх» – комментарий к сочинению известного шафиитского факиха Абу Исхака аш-Ширази (ум. в 1027 г.) в копии Хасана ибн Итгуди ал-Хазили, выполненной «в городе мира Багдаде в ал-Мадраса ан-Низамийа» 9 ша‘бана 694/ 22 июня 1295 г. Другой экземпляр «Шарх ат-танбих фи-л-фикх», принадлежавший Абу-л-Аббасу Ахмаду ал-Маусили (ум. в 1255) и переписанный 7 джумада алула 690/ 8 мая 1291 г. Ахмадом, сыном Мухаммада, сына Баба ал-Хафиза ал-Ардабили.

– «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в литературу») знаменитого филолога и литератора Махмуда ибн Умара аз-Замахшари (1075–1144) – труд по сравнительной лексикологии арабского, персидского и тюркского языков, переписанный в Хорезме в 1330 г.

– Грамматическое сочинение «ал-Муфассал» («Подробный») Махмуда аз-Замахшари, представленное списком 1466 г.

– «Ал-Анвар» («Свет») – крупнейший памятник мусульманского права (шафиитская правовая школа), принадлежащий перу Джамал ад-Дина Йусуфа ал-Ардабили (ум. в 1396/7 г.). В фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ УРАН старейшие списки этого сочинения относятся к 1405 г. (переписчик – Мухаммад ал-Исфараини), 1452 г. (переписчик – Зайн ад-Дин ал-Бирбуни), 1483 и 1485 гг.

Среди датированных текстов, хранящихся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, двенадцатое столетие представлено восемью книгами, тринадцатое – одиннадцатью, четырнадцатое – тридцатью, пятнадцатое – семьюдесятью восемью. Кроме того, имеется большое число недатированных старых рукописных книг. Археографические экспедиции трех последних лет также выявили большое количество рукописей (в том числе и датированных в пределах XII–XVI вв.) в частных рукописных коллекциях и библиотеках при мечетях. По утверждению А.Р. Шихсаидова¹ в Дагестане уже зафиксировано более 500 рукописных коллекций, принадлежащих мечетям и частным владельцам.

Вместе с тем надо иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство: рукописи XII–XIII вв., обнаруженные в Дагестане в XX в., имеют многовековую историю, и необходим тщательный анализ, чтобы уверенно определить время их поступления в Дагестан.

Как видим, арабская литература проникала в Дагестан в подлинниках, переводы на дагестанские языки появились лишь на последнем этапе существования арабоязычной письменности. Это обстоятельство

¹ Шихсаидов А.Р. Ислам и исламская культура в Дагестане. М, 2001. С.36.

явилось решающим фактором для развития арабоязычной письменности в регионе.

Для Дагестана характерен тип литератора, хорошо знакомого с литературой Ближнего и Среднего Востока. Многие дагестанцы владели несколькими языками этого региона и читали произведения соответствующих литератур в подлиннике. Характерен также тип автора, являвшегося одновременно богословом, ученым и поэтом, произведения которого представляют сложный комплекс исторических сведений, философско-теологических воззрений, сочетающий трезвую оценку и художественный вымысел, продукт разума и чувств.

Известный арабист М.-С.Дж. Саидов в работе «Дагестанская литература XVII – XIX вв. на арабском языке» отметил наиболее видных деятелей дагестанской книжной культуры. Одним из первых широко известных ученых, труды которого дошли до нас, был Али ал-Гумуки (ум. в 1448 г.). Его произведение «ал-Мухтасар» («Сокращенное») неоднократно комментировалось многими богословами Дагестана и Египта, например, известным шейхом ал-Азхара Абдаллахом аш-Шаркави (ум. в 1812 г.). Перу Али ал-Гумуки принадлежит также известная книга «Дурар ал-азкар» («Жемчужины зикра»). Разумеется, у шейха Али ал-Гумуки были и известные предшественники – местные *'улемы*. До наших дней сохранились рукописи арабских авторов, переписанные дагестанскими учеными еще в XIV в.

Первыми памятниками арабоязычной письменности в Дагестане следует считать эпиграфические тексты¹, однако большая часть арабоязычной литературы Дагестана – это исторические, философские, богословские и художественные произведения.

Наиболее ранними из дошедших до нас памятников книжной культуры Дагестана являются исторические сочинения и суфийские трактаты на арабском языке. Фольклорные сюжеты и рассказы служили основой для первых исторических сочинений. К ним относятся «Дербентнаме», «История Ширвана и Дербента», «Ахтынаме», «История Абу Муслима», «Тарих Дагестан». В этих сочинениях прослеживается тематическое сходство. Для всех характерны четыре основные темы: политика Ирана в Дагестане, арабо-хазарское противостояние в Дагестане, исламизация региона и взаимоотношения арабских полководцев с местными правителями. В дагестанские арабоязычные сочинения включены тексты, представляющие собой известные в арабской и арабомусульманской литературе жанры: «*магази*» (повествования о военных походах), «*футух ал-булдан*» (рассказы о завоеваниях стран), «*фадаил*»

¹ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Кавказа. Ч. II. М., 1966. С. 9.

(перечисление добродетелей отдельных местностей, племен и народов). Широкое распространение получил жанр «истории арабских завоеваний», рассказы о военных походах мусульман, а также история городов и аулов. Более поздние исторические сочинения дагестанских ученых в основном освещают эпоху движения Шамиля.

В дагестанской арабоязычной литературе преобладают богословские сочинения: сборники хадисов, тафсиры, труды по фикху и т.д. Особый интерес при изучении арабоязычной письменности Дагестана представляет суфийская поэзия XVIII–XIX вв., зародившаяся под влиянием суфийской литературы Ближнего и Среднего Востока. В религиозных произведениях дагестанских поэтов суфийское учение проявляется как в мировоззренческих концепциях, доктринальных рассуждениях, так и в самой композиции этих произведений. Последователи суфизма в Дагестане кропотливо работали над тем, чтобы приспособить письменное слово для передачи основ своих теорий. Это привело к использованию «шифрованного» стиля, понимание которого требовало особых навыков. Для суфийской поэзии дагестанских арабоязычных авторов характерно чрезвычайное усиление аллегоричности и иносказательности, а языку суфийских произведений свойственна архаичность в синтаксическом и морфологическом плане.

В сложных аллегориях дагестанские поэты порой зашифровывали свои раздумья о родине, судьбах народа, осмысливали социальные проблемы современного им общества. Араб мистико-теологическая форма выражения взглядов не мешала им сохранять в своем творчестве гуманистические черты, живые человеческие чувства. Произведения дагестанцев, содержащие элементы мистической философии, соединяют в единое гармоничное целое как отражение социальной действительности того времени, так и религиозный опыт. Эти поэтические произведения отличаются прочувствованным лиризмом, обилием поэтических сравнений, глубиной содержания.

Арабоязычная светская поэзия Дагестана усвоила из арабской литературы присущие ей формы и жанры. В своих поэтических произведениях дагестанцы разрабатывали обширный круг тем, среди которых встречаются стихи религиозного характера, сатира, осуждающая человеческие пороки, а также этико-дидактические поучения, философские рассуждения о судьбе человека и человечества, поэзия панегирического характера, стихи, исполненные социального протеста против несправедливости и гнета.

Типологическое соотношение с арабской средневековой литературой, дагестанская поэзия на арабском языке имеет и свои специфические особенности. Черты общности арабской литературы, с одной стороны, и

арабоязычной дагестанской литературы, с другой, по нашему мнению, не должны заслонять существенные различия между ними как в художественном осмыслении действительности, так и в жанровом многообразии, и в литературных формах.

Одной из наиболее древних и популярных форм арабской поэзии являлась *касыда*. *Касыда* в том традиционном, каноническом понимании, которое свойственно арабской поэзии, в Дагестане не встречается, хотя многие дагестанские авторы называют *касыдами* свои произведения, и по теме, и по содержанию отличающиеся от этой традиционной формы арабской поэзии. Как правило, таким термином дагестанцы обозначают панегирик – оду. В дагестанских *касыдах* на арабском языке нашла отражение и историческая тематика (в частности, национально-освободительное движение горцев под предводительством Шамиля).

В творческом наследии арабоязычных поэтов Дагестана существенное место занимала сатира – «*хиджа*’». Интересна эволюция тематики этого жанра на дагестанской почве. В сатирических произведениях подвергались смелой критике представители правящих кругов того времени, их алчность, карьеризм, кичливость. В более позднее время (XIX в.) речь идет уже о критике социальной несправедливости, выражается недовольство существующими порядками.

Другим известным жанром арабоязычной дагестанской поэзии была похоронная элегия – «*марсийа*». В элегиях дагестанские поэты рассказывали о своей скорби по поводу смерти друга, всячески прославляя достоинства и деяния покойного, не скупясь на высокопарные похвалы и сравнения.

Среди других известных дагестанцам жанров – «*ихваниййат*» – стихотворные произведения о братстве, дружбе, товариществе. Менее значительное место занимает лирическая поэзия, воспевающая красоту девушки – «*газель*», а также описания природы – «*васф*». В отличие от арабской поэзии, в Дагестане мы не встретим поэтических строк, посвященных самовосхвалению – «*фахр*», наоборот, часто встречаются темы самоунижения и ничтожности человека в этом бренном мире. Сочинения, написанные рифмованной прозой типа макама, у дагестанских авторов немногочисленны.

В дореволюционном Дагестане был широко развит собственный жанр учено-публицистической поэзии. Он был тесно связан с арабским поэтическим жанром «*зухдиййат*» (стихи на морально-этические темы).

Также в дореволюционном Дагестане были широко распространены исторические хроники, в которых мы встречаем как прозу, излагающую повествовательный материал, так и стихи, которые преподносят тот же материал, но в художественно обработанном виде (см. например,

«Хронику Мухаммадтахира ал-Карахи»). Использование этого приема в полной мере отвечало тогдашним читательским вкусам. Стихи не только играли эстетическую роль, но и сообщали важные сведения, служили для описания военных действий и часто несли дидактическую нагрузку.

Как известно, в дореволюционном Дагестане официальная, деловая и личная переписка велась на арабском языке. В ее рамках сложился особый прозаический жанр, так называемый «*рисала*», то есть послание.

Как известно, в средневековой арабской литературе имеются специфические жанры, связанные с исламом. Такие жанры распространены вплоть до наших дней. К их числу, в первую очередь, следует отнести жанр «*сира*» – жизнеописания пророка Мухаммада, а также мусульманских святых и подвижников. Одна из разновидностей этого жанра широко распространена в Дагестане под названием «*мавлид*», что дословно означает «место рождения», «время рождения».

Мавлид – это религиозное поэтическое произведение. Он вбирает в себя признаки многих духовных и светских жанров: панегирика, оды, гимна, поэмы. *Мавлид* – это ода пророку Мухаммаду, восхваление его пророческих деяний, его жития и поступков. Сюжетные элементы *мавлидов* заимствованы из Корана, хадисов и жизнеописания пророка Мухаммада. По охвату материала *мавлиды* делятся на *мавлид акбар* (величайший *мавлид*), *мавлид кабир* (большой *мавлид*) и *мавлид сагир* (малый *мавлид*).

Таковы основные жанры арабоязычной литературы, получившие распространение в дореволюционном Дагестане.

Бобровников В.О.
(ИВ РАН, Москва)

***Историк джихада хаджжи-‘Али Чохский:
опыт критической биографии***

В истории есть немало примеров того, как перо ученого служило мечу власти и сопротивления. Этот тезис был одним из любимых в марксистском общественном сознании, начиная с самого Маркса, считавшего, что дело науки не только изучать, но и изменять общество.¹ Почти за полтысячи лет раньше него к этой мысли пришел «мусульманский Маркс» Ибн Халдун, отметивший в знаменитом «Предисловии» (*ал-Мукаддима*) к своей «Книге назиданий...», что «перо и меч являются двумя орудия-

¹ «Философы (зд. в более широком значении ученые вообще. – В.Б.) лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить». См.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / под ред. В. Адоратского. М., 1933. 1-е изд. Т. IV. С. 591.

ми правителя». Новая история, в период которой в мире было пролито больше крови, чем чернил, не добавила ничего принципиально нового к этой избитой истине. Но какие-то поправки к представлениям о роли знания в политике она позволяет сделать. Историки-позитивисты двух прошедших веков объявляли своей целью возможно более объективное изображение прошлого. Вместе с тем они считали историю делом масс, а не отдельных людей. За XX столетие все порядком устали от глобальных, но мертвых исторических полотен, в которых было много производственных сил и отношений, но не хватало живых людей. Особой объективности такой подход к истории так и не дал. Минувший XX в. оставил в наследство целый ряд пристрастных исторических клише вроде «добровольного присоединения» к России народов Кавказа и их извечной «дружбы» с русским «старшим братом», России как «империи зла» и подпольного «параллельного ислама» в воображении западных советологов.

Современное кавказоведение запуталось в этих глобальных схемах, имеющих больше общего с идеологией, чем с наукой. Историки ищут выход из связанного с наследием позитивизма теоретического кризиса.¹ В то же время в науке остается более частная, но не менее важная проблема использования местных мусульманских источников на восточных языках. До сих пор даже крупнейшие русисты допускают в передаче исламских реалий и даже местных названий и имен грубые ошибки. Что говорить, если даже в авторитетном справочнике Д.Н. Шилова в послужных списках участников Кавказской войны названия селений, союзов общин и некоторые имена перевраны до неузнаваемости. Например, аварское селение Келеб стало в нем Колобом, Охли – Оглы, Унцукутль – Унчугатлем.² Причем происходит это исключительно от рабского переписывания дореволюционных русских авторов.

Еще большая путаница возникает от путаницы исламских и христианских понятий (например, приравнивания *джихада* горцев Дагестана и Чечни к «священной войне»³, или превращения мусульманской

¹ Об историографическом кризисе в российском кавказоведении подробнее см. в моей работе: *Бобровников В.О.* Что получилось из «Северного Кавказа в Российской империи»: послесловие редактора несколько лет спустя // *Ab imperio*. 2008, № 4. С. 501–519.

² *Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин.* Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 204, 366 и далее *passim*.

³ «*Джихад* на пути Аллаха» (جهاد في سبيل الله) означает в исламской традиции не войну, а борьбу за веру, включая не только вооруженное противостояние неверным, но и различные формы идейной борьбы вплоть

духовной элиты в «духовенство», в принципе в исламе отсутствующее). Призрак исламского повстанчества, пугавший воображение имперских чиновников на русском Кавказе и в Туркестане, уже давно нередко принимается за реально существовавшее движение. Именно так в XX в. возник целый ряд мало связанных с реальными исламскими практиками «измов» – от «мюридизма» до «панисламизма».¹ Все это задевает меня как востоковеда.

Никакого универсального руководства к действию, которое позволило бы раз и навсегда покончить с такими ошибками и выйти из историографического кризиса, у востоковедов для русистов не существует. Но один дельный совет, пожалуй, дать можно. Пора спуститься с высот теоретических абстракций на землю, обратившись к делам и словам конкретных людей в конкретном историческом контексте. В поздней мусульманской историографии Дагестана существовал отдельный жанр кратких биографий ученых. До нашего дня сохранились их яркие образцы, составленные уже в первой трети XX в. дагестанскими улемами Али Каевым из Кумуха и Назиром из Дургели.² Конечно, не может быть и речи, чтобы вернуться к их трудам как идеалу исторического повествования. Согласно известной максиме, «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Мусульманская историография времен джихада XIX в., как и советская позитивистская школа, умерли. Но ни ту, ни другую не следует отбрасывать как бесполезный хлам. Только подходить к ним нужно с учетом современных исторических наработок, исторической эпохи, когда они были созданы, и главное – их жанра.

Сочинения местной мусульманской историографии крайне пристрастны. Но это не недостаток их, а достоинство. Ведь тем самым они

до борьбы с собственными дурными наклонностями. Мусульманские правоведы разработали целый ряд понятий, определяющих его частные разновидности, такие как «джихад сердца», «джихад руки», «джихад меча». Война за веру (*газават*), примеры которой можно найти на Кавказе XIX в., представляла лишь частный вид *джихада*. К сожалению, даже арабисты в переводах источников порой воспроизводят характерное для русских и европейских авторов XIX в. ошибочное понимание *джихада* как «священной войны». См., например: *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001. С. 145.

¹ Эпистемологию этих фобий см.: *Бобровников В.О.* Мюридизм // *Религиоведение: энциклопедический словарь.* М., 2006. С. 668.

² Есть недавнее академическое издание арабского сборника биографий Назира ад-Дургели с переводом его на немецкий язык: *Nadir ad-Durgilis (st. 1935) Nuzhat al-adhan fi taragim 'ulama' Dagistan // Muslim Culture in Russia and Central Asia / Hrsg. von M. Kemper und A.R. Sixsaidov.* Vol. 4. Berlin, 2004.

позволяют восстановить шедшие в мусульманском и российском обществе того времени споры, понять циркулировавшие в нем слухи, надежды и страхи, проследить, как с изменением исторической обстановки менялись взгляды людей, как они видели друг друга. Изучать их следует непременно в связке с аналогичными российскими и западными источниками.

Ниже я представляю на суд читателей опыт такой работы. В этой статье прослежены перипетии жизни и творчества одного из тех кавказских мусульман, кто своими руками «делал историю» и писал ее во время Кавказских войн Горного Дагестана и Чечни с Российской империей. Речь пойдет об известном историографе *имам* Шамиля, вошедшем в российские и зарубежные учебники под именем Гаджи-Али. Его арабская хроника, известная в русском переводе как «Сказание очевидца о Шамиле», остается одним из главных источников по истории мусульманского сопротивления горцев Дагестана и Чечни Российской империи. Судьба Гаджи-Али представляет хороший пример значения местной мусульманской традиции для истории вхождения Дагестана и Северного Кавказа в состав России. Иными словами, речь идет об опыте критической биографии дагестанского *‘алима* времен джихада XIX в. с комментариями востоковеда.

Что же можно сказать о жизни мусульманского историка из Дагестана, сравнив данные восточных и русских источников?¹ В его биографии можно сделать несколько важных уточнений. Начнем с имени. Судя по хронике, по-арабски его писали длиннее, чем по-русски: «Хаджжи-‘Али б. ‘Абд ал-Малик-эфенди Нахибаши ал-Чухи», порой сокращая «ученого Хаджжи-‘Али Чохского (*حج علي الخوخي*)».² Такое написание созвучнее аварскому оригиналу имени историка (его пишут сегодня ХIажи-Гали), поэтому в своей работе я буду пользоваться им.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность П.И. Тахнаевой за ценные ссылки на источники и советы при редактировании настоящей статьи.

² Имя Хаджжи-‘Али часто упоминается в переписке, мемуарах и хрониках того времени. См., например: *Китаб тазкират саййид ‘Абд ар-Рахман б. устаз ат-тарика Джамал ад-Дин ал-Хусайни фи байан ахвал Дагистан ва-Чачан аллафух фи Гулис фи санат 1285 / Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний. Араб. факсимиле с пер. М.-С. Саидова под ред. А.Р.Шихсаидова и Х.А.Омарова. Махачкала, 1997. Л. 393 а (араб.); письмо 1877 г. «От Мухаммеда сына Хасана ал-Гуци Хаджжи-‘Али ал-Чухи» // Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года / сост. Т.М.Айтберов, Ю.У.Дадаев, Х.А.Омаров. Махачкала, 2001. С. 153.

Длинная арабская версия имени историка содержит важную информацию о его происхождении, социальном статусе и образовании. *Нисба* Чохский говорит о выходе из Чоха, одной из сильных аварских общин (*джама'атов*) горской конфедерации Андалал в Среднем Дагестане. Род или *тухум* Хадджи-'Али носил имя Нахибаш, превращенное русскими авторами конца XIX – начала XX в. в фамилию Нахибашевы. Он принадлежал к трем знатным тухумам Чоха и до реформы общины 1868 г. имел собственного представителя в совете старшин джамаата.¹ В.Г. Гаджиев видит в имени тухума указание на принадлежность к верхушке свободных общинников (*узденей*), занимавших должность выборных предводителей (тюрк. *баши*) всей Андалальской конфедерации, которую в арабских документах того времени обозначали арабским понятием *нахийа* (*ناحية*).² Отец будущего историка 'Абд ал-Малик Нахибашев был переводчиком с арабского и аварского языков при командующих Отдельным кавказским корпусом И.Ф. Паскевиче-Эреванском и бароне Г.В. Розене. Он участвовал в посольстве Розена к имаму Гази-Мухаммаду в 1832 г., приеме присяги России от *ханов* и владетелей Аварии в 1836 г.³ В 1838 г. в чине поручика он вышел в отставку и поселился в Чохе.

Хронология жизни Хадджи-'Али спорна. Не вызывает сомнения лишь факт его рождения в Чохе. Однако в качестве года рождения историка в литературе фигурирует 1817. Эта дата присутствует и в семейных преданиях потомков ученого. Последние сведения о его жизни относятся к поздней осени 1877 г. По подсчетам внучатой племянницы историка турецкой писательницы Хаддуч Дагестанлы, тогда ему минуло шестьдесят лет.⁴ Как же относиться к сообщению самого хрониста о том, что он родился 11 рамадана 1234 г.х.,⁵ что соответствует 4 июля по юлианскому календарю (по старому григорианскому стилю, использовавшемуся тогда в России, 25 июня) 1819 г.? Конечно, в его хронике есть путаница с датами. Многие из них, например, год рождения Шамиля, ошибочны. Однако о своем рождении Хадджи-'Али должен был иметь более верное представление. Мне кажется, дело здесь в выборе календаря. По лунному мусульманскому календарю шестьдесят лет ис-

¹ Чурсин Г.Ф. Авары. Махачкала, 1995. С. 16.

² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Под ред. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1995. С. 71.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Дагестанлы Хаддуч. Жизнь одного воина // Наш Дагестан, 1995. №№ 176–177. С. 26.

⁵ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. С. 22.

торику исполнилось в 1294 г.х., или в 1877 г. н.э. Лунный год короче солнечного, и по христианскому исчислению ученому было лишь 58 лет. Аналогичный случай произошел с Шамилем. А.К. Казем-бек, принимавший имама летом 1861 г. во время его поездки из Калуги в С.-Петербург отмечал, что Шамиль говорил, что ему идет шестьдесят пятый год, однако «по астрономическому исчислению ему шестьдесят три года», ведь каждые 32 солнечных года составляют 33 лунных.¹ На что обратил внимание исламовед XIX в., пропустили современные русисты.

Юность Хаджи-‘Али восстанавливается из его автобиографии в соединении с послужным списком. Она дает любопытный пример биографии мусульманина на службе империи, показывая, что офицеры Кавказской армии могли быть одновременно мусульманскими улемами. Следуя местной традиции, Хаджи-‘Али сначала учился у отца и в одной из примечательных школ Чоха. Образование он продолжил в медресе разных селений Среднего Дагестана и Северного Азербайджана. Среди его учителей были известные ученые Муртада-‘Али из с. Урада² и шейх Казан-бек-эфенди ал-Илисави из с. Илису. По собственным словам ученого, он восемь лет читал Коран, а выучив его наизусть и став *хафизом*, углубленно занялся арабской филологией, жизнеописанием пророка Мухаммада (*сир*), экзегезой (*тафсир*), основами веры (*усул ад-дин*), правом (*фикх*), метрикой (*‘аруд*) и суфийской этикой (*сулук*). Из рациональных дисциплин (*‘аклийат*) медресе он прошел основы математики и астрономию (*‘илм ан-нуджум*). Учеба заняла около двадцати шести лет.³ Хаджи-‘Али пошел по стопам отца, рано поступив на русскую военную службу. При этом он продолжал учиться в медресе тех селений, в которых ему приходилось служить, сначала у русских, затем у Шамиля. Его военным начальником был Данийал-султан или Данийал-бек б. Ахмад-хан, с 1830 г. правивший под русским протекторатом небольшим Илисуйским султанатом на севере нынешнего Азербайджана. У последнего были обширные связи как в политической элите Восточ-

¹ Казем-бек М. Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1990. С. 26–27 (прокомментированное переиздание из Русского слова, 1859, № 12). Отмечу к слову, что пышно справлявшееся по всему Дагестану 200-летие третьего имама поторопились провести на год раньше, осенью 1997 г. Наиболее вероятной датой рождения Шамиля следует считать вторую половину 1212 г.х., приходящуюся на 1798 г.

² Nadir ad-Durgilis (st. 1935) Nuzhat al-adhan fi taragim ‘ulama’ Dagistan. S. 102(арабский текст).

³ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. С. 22–23.

ного Кавказа, так среди улемов и суфиев братства (*тарика*) Накшбандийа-Халидийа, пользовавшихся в регионе значительным весом.

После упразднения в 1840 г. Илисуйского султаната Данийал-султан завязал переговоры с Шамилем и перешел в 1844 г. на его сторону, получив в управление южные намества *имамата*. Возможно, под его влиянием где-то после 1842 г. к Шамилю перебежал Хаджжи-‘Али и его брат Давудилав Чохский. Уже после окончания Кавказской войны сам ученый объяснял свой переход на сторону Шамиля действиями имама, заключившего в тюрьму отца Хаджжи-‘Али, откуда его выпустили только после переселения на территорию имамата обоих сыновей ‘Абд ал-Малика-эфенди.¹ Не без поддержки Данийал-бека, покровительствовавшего суфиям и ученым, Хаджжи-‘Али вошел в окружение Шамиля и постепенно завоевал доверие имама. Он продолжал образование у Муртада-‘Али из аварского селения Урада. Одновременно он занимался математикой, архитектурой и инженерным искусством с выпускником османских и египетских медресе *на’ибом* Чечни Хаджжи-Йусуфом. Позднее Хаджжи-‘Али стал главным военным инженером Шамиля, возводил крепости, завалы и иные оборонительные сооружения во всех намествах имамата. Добившись доверия Шамиля, он стал его секретарем (*катиб*). Оставаясь на этом посту с 1847 до 1859 г., он вел дипломатическую переписку, расходно-приходные книги, заведовал снабжением новой регулярной пехоты (*низам*), сформированной в середине 40-х годов XIX в. по османскому образцу. Сопровождая Шамиля в походах, он заведовал казной (*байт ал-мал*).

Участие Хаджжи-‘Али в джихаде на стороне Шамиля выводит нас на более общую проблему характера мусульманского сопротивления горцев Российской империи. За всем движением в российской и зарубежной литературе закрепилось сомнительное с исламоведческой точки зрения понятие «мюридизм», вроде бы указывающее на то, что в основу его лег суфизм. На деле однако все было намного сложнее. Многие участники джихада, включая Хаджжи-‘Али, симпатизировали шейхам влиятельного тогда на Восточном Кавказе братства (*тарикат*) Накшбандийа-Халидийа. Первый и третий имамы даже входили в него, а их суфийские наставники шейхи Мухаммад ал-Йараги и Джамал ад-Дин переселились на территорию имамата. Но ни Шамиль, ни зачинатель джихада имам Гази-Мухаммад шейхами тариката не стали, хотя последующие поколения представляли их таковыми. Большинство участников джихада вообще не имели никакого отношения к Накшбандийа-

¹ *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. С. 23.

Халидийя и другим суфийским братствам.¹ В своей переписке должностные лица имамата ничего не говорят о суфийских материях и даже не упоминают про *тарикат*. Суфийские мотивы совершенно выпадают и из сочинения Хаджжи-‘Али. Почему же они называли себя мюридами имама и его заместителей-на’ибов?

В этом запутанном вопросе нам помогает хроника Хаджжи-‘Али. В начале своего сочинения он говорит, что у сторонников джихада слово «мюрид» приобрело другое значение – «истинно веровать в Бога и поклоняться Ему, одинаково стараться делать всем людям добро, не слушаться имама, не лгать перед ним, не изменять ему ни в чем, не брать взятку с народа, не воровать, но, если нужно, то попросить, и исполнять без замедления все приказания имама, как бы они ни были трудны».² К сожалению, здесь русский перевод хроники наполнен христианскими аллюзиями. Значение, которое вкладывал в это примечание Хаджжи-‘Али лучше понятно, если воспользоваться похожей глоссой в начале хроники Мухаммад-Тахира ал-Карахи:

المريد على لسان من فى ولاية شمويل من يسعى تحت سياسة الشرعية ويذعن لها ولو ظاهرا والمنافق وكذا المرتد من مال الى العدو الكافر او هرب اليه او سكن تحت سياسته وان كان مؤمنا صادقا

«На языке живущих в области Шамиля *мурид* – это тот, кто трудится под властью шариата (*сийасат аш-шар‘ийя*) и повинуется ему, хотя бы внешне, а *мунафик* и вероотступник (*муртадд*) – тот, кто поддерживает деньгами неверного врага, перебежал к нему или живет под его властью, пусть даже это истинно правоверный».³

В этом определении мюрид теряет связь с суфийским путем (*тарика*), приобретая значение правоверного мусульманина, следующего нормам шариата. Немецкий востоковед Михаэль Кемпер обнаружил похожее толкование термина в полемических суфийских трактатах второй трети XIX в. в связи с разбором технических приемов обучения суфиев.⁴ Ученики и преемники упоминавшихся выше Ярагского и Кумух-

¹ Суфийская подоплека движения Шамиля подробно разобрана в работах немецкого востоковеда Михаэля Кемпера: *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // *Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / сост. и отв. ред. С. Н. Абашин и В. О. Бобровников. М., 2003; Кемпер М.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan von den Khanaten zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005.

² *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 28.

³ *Мухаммад-Тахир ал-Карахи.* Барикат ас-суйуф ал-джабалийя фи ба‘д ал-газават аш-шамиллийа. Махачкала, б.г. С. 5.

⁴ *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада... С. 293.

ского шейхов считали *шариат* начальным этапом для принятия *тари-ката* на пути суфия. Поддержав джихад, они требовали от всех мусульман Дагестана вооруженной борьбы против мусульман-коллаборационистов, ставших на службу Российской империи. Воители-*гази*, переселившиеся на земли, контролируемые имамом, стали называть *шариатскими мюридами* с тем, чтобы отличить их от *мюридов тари-ката*. Вместе с тем за пределы братства были фактически выведены отдельные суфийские практики, такие как так называемый громкий *зикр* (богопомявание), превратившийся в разновидность военного гимна имамата. Совершение тихого зикра «сердца» (*калби*), связи сердец с наставником (*рабита*) и другие приемы обучения суфиев остались прерогативой тарикатских мюридов братства. Русские дореволюционные наблюдатели перделали шариатских мюридов в наивских. Одним из таких шариатских мюридов Шамиля был Хаджжи-‘Али.

Людям свойственно не раз менять свои убеждения. Так было и с нашим историком. До 1859 г. он был ревностным сторонником шариатского движения, считая необходимым очищение веры мусульман Дагестана от неисламских обычаев (*расм*, ‘*адат*) в джихаде с русскими завоевателями и поддерживающими их лицемерами (*мунафикун*) из числа мусульман. Следы такого отношения можно найти и в его хронике, основная часть которой, по его собственному признанию, была написана между 1848 (1264 г.х.) и 1859 (1276 г.х.) г.¹ Хаджжи-‘Али оставался с имамом до конца вооруженной борьбы и даже выступил парламентаром при сдаче Шамиля в Гунибе командующему Кавказской армией князю А.И. Барятинскому 26 августа (по новому стилю, 7 сентября) 1859 г.² К 1860-м – началу 1870-х годов взгляды ученого изменились. Пути историка и его бывших покровителей разошлись. Изменивший Шамилю Данийал-бек эмигрировал в Османскую империю. Хаджжи-‘Али вновь поступил на русскую службу. Как и многие другие участники джихада 1828–1859 гг., он считал тогда дальнейшее сопротивление России бессмысленным. Среди дагестанских улемов и суфиев к этому времени сложилась влиятельная партия, выступавшая против войны. К ней, по-видимому, примкнул и Хаджжи-‘Али Чохский.

¹ *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. С. 24.

² Там же. С. 65.

Период его жизни после окончания Кавказской войны известен много хуже. После 1859 г. никаких писем или сочинений ученого кроме

окончательной версии его «Сказания», выпущенного в 1873 г. в русском переводе в Сборнике сведений о кавказских горцах в Тифлисе, нам пока не известно.¹ В литературе имеются разные предположения о том, как сложилась его жизнь. Азербайджанская исследовательница М.С. Неймат считает, что сразу же после пленения Шамиля Хаджжи-‘Али спешно покинул родину, уехав в Елисаветпольскую губернию Восточного Закавказья (ныне Азербайджанская Республика), где был избран *кади* суннитской общины города Нухи и занимал этот пост до смерти зимой 1895 г.² Основанием для этой смелой гипотезы послужила обнаруженная ей на кладбище Чол г. Шеки (дореволюционной Нухи) эпитафия одного участника шамилевского джихада, носившего имя Хаджжи-‘Али (см. рис.1). Надпись *насхом* в центральной нише на лицевой стороне стелы, помещенная в 9 картушей, гласит:

المك الله الواحد القهار جل الجلالة * هذا قبر
 المرحوم المغفور * جديد الاسلام الحاج *
 على المهاجر الى داغستان الذى * الغازى
 شمويل وغاز معه * لاحياء دين رسول الله
 حتى وصل * الى تاريخ سنة ١٢٧٤ و جاء
 الى نخو * وسكن بعد استيلاء الروس * على
 داغستان واخذهم الامام

Рис.1. Стела на кладбище в Нухе.

¹ Хаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах (далее: ССКГ). Вып. VII. Отд. I. Тифлис, 1873. С. 1–76.

² М.С. Неймат. Корпус эпитафических памятников Азербайджана. Т. II. Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV век – начало XX века). Баку, 2001. С. 223–224.

«Владычество принадлежит Аллаху, Единому, Могучему! * Это могила покойного прощенного * обновителя ислама ал-Хаджж * ‘Али, переселившегося *мухаджиром* в Дагестан. Он * *гази* Шамиля (*Шамуил*), воевавший с ним * за оживление веры посланца Аллаха, пока не приехал * в 1274 году в Нуху и * поселился после захвата русскими * Дагестана и был принят ими имамом».

Стела содержит еще несколько стандартных благопожеланий душе покойного и славословий Аллаху. Внизу с ее левого торца приведена памятная запись (*та’рих*):

شمویل سنة ۱۲۷۴ وقد ارتحل المرحوم فی شهر شعبان سنة ۱۳۱۲

«Шамуил – 1274 год. Покойный скончался в месяце ша‘бан 1312 года» (Рис. 1).¹

Находка эта, безусловно, любопытная, но выводы азербайджанского эпиграфиста вызывают у меня сильное сомнение. Во-первых, в надписи не приведена *нисба* покойного. Он носит имя нашего историка, но про его чохское происхождение ничего не сказано. Ничего не говорится и о том, что имам суннитской мечети г. Нуха, скончавшийся между январем и февралем 1895 г., был родом из Дагестана. Он участвовал в джихаде 1828–1859 гг., но как переселенец (*ал-мухаджир*) в Дагестан. Вполне возможно, что эпитафия принадлежала тезке дагестанского ученого из Закавказья, возможно, той же Нухи. Неймат считает, что составитель надписи ошибся в сроках капитуляции Шамиля, сместив их с лета-осени 1859 г. (1276 г.х.) на август 1857 – июль 1858 г. Однако Хаджи-‘Али не покидал Дагестан до 1870-х годов. Об этом говорят русские документы. Кавказский календарь за 1862 г. называет его в числе чиновников учрежденного в крае в 1860 г. военно-народного управления.² Одновременно ученый состоял корреспондентом Отделения по управлению горскими народами (с 1865 Кавказского горского управления) при Главном штабе Кавказской армии в Тифлисе.

Более обоснованным представляется предположение П.И. Тахнаевой, сделанное на основе сличения архивов Кавказского наместничества в Махачкале и Тбилиси, дагестанских хроник и воспоминаний с устны-

¹ М.С. Неймат. Корпус эпиграфических памятников... С. 158 (надпись №821), фото 821 и прорисовка 821а на С. 343. Общее содержание надписи в книге М.С. Неймат передано совершенно верно, но отдельные места ее перевода вызывают сомнения и были поправлены, так же, как и идентификация почерка эпитафии, почему-то принятого исследовательницей за *сулс*. В пятой строке-картуше основной надписи между словами «ал-гази» и Шамиль нет связи, иначе первое имя было бы поставлено без артикля.

² Кавказский календарь. Тифлис, 1862. С. 399.

ми преданиями чохцев. Она считает, что Хаджжи-‘Али никуда не уезжал из Дагестанской области. Во всяком случае, об этом говорят казенные ведомости служивших в военно-народном управлении лиц. «Поручик милиции Гаджи-Али Малик-оглы» числится с 28 ноября 1860 г. депутатом Дагестанского народного суда в г. Темир-Хан-Шура. Постепенно он поднимался по служебной лестнице, работая в российской военно-народной администрации Гунибского округа, в который в 1860 г. вошла территория упраздненного с победой над Шамилем союза общин Андалал и земли Чоха. 10 февраля 1865 г. Хаджжи-‘Али получил чин прапорщика, 26 февраля 1868 г. – подпоручика, 30 августа 1871 г. – поручика, 24 декабря 1876 г. – штабс-капитана.¹ Затем его военная карьера на императорской службе внезапно резко обрывается. В месячном рапорте о состоянии канцелярии начальника Дагестанской области и Дагестанского народного суда за сентябрь 1877 г. «Гаджи-Али Малик-оглы» еще числится депутатом Дагестанского народного суда, а в октябре 1877 г. его фамилия в ведомости отсутствует.²

Что же случилось с нашим героем? Здесь на помощь нам приходят местные семейные предания и мусульманские хроники. Именно в эти месяцы в Нагорном Дагестане развернулось восстание против русского владычества, к которому примкнули и некоторые служащие военно-народной администрации области. Восстание 1877 г. было последней крупной вспышкой мусульманского повстанчества на российском Кавказе до 1917 г. Слухи о приближении к Кавказу освободительной османской армии, распространившиеся с началом русско-турецкой войны в 1877 г., вызвали стихийные антироссийские бунты в Дагестанской и Терской областях (на территории Дагестана и Чечни), а также в Сухумском округе Западного Закавказья (в Абхазии). В Горном Дагестане циркулировали письма ставшего генералом османской армии сына Шамиля Гази-Мухаммада, призывавшие мусульман Кавказа подняться на *джихад*. Если верить семейным преданиям в передаче Хаддуч Дагестанлы, Хаджжи-‘Али тоже получал такие письма³, но ни одно из них

¹ Центральный государственный архив Республики Грузия (Тбилиси, далее: ЦГА РГ). Ф.545. Оп.1. Д.1756. Переписка об офицерах-горцах, участвовавших в Дагестанском восстании 1877 г. Л.15–20. Записка о службе в милиции штабс-капитана Гаджи-Али Малик-оглы, январь 1879 года. Автор выражает исключительную благодарность П.И. Тахнаевой, любезно предоставившей ему эти и нижеследующие материалы.

² ЦГА РГ. Ф.545 Оп.1. Д.1569 Л.60б. Месячная отчетность о состоянии чинов военно-народного управления Дагестанской области, 1877 г.

³ *Дагестанлы Хаддуч*. Жизнь одного воина. С. 26.

до нас не дошло. В русской редакции его хроники, появившейся за четыре года до начала восстания, историк резко критиковал поведение сына Шамиля. Однако у нас имеется одно обращенное к Хаджи-‘Али ал-Чухи короткое доверительное письмо уже времен восстания, опубликованное А. Тахо-Годи в 1925 г. Из него можно заключить, что в ополчении восставших он командовал отрядом конницы.¹

Почему Хаджи-‘Али мог вновь примкнуть к джихаду? Вероятно, немалую роль здесь сыграли преувеличенные надежды на помощь османской армии. Свой очередной переход от русских к их противникам он мог объяснять простым нарушением перемирия с неверными, что шариат позволяет делать правоверным на территории войны (араб. *дар ал-харб*), каковой, по мнению многих улемов, поддержавших джихад, оставался тогда Дагестан и Кавказ. Похожие оправдания встречаются в сохранившихся арабских хрониках восстания 1877 г.² Как бы то ни было, джихад 1877 г. был быстро и жестоко подавлен. Его поражение говорит об окончании эпохи вооруженного мусульманского повстанчества на Северном Кавказе. Попытка восстановить имамат провалилась. Вернуться к временам Кавказской войны оказалось уже невозможно. Ополчение горцев не могло сравниться с регулярной российской армией. Копируя учреждения, созданные имамом Шамилем и его предшественниками, руководители восстания не смогли вдохнуть в них искру жизни. Восстание так и не смогло создать государственной структуры, способной конкурировать с аппаратом власти Российской империи. Вместе с тем джихад 1877 г. носил массовый характер. Согласно российской статистике, на Северо-Восточном Кавказе волнения охватили 394 селения. Из 13140 дворов горцев области в нем в разной степени участвовало 11642.³ Поддаться слухам и надеждам юности о создании на Кавказе шариатского общества мог и такой умудренный жизнью человек, как Хаджи-‘Али.

О том, как он окончил свою жизнь, точных сведений нет. Современник событий ‘Али ас-Салти называет в числе арестантов Гунибской крепости, переведенных оттуда в Темир-Хан-Шуринскую тюрьму и

¹ Это письмо недавно перепечатано Т.М. Айтберовым в сборнике документов: Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. С. 153.

² Там же, с. 49–50, 56, 64, 68–69, 72, 74. Подробнее об этом см.: В.О.Бобровников. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 142–147.

³ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД, Махачкала). Ф.2. Д.279.

скончавшихся там от ран и болезней, «ученого Хаджи-‘Алилава Чохского», в котором известный специалист по этой эпохе Тимур Айтберов узнал нашего героя.¹ Хаддуч Дагестанлы рисует красочную картину, согласно которой «Гаджи-Али, как активный участник восстания, был закован в кандалы и отправлен в Харьков, где он был осужден и приговорен к смертной казни»². Последнее абсолютно невозможно. В ссылке дагестанцев уже не казнили. В то же время в этой фантазии есть крупница истины. Ссылных отправляли в Россию двумя путями – водным,

через Петровск и Астрахань, и сухопутным, через Харьков. Сотни, если не тысячи, мусульман Дагестана и Чечни погибли в ссылке от непривычного климата и болезней. Оставшимся в живых по амнистии, объявленной в 1883 г. Александром III, было разрешено вернуться домой.

Вероятно, чтобы окончательно сбить нас с толку, в игру вступает еще один источник. В 1882 г. Хаджи-‘Али со своим сыном Мухаммад-Шарифом непонятным образом появляется на изданной в Дагестане фото-виньетке среди чиновников военнопленного управления³ (см. рис.2). Сохранилась реляция о награждении Мухам-

Рис.2. «Посмертная фотография» Гаджи-Али

¹ Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. С. 122, 243. См. также: ‘Али ас-Салти. Та’рих // Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала). Ф.1. Оп.1. Д.430. Л.16–17.

² Дагестанлы Хаддуч. Жизнь одного воина. С. 26.

³ Тахнаева П.И. Чох в блистательную эпоху Шамиля, 1840–1850 гг. С. 30, 155.

мад-Шарифа серебряной медалью за участие в подавлении восстания 1877 г., для чего он вернулся из С.-Петербурга, где служил в гвардии.¹ Итак, какому же из источников верить? Пока у нас не хватает данных, чтобы сделать выбор. Решающее слово остается за архивными документами об арестах и высылке участников восстания 1877 г. в Дагестане и центральной России, которые пока еще не до конца изучены.²

В заключение несколько слов нужно сказать про творческое наследие ученого. Оно невелико, но значительно. В историю он вошел как автор «Сказания очевидца о Шамиле». Из других его сочинений имеется только упоминание о предпринятом ученым по предложению сына Шамиля Джамал ад-дина переводе Корана на аварский язык. О нем в 1870 г. писал современник Хаджжи-‘Али известный кавказовед барон П.К. Услар.³ Похоже, однако, что всегда точный Услар на этот раз ошибся в определении жанра сочинения. Первые переводы Корана появились на Кавказе под российским влиянием только в конце XX в. Скорее всего речь могла идти об аварском комментарии на Коран (*тафсир*), над которым работал Хаджжи-‘Али. Подобные сочинения были более в духе его эпохи. Труд этот был доведен до половины и, по-видимому, погиб вместе с библиотекой ученого при штурме Гуниба в 1859 г.

Судьба его знаменитой хроники не столько печальна. Правда, ее арабский оригинал утерян и даже подлинное название неизвестно. У нас имеется лишь сокращенный русский перевод, если не пересказ, военного переводчика Г.А. Подхалюзина.⁴ Писарская копия сочинения, вы-

¹ ЦГА РД. Ф.126. Оп.1. Д.124. Послужной список офицеров из туземцев Среднего Дагестана, 1880 г. Л.69.

² Совсем недавно, поздней осенью и зимой 2009 г., дагестанскому историку П.И. Тахнаевой посчастливилось найти в архиве Кавказского наместничества в Тбилиси переписку об офицерах-горцах, участвовавших в Дагестанском восстании 1877 г. Согласно «Списку офицеров милиции, казненных и сосланных за измену нашему Правительству» «штабс-капитан Гаджи-Али Малик-оглы» был исключен из списков офицеров и приговорен к ссылке в каторжную работу приказом по Кавказскому военному округу от 27 апреля за №236 1878 года (ЦГА РГ. Ф.545. Оп.1. Д.1756. Л.15–20). Дальнейшая судьба нашего героя все еще остается неизвестной, но о его участии в джихаде 1877 г. теперь можно говорить вне всякого сомнения.

³ У[слар] П. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. III. Отд. IV. Тифлис, 1870. С. 18.

⁴ О разнице между русским пересказом и арабским оригиналом сочинения Хаджжи-‘Али можно составить представление, если сравнить труд Джамал ад-Дина ал-Гази-Кумухи о суфийской этике «Ал-адаб ал-

полненная для наместника кавказского великого князя Михаила Николаевича, хранится в Отделе рукописей РГБ в Москве. В 1995 г. дагестанский историк В.Г. Гаджиев выпустил на ее основе научное издание хроники. Главным героем своего сочинения Хаджжи-‘Али сделал Шамиля, рисуя его полководцем, законодателем и восстановителем ислама. Источниками хроники стали дневники Хаджжи-‘Али во время работы секретарем Шамиля, воспоминания третьего имама и других очевидцев событий, а также официальная переписка имамата. Важнейшие письма, в частности, переписка между князем А.И. Барятинским и Шамилем перед сдачей Гуниба, включены в состав «Сказания». Конечно, повествование Хаджжи-‘Али не идеально с точки зрения современного историка. Как уже говорилось, он не тверд в датах. Хронист пристрастен в изображении деятелей имамата, преувеличивая влияние своего учителя Хаджжи-Йусуфа, которому он приписал составление знаменитого уложения Шамиля, черня последнего и собственных соперников – на’иба Кебед-Мухаммада из с. Телетль и сына Шамиля Гази-Мухаммада, властолюбие которого привело, по его мнению, к поражению имамата.

В тексте хроники заметны следы авторской правки, сделанные после 1859 г. Тогда к ней было добавлено верноподданное посвящение кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу (1862–1881), эпизоды джихада получили пророссийскую трактовку. Под влиянием бытовавшего в России и Европе представления об отсталости мусульманского Востока усилились характерные для сторонников шариатского движения выпады против запрещенных Шамилем «диких» местных обычаев, обвинения горцев в постоянных насилиях и «природном хищничестве».¹ Неудивительно, что власти Кавказского наместничества положительно оценили хронику, предприняв ее перевод и издание в 1873 г. Сочинение Хаджжи-‘Али оказало определенное влияние и на

мардийа фи-т-тарика ан-накшбандийа» (ССКГ. Вып. II. Отд. III. Тифлис, 1869. С. 2–22) с арабской версией этого трактата, изданной в Петровске в 1905 г. Последняя примерно в три-четыре раза длиннее (83 С. против 22) и полна отсутствующих в переводе сюжетов по этике (*сулук*) и практикам суфизма.

¹ Хаджжи-‘Али принадлежит классическое определение дикой горской экзотики на Кавказе: «горцы дики как сама природа, окружающая их, хищны как звери». См.: *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. С. 24. Об образе горского хищничества и ориентализации российского Кавказа XIX в. см. в моей работе: *Бобровников В.О.* «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // *Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия*. М., 2006. С. 367–383.

советскую историографию. Отечественных историков XX в. особенно пленял «социологизм» Хаджжи-‘Али, его частые выпады против горской знати и богатеющей верхушке администрации имамата.¹ Благодаря переводу хроники на русский язык она быстро вошла в научный оборот и к настоящему времени стала классикой кавказоведения. Ни одна работа, посвященная Северному Кавказу XIX в., не обходится без цитирования Хаджжи-‘Али. Арабские сочинения его современников, переведенные на русский язык лишь в конце XX в.,² были менее удачливы и, как правило, выпадают из поля зрения историков-русистов.

Причина такого невнимания кроется в непонимании исламских реалий и системы понятий. Свою роль здесь сыграли позитивистский подход к текстам и стремление к получению объективной картины прошлого, о чем уже говорилось выше. При этом религиозные взгляды авторов, их объяснения происходившего и в особенности выпады против «дикости» и «хищничества» горцев отбрасывались как не заслуживающий внимания вздор или влияние царской цензуры.³ Такой подход привел к ложному истолкованию в русистике и сочинения Хаджжи-‘Али. Даже обращавшиеся к его творчеству талантливые источниковеды-русисты Н.И. Покровский и В.Г. Гаджиев недооценивали значения жанровых особенностей его хроники. Последний верно отметил использование историком популярных в его время средневековых дагестан-

¹ См., например: *Покровский Н.А.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 78; *Гаджиев В.Г.* Об авторе и его книге // *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. С. 16, 21.

² За исключением уже упоминавшейся выше хроники Мухаммада-Тахира ал-Карахи, появившейся на русском языке в 1941 г., это замечание относится ко всем без исключения произведениям мусульманской историографии российского Кавказа XIX – первой трети XX в., издававшимся и переводившимся уже в постсоветское время. Наиболее важные из них: *Гасан-эфенди Алкадари*. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994; *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний. Араб. факсимиле и рус. пер. с араб. М.-С. Саидова под ред. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997; *Абдурахман ал-Газикумуки*. Краткое изложение подробного изложения дел имама Шамиля / пер. с араб. и публ. Н.А. Тагировой. М., 2002; *Геничутлинский Хайдарбек*. Историко-биографические и исторические очерки / пер. с араб. и авар. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1992; хроники и стихи, включенные в сборник: *Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года* / сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001.

³ См., например: *Покровский Н.А.* Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 72.

ских хроник «Та`рих Дагистан», «Дербент-наме» и ряда аульных хроник и памятных записей (*та`рих*).¹ Но ни он, ни тем более Покровский не обратили внимания, что «Сказание очевидца о Шамиле» написаны в том же жанре. Выпады против горской знати и корыстолюбия *на`убов* – не свидетельство верности действительности, а заимствование из поздних редакций таких хроник, формирование которых завершается именно в период шариатского движения и российского завоевания. Вместе с тем труд Хаджжи-‘Али говорит о кардинальных переменах в системе ценностей, понимании власти и способе писания истории, которое происходило среди мусульманской духовной элиты Дагестана в период *джихада* второй трети XIX в.

Сипенкова Т.М.
(Восточный факультет СПбГУ)
Диалог или триалог?

В статье, посвященной шейху Тантави, акад. И. Ю. Крачковский писал, что в августе 1850 г., как отмечено в формуляре шейха-профессора, «за усердие к образованию студентов С.-Петербургского университета из кавказских воспитанников» ему выражается «Высочайшее благоволение».²

Научное творчество наших «кавказских воспитанников» сегодня заслуживает внимания: они обращались к своему культурному наследию, несмотря на специфику факультета, с некоторых пор обреченного заниматься только зарубежным Востоком. Однако специфика арабомусульманского мира и его наследия расширяла горизонты исследований, и на кафедре истории стран Ближнего Востока была защищена дипломная работа, посвященная дагестанскому просветителю Али Каюеву, другая дипломная работа была посвящена арабоязычным материалам периода Кавказской войны XIX в.

Выпускником другой кафедры – арабской филологии – является Ахмед Гарасаев, превосходный знаток чеченского религиозного (духовного) поэтично-песенного наследия – *назмов*, нашедший поддержку и понимание на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова в лице проф. Фариды Мустафовны Ацамбы.

В течение длительного времени А.Гарасаев собирал и изучал *назмы* – суфийские песнопения ответвления тариката «кадирийа», осно-

¹ Гаджиев В.Г. Об авторе и его книге. С. 13.

² Крачковский И.Ю. Шейх Тантави, профессор Санкт-Петербургского университета // Избр. соч., т.V. М.-Л., 1958. С. 267.

ванного шейхом Кунта-Хаджи в середине XIX века. Сейчас о Кунта-Хаджи существует более или менее обстоятельная отечественная и зарубежная литература. По мнению Моше Хаммера (Израиль), «лучшим из последних исследований о Кунта-Хаджи остается книга Вахита Акаева. См.: Акаев В. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994».¹

Более десяти лет тому назад А. Гарасаев опубликовал статью об основных этапах развития суфийских братств на Северном Кавказе². Летом 1997 г. доклад о *назмах* был представлен на Международном конгрессе востоковедов в Будапеште, а в следующем году вышла статья, целиком посвященная *назмам*³. Это замечательное наследие рассыпано там, куда судьба забросила «кунта-хаджинцев», – в Иордании, Сирии, Саудовской Аравии, Турции. А. Гарасаев собрал огромную коллекцию этих поистине уникальных материалов. По его справедливому замечанию, «на протяжении длительного времени, ввиду целого ряда причин, указанное явление (*назмы* – авт.) оставалось закрытым для изучения»⁴.

С любезного согласия А. Гарасаева мы обращаемся к его неопубликованным переводам *назмов* на русский язык. Среди причин, побудивших нас обратиться к ним, было чтение исламской части курса на историческом факультете нашего университета «Мировые религии в новое время». При этом стали открываться удивительные вещи.

Один из *назмов* повествует об обращении в ислам иудея, нашедшего в Торе предсказание о появлении Пророка, «некоего лучезарного человека по имени Мухаммед». Задумался иудей и, раз за разом открывая Тору, находил все больше подтверждений о нем: в четырех, потом восьми, потом двенадцати местах. Он стал расспрашивать «своих людей», которые рассказали ему, что тот «в Мекке-Медине занимается волшебством, обманывая заблудших людей». С разрешения общины иудей отправился на поиски пророка и, дойдя до «Мекки, Медины», встретил там «некоего просветленного человека по имени Салман», ко-

¹ Хаммер М. Проникновение братств Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа в Дагестан в XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей. М., 2010. С. 101.

² А. Гарасаев. Суфийские братства на Северном Кавказе: основные этапы развития // Вестник Московского университета. Сер.13. Востоковедение. 1997. №4. С. 28-36.

³ А. Гарасаев. Из чеченского религиозного поэтического наследия: *назмы* – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник Московского университета. Сер.4. Востоковедение. 1998. № 4. С. 75-83.

⁴ Там же, с. 75.

того принял было за Пророка. Среди сподвижников Мухаммеда был перс-вольноотпущенник по имени Салман, искусный в военном деле, хорошо известный по источникам – Салман ал-Фариси¹. Случилось это на третий день после смерти Мухаммеда, о чем сообщили иудею скорбящие *асхабы*, к которым его привели. Иудей попросил отвести его к могиле Пророка, горько оплакал ее и просил Господа Бога: «Если ты принимаешь совершенный мною *иман*, то приблизь меня к себе», т.е. просил у Бога смерти. «Счастливым скончался он, и, когда обрядил его Турпал-Али («Богатырь Али», т.е. Али ибн Аби Талиб), предали его земле рядом с Пророком». В народе говорят, что могила этого «еврейского муллы» находится возле могилы Мухаммеда.

Есть назм, посвященный «дочери Имрана» Марйам. Известно, что в суре «Дом Имрана» («Род Имрана» – авт.). «Мария, мать Иисуса, отождествляется с Мариам, сестрой Аарона». Р. Фрилинг пишет, что это «грубейший анахронизм – хотя современные мусульманские теологи не жалеют усилий, чтобы доказать обратное. Имран, выступающий в Коране как отец Девы Марии, в Ветхом Завете носит имя Амрам и принадлежит к колену Левиину. Он упоминается во второй книге Пятикнижия («Исход») сразу же после рассказа о призвании Моисея... Неточность закралась и в коранический пересказ истории Захарии. Согласно Евангелию от Луки, Захария, получив весть о предстоящем рождении Иоанна Крестителя, внезапно потерял дар речи и обрел его вновь, только когда ребенок появился на свет, – Мухаммед же сокращает срок немонты до трех дней»².

Нас не перестает удивлять то обстоятельство, что рассуждения на темы исламо-христианского диалога сводятся к вопросу о несовпадении коранической версии с библейскими, тогда как главное не в этом, а в принятии Мухаммедом иудео-христианских образов и идей. В том виде, как они были известны Пророку, в каком имели хождение в доступном ему мире, они и были им приняты. Сохранение коранической версии в народном духовном наследии показывает, что Иисус (‘Иса) не только не чужд мусульманскому сознанию, но и глубоко воспринят им, о чем свидетельствует хотя бы распространенность имени Иса и производной от него фамилии.

В тексте *назма* Марйам рождает сына в уединении, где и находят

¹ Большаков О.Г. История халифата. т.1. Ислам в Аравии (570-633). М., 1989. С. 132, 260.

² Коран, 3:36; 9:11. Фрилинг Рудольф. Христианство и ислам. Духовные борения человечества на пути к самопознанию. (Пер. с нем.) М., 1999. С. 58-59.

ее отправившиеся на поиски братья и сестры. Увидев ее возле люльки с младенцем, они упрекают ее в том, что она опозорила свой род. Эта версия совпадает с коранической только частично: Мария уединилась и родила свое дитя под финиковой пальмой. Согласно Корану она сама пришла домой с новорожденным, который в ответ на упреки родни ответил, что Бог дал ему Писание, сделал пророком и завещал молиться до конца жизни, уплывать *закят* и почитать мать [Коран, 19: 29-31]. В Коране нет упоминания об архангеле Гаврииле (Джибриле, Джабра'иле), а в *назме* Бог посылает к Марии именно Джабраила, о котором говорит и Иисус: «Сотворен я от дуновения архангела Джабраила в матери моей». Не упоминается в Коране и обручник Иосиф. В Евангелии от Матфея Иосифу, решившему отпустить Марию, во сне явился Ангел Господень [Матф., I: 18-25]. В Евангелии от Луки он является священнику Захарии, предсказывает тому рождение у него сына Иоанна (Крестителя) и называет себя: «...я Гавриил, предстоящий перед Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие» [Лука, I: 19]. К Деве Марии также «послан был Ангел Гавриил от Бога» [Лука, I: 26-35]. Таким образом, текст *назма* ближе к христианской традиции, нежели к Корану.

Ждут своего исследования *назмы*, восходящие к хадисам и сохраняющие содержащиеся в них сведения. Есть и почти шуточный текст о пререканиях Фатимы с отцом и с архангелом Джабраилом по поводу брака с Али.

Назмы – песнопения духовные, и мотив покаяния является в них ведущим. Молитвы раскаяния известны давно, прежде всего, из иудейской традиции. Это – Слехот, сборник которых стал доступен русскоязычному читателю благодаря издательской программе семьи Пар¹.

В предисловии к сборнику Берл Лазар пишет: «Чтобы понять Слехот, мы должны вспомнить весь контекст исторических событий, благодаря которому появились эти молитвы»². Еще недавно конкретно-исторический подход и у нас считался необходимым требованием к научной работе.

Именно исторические события и вызвали к жизни многие *назмы* покаяния. Вот один из них:

Грешные наши тела создали нам горе,
Безумные головы создали нам печаль.
И время ушедшее – о, как нам жаль!

¹ Библиотека еврейских текстов. Литургия. Молитвы раскаяния. Москва-Нью-Йорк – Иерусалим, 5667/ 2007 г.

² Молитвы раскаяния, с. 5.

Господи, прости нас, Всевышний Дѣла!

Примечание переводчика: «Для обозначения Бога Единого в арабском языке существует слово *Аллах*, а в чеченском – *Дѣла*, совершенно точно передающее высокий смысл универсального понятия «Бог Единый». Естественно, что с принятием ислама чеченцы восприняли и арабское обозначение Бога «Аллах», однако сохранили и термин «Дѣла», относящийся еще к языческому времени и означающий – «Главный Бог», «Единый Бог»¹.

В земных делах восстал шайтан,
Обманутые земными делами, стали мы заблудшими.
И время ушедшее это – о, как нам жаль!
Господи, прости нас, Всевышний Дѣла!

Не успели мы стать старше семи лет,
Как закрыли наши медресе.
Не успели мы стать старше пятнадцати лет,
Как закрыли наши мечети.
Прежде нашего покаяния *устазы* отошли в мир иной.
Господи, прости нас, Всевышний Дѣла!

Ради *шахады* – признания Твоего единства,
Ради *шахады* – признания Твоего Пророка,
Ради *уммы* признающих Пророка Мухаммеда,
Господи, прости нас, Всевышний Дѣла!

Ради *тариката* верных *устазов*,
Ради *устазов*, исправляющих народ,
Ради намазов, совершенных в доме *хаджа*,
Господи, прости нас, Всевышний Дѣла!

Ради Хасана, Хусейна – славных среди детей,
Ради Хавадж Баха ад-дина – славного среди святых,
Ради Абу Бакра – славного среди асхабов,
Господи, прости нас, Всевышний Дѣла!

Ради Абу – отца Накшбандийи,
Ради Кунта-Хаджи – отца Кадирийи,
Ради Джамал-дейлы – отца *тариката*,
Господи, прости нас, Всевышний Дела!

¹ Гарасаев А. Из чеченского религиозного поэтического наследия: *назмы* – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев, С. 76.

Ради жертвоприношения Ибрахима,
Ради Мекки, в которой родился Пророк,
Ради Пророка – благочестивого среди народов,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

Ради Медины, где отошел в мир иной Пророк,
Ради Равдата, принявшего его,
Ради *имана*, пребывшего с его телом,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

Ради Адама, кто первый пришел в сей мир,
Ради жертвоприношения Ибрахима,
Ради Хусейна, совершившего *газават*,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

Ради *хадисов*, дарованных Пророком,
Ради Сокровенного, дарованного святым,
Ради Знания, данного *имамам*,
Господи, прости нас, Всевышний Дела!

Ради ангелов – проводников Твоего решения,
Ради Пророка, прибывшего с миссией веры,
Ради *асхабов*, помогавших Пророку,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

Ради жертвоприношений, совершенных на горе Арафат,
Ради *намазов*, совершенных *улемами*,
Ради месяца Рамадана, который Ты создал благородным,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

Ради Хавы (т.е. Евы), которая удовольствовалась Адама,
Ради Хадиджи, которая удовольствовалась Пророка,
Ради Фатимы, которая удовольствовалась Али,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

Ради Исмаила, который удовольствовал своего отца,
Ради Увайса, который удовольствовал свою мать,
Ради *мюридов*, удовольствовавших своих *устазов*,
Господи, прости нас, Всевышний Дёла!

В иудейской молитве раскаяния мы находим те же 36 покаянных
просьб-перечислений, ради чего молят они о прощении.

Ограниченность места не позволяет нам привести множество уже

не типологических, а смысловых, содержательных совпадений покаянных *назмов* с иудейскими молитвами раскаяния. На первый взгляд, это сходство объяснимо общностью жанра, но нам представляется, что духовные связи и словесное воплощение их были вызваны основательным знакомством суфиев с иудейской традицией и что изучение этой связи требует очень тонкой инструментовки. Желательно не утопить анализ и выводы в мертвящей ум и душу читателя и учащегося кастово-профессиональной «научной» лексике.

В иудейской молитве кающиеся признаются во многих безнравственных деяниях: они «были вероломны, грабили, лицемерили, свернули с правильного пути..., присваивали чужое..., лгали..., делали зло..., вредили...»¹.

В разных *назмах* кающиеся признают свою греховность, но каются они не только перед Всевышним. В *назме*, посвященном возвращению на родину из ссылки и прощанию с казахскими землями, они просят прощения у этих земель:

Объявив нас проклятыми, обесчестив нас,
Дали [нам] прозвище «преступник» или «враг».
Быть может, ослепнув от горя, мы поступали не так –
Простите за грехи наши, казахские земли!

Изнуренные голодом, может быть, мы допустили кражу,
Из-за вопиющей жестокости [к нам проявленной],
Может быть, сказали недопустимое:
Мы всего лишь люди, сотворенные Богом,
Простите нас за [наши] грехи, казахские земли!

Когда кошмарные дни настали,
Когда лживыми обвинениями ввергли нас в беду,
Когда терзали голодом и холодом –
Давшим нам хлеб насущный, ставшим посредниками,
За продленное нам время спасибо вам!

В одной из опубликованных статей А. Гарасаев приводит *назм*, в котором содержится тема извечности духа Кунта-Хаджи, который, будучи сыном своей матери по рождению, старше ее по этой извечности. Его мать Хэди мюриды Кунта-Хаджи почитают как святую, к ее мавзолею совершают паломничество («*зийарат*»), ей посвящены *назмы* глу-

¹ *Молитвы раскаяния*, с. 37.

боко философского содержания. Это, по наблюдению А. Гарасаева, «единственный из примеров поклонения матери святого и признание ее святой не только в обрядовой практике чеченских тарикатов, но и в суфизме в целом»¹. Трудно не усмотреть в этом назме христианского влияния.

Принято говорить об исламо-христианском культурном диалоге. Следовало бы ради всего, что было перечислено в рассмотренных текстах, пополнив это и христианскими мотивами, говорить о триалоге.

¹ Гарасаев А. Из чеченского религиозного поэтического наследия, С. 81-82.

РАЗДЕЛ III.
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА /
HISTORY AND CULTURE OF THE MIDDLE EAST

Герасимов И.В.
(Восточный факультет СПбГУ)

Легенды о происхождении правящих династий государств Судана
(XVI–XVIII вв.)

Период позднего средневековья был ознаменован в Судане формированием государств. Одно из них – государство фонгов (нач. XVI в.) – возникло в долине Нила и междуречье Белого и Голубого Нила в области Гезира на останках ранних нубийских христианских государств, существовавших там в течение ряда веков и имевших собственную богатую историю.

Вторым крупным государственным образованием стал султанат форов, известный под общим названием Дарфур (серед. XVII в.). В отличие от государства фонгов, являвшегося преимущественно земледельческим и унаследовавшего традиции более ранних культур, оно сформировалось как полиэтническое с доминированием кочевничества.

Наиболее важным трудом, освещающим отдельные стороны развития этих государств, является произведение Ибн Дайфаллаха «Табакат», написание которого приходится на период с 1753 по 1804 гг. В нем, несмотря на преобладание сведений агиографического характера, содержится значительный блок информации как по истории государства фонгов, так и Дарфура. Более поздним источником по истории государства фонгов является недавно переведенная П.М. Холтом на английский язык «Хроника фонгов 1504–1871».¹

В связи с незначительным количеством письменных источников по истории этих государств, нередко выступавших в качестве антагонистов, особое место приобретает изучение локальных племенных и клановых преданий об истории их возникновения. Это можно отнести к устной истории, правомерность и необходимость которой масштабно и обоснованно изложены в работе английского исследователя П.Томпсона «Голос прошлого. Устная история» (М., 2003). В большей степени это относится к Дарфуру, поскольку письменная традиция передачи знаний возникла там позднее, уже в XIX в. Собираателями устных преданий о Дарфуре и его династийной истории стал целый ряд исследователей.

¹ The Sudan of the Three Niles. The Funj Chronicle 910–1288/ 1504–1871. Leiden–Boston–Köln, 1999.

Наиболее интересные обобщения относительно происхождения династии форов, сделанные на основе устных сведений, а также изданных материалов фольклорного и исторического характера, сообщений средневековых арабских авторов, содержатся в работах крупного норвежского ученого Р.С. О'Фэйа.

В сведениях о появлении фонгов не локализуется место и территория, откуда ведется происхождение этого народа. В ней также не сообщается об этимологии названия. Согласно легенде, изложенной в «Хронике фонгов», местом первоначального проживания народа «фонги» указывается «Лулу» с твердым «л». Определить, где оно находилось, пока не представляется возможным, но можно допустить, что этот район находился южнее места слияния Голубого и Белого Нила.

Как это свойственно и для других народов Африки, которые говорят об арабском происхождении своих правителей, интерес представляет информация о том, откуда род берет свое начало. Фонги считали, что двое представителей династии Омейядов пришли в их земли и женились на местных женщинах, дав начало новой династии. Суданский автор сведений о фонгах приписывает им близость к племени Бану Хилал.

Из истории правителей фонгов можно также узнать о переселениях этого народа, где указываются топонимы Джайли, Джабал Мойя. Во время перемещения в Джабал Мойя фонги несли своих правителей на плечах на специально сделанных для этого ложах – «анкариб». С тех пор «анкариб» стал важным элементом повседневной культуры фонгов, который распространился по всему Судану и используется в настоящее время.

Легенда о происхождении фонгов и «арабский след» в их генеалогии выводят и на топонимы, связанные с формированием государственности, и позволяют судить о времени возникновения населенных пунктов. Согласно представлениям фонгов, бык, которым, как и всем домашним скотом, Аллах одарил их правителей, однажды оказался в покрытой деревьями местности недалеко от реки, где жила девушка-невольница по имени Синн Нар. Деревья в той местности были вырублены, и на месте, где жила эта девушка, было создано поселение, позднее ставшее городом и названное в ее честь Сеннар. Со временем город вырос и превратился в столицу государства. Правителем, вырубившим лес в той местности, был Амара Дункас. Он и считается первым правителем династии фонгов. Срок его правления составил почти сорок лет и завершается примерно в 1533-34 гг.

Специфика генеалогической легенды форов заключается в том, что народы Дарфура могли познакомиться с исламом и ранее, до появления там арабского этнического элемента. Это объясняется тем, что западные

африканцы, принявшие ислам раньше, чем их суданские братья, уже несли его в Дарфур до прихода туда волн арабских племен. Это приобщение к мусульманской религии не имело, правда, массового характера.

До настоящего времени дошли сообщения о нескольких династиях, управлявших территориями современного Дарфура в период средневековья и позднее: Даджу, Тунджур, Кейра. Созданные этими династиями государственные образования не представляли этнически однородную массу, а, скорее, были союзами племен, причем не всегда родственных. Более того, Р.С. О'Фэй высказывает, и небезосновательно, мнение, что еще одной специфической стороной Дарфура было то, что ислам появился здесь, когда государства уже существовали, и он не являлся, соответственно, изначально государствообразующим фактором.

Устные традиции повествуют о том, что даджу пришли с востока и поселились вокруг Джабал Марра. Нет точного имени правителя, которого бы форы считали родоначальником династии даджу, но, как правило, упоминаются два имени – Гитар или Косбур. Так или иначе, кем бы ни был этот правитель, он являлся язычником. Последним из фигурировавших в устной традиции правителей этой династии был Ахмад ад-Дадж.

Династия тунджур имеет историю, уже связанную с арабскими корнями. По преданию, они являются одной из ветвей Бану Хилал. Их предводитель султан Саад, который привел соплеменников на место современной чадско-суданской границы, поссорился с сыновьями Ахмадом и Али, и они удалились в район Джабал Марра. Там один из них женился на местной женщине. С того времени и берет начало династия форов.

Существует и другая «восточная» версия происхождения правителей тунджур согласно которой они пришли со стороны Донголы. Получается, что Абу Зайд ал-Хилали и Ахмад ал-Маакур – основатель династии пришли с востока и являлись аббасидами. Стремление приписать свое происхождение именно аббасидской ветви свойственно и для жителей долины Нила – джаалитам.

Восточная линия имела продолжение в Кордофани. Согласно этой версии Абу Зайд ал-Хилали и Ахмад ал-Аббаси пришли в земли современного Судана. Ахмад оказался в Кордофани, где был ранен и со временем, живя среди местных жителей, женился и дал начало династии правителей Тегам, став отцом Абу-л-Сакаринга, считающегося первым правителем. Затем Ахмад перебрался в Дарфур, где женился на дочери правителя местного государственного образования.

Предположительно гегемония тунджур распространялась от Дарфура через Вадай к границам Багирми (Центральный Чад). Вадай, также

со временем исламизированный, представлял собой государство, зависимое от Дарфура. После падения династии тунджур в Вадае к власти пришла династия маба.

Укрепление династии форов в Дарфуре сопровождалось исламизацией на государственном уровне. Несколько позднее, чем в государстве фонгов, здесь появились религиозные учителя, представители суфийских братств, и ислам стал государственной религией примерно со второй половины XVII в.

Таким образом, имеющийся материал дает нам возможность предположить, что общими для всех государств, возникших в Судане в период позднего средневековья, являются легенды об иноземном (арабском) происхождении династий правителей. Исламизация не обязательно была связана с личностью родоначальника династии. Теологические труды, изучавшиеся в религиозных школах, а также у шейхов братств в государстве фонгов и Дарфуре, были одинаковыми. С активизацией суфийских братств происходило разделение территорий на сферы влияния. Наиболее сильное влияние проповедников, факихов и суфийских учителей наблюдалось в центральных районах государств, в то же время оно уменьшалось в периферийных районах. Суфийские братства, судя по всему, не вносили изменений в сложившиеся устные предания о формировании правящих династий.

Григорьев С.Е.
(Восточный факультет СПбГУ)
Арабы Афганистана

Афганистан – полиэтничная страна. Кроме крупных народов, таких как пуштуны, афганские таджики, узбеки, хазарейцы, туркмены, там живет множество более мелких народов и племен. Одно из таких этнических меньшинств – афганские арабы. Они обитают на северо-востоке Афганистана, в районах, примыкающих к Кундузу и Меймене – главным городам одноименных афганских провинций. Есть они и в окрестностях другого североафганского города – Каттаган. Небольшая группа афганских арабов имеется на юге страны около города Джелалабад – административного центра афганской провинции Нанграхар, пограничной с Исламской республикой Пакистан.

Существуют две версии происхождения афганских арабов. По первой – они являются потомками арабских завоевателей, принесших с собой Ислам в Центральную Азию и Афганистан в VIII – IX вв. н.э. По второй – они были переселены туда из Сирии во времена правления Тимура (Гамерлана) в конце XIV – начале XV вв. Несколько тысяч т.н. бухарских арабов переселилось в Афганистан из Бухарского ханства в

20-е гг. XX в., опасаясь преследований со стороны советской власти. Сами афганские арабы полагают, что их родина – территория Аравийского полуострова (Арабиستان – на языке дары), откуда они переселились в Афганистан много столетий тому назад.

Число афганских арабов точно неизвестно, но вряд ли превышает 100 тыс. человек. Практически все афганские арабы мусульмане – сунниты и придерживаются ханифитского толка Ислама.

Самоназвание афганских арабов – «Каум-и араб», т.е. «арабское племя/ народ», «арабы». У афганских арабов до сих пор сохраняется племенное деление. Их крупнейшие подразделения (*тауфа*) носят не собственно арабские, но тюркские и иранские названия: «кал долати», «кута кара», «ау форуш» (дословно «торговцы водой» в переводе с языка *дары*), «курдон» («курды» на языке *дары*), «хаджда девана» («восемнадцать безумных» в переводе с языка *дары*) и др.

Практически полное отсутствие у них контактов с соплеменниками в арабских странах привело к тому, что афганские арабы сейчас уже не говорят по-арабски. В конце XIX в. арабский язык у них еще был в ходу, будучи языком внутрисемейного общения. Сейчас арабы севера Афганистана говорят на языке *дары* и узбекском языке. Джелалабадские арабы, подвергшиеся значительной пуштунизации, говорят на языке *пушту*, часть из них знают язык *дары*.

Эндогамность для арабов Афганистана в целом не характерна. У них зачастую имеют место браки с афганскими узбеками, таджиками, пуштунами и представителями других народов Афганистана.

Основное занятие афганских арабов – отгонное скотоводство. Разводят они по преимуществу овец. Арабы – жители афганских городов – заняты торговлей и ремеслом.

В бурной политической жизни страны последних 40 лет афганские арабы как самостоятельная сила участия практически не принимают. Они не имеют своих отдельных политических партий или движений.

Добронравин Н.А.
(ФМО СПбГУ)

***Исламское образование и арабский язык
в истории африканской диаспоры (XIX в.)***

В областях Африки южнее Сахары, известных под названием Билад ас-Судан, исламское образование к XIX веку уже имело длительную традицию, а у некоторых народов было основной формой традиционного образования. Языком образования был арабский язык, использование африканских языков обычно ограничивалось устным комментированием и неарабскими глоссами.

Характер исламского образования зависел от того, какая область исламского мира служила источником местной традиции. Западный Судан на протяжении столетий находился в сфере влияния арабо-магрибинской цивилизации. В образовательном процессе в этом регионе, помимо Корана, изучались сочинения североафриканских авторов.

Особое место в образовании отводилось эзотерическим наукам и коранической медицине. Среди африканских мусульман были знатоки астрологии и нумерологии, например, ученый из Кацины Мухаммад ибн Мухаммад ал-Фулани ал-Кашинави (XVIII в.), известный не только у себя на родине, но и в странах Северной Африки и Ближнего Востока, в частности, в Египте.

Афромусульманская диаспора XIX в. в странах Европы и Америки, как правило, была немногочисленной. В записках европейских и американских авторов того времени она упоминается редко. Сохранились лишь несколько автобиографий африканцев-мусульман на европейских языках. В частности, Николас Саид (мусульманин, потом православный, затем протестант и сведенборгианец), составил описание образовательного процесса и применения арабского языка в районе озера Чад. Мухаммад Сануси из Томбукту рассказал в 1852 г. Б.Тейлору (на пароходе по пути из Александрии в Бейрут) о том, что он читал «книги Моисея» и псалмы Давида (скорее всего, апокрифические Тору и псалмы). Тейлор сказал, что его послал на Ближний Восток султан США, и тогда томбуктинец записал по-арабски рассказ о «дворце султана Филлмора».

Некоторые африканцы-мусульмане в XIX в. оказались в Северной Америке, Вест-Индии и Бразилии. Образованные рабы и законтрактанные рабочие становились учителями на новой родине и продолжали копировать уже известные им тексты, прежде всего, отдельные айаты и суры Корана.

К числу африканцев-мусульман в Северной Америке принадлежал Билали Мухаммад, похороненный в штате Джорджия со своим Кораном и молитвенным ковриком. В 1829 г. он составил «дневник Бен Али», который представляет собой отрывки из «Рисаль» Ибн Малика.

В Бразилии в начале XIX в. «отец бразильской независимости» Жозе Бонифасиу расспрашивал о географии Африки уроженца города Кано, который был «магометанским священником и школьным учителем у себя на родине». В середине столетия с африканцами-мусульманами, умевшими читать и писать «по-арабски и по-ливийски», познакомился в провинции Баия французский путешественник и дипломат Ф. де Кастельно.

Почти все сохранившиеся арабские документы бразильских мусульман оказались в архивах после неудачного восстания 1835 года.

Некоторые тексты свидетельствуют о достаточно высоком уровне грамотности их составителей. Например, у раба Домингуса «из нации хауса» была найдена молитва, включавшая цитату из «Касыды о плаще» ал-Бусири («Божья защита заменяет двойную броню и высокую башню»).

Цитаты из «Касыды о плаще» встречаются также в одной из трех сохранившихся до наших дней книг бразильских мусульман («рукопись со странными буквами, найденная в клубе негров-мина в столице [провинции] Риу-Гранди-ду-Сул»). В той же книге приведены и другие арабские стихи, приписывавшиеся халифу ‘Али, имаму аш-Шафи‘и и шестому шиитскому имаму Джа‘фару ас-Садику, а также фрагмент «Дамасской макамы» ал-Харири. Текст ал-Харири цитируется и в молитве Домингуса из Баии. В штате Пернамбуку были найдены фрагменты рукописей, включающие отрывки из одного из произведений Абу ‘Абдаллаха ас-Сануси и стихи Абу Мадйана.

К началу XX в. традиции исламского образования и арабской грамотности в Америке угасли. Лишь во второй половине XX в. в связи с ростом численности и влияния мусульман африканского происхождения в Европе и Америке, особенно в США, в научной литературе появился интерес к роли исламского образования и арабского языка в истории африканской диаспоры.

Долгов Б.В.

(Центр арабских исследований ИВ РАН, Москва)

*Ислам и социально-политическая эволюция арабского мира
в конце XX – начале XXI века*

Социально-политическое развитие большинства арабских стран в конце XX – начале XXI века характеризовалось двумя важными тенденциями: известной либерализацией и демократизацией государственной и общественно-политической сферы и усилением влияния исламского фактора. На эволюцию арабского мира воздействуют как внутренние, специфические для каждой страны явления, так и внешние, обусловленные глобализацией и изменениями в расстановке сил на мировой арене, произошедшими за последние два десятилетия.

От результатов демократических процессов в арабском мире в определенной степени зависит интеграция арабо-мусульманской цивилизации и ее самоидентификация в системе мировых цивилизаций. Арабское общество, в отличие от развитых гражданских обществ Западной Европы и США, достаточно традиционно и не столь структурировано в классовом и социальном плане. При этом необходимо учитывать, что, как подчеркивает известный американский исследователь Джон Эспо-

зито, мусульманский мир в отличие от стран Запада «по причине столетий европейского колониального господства имел всего несколько десятилетий для того, чтобы воспринять все то, что на Западе было продуктом длительных процессов, включавших в себя Просветительство, Реформацию, контр-Реформацию, Французскую и Американскую революции». В то же время в результате создания в последнее десятилетие в большинстве арабских стран современных демократических институтов (двухпалатный парламент, многопартийность, система всеобщих выборов, в достаточной степени свободная пресса) и развития экономических реформ в арабском обществе сформировался социальный слой граждан, способных воспринять идеи гражданского общества и демократии.

Одновременно значительную роль в арабском мире продолжает играть ислам, который для большинства населения, в т.ч. в достаточной степени для вышеуказанного слоя демократически настроенных граждан, является регулятором повседневной жизни и общественно-политической практики. Ислам официально провозглашается государственной религией и является одной из основ национальной и цивилизационной идентификации. В арабо-мусульманском мире исламские традиции, культура и морально-этические нормы на протяжении столетий выработали определенную психологию и стиль поведения во взаимоотношениях между людьми.

Рассматривая исламский фактор в ракурсе социально-политического развития, необходимо выделить такие его составляющие, как исламский фундаментализм (или салафизм), исламизм, общественное мнение и концепции исламской мысли. Исламский фундаментализм представляет собой религиозное явление, означающее обращение к истокам ислама и строгое соблюдение правил и норм, изложенных в Коране и Сунне. Главной идеей его последователей является постулат о том, что на протяжении веков в ислам вносились новшества (*бид'а* – араб.), которые зачастую искажали мусульманское учение. Для того чтобы возродить первоначальный «правильный» ислам? необходимо, согласно салафизму, обратиться к эпохе Пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» (*ал-хулафа' ар-рашидун* – араб.) – Абу Бакра, Омара, Османа и Али.

Исламизм, или политический ислам, то есть использование ислама в политических целях, в отличие от салафизма представляет собой в большей степени политическое явление. По определению видного российского востоковеда Р.Г.Ланды, политический ислам «есть определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшая вслед за панисламизмом XIX в. и национализмом первой половины

XX в.». В то же время исламизм как явление арабо-мусульманской общественной мысли отражает позицию части мусульман, выступающих таким образом за сохранение своей цивилизационной самоидентификации. Идеологи исламизма рассматривают ислам, мусульманскую культуру и морально-этические нормы, а также элементы «исламской экономики» в качестве неперемennого условия дальнейшего успешного развития арабо-мусульманского мира. Общественное мнение и настроение т.н. «арабской улицы» также можно определить как важную составляющую исламского фактора, влияющую на социально-политическую эволюцию. Необходимо отметить, что в 2003-2008 гг. после начала иракского кризиса, афганского кризиса, «ливанской войны» и обострения палестино-израильского конфликта в обществах арабских стран наблюдается определенное усиление внимания к мусульманской идентификации и политизации ислама, особенно в молодежной среде. Причем распространение исламистских настроений имеет не только религиозный, но также культурологический и социально-политический характер.

Важным элементом исламского фактора является также теоретические концепции официальной исламской мысли. Основные из них сводятся к следующим: традиционной, обосновывающей и подтверждающей нынешнее состояние мусульманского общества; фундаменталистской, отстаивающей необходимость приведения всех общественных и властных структур в соответствие с буквально понимаемым шариатом; модернистской, которая предполагает внешне исламскую интерпретацию либеральных реформ по западному образцу в целях их оправдания и легитимации.

Направлением, получившим наибольшее распространение в последнее время в ряде арабских стран, является концепция *васатыйя*¹ (посредничество, компромиссность, умеренность – ар.) Это компромиссный вариант в сравнении с вышеупомянутыми направлениями исламской мысли, использует их положительные стороны и избегает крайних взглядов. В то же время «*васатыйя*» подтверждает такой важный постулат для исламской мысли, как *иджтихад*, то есть возмож-

¹ Ключевой принцип «*васатыйи*» (умеренности или компромиссности) выводится из 2-й суры Корана *Бакара* (Корова (ар.)), которая гласит: «Мы сделали вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей, и чтобы Посланник был свидетелем относительно вас» (*Ва казалика джа 'алнакум умматан васатан ли-такуну шухада' ала-н-нас ва йакуна ар-расул 'алайкум шахидан*). Коран, сура 2 (*Бакара*), 137 (143). [Коран / пер. И.Ю.Крачковский. М., 1990. С. 18].

ность для известных мусульманских 'алимов различных толкований и расхождений во мнениях в общих рамках исламских ценностей. «Васатыйя» получила широкое распространение во многих арабских и мусульманских странах, таких как Египет, Саудовская Аравия, государства Персидского залива и Индонезия, имеющая самую многочисленную мусульманскую общину в мире.

Учитывая традиционно мусульманский характер обществ большинства арабских стран, дальнейшая их успешная демократизация представляется возможной при участии в этом процессе исламского фактора, в т.ч. общественно-политических сил, стоящих на позициях умеренного исламизма. При этом они способны стать тем механизмом, с помощью которого современные демократические институты могут адаптироваться к конкретным реалиям арабского мира. В то же время каждое общество должно найти свою форму демократического устройства, наиболее приемлемую и соответствующую его историческому опыту. Однако важно отметить, что при этом должны быть созданы основные, общие для демократического государственно-политического устройства институты власти, а также должно сформироваться зрелое гражданское общество, причем данный фактор является самым важным для развития подлинной демократии.

Boris Dolgov

(Institute of Oriental Studies, Moscow)

***Islam and Social and Political Development of the Arab World
at the end of XX – early XXI century.***

The social and political dynamics of the majority of countries in the Arab World at the beginning of the XXI century are characterized by two important tendencies. The first one is a certain liberalisation of the State system and relative democratisation of social and political practices. The second is increasing of the Islamic factor influence. The Arabic society is a relatively traditional society. It is not that structured by classes and social groups. In the Arabic society the religious, clan, ethnic, tribal, patriarchal relations are still influential. At the same time, as a notable American scholar John Esposito remarks «Muslims, due to Centuries of European colonial dominance and rule, had have only a few decades to accomplish what in the West was the product of Centuries of religious and political revolutions and reforms, a process that included the Enlightenment, Reformation, Counter-Reformation, and French and American revolutions»¹. As for Islam it is proclaimed as the

¹ John L. Esposito, Darrell J. Fashing, Todd Levis. World religions today. New York – Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 267.

State religion in all Arab World. Islam is the basis of the civilisational identification of the Muslims.

As regards the role of Islamic factor in the social and political development it has the following components: 1) the Islamic Fundamentalism; 2) the Islamism; 3) the Public opinion; 4) conceptions of Islamic Thought. Islamic Fundamentalism, or Salafisme, is a religious phenomenon which means the return to the sources of the original Islam of the epoch of the Prophet Muhammed and Four Rightly Guided Caliphs – Abu Bakr, Umar, Uthman, Ali. The Islamism, or Political Islam is the political phenomenon. It means the use of Islam for political goals. The ideologists of Islamism propagate «the Islamic project». They regard Islam, Muslim culture, moral and ethic norms and some elements of the «Islamic economy» as an indispensable condition for subsequent successful development of the Arab and Muslim World. The current rising of Political Islam in the Muslim World can be considered as a social and political phenomenon. It reflects the aspiration of a part of Muslim society to keep by this way its religion, historical traditions and culture, i.e. its civilisational identification in front of challenges of the Contemporary World and first of all of the globalisation. The Public opinion and the Public sentiments can be considered as an integral part of the Islamic factor as well.

In recent years in Arabic countries the attention to the Muslim identification is increased. It is characterized not only by religious but also cultural, social and political aspects. This phenomenon can be explained, to a large extent, as a reaction of the Muslim society to some political events (aggravation of the Palestinian-Israeli crisis, Afghanistan crisis, Iraqi crisis, Israeli invasion into Lebanon, caricatures on the Prophet Muhammad published in several European newspapers etc.). The theoretical conceptions of the Islamic thought are also an important element of the Islamic factor. The most important of these conceptions are as follows: the traditionalistic one, which supports the today state of the Muslim society; the fundamentalist, which demands transforming the society and State structures in correspondence with *Shari'a*; the liberal, which seeks the Islamic interpretation of the liberal reforms after Western model. There is also another conception, which is called in Arabic *Wasatiyya*. It means moderation, compromise, mediation. The basic principles of *Wasatiyya* are based on the Sura 2 *Bakara* ('the Cow') of the Holy Koran. The conception of *Wasatiyya* is a compromise one in comparison with other directions of Islamic thought. At the same time *Wasatiyya* confirms such important principle of Islamic thought as *Idjtihad* – a possibility for the eminent Muslim '*ulama*' to have different opinions on religious and other problems. In recent years *Wasatiyya* spread out in Arabic countries (Egypt, Saudi Arabia, the Arabic States of the Persian Gulf) and some other countries of the Muslim World as well (Indonesia).

At a conclusion it is necessary to point out that the Islamic factor will continue to play a considerable role in the social and political development of the Arab World, including the democratisation processes in it. Every society has to find its own form of the State system which is most acceptable and corresponds to its historical traditions.

At the same time the development of basic democratic institutions of the State and of the Civil society is a very important factor for the successful development of the society.

Зеленев Е.И.

(Восточный факультет СПбГУ)

Иностранные военные миссии в Египте в 50-70-е годы XIX в.

Большую часть XIX в. охватывает период реформ в Османской империи, именуемых в литературе Танзиматом. Египет, официально входивший в состав Османской империи, испытывал на себе влияние и самих реформ, и, главное, созданной ими атмосферы структурных изменений общества. Военному искусству как в имперском центре – Стамбуле, так и в полунезависимом Египте учились у Европы, черпая все, часто без должной разборчивости, что могла предложить европейская военная организация.

В результате, по меткой оценке Гельмута фон Мольтке, главы прусской военной миссии в Стамбуле в 30-е годы XIX в., «появилась армия, устроенная по европейскому образцу, с русскими куртками, турецкими шароварами, с татарскими седлами и французскими стременами, с английскими саблями, французскими уставами и инструкторами из всех стран света»¹.

Вооруженные силы в Стамбуле попали под устойчивое влияние Германии, главным проводником которого, вслед за фон Мольтке, во второй половине XIX в. стал офицер германского Генерального штаба Кольмар фон дер Гольц. Он дополнил замечание старшего коллеги другим важным наблюдением: в офицерской среде турецкой армии стал складываться профессиональный корпоративизм, который оказывался выше сословных, клановых и иных предрассудков. В аудиториях военных школ «собираются молодые люди всех классов населения; рядом с сыном паши сидят сыновья его швейцара и лакеев, и никто не находит в этом что-либо особенное»².

Логика конкуренции, разделявшая Османскую империю с центром

¹ Военный сборник. СПб., 1876. № 1, с. 23.

² Недзвецкий В. Греко-турецкая война 1897 г. // Военный сборник. СПб., 1897. № 10, с. 75.

в Стамбуле и беспокойный, нелояльный доминион – Египет, побуждала последний искать помощь в военном деле где угодно, но только не в Германии. Как известно, «основатель современного Египта» Мухаммад Али опирался в военной реформе преимущественно на французский военный опыт. Создателем новой египетской армии по праву считается французский эмигрант, самозванный «полковник» французской армии, известный в Египте под именем Сэв, а после принятия ислама – Сулейман-паша ал-Фарансауи, который попал в Египет в поисках какой-либо работы. Сначала он занимался торговлей, но успехов в коммерции не добился и, услышав о планах реорганизации армии в Египте, предложил свои услуги Мухаммаду Али, назвавшись для солидности «полковником армии Наполеона»¹.

Наряду с ним обучением войск занимались другие иностранные военные специалисты: барон Бойер (Boyer), некий Вассиер (Vassiere), офицер Плана (Planat), покинувшие родину после реставрации Бурбонов. Обычно упоминают также итальянцев и португальцев, испанцев и поляков².

После смерти Мухаммада Али при его внуке Аббасе I (1849-1854) египетская армия оставалась под контролем «полковника» Сэва (Сулейман-паша), хотя в некоторых других сферах (например, строительство железных дорог) инициативу у французов перехватили их конкуренты – британцы. Стремясь с помощью армии отделиться от Стамбула, Аббас I вызвал недоверие османов, против него был организован заговор, в результате которого он погиб³.

Следующий египетский правитель Саид-паша (1854-1863), имея перед глазами печальный опыт своего отца Аббаса I, прохладно относился к армии и был полностью увлечен строительством Суэцкого канала⁴.

Новый виток реформ армии был связан с именем хедива Исмаила (1863-1879), который вступил на египетский престол в возрасте 33 лет,

¹ Ал-'Амир 'Амр Тусун. *Ал-Джайш ал-масри фи-л-харби-р-русийати-л-ма'аруфа бихарби-л-Крим (1853–1855)*. Ал-Кахира, 1993, с. 10–15; Мухаммад Ас-Саруджи. *Ал-Джайш ал-масри фи-карни-т-таси'а 'ашара*. Ал-Кахира, 1967, с. 16; Мухаммад 'Абд ар-Рахман Ар-Рафи'и. *'Аср Мухаммад 'Али*. Ал-Кахира, 1989, с. 326–327.

² Мухаммад Ас-Саруджи. *Ал-Джайш ал-масри фи-карни-т-таси'а 'ашара*, с. 18.

³ Ахмад Хусайн. *Маусу'ат тарих Маср*. Ал-Кахира. Ч. 3, с. 987–988.

⁴ Вооруженные силы Египта // Военный сборник. СПб., 1876, № 10, с. 154.

получив образование в Египте и во Франции. Уже в 1863 г. начались крупномасштабные преобразования в армии, поскольку Саид-паша оставил своему племяннику «войско совершенно расстроенным и почти несуществующим, так что оно составляло всего два пехотных полка»¹.

Реформы шли трудно, не хватало опытных руководителей. За все время своего правления Исмаил-паше так и не удалось организовать стабильного руководства военным ведомством. С 1863 по 1879 г. одну из ключевых административных должностей в армии – глава Военного департамента (*назир* Военного дивана) – поочередно занимало девять человек.

С самого начала реформ в армии Исмаил-паша сделал ставку на иностранных специалистов. С 1864 г. заметную роль в реорганизации армии, точнее в воссоздании военных учебных заведений Египта, стала играть группа французских офицеров под общим руководством Мирше (Mircher) и еще четырех его земляков: Рабатилия (Rabatil), Лармэ (Larmee), Полара (Polard) и Де Бернарди (De Bernardi). Они руководили всеми военными учебными заведениями страны: Полар возглавил кавалерийское училище, Де Бернарди – пехотное, Ларми – артиллерийское и некоторое время Училище Генерального штаба. Сам Мирше занимал должность государственного инспектора военных учебных заведений².

В период обострения отношений между Каиром и Стамбулом (1868-1870 гг.) хедив Исмаил принял решение пригласить в Египет военную миссию из США, в то время не имевших интересов в Египте. Отказ от односторонней ориентации на военно-техническое сотрудничество с Францией объяснялся непоследовательностью Парижа в вопросе о получении Египтом независимости и вовлеченностью Франции в международный круг проблем, связанных с Суэцким каналом. США в этом отношении представлялись Исмаилу более удачным партнером, сильным в военной области, но не связанным сложными отношениями с европейскими державами-кредиторами Египта. Поскольку США не хотели портить отношений со Стамбулом, американо-египетское военное сотрудничество не носило межгосударственного характера. Американские офицеры заключали индивидуальные контракты с египетским правительством, формально оставаясь частными лицами. В письме министра иностранных дел США Гамильтона Генеральному консулу США в Египте Бердслею от 29 ноября 1875 г. говорилось, что в официальной

¹ Молосов Н. Вооруженные силы Египта // Военный сборник. СПб., 1870, № 5, с. 2.

² Исмаил Сарханк-баша. *Хакаику-л-ахбар 'ан дувал бихар*. 1312–1316. Дж. 2, с. 307.

переписке следует избегать слов «американские офицеры на службе египетской армии», называя их просто «американскими служащими»¹.

Американская миссия начала свою деятельность в начале 1869 г. Ее возглавил бригадный генерал П.Мотт, который осуществил отбор кандидатов для службы в египетской армии. Главным образом это были выпускники военных академий в Вест-Поинте и Аннаполисе. В общей сложности в качестве преподавателей, военных инструкторов и технических специалистов за период с 1869 по 1878 г. в Египте находилось 50 американских офицеров².

Эффективность использования приглашенных хедивом Исмаилом иностранных инструкторов для укрепления боеспособности египетской армии оценивается специалистами невысоко. Исследователь этого вопроса Мухаммад Ас-Саруджи сетует на невысокий профессиональный уровень американских офицеров, их непонимание нужд и особенностей египетской армии, таких как потребность в психологической работе с личным составом с учетом высокой религиозности солдат и офицеров, трудности призыва в армию и службы в ней неграмотных феллахов, сложный иерархический состав офицерского корпуса и др.

Однако, по крайней мере, в одном вклад американских инструкторов в развитие египетской армии бесспорен. Речь идет о возрождении начиная с 1870 г. Генерального штаба египетской армии. Он был учрежден Мухаммадом Али еще в 1825 г. при участии французского советника Плана. Затем длительное время Генеральный штаб возглавлял Сулейман-паша ал-Фарансауи. После его смерти центр оперативно-стратегического планирования египетской армии был упразднен, а его офицеры получили назначения на командные должности в армии.

В 1864 г. усилиями французского военного советника Мирше при Военном диване был сформирован Генеральный штаб египетской армии, состоявший из четырех офицеров-египтян и двух секретарей – египтянина и француза. Естественно, в таком составе он не мог играть сколько-нибудь заметной роли.³

Фактическое возрождение Генерального штаба связано с именем его начальника генерала Иствана, члена военной миссии США. Его назначение на должность начальника Генерального штаба состоялось в

¹ Мухаммад Ас-Саруджи. *Ал-Джайш ал-масри фи-карни-т-маси'а 'ашара*. Ал-Кахира, 1967, с. 102–103.

² Crabites P. *Americans in the Egyption Army*. London, 1938, p. 16.

³ *Ibid.*, p. 47; Dye W. *Mc. E. Moslem Egypt and Christian Abyssinia, or Military Science Under the Khedive in His Provinces and beyond the borders as experienced by the American Staff*. N.Y., 1886, p. 70.

1870 г. и ознаменовало окончание монопольного французского влияния на египетскую армию. В состав Генерального штаба вошли египтяне, окончившие военные учебные заведения за границей, преимущественно во Франции, и американские офицеры, которым Истван лично доверял¹.

По вопросу о судьбе Генерального штаба и его руководстве внутри американской военной миссии возникли разногласия. Глава американской миссии генерал Мотт и генерал Истван оба претендовали на должность начальника Генерального штаба. Военный министр Шахин-паша сделал выбор в пользу Иствана. Мотт вынужден был выйти в отставку и покинуть Египет.

Деятельность Иствана во главе египетского Генерального штаба можно оценить как весьма успешную. Первоначально в 1870 г. в Генеральный штаб входило 8 человек: 5 американцев – генерал Истван, полковники Алекс Рейнольд и Фрэнк Рейнольд (возможно, братья), майоры Парди и Лонг, и трое египтян. 14 декабря 1872 г. генерал Истван предложил реорганизовать вверенную ему структуру: Генеральный штаб стал состоять из пяти отделов с численным составом 49 офицеров и генералов, включая самого Иствана².

Создание работоспособного Генерального штаба радикально изменило характер египетской армии, где до этого времени власть сильной личности преобладала над коллективной волей группы профессионалов. Формируемая в Генеральном штабе корпоративная сплоченность, сотрудничество офицеров друг с другом во имя достижения конечной победы контрастировали с деспотизмом вышестоящих над нижестоящими, царившим в египетской армии. Взаимная неприязнь, возникшая между офицерами Генерального штаба и кадровыми офицерами армии, стала одной из причин неудачи военной кампании в Абиссинии 1875-1879 гг., когда распоряжения и рекомендации Генерального штаба демонстративно игнорировались, а направленная штабом в войска группа офицеров во главе с генералом Лонгом подверглась обструкции. Несмотря на все усилия генерала Иствана, ему так и не удалось преодолеть изолированность Генерального штаба от действующей армии. Подтверждением этого стал конфликт между Истваном и главой обороны Александрии Хамид-пашой, который категорически отказывался следовать рекомендациям Генерального штаба. Конфликт вынужден был разрешать сам хедив Исмаил.

¹ Dye W. Mc. E. Moslem Egypt and Christian Abyssinia or Military Science Under the Khedive in His Provinces and beyond the borders as experienced by the American Staff. N.Y., 1886, p. 70.

² Ibid., p. 69–70.

Иствану пришлось приложить немало усилий, чтобы выпускники училища Генерального штаба получали такое же звание лейтенанта, как и выпускники обычных общевоинских училищ. Несмотря на серьезное сопротивление, Генеральный штаб оказывал существенное влияние на модернизацию египетской армии и формирование концепции египетской государственной обороны. Усилиями офицеров-генштабистов в Египте был создан первый военный музей, была открыта типография, издавался журнал, выходили книги, необходимые для обучения офицеров-египтян, отчеты офицеров Генерального штаба о поездках в различные округа Египта и Судана.

В общей сложности в структуре Генерального штаба было занято свыше 200 человек, которые трудились как в военное, так и в мирное время. Они осуществляли обучение офицеров, занимались созданием военных учебных заведений, организовывали снабжение армии, готовили карты, схемы, планы боевых действий, составляли и рассылали приказы и делали много другой работы, которую обычно ведут генеральные штабы современных армий.

По всей видимости, за пределами Генерального штаба деятельность американских военных миссионеров не была столь эффективной, поскольку в 1874 г. хедив Исмаил решил обратиться еще к одной стране, военный опыт которой, особенно в войнах с вероятным противником Египта – Турцией, казался ему особенно впечатляющим – к России.

В начале 1875 г. в качестве военного советника хедива Исмаила в Египте был приглашен генерал-майор русской армии Р.А.Фадеев. По словам С.Ю.Витте, приходившегося Р.А.Фадееву племянником, тот фактически занимал пост военного министра, хотя официально этот пост так не назывался. Приглашение в Египет Р.А.Фадеев получил по ходатайству посла в Константинополе графа Н.П.Игнатьева, который в 1878 г. заключил Сан-Стефанский мирный договор и затем при императоре Александре III был министром внутренних дел. Личность Р.А.Фадеева примечательна многим: крупный военачальник, известный военный историк, публицист, блестяще образованный и талантливый человек¹. Ему принадлежат серьезные аналитические исследования о значении войны на Кавказе и геополитических интересах России на Кавказе и в Центральной Азии.

Миссия Р.А.Фадеева, овеянная некоторой авантюризмом, оказалась неудачной. Дело в том, что он был приглашен для подготовки египетской армии к войне против Турции. Когда же хедив объявил начало

¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. М., 1997, т. 1, сс. 18, 27-29.

военной кампании против христианской Абиссинии, Р.А.Фадеев отказался от руководства египетской армией в несправедливой, как ему казалось, войне с единоверным ему народом. Тем не менее в 1876 г. его отставка была принята с уважением, и он сохранил хорошие отношения с хедивом.

Завершая сообщение о деятельности военных миссий в Египте в середине XIX в., следует отметить, что появление иностранцев-специалистов в составе армий многих стран к этому моменту становится велением времени. Поиск партнеров на международной арене оказывался более эффективным, чем поиск и изобретение врагов. Сотрудничество открывало удивительные возможности не только в межгосударственном, но и в межличностном, межнациональном, межрелигиозном и в целом межкультурном общении, указывая на главную тенденцию развития мира в XX и XXI вв.

Исаев Г.Г.

*(Факультет политологии и Восточный факультет СПбГУ)
Россия и арабские страны в начале XXI в.:
политическое и экономическое сотрудничество*

Окончание холодной войны, распад СССР и Россией статуса сверхдержавы сопровождались сокращением объемов политического и экономического сотрудничества с арабскими странами. Причина была не столько в экономическом кризисе, сколько в переориентации на США и страны Западной Европы как основных политических и экономических партнеров. Одобрение Советским Союзом санкций, а потом и военной операции против Ирака после вторжения иракской армии в Кувейт символизировали факт отказа СССР от роли альтернативного США полюса силы в мире.

Активизация российской ближневосточной политики связана с событиями конца 90-х гг. XX в. и некоторым охлаждением отношений с США. Разочарованность российского руководства в отношениях с западными партнерами способствовала улучшению отношений со странами Азии и Африки. В первую очередь это проявилось в экономической сфере. Рубеж столетий был characterized заключением новых контрактов с арабскими странами, что стало началом «возвращения» России на Ближний Восток. Но, несмотря на рост экономического сотрудничества, прежнего политического влияния на Ближнем Востоке Россия не имеет, а арабские страны продолжают занимать второстепенное место в российской внешней политике, значительно уступая США, Европе и Китаю.

Остановимся подробнее на отношениях России с наиболее важны-

ми ближневосточными партнерами.

Российско-сирийские отношения.

Наиболее тесные отношения связывают Россию с Сирийской Арабской Республикой. На сегодняшний день Сирия является одной из немногих арабских стран, которых можно назвать политическими союзниками России. Однако уровень экономических связей России и Сирии значительно отстает от достигнутого уровня политического взаимодействия, как двустороннего, так и на многосторонних площадках. Поэтому Сирия, являясь важным политическим партнером России, тем не менее не является самым крупным торгово-экономическим партнером России на Ближнем Востоке, в разы уступая таким странам, как Египет и Израиль. Союзнические отношения с Ираном, членство в списке американской «оси зла», общие границы с Ираком и Ливаном, вокруг которых в 2003–2006 гг. развернулись боевые действия, а также поддержка Сирией палестинских организаций, таких как ХАМАС – все это толкало сирийское руководство на поиск союзников с целью не оказаться в международной изоляции. И Россия, чьи отношения с США ухудшились после событий вокруг Украины и Грузии, предприняла шаги для нормализации отношений с Сирией. Снова, как в 50-80-е гг. XX в., поставка военной техники для сирийской армии приобретает большое значение. Россия вновь становится тем государством, которое может помочь Сирии поставками современных вооружений.

Российско-египетские отношения.

Египет является главным экономическим партнером России в арабском мире. С середины 50-х до начала 70-х гг. XX века Египет и СССР связывало стратегическое партнерство. При содействии советских специалистов в Египте было построено 97 промышленных объектов. Среди наиболее значимых – Асуанская плотина, Хеллуанский металлургический комбинат, алюминиевый завод в Наг-Хаммади. Египет получал советское вооружение. Десятки тысяч советских военнослужащих находилось в стране в рамках военно-технического сотрудничества вплоть до 1972 г. На сегодняшний день российско-египетские отношения – это в первую очередь экономическое сотрудничество. Египет закупает российское зерно, промышленные продукты. Свыше миллиона россиян ежегодно посещает египетские курорты.

Россия и страны Персидского Залива.

Отношения России с монархиями Персидского залива следует обозначить как достаточно перспективные и важные для России. Спад войны в Чечне и стабилизация обстановки на Кавказе, события 11 сентября 2001 г. и охлаждение отношений с США, затем американское вторже-

ние в Ирак 2003 г. – все это способствовало улучшению отношений между странами Персидского Залива и Россией. В частности, за последние годы товарооборот России с Саудовской Аравией вырос с 70 до 436,9 млн. долл.

Экономические интересы России определяются необходимостью реализации своей продукции различного профиля в регионе Персидского залива, платежеспособность которого гораздо выше, чем у других стран Ближнего Востока. Страны Персидского залива, в свою очередь, заинтересованы в российских разработках в военной, ядерной, космической сферах. Кроме того, имеют место общие интересы в сфере добычи и продажи нефти и газа. Россия, как и страны Персидского залива, является крупным игроком на рынке энергоресурсов, что делает важной координацию усилий и согласование политики в этой сфере. У России и стран ССАГПЗ много общего: они исходят из того, что нефтяной рынок должен развиваться в сторону учета и гармонизации интересов стран-импортеров и потребителей углеводородного сырья. Россия заинтересована в том, чтобы предотвратить создание обводных маршрутов экспорта энергоносителей из стран СНГ в обход территории России. В свою очередь, для аравийских монархий, желающих сохранить за собой монополию на рынке нефти, нежелательно появление и развитие альтернативных источников нефти и газа. Все это создает хорошие предпосылки для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества.

Макеева Н.

(Восточный факультет СПбГУ)

*Обоснование национального и исторического единства
в египетском историческом дискурсе*

В современном египетском обществе обсуждение проблем национального государства связано с дискуссиями относительно положения египетских христиан. На официальном уровне господствует принцип национального единства египетского народа, египетский народ представляется как «единая ткань». Вместе с тем как среди западных исследователей, так и среди коптов распространен взгляд, согласно которому христианское коптское население представляет собой особую этническую группу.

Исследователи признают, что современные копты и мусульмане почти не отличаются друг от друга не только по своим физическим характеристикам, но и в различных сторонах повседневной жизни, включая пищу и одежду; сходство наблюдается даже в некоторых религиоз-

ных практиках, особенно в сельских районах¹. Тем не менее четкое осознание ими своей групповой принадлежности, основанной на вероисповедании, а также ограниченное число браков между членами этих групп позволяют участникам дискуссии рассматривать коптов и мусульман как две самостоятельные этнические группы. Еще один аргумент, который порой приводится в пользу этого различия, отсылает к истории страны, актуализируя неодинаковое этническое происхождение разных групп египтян. Такой подход между тем противоречит принципам египетского национального государства, рассматривающего коптов как неотделимую и неотличимую составляющую египетского народа. Для преодоления этого противоречия в рамках дискурса национального единства особое внимание уделяется построению национальной истории – истории, в который нивелируются этнические различия и находят основы, объединяющие единый египетский народ в прошлом и настоящем.

1. Основания для выделения коптов в самостоятельную этническую группу.

Мнение о том, что копты составляют особую этническую группу, основывается на убеждении, что египетские христиане ведут свое происхождение от древних египтян в отличие от остальных своих соотечественников – потомков завоевателей-арабов, появившихся в Египте только в седьмом веке нашей эры. На основании того факта, что в соответствии с предписаниями ислама копты не имели права жениться на мусульманских женщинах, приверженцы теории особого этнического происхождения коптов полагают, что копты дожили до сегодняшнего дня, не смешиваясь с потомками арабов, а следовательно, именно копты – исконные жители Египта, «законные» наследники египетской цивилизации, имеющие преимущество перед теми, кто произошел от пришельцев. Потомкам же тех коптов, которые приняли ислам, отказывается в «чистоте происхождения» в отличие от их более стойких соотечественников, которые «в стенах крепости веры... сохранили чистоту своей расы, противостоя загрязнению, происходящему от смешанных браков с

¹ *Tamura A. Ethnic Consciousness and its Transformation in the Course of Nation-Building // The Muslim World. 1985. Vol. 75 (2). N.Y. P. 102; Mayeur-Jaouen C. The Coptic Moulds: Evolution of the Traditional Pilgrimages // Between Desert and City: The Coptic Orthodox Church Today. Oslo, 1997. P. 220.*

непрекращающимися волнами извне»¹.

Представления о разном происхождении египтян и арабов не новы. В соответствии с этнической классификацией Книги Бытия, египтяне и арабы восходят к разным ветвям потомков Ноя. В эпоху формирования современного египетского государства идея особой коптской идентичности была переосмыслена. Новый взгляд на египетскую историю, привнесенный в Египет европейскими исследователями, предоставил новые основания для отделения египтян «египетского происхождения» от «остального современного населения страны», состоящего из «египтян, арабов, турков и других европейских и азиатских национальностей»².

Интерес европейцев к древней культуре Египта, достигший кульминации в XIX веке, стимулировал формирование исторического самосознания, ставшего важной составляющей египетской национальной идеологии. В начале XX века в среде национальной интеллигенции стал популярен «фараонизм» – идея национальной идентичности, отождествляющей Египет с его уникальной историей, отличной от остального арабского и исламского мира, опирающейся на символы, заимствованные из доисламской истории Египта. Последовательное развитие этой идеи предполагало бы признание коптов своего рода этнической аристократией³ и таило бы неожиданные опасности для национального государства.

Вместе с тем копты получили новую историческую перспективу. О том, насколько привлекательным стал для коптов колониальной эпохи Древний Египет, свидетельствовали названия журналов, создававшихся коптами: «Пирамиды» (1876), «Рамсес» (1893 и 1911), «Фараон» (1900), «Египетские Древности» (1909). Копты стали давать своим детям имена фараонов и древних богов. Значительная часть первых египетских студентов-египтологов была коптами⁴. Выводы об особом положении коп-

¹ *Atiya A.S.* The Copts and Christian Civilization: The 42nd Frederick William Reynolds lecture, delivered at the University of Utah Wednesday, Feb. 7, 1979. Utah, 1979. P. 29.

² *Акбам Муср* (Копты Египта) // *Al-Resalah: Society of Coptic Church Studies Publication*. 21.03.2002. P. 4.

³ *Wood M.* The Use of the Pharaonic Past in Modern Egyptian Nationalism // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1998. Vol. XXXV. P. 195.

⁴ *Reid D.M.* Whose Pharaohs? Archeology, Museums, and Egyptian National Identity from Napoleon to World War I. Cairo: The American University in Cairo Press, 2002. P. 291.

тов в их отношении к фараоновскому прошлому получили поддержку некоторых западных ученых, для которых древности Египта обладали несомненным преимуществом перед его современностью. Патриарх европейской египтологии Гастон Масперо, выступая в 1908 году в коптском клубе «Рамсес», уверил его членов, что копты – самые чистые потомки древних египтян. Египетские мусульмане, по его словам, имеют те же корни, но вследствие браков с иноземцами утратили этническую чистоту¹. Ящик Пандоры, преподнесенный в дар Египту западными египтологами, был открыт.

Западные египтологи, для которых «Египет перестает быть Египтом, когда он перестает быть древним»², пытались отождествить объект своего исследования с окружающей их египетской действительностью. Прежде всего, они отмечали сходство внешнего вида древних и современных им египтян. Сравнения идущего за плугом феллаха с персонажем древнего рельефа со времен Масперо стали общим местом в популярной литературе о Древнем Египте. «Современные жители Египта, действительно, имеют замечательное портретное сходство с людьми, изображенными на стенах гробниц фараонов», – пишет исследователь в 1998³. Подобные пассажи охотно цитируются самими египтянами, пишущими на темы исторической и этнической преемственности⁴.

Представление о том, что настоящие потомки фараонов – копты, наталкивает многих на поиски их особого внешнего сходства с древними египтянами. При этом становится важным найти такие черты, которые отличали бы их среди остального населения. В результате доводится сталкиваться с утверждениями, что «на самом деле» копты имеют более светлую кожу и более светлые, чем у мусульман, глаза. Здесь проявляется другая оппозиция, тесно связанная с представлениями о происхождении. Оппозиция эта базируется на убеждении, что, кроме внешности, копты наследовали культуру великих предков, а потому обладают культурным превосходством над «дикими» арабами. Эта культура коптов описывается в контрастных сопоставлениях с мусульманами. Так, по мнению коптов, христиане больше заботятся об образовании, чем мусульмане. Ощущение превосходства нашло выражение в поговорке: «Деньги христианина – для детей, деньги мусульманина – для порока» (*Мал ан-наsrани ли-л-аулад ва мал ал-муслим ли-л-фасад*).

¹ Там же, с. 282.

² Там же, с. 8.

³ Wood M. Op.cit., P. 193.

⁴ Например, *Салати Р. Н. Ал-каниса фи муджтами‘ ал-карийа* (Церковь в деревенской общине). Каир, 1980. С. 28-30.

Противопоставляя себя своим соседям, копты называют их «арабами» и «бедуинами», вкладывая в эти слова негативный смысл, подобный тому, который еще в XIX веке в эти этнонимы вкладывало оседлое население, для которых жизнь арабов-бедуинов ассоциировалась с нецивилизованностью и дикостью. Собственная цивилизованность как важнейшее достижение противопоставлено образу жизни бедуинов. Это противопоставление отнюдь не составляет специфической черты коптского дискурса, но часто фигурирует в египетской литературе, посвященной национальной истории, где подчеркивается, что египтяне первыми в мире сделали шаг от варварства к цивилизованному обществу¹. В египетских школьных учебниках истории, по наблюдениям Ж. Кудуньяна, «Египетская Родина» неизменно представляется как цивилизованный остров среди моря варваров². Таким образом, как и в случае с представлением об образованности, для проведения различия между коптами и арабами употребляется оппозиция: «люди культуры» – «бедуины». Применяется та же модель контрастной идентичности, что присутствует в дискурсе национального масштаба, но в нашем случае – более низкого порядка: копты – все остальные.

В формировании представлений о культурном превосходстве коптов также приняли участие западные египтологи. Уильям Флиндерс Питри, основатель современной ближневосточной археологии, описывая коптские поселения, замечал, что по ухоженности они находятся на уровне «цивилизованной средиземноморской страны», что выгодно отличает их от грязных мусульманских деревень. Эти внешние отличия были для британского египтолога признаками особого культурного потенциала, выделяющего коптов среди менее развитого окружения: «Египет не станет цивилизованной страной до тех пор, пока он не будет управляться коптами, если такое когда-либо станет возможным»³.

Конечно, представления об особом этническом происхождении коптов, а также особых чертах внешности и «культурности» не всегда проявляются в таком крайнем виде. Не у всех коптов и далеко не всегда

¹ Например, *Сабри Абдалла И. Назра мисриййа ‘ала тарихина алахадари* (Египетский взгляд на нашу культурную историю) // *Ал-Муванана* (Гражданственность). Каир: Коптский центр социальных исследований, 2002. С. 18.

² *Coudougnan G. Nos ancetres les pharaons... L’histoire pharaonique et copte dans les manuels egyptiens* // *Dossiers du CEDEJ*. 1988. № 1. Le Caire. P. 133.

³ *Petrie W. M. F. Seventy Years in Archaeology*. London, 1931. P. 223-24.

возникает стремление или необходимость отстаивать свою особую этничность. Тем не менее подобные явления можно наблюдать, а в последние два десятилетия их обсуждение представляет собой заметную составляющую жизни египетского общества, как она представляется на страницах египетской периодической печати, в книгах и в Интернете. Впрочем, не только подчеркивание своего этнического превосходства, но и любые другие концепции, выделяющие коптов как особую группу среди египетского населения, вступают в противоречие с идеями национального единства, представляющими население Египта как «однородную ткань», а древнеегипетскую историю – как наследство нации в целом.

2. Обоснование этнического единства в национальной истории Египта.

Мы можем наблюдать попытки преодоления противоречий египетской и коптской истории, а также историческое обоснование национального единства в изданиях, рассчитанных на студентов и учащихся, а также изданиях, носящих публицистический характер, посвященных взаимоотношениям коптов и мусульман в исторической перспективе. Исторические подходы и мнения, характерные для подобных изданий, признавая авторитет западной науки, тем не менее существенно отличаются от академической традиции, знакомой западному читателю¹.

Мы рассмотрим некоторые египетские концепции истории страны, уделяя внимание тому, каким образом египетская национальная история отвечает на вызов, брошенный исторической концепцией особой коптской идентичности, выделяющей коптов как обособленную группу. В этой связи основное внимание будет уделено трудам Мухаммеда Ибрагима Муршади «Арабскость ('уруба) Египта и его копты» (1993) и Гамалея Бадави «Мусульмане и копты: от колыбели к славе» (2000). Их авторы, в свою очередь, опираются на работы других египетских историков, среди которых особо подробно излагаются взгляды Гамалея Хамдана (четырёхтомный труд «Личность Египта», 1980-84) и Сулеймана Хазина («История египетской культуры»).

К XIX веку в историографии сложилось «естественное» членение египетской истории, в соответствии с которым она распадается на три крупных периода: Египет фараонов, греко-римский и исламский (или

¹ См., например, *Freitag U. Writing Arab History: The Search for the Nation // British Journal of Middle Eastern Studies, Vol. 21, Iss. 1. P. 29; Goudougnan G. Op.cit., P. 133.*

«арабский»). Каждый из этих периодов имеет своих историков, специализация которых, как правило, не распространяется на соседние периоды. В конце XX века деление национальной истории на периоды стало осмысляться как наследие «колониальной» или «империалистской» археологической традиции (термины Брюса Триггера), установившей в египетской хронологии труднопреодолимые границы. Порой сами западные ученые приписывают своим предшественникам злой умысел. Утверждается, что в стремлении показать, что именно европейцы являлись или прямыми генетическими, или, по крайней мере, культурными потомками первой цивилизации в мире, иностранные археологи колониальной эпохи «не были заинтересованы в том, чтобы история фараонов выглядела как неотъемлемая составляющая египетского прошлого, и систематически пытались перерубить все связи, которые можно было установить между прошлым современного Египта и его потомками»¹.

Схожим образом оценивается трехчастная история в египетской публицистике: это политическое деление, навязанное западными историками, которое создает ложное представление, будто каждая стадия – это «каждый раз новая драма со своими декорациями, как будто каждый раз на сцену выступает новый народ»². Западных историков обвиняют в том, что они изучали историю правителей, а ведь Египет со времен Камбиза не управлялся сынами своего народа (слова американского историка Дж. Г. Брестеда³, автора классической «Истории Древнего Египта»).

Египетский народ, понимаемый как население долины Нила, выступает в дискурсе национального единства как основная константа египетской истории. Связь феллаха и земли понимается как основа жизни страны. Эта связь наделяется стабильностью и традиционностью – чертами, которые обычно ставятся первыми в списках качеств, присущих *национальному характеру Египта (шахсийят Миср)*. Представление о неизменности основ распространяется на многие стороны жизни египетского общества: «С древнейших времен египтяне вели однообразную жизнь, с древнейших времен подчинялись одному порядку управления, который не менялся»⁴. В работах о египетской истории, которые мы рассматриваем, *национальное единство* также причисляется к имманентно присущим Египту неизменным признакам.

Неизменность национального единства – «секрет скрытой силы»

¹ Wood. Op.cit., p. 191.

² Сабри. Ук.соч., с. 11.

³ Breasted J. H. A History of Egypt. London, 1946. P. 595.

⁴ Салахи. Ук.соч., с. 34.

Египта, святая святых *египетского национального характера*¹. Гамаль Бадави обращается к читателю с вопросом: где шумеры, аккадцы, ханаанеяне, вавилоняне и все другие народы, которые сопровождали египтян в истории? Ничего, кроме письменных памятников, не осталось от них. А у египтян – вечная весна, секрет которой – национальное единство, результат смешения и слияния разнообразных этнических составляющих в процессе истории.

Это слияние осмысливается как этническое (*джинси*) взаимодействие, основанное на смешении крови: «Мы должны, с научной точки зрения, предположить, что каждая составляющая, попавшая в Египет, оставила в нем свой след... и входит в состав египетского национально-го характера, потому что кровь, как вещество, не пропадает и не возникает из небытия»². Еще прежде установления политического единства при царе Менесе прошел процесс «сплава и гармонизации между сынами одной страны»³. Население Египта было составлено из разнообразных составляющих, прибывших в разное время, но мало отличающихся друг от друга в плане расовой принадлежности. В конце доисторической эпохи египетское общество было образовано средиземноморским населением, которое Бадави называет древними хамитами⁴, прибывшими из восточной Африки. Затем к ним добавились семиты, которые приходили с завоеваниями из западной Азии. Кроме них, во внешних чертах египтян заметно армянское наследие, следы неких «светловолосых людей» с севера и северо-запада, а также «черная составляющая» с юга⁵.

Мнения египетских историков о том, какие именно составляющие смешались, не всегда совпадают с тем, что приведено у Бадави. Так, по другой версии соединились три составляющих: черты семитов, ливийцев и «сынов средиземноморского побережья»⁶. В результате «Египет объединил то, что вначале казалось противоположностями... Эти черты сблизилась и стали похожими друг на друга настолько, что затруднилось ощущение расовых различий среди населения»⁷. Все участники

¹ Бадави Г. *Ал-Муслимун ва ал-акбат: мин ал-махд ила ал-маджд* (Мусульмане и копты: От колыбели к славе). Каир: *Дар аш-Шурук*, 2000. С. 8.

² Там же, с. 109.

³ Там же, с. 9.

⁴ Там же, с. 10.

⁵ Там же, с. 10.

⁶ *Салати*, Ук.соч., с. 29.

⁷ Бадави, Ук.соч., с. 11.

процесса «составили особый единый народ. Это смесь черт разных народов и есть самый большой секрет египетского народа, его жизнестойкости и силы, необходимой для сохранения особой индивидуальности и преодоления времени... И нет ничего плохого в том, что кровь египтян смешалась с кровью завоевателей. Египтяне выиграли от этого»¹.

Одно из наиболее частотных слов дискурса египетской исторической науки – *сплав*, ставшее важной метафорой для описания народа. В школьном учебнике истории 1957 года говорилось: «Египетский народ сложился из различных племен и людей, прибывших на эту землю на заре истории. Из них одни пришли в долину Нила из сердца Африки, другие с запада, с востока и с севера. Египет стал тиглем, который сплавил этих людей, и они вышли из него народом единым и однородным»². Такое изложение истории позволяет выделить особое свойство Египта – «уникальную способность соединять разрозненные составляющие и создавать из них однородный сплав»³.

Формы поступления новых переселенцев на плодородную египетскую почву называются в рассматриваемой нами литературе этническими *волнами*. В том, какое влияние оказали эти волны на историю Египта, и состоит основное содержание приводимых реконструкций истории египетского народа. Здесь, как и в некоторых других современных египетских построениях, можно усмотреть влияние западной археологии конца XIX – начала XX веков. Именно она создала такую историю Ближнего Востока, которая состояла из бесконечной серии этнических вторжений. Вероятно, отцом теории «волн» применительно к Египту следует считать Флиндерса Питри, который объяснял разные археологические культуры, обнаруживаемые им при раскопках додинастических и раннединастических памятников, последовательными завоеваниями проникавших в долину Нила этнических групп. Эти волны смывали старые культуры и приносили новые, более высокоразвитые. Искусственный водораздел в океане египетской истории появился в силу признания того факта, что две волны обладали силой цунами: эллинистическая (греко-римская) и арабская.

Авторы национальной истории стремятся нейтрализовать оппозицию *древние египтяне (копты) – арабы*, находя общее основание для ее членов. Это основание – общие арабские черты, *арабскость*, которую

¹ Там же, с. 12.

² Цит. по: Goudougnan. Op.cit., p. 60.

³ Саид М. С. *Хикмат ал-масрийийин* (Мудрость египтян). Каир: Каирский Центр по изучению прав человека, 2002. С. 20.

обнаруживают еще в дописьменную эпоху истории страны. Степень арабскости, которой наделяется Египет на протяжении всей истории, варьируется у разных авторов. Бадави считает, что египтяне и арабы с самого начала обладали большой этнической близостью и в историческое время связи с арабами не прерывались¹. Мухаммед Ибрагим Муршади решительно утверждает, что «чистотой арабского происхождения Египет превосходит Сирию и Ирак»².

Этническая история, изложенная Муршади, выглядит следующим образом. Еще до возникновения древнеегипетской цивилизации на территории долины Нила осели арабские племена, прибывшие, по одной версии, из Хадрамаута в Эфиопию, а затем переселившиеся в Египет, а по другой – из Западной Азии – как через Баб-эль-Мандебский пролив, так и через Суэцкий перешеек. Во всяком случае, «достоверно известно», что «народ царя Менеса, объединителя Верхнего и Нижнего Египта», проживал на юге Египта, а предками его были семитские племена. Они «принесли в Египет культуру более высокую, чем та, которая там была до них»³. Эти племена ассимилировали местное хамитское население и положили начало «фараоновской культуре». После гиксосского завоевания древнеарабский язык, на котором говорили гиксосы, стал господствующим языком Дельты и Среднего Египта. На протяжении 240 лет правления фараонов XVIII династии, при которых Египетское царство простиралось от четвертых нильских порогов до Евфрата, происходил культурный обмен и смешение языков и обычаев Египта и стран, входивших в состав империи. При этом утверждается, что большинство жителей покоренных областей были арабами «согласно тому, что известно из истории»⁴. «Обмен и смешение» продолжались и в дальнейшие века. Таким образом, «большинство представителей царских династий или даже все они были арабами по национальности»⁵.

Язык египтян, по мнению Муршади, с самого начала был «почти арабским». Поскольку решающим фактором в формировании «древнеегипетской нации» стали «волны арабов-переселенцев», уже в доисторические времена первоначальный египетский язык смешался с языком «древних арабов». Согласно Муршади, можно даже считать древнеегипетский язык и древнеарабский одним языком, поскольку их «внешние различия – всего лишь следствие забвения некоторых слов в арабском

¹ Бадави. Ук.соч., с. 16.

² Муршади. Ук.соч., с. 15.

³ Там же, с. 16.

⁴ Там же, с. 18.

⁵ Муршади. Ук.соч., с. 21.

языке и их сохранение в долине Нила, и наоборот»¹.

Муршади называет древними арабами все население древнего Ближнего Востока на том основании, что оно говорило на языках, которые, согласно его взглядам, имеют одно происхождение с арабским. Как отмечает исследователь арабской историографии XX века, лингвистические по своей сути термины «арабский» или «семитский» часто обозначают этническую принадлежность². В арабских националистических кругах эти два термина взаимозаменяемы. «Арабский» – часто обозначает более широкую группу, чем те, кто говорит по-арабски. Происхождение такого употребления восходит к принятию арабскими авторами теории «семитской волны».

В арабской историографии эта теория появилась в 20-х годах под влиянием книги Дж.Г.Брестеда «Древние времена»³, опубликованной в арабском переводе в 1926⁴. Изложенная в ней концепция продвижения семитских племен из стран Благодатного полумесяца восстанавливала первоначальное единство арабов и таким образом отождествляла древнее и современное население Ближнего Востока под эгидой арабского языка и культуры⁵. В таком виде древняя история излагалась в школьных египетских учебниках⁶, написанных во времена существования единого египетско-сирийского государства и пика распространения идей арабизма. Выработанные полвека назад исторические конструкты продолжают использоваться и по сей день, даже при изменении контекста их использования.

Особое внимание египетские историки уделяют чувствительной для коптов теме исламизации Египта. В первую очередь, отмечается, что в успехе завоевания сыграли свою роль «связи рода и крови между долиной Нила и севером Аравийского полуострова – связи старые и

¹ Там же, с. 21.

² Freitag. Op.cit., p. 28.

³ Breasted J. H. Ancient Times, A History of the Early World: An Introduction to the Study of Ancient History and the Career of Early Man. Boston, New York, etc.: Ginn, 1916.

⁴ Бирастид Дж. Г. Ал-‘усур ал-кадима ва хува тамхид ли-дарс ат-тарих ал-кадим ва ‘амал ал-инсан ал-аввал (Древние времена: введение в изучение древней истории и деятельности первобытного человека). Пер. Дауд Урбан. Бейрут: ал-Матба‘а ал-Американийя, 1926.

⁵ Dawn C. E. The Formation of Pan-arab Ideology on the Interwar Years // International Journal of Middle East Studies. Vol.20, Iss. 1 (Feb., 1988). P. 70.

⁶ Goudougnan, Op.cit., p. 61.

глубокие»¹. Согласно теории изначально арабского происхождения египтян, всем ходом истории они были подготовлены к приходу арабских войск под предводительством Амра ибн ал-Аса. Страдая под византийским гнетом, они помогали воинам ислама, поэтому завоевание Египта прошло безболезненно.

На этом этапе национальной египетской истории впервые появляется вопрос конфессиональных отношений. В рассуждениях о причинах перехода коптов в новую религию важное место занимает опровержение объяснения, которое дают этому процессу копты и некоторые европейские историки. Авторы рассматриваемых нами текстов убеждают читателя, что переход был исключительно добровольным и определялся не соображениями выгоды, но распространением известий о милости и справедливости мусульман, а также усталостью от борьбы христианских толков². Главный же фактор, повлиявший на переход в новую религию, Бадави и Мурашиди предлагают искать «в глубинах *египетского национального характера*»³. В общей исторической перспективе принятие христианства, а затем ислама рассматриваются как последовательные события одинаковой природы, в равной степени добровольные, а некая основа, предопределившая их успех, – *религиозность*, еще одно свойство *египетского национального характера*, понимаемое как неотъемлемое и неизменное. Некоторую проблему составляло многобожие древних египтян, но и она была разрешена в рамках дискурса национальной истории.

Мусульманской традиции известны легенды о египетских мудрецах или сыновьях Фараона, которые внимали посланиям пророков и обращались в истинную веру⁴. Автор первой национальной истории Египта (1868) Рифа'а ат-Тахтави отождествил древних египтян с сабейцами, которых наряду с христианами и иудеями Коран называет монотеистами, «людьми писания»⁵. Копт Якуб Нахля Руфайла в своей «Истории коптского народа» (1898) решил дело следующим образом. Когда Мицраим и его семья пришли в Нильскую долину и поселились там, они почитали истинного Бога; потом их потомки постепенно отошли от монотеизма, но новая вера египтян была близка к истинной

¹ Бадави, Ук.соч., с. 20.

² Там же, с. 36.

³ Там же, с. 8.

⁴ Wood. Op.cit., p. 188.

⁵ Reid. Op.cit., p. 111.

религии откровения, и истина не была сокрыта от мудрецов¹.

В дальнейшем египтология предоставила египетскому национализму (равно, как и коптской самоидентификации) новые возможности для того, чтобы усмотреть в жизни древнего населения выдающуюся набожность и наличие скрытых форм монотеизма. Египтологи XIX века Ж. Ф. Шампольон, Ж. де Руже, Г. Бругш, а в XX веке Г. Юнкер и Э. Дриотон разделяли мнение о монотеизме египтян. Со времени появления книги Д.Г. Брестеда монотеистом прослыл Эхнатон. Допускались и более смелые параллели: в Осирисе, Исиде и Хоре видели прообраз христианской Троицы. Эти сравнения легко были восприняты египетскими христианами.

Сам основатель Коптского Музея Маркос Самайка не видел большого различия между религией Древнего Египта и коптским христианством: «Египтяне были среди народов, которые первыми приняли христианство, очень похожее на их старую религию. Искупитель Христос напоминал доброго и благородного Осириса, который тоже пал жертвой зла и восстал вновь к вечной жизни. И Святая Троица, и загробный суд были знакомы древнеегипетской религиозной традиции»². Эти убеждения разделяет современный историк коптской церкви Ирис Хабиб эль-Масри. Коптам, по ее словам, присуща «чрезвычайно сильная склонность к мистическому и духовному», которую они унаследовали от древних египтян. Древние «жрецы и мудрецы выражали веру в единого Бога... Они постигли триады богов и почитали Мать Исиду, кормящую дитя Осириса. Они, таким образом, заранее узрели свет христианства...»³.

Таким образом, как коптами, так и историками нации смена религий на протяжении пяти тысячелетий рассматривается как цепь последовательных событий, общий ход которых определяется все более глубокими духовными прозрениями. Благодаря этому древнеегипетская культура непротиворечиво встраивается в общий ход национальной истории на ее пути к современности, а *преемственность религиозности* становится важнейшей чертой как коптского, так и *египетского национального характера*. Египет всех египтян, равно как и Египет

¹ Руфайла Я.Н. *Тарих ал-умма ал-кибтиййа* (История коптского народа). Каир, 2000. С. 8–9.

² Цит. по: *Reid. Op.cit.*, p. 282.

³ *El-Masri I. H. The Story of the Copts. The true story of Christianity in Egypt. Vol. 1. Published by St. Anthony Coptic Orthodox Monastery, Newberry Springs, 1982. P. VIII.*

коптов¹, утверждается как «крепость верь»².

3. Родство и соседство как основа «национального единства».

Как мы попытались показать, в той исторической и публицистической литературе, область интересов которой мы называем дискурсом национальной истории, видны значительные усилия, направленные на то, чтобы обосновать этническое *родство* всех египтян. Установление родства имеет своей целью найти как можно более прочную основу существования конфессий. То, что именно отношения родства представляют собой наиболее желательную модель взаимодействия в обществе, объясняется особенностями традиционной культуры Египта, где «жизнь по сути дела строится по модели жизни семьи»³. Идеи национального единства встраиваются в систему этих ценностей. Отношения между компонентами этой системы накладывают отпечаток друг на друга. С одной стороны, патриотизм египтянина понимается как требование веры, с другой – одной из черт *египетского национального характера* становится преобладание религиозности.

Отпечаток, который наложила значимость родства, следует, видимо, считать специфической особенностью египетского национализма. Наибольшей ценностью обладает генеалогическое родство. Помимо исторических построений, обосновывающих общее происхождение всех египтян (и арабов), в рассмотренных нами работах можно встретить нарративы, в которых родственные отношения устанавливаются между легендарными историческими персонажами. Так, сюжет брака Пророка и посланной египетским правителем Макаукисом египетской девушки обосновывает родство⁴.

Помимо «братства по происхождению», основанного на генеалогическом родстве, в дискурсе национального единства актуализируются отношения «братства по Родине», основанного на добрососедских связях. В качестве примера приводятся выдающиеся фигуры, принадлежащие к разным конфессиям, например, младенец – будущий Патриарх Шенуда III, и спасшая его соседка-мусульманка; отец Великого муфтия

¹ *Atiya. Op.cit.*, p. 29.

² *Thomas Ph. Nation State and Religious Community in Egypt: The Continuing Debate // Die Welt des Islams. 1988. Vol. XXVIII. P. 390.*

³ *Klausner S. Z. A Professor's-Eye View of the Egyptian Academy // Journal of Higher Education. 1986. Vol. 57. Iss. 4. P. 361.*

⁴ *Бадави, Ук.соч.*, с. 20.

Египта шейха Мухаммеда Саида Тантави и его друг-копт¹; будущий патриарх Кирилл VI и его учитель – местный мусульманский шейх². Дефекты гражданских (и не только) отношений в обществе понимаются как ослабление связей между частями целого³, как извращение отношений родства и соседства, требующие постоянной подпитки и обновления⁴.

История Египта, изложенная египетскими авторами, радикальным образом отличается от варианта, известного образованному представителю западной культуры. Для египетской же национальной истории объектом, вокруг которого конструируется история, служат не памятники древности, но население страны. Население в пределах территории Египта рассматривается как историческая константа. Египетские историки находят такие свойства этой константы (черты «личности Египта»), которые помогают объяснить и унифицировать все изменения, произошедшие в ходе истории, и вместе с тем – дать основание для этнической унификации (*национального единства*) в настоящем.

Мокрушина А.А.

(Восточный факультет СПбГУ)

Свадебная обрядовая терминология в арабской культуре

Одним из значимых этапов человеческой жизни следует считать вступление в брак. С этим связан целый ряд традиций и обрядов, отражающих менталитет народа. Также интересен для изучения лингвистический аспект свадебного обряда: многочисленные пословицы, поговорки, устойчивые выражения и песни.

В свадебном обряде, как ни в каком другом проявлении традиционного жизненного уклада, наиболее ярко выражаются особенности образа мышления народа, проявляющиеся в едином комплексе элементов словесно-поэтического, музыкального, хореографического и драматического искусств. Весь этот художественный комплекс органично связан с жизнью народа, с различными бытовыми и общественными институтами, обычаями и обрядами. Явления свадебного фольклора

¹ Hanna M. The Seven Pillars of the Egyptian Identity // Trans. El-Sherif A. Z. Cairo: General Egyptian Book Organization, 1994. P. 59.

² Sedra P. Class Cleavages and Ethnic Conflict // Islam and Christian-Muslim Relations. 1999. Vol. 10. No.2. P. 221.

³ Сауд. Ук.соч., с. 21.

⁴ Ханна М. На'ам... Акбат лакин... мисриййун (Да... копты но... египтяне). Каир, 1980. С. 124.

следует рассматривать внутри их бытового окружения и их прикладной функции.

Для арабских стран традиционными являются ранние браки. Арабская пословица гласит: ‘az-zawāğ nişf ‘ad-dīn (*Брак – половина долга*). С этим также связано появление ряда устойчивых выражений в речи, употребляемых вместо благодарности в адрес девушки или юноши, достигших возраста вступления в брак. Например: bīd bifrağ fik wšūf ibnak (*Я хочу порадоваться за тебя и увидеть твоих детей*) (Сирия) или nişfī afrağ bīk w ašūf wlādak (*Я хочу порадоваться за тебя и увидеть твоих детей*) (Египет).

Важным элементом традиционной женитьбы в арабских странах считается выплата калыма семье невесты. Общее название калыма в арабских странах – ‘al-mahr, однако в различных регионах существуют и собственные термины для его обозначения. Например: al-ḥalīb (Ливия), aš-šarī (Алжир), as-sūq (Саудовская Аравия, район Наджд), al-fayd (Иордания и Палестина). Сам процесс выплаты калыма в Бахрейне носит название at-taslīma.

Если семьям жениха и невесты удалось договориться между собой, то в знак скрепления этого решения по мусульманским обычаям принято читать «Фатиху». Назначаются даты дня помолвки (‘an-nīšān), дня обручения (ḥātim aš-šabaka), дня, когда произойдет подписание документов, регистрирующих брак (katb al-kitāb или al-‘aqd), дня свадьбы (‘az-zawāğ). В разных арабских странах существуют и специальные названия, например, в Бахрейне официальная регистрация брака носит название al-malğa.

В ряде регионов арабского мира сохранился обычай, согласно которому жених накануне свадьбы устраивает праздник для своих друзей. В различных местах подобный «мальчишник» называется по-разному. Например: as-sāmīr (Палестина), at-ta‘ālīl (Алеппо, Сирия), aš-šahba (Египет). Друзья жениха обычно дарят ему в этот день некоторую сумму денег. С этим обычаем связана пословица: idhā infigarit zawwiğ ibnak (*Если ты обедеешь, жени сына*).

Семья невесты, в свою очередь, готовит приданое. Приданое может называться: il-ğihāz (практически во всех арабских странах), at-taqmīs (Ливан). Для семьи важно собрать девушке хорошее приданое, стоимость которого иногда может превышать стоимость калыма. Если приданое небольшое, то, например, в Иордании говорят: ÷il‘at bṭaq Ifustān wil-kundara (*Она пришла [в дом мужа] только в платье и туфлях*).

Также во многих странах арабского мира сохраняется праздник uḏm il-ḥinna (*досл. день хны*), во время которого женщины традиционно окрашивают ладони и ступни хной.

Накануне свадьбы также долгое время существовала традиция, согласно которой невеста вместе с родственницами и подругами отправлялась в баню (ḥammām), которую специально для них снимали на целый день.

Yōm az-zawāğ – первая часть свадебного торжества, во время которой жених и невеста, сидящие на специальном свадебном троне (kōṣa), принимают поздравления и подарки от многочисленных гостей. Вечер этого дня называется lēlat ad-dāḥla (первая брачная ночь).

В различных странах существуют собственные суеверия, связанные не только с проведением свадебных торжеств, но и со временем, когда их считается предпочтительнее совершать. Так, в Египте для праздников подобного рода выбирают вечер понедельника или пятницы. В Сирии, наоборот, понедельник считается крайне неблагоприятным днем для вступления в брак.

Налаживание межкультурного диалога способствует проникновению элементов западной культуры в традиционное общество, что приводит к значительному упрощению свадебного обряда. Однако, несмотря на то, что в связи с изменениями в обществе меняются и некоторые культурные традиции, свадебные обычаи в большинстве арабских стран все еще сохраняют свою своеобразную форму.

Пелевин М.С.

(Восточный факультет СПбГУ)

Модернизация исламского общества и право

По существу, модернизация – это естественный процесс адаптации общества к постоянным изменениям как внутренних, так и внешних условий экономической, социально-политической, культурной жизни. Проблемой, требующей административного решения, модернизация становится тогда, когда разрыв между темпами изменений и темпами адаптации к ним становится критическим и приводит к последствиям, опасным для стабильности или даже самого существования общества. В исламском мире изменение условий жизни главным образом оказалось связанным с известным отставанием в общественно-экономическом развитии от европейских государств, а критические последствия этого отставания привели к тому типу международных отношений, который справедливо определяется как колонизация. Соответственно, модернизация здесь в первую очередь означала преодоление отставания, которое не могло быть ничем иным, как стремлением к достижению существующего европейского уровня экономического, социально-политического, научно-технического развития. Поэтому совершенно очевидно, что модернизация исламского общества, во всяком случае на

первом этапе (примерно до середины XX в.), во многом представляла собой «вестернизацию». Однако уже в этот период стала складываться и другая тенденция, отчетливо проявившаяся в мусульманском праве.

При обсуждении причин и путей модернизации исламского общества по-прежнему много внимания уделяется преимущественно экономике, политике, идеологии (религиозной философии), но крайне мало говорится о праве и тесно связанной с ним богословской догматике, хотя именно право как система регулятивных норм лежит в основе практической реализации и экономических, и политических, и отчасти идеологических преобразований. Не случайно реформы «*Танзимāt*», положившие в 1839 г. начало исламской модернизации, в первую очередь предполагали изменения именно в правовой системе, то есть адаптацию шариата к новым условиям.

Одной из самых существенных, на мой взгляд, причин «консервации» и последующего отставания исламского общества было так называемое «закрытие дверей *иджтихāда*»¹ – окончательное оформление исламской правовой доктрины (*фикх*) и утверждение концепции обязательного следования этой доктрине (*таклīд*). Хотя процесс разработки доктрины *фикха* и концепции *таклīда* начался еще во второй половине VIII в., его формальное завершение совпадает с прекращением существования халифата в XIII в. Утрата легитимной власти в лице *халифа*, одновременно политического и религиозного руководителя исламской *уммы*, компенсируется сложением общепризнанных, не подлежащих произвольному изменению правовых и религиозно-идеологических основ общества. Относительное единообразие и декларированная неизменность освященных религией законов (*шарī‘at* или *шар‘*) первоначально выступает достаточно эффективной гарантией единства и стабильности мусульманского мира, но с течением времени становится препятствием для обновления его общественных институтов.

Таким образом, консерватизм и вызванная им стагнация исламского общества были обусловлены в первую очередь именно консерватизмом его права. Соответственно, модернизация общества как преодоление консерватизма и стагнации требовала преодоления консерватизма права, что теоретически было невыполнимой задачей в силу господства концепции «закрытых дверей *иджтихāда*». По сути дела проблема состояла и по-прежнему состоит в том, что при формальном отсутствии в

¹ *Иджтихād* – легитимное право мусульманского законоведа обращаться непосредственно к первичным источникам религиозного закона – священным текстам – и к установленным методам их толкования при решении спорных вопросов, относящихся к области права и культа (т.е. к *фикху*).

исламе институтов церковной власти исламское общество лишено субъекта, обладающего легитимным правом на какие-либо корректировки религиозного закона, то есть правом на *иджтихād*.

Османские реформаторы, решая эту проблему во второй половине XIX в., использовали старый метод, отделив неизменный религиозный закон от гибкой практики административного управления. В результате сложилась известная дихотомия законов: в области условно частного права (*ахвāl аш-шахсийя* и *'уқӯд*) сохранил действие *шар'*, в сферах публичного, процессуального, торгового права произошла тотальная «вестернизация» – были введены в действие нормативные акты (кодексы), заимствованные из европейского, преимущественно французского законодательства.

При этом и *шар'* в сфере обязательственного права (*'уқӯд*) также подвергся модернизации, выразившейся в составлении и принятии знаменитой «*Маджлала-йи ахкām-и 'адлийя*» (1870—1877) – нового типа правового документа, европейского по форме и исламского по содержанию, значимость которого для исламского мира без большого преувеличения сопоставима со значимостью «*Русāла*» и «*Китāб ал-'умм*» аш-Шāфи'и.

Таким образом, в развитии мусульманского права во второй половине XIX – первой половине XX вв. образовались две тенденции, которые можно считать и двумя основными тенденциями общего процесса модернизации исламского общества: заимствование («вестернизация») и синтез. Естественно, именно развитие по направлению синтеза в большей степени сталкивается с проблемой «закрытого» *иджтихāда*. В правовой и административной практике мусульманских государств в XX в. возникли разные формы решения этой проблемы, в том числе получил распространение и крайний метод, основанный на новой идеологической концепции «открытия дверей *иджтихāда*» и иногда называемый «*нео-иджтихād*».

Необходимо также учитывать разницу в подходе к проблеме *иджтихāда* между суннитскими и шиитской (*джа'фарийя иснā-'аширийя*) правовыми школами. У шиитов «двери *иджтихāда*» теоретически никогда не закрывались, поскольку абсолютное право на *иджтихād* сохранялось и сохраняется за последним «скрытым» имамом. Вопрос о земном представительстве и реальном осуществлении полномочий имама, в том числе законодательных, был решен концепцией *вилāят ал-фақīх*, которая лежит в основе государственного строя Исламской Республики Иран и закреплена в конституции страны (ст. 5). Хотя компетенция духовного лидера страны, а также других органов духовной власти ограничена нормами республиканского правления и не

соответствует *иджитхад мутлак* имама, высшее шиитское духовенство в сравнении с суннитским теоретически имеет больше легитимных возможностей для корректировки своей классической правовой доктрины.

Пелевин М. С.

(Восточный факультет СПбГУ)

Политическое завещание афганского племенного вождя (1666 г.)

В афганском историографическом сочинении «*Тārīх-и мурасса*» (1724 г.) наибольший источниковедческий интерес представляют оригинальные тексты, которые по жанровым характеристикам относятся к племенным хроникам. Авторы хроник – вожди афганского племени *хатаков* – *Хушхал-хан* (1613—1689) и его внук *Афдал-хан* (ок. 1664/65—1740/41). Среди этих текстов, по объему превышающих треть всего сочинения, имеется любопытный исторический документ, названный завещанием (*васийят-нама*).

По существу, завещание является распорядительным письмом, которое *Хушхал-хан* написал старшему сыну *Ашраф-хану* (1635—1694), своему преемнику на посту племенного правителя, находясь в тюремном заключении у моголов в индийской крепости Рантамбор. Документ датирован 10.09.1076 г. х. [16.03.1666 г.]; в оригинале он занимал не более одного листа среднего формата. Содержание документа касается исключительно одного вопроса – межродовых взаимоотношений. В завещании *Хушхал* сообщает о том, что в период его заключения «в родовое разделение племени вошло семь частей», затем он кратко определяет общий порядок отношений с каждой из этих групп.

Три группы – это кланы соседнего племени *йусуфзаев*: *баййзай*, *раңйзай* и *камалзай* (у *Хушхала* – *баббазай*, *рахматзай*, *камзатзай*). С *баййзаями* *Хушхал* состоял в родстве: одна из его жен была дочерью *баййзайского* вождя. Кроме того, когда могольские власти после ареста *Хушхала* пытались взять в заложники членов его семьи, *баййзай* и *раңйзай* предоставили им убежище и защиту на своих землях. В завещании *Хушхал* упоминает о том, что эти *йусуфзайские* кланы поступили согласно афганским законам чести, и требует от своих сородичей сообразного отношения к ним: «Жизнь, имущество, землю, – когда потребуется потратить ради них, – жалеть не следует».

С кланом *камалзаев хатакские* вожди, наоборот, находились в непримиримой кровной вражде. От рук *камалзаев* в 1641 г. в межплеменной стычке погиб отец *Хушхала* *Шахбаз-хан*. Не случайно *Хушхал* называет этот клан *камзат* ('подлый'). Причины, по которым автор завещания считает клан *камалзаев* вошедшим в «родовое разделение племени», возможно, связаны с передачей их земель в *джайгир*

ҳатакских правителей.

Другие четыре клана, упоминаемые в завещании, видимо, являются собственно ҳатакскими подразделениями. Клан са‘адагхел – это скорее всего семьи, объединившиеся вокруг Са‘адата (род. 1642), второго сына Хӯшхāла. Из завещания следует, что Са‘адат остался верным Хӯшхāлу после его ареста, помогал защитить его семью и признал старшего брата Ашрафа преемником на посту правителя ҳатаков. Поскольку клан Са‘адата был ответвлением княжеского, в завещании Хӯшхāl наделяет его особыми привилегиями, освобождая от уплаты дани (*қаланг*), десятины (*‘ушр*) и дорожных пошлин «на любые товары» (*рāхдāрӣ*).

«Нақисхелем» (букв. ‘ущербный’) Хӯшхāl, вероятно, назвал клан своего третьего сына Бахрāма (1643—1712), который фигурирует в завещании под прозвищем Нāбӯдай (Ничтожный). Бахрāм не признал главенство старшего брата, позднее вступил с ним в вооруженную борьбу за власть. В завещании Хӯшхāl упрекает клан Бахрāма за то, что тот «не исполнил долг братства», но рекомендует сохранять с ним мирные отношения.

Кланы «музабзабӣн» (‘колеблющиеся’) и «мардӯдхел» (‘отвергнутые’) пока точно не идентифицируются. К «музабзабӣнам», не сделавшим выбор в пользу Ашрафа и ушедшим под защиту другого племени, автор завещания тем не менее проявляет великодушие: «Уважение и милости – все должно быть им оказано». «Мардӯдхели» обвиняются за покровительство «скрывающим истину» и неверным. Хӯшхāl к ним более строг: «Желание высокомерия и спеси [в них] пусть пресекается клинком», – но при этом призывает, по возможности, воздерживаться от конфликта: «Если до сих пор руки о них не запачканы, зачем пачкать сейчас?»

Политическое завещание Хӯшхāl-хāна – уникальный в своем роде исторический документ на языке пашто, относящийся к внутривременной жизни афганцев XVII века. Содержание этого документа дает ясное представление о приоритетах в административно-политическом управлении племенного общества: во-первых, задачей первостепенной важности для племенного правителя в период нестабильности является урегулирование клановых отношений; во-вторых, поддержание мирного существования кланов в ущерб централизованной власти считается предпочтительнее конфликтному утверждению ее авторитета.

Радвильов Д.А.
(ИВ НАН Украины, Киев)
Халифат ‘Усмана
в свете ибадитской традиции

Абу Кахтан Халид б. Кахтан – выдающийся ибадитский ‘алим, действовавший в Омане во второй половине III в. х. Халид б. Кахтан упомянут в т. н. «Иснаде знания людей спасения» среди тех, кто, по мнению ибадитских идеологов, передавал ислам в его подлинном виде от самого пророка Мухаммада. *Сира* Халида б. Кахтана¹ – это краткий обзор мусульманской истории от сотворения мира до падения первого ибадитского *имамата* в Омане (280 г. х.). Наиболее важные события прошлого рассматриваются в нем с позиций ибадитской доктрины, а также собственного кредо и политических предпочтений автора.

Значительное место в своем сочинении Абу Кахтан отводит правлению халифа ‘Усмана б. ‘Аффана.

Описывая обстоятельства перехода власти к ‘Усману, Абу Кахтан сообщает: «После того как Аллах призвал к себе ‘Умара, члены совета, назначенные халифом, собрались и сошлись во мнении, что ‘Абд ар-Рахман б. ‘Ауф является наиболее достойным среди них. Но ‘Абд ар-Рахман поручил халифат ‘Усману б. ‘Аффану: он предпочел его другим сподвижникам, надеясь, что ‘Усман будет действовать согласно установлениям Аллаха». По мнению ибадита, правление ‘Усмана может считаться праведным на протяжении первых шести лет, хотя и в этот период времени ‘Усман значительно уступал своим праведным предшественникам – Абу Бакру и ‘Умару. В течение последующих шести лет ‘Усман и вовсе отошел от заповедей Пророка – он ввел ряд новшеств (*ахдаса ахдасан*), возмутивших правоверных мусульман. Перечислив наиболее одиозные прегрешения ‘Усмана, среди которых избиение ‘Абдаллаха б. Мас‘уда и ‘Аммара б. Йасира, ссылка Абу Зарра ал-Гифари, а также фаворитизм в пользу Марвана б. ал-Хакама, сына ал-Хакама б. Абу-л-‘Аса ас-Сакафи, одного из гонителей пророка Мухаммада, – Абу Кахтан вкратце описывает события, приведшие к гибели халифа в «день [осады] дома» (*йаум ад-дар*).

Ибадит особо подчеркивает: мусульмане, прибывшие в Медину «из разных стран», не проявляли поспешности в деле ‘Усмана и не

¹ *Сират аш-шайх ал-факих Аби Кахтан Халид б. Кахтан рахимаху-ллах* // Рукопись № 1082 Научной библиотеки Львовского национального университета им. И. Франко. С. 113-149; *Сира тунсаб ила Аби Кахтан Халид б. Кахтан рахимаху-ллах* // *ас-Сийар ва-л-джавабат ли-‘улама’ ва-а’иммат ‘уман. (Ал-джуз’ ал-аввал)*. Султанат ‘Уман, 1989. С. 81-147.

стремились тотчас воспользоваться ситуацией, в которой оказался правитель. Мусульмане были готовы простить халифу его прегрешения в том случае, если он признает свою вину, то есть прилюдно раскается в содеянном. Правоверные привели доказательства, свидетельствующие о несправедном правлении ‘Усмана, после чего обратились к халифу с требованием – немедленно вернуться к истинному исламу. ‘Усман заверил мусульман, что отныне будет действовать согласно Писанию и сунне Пророка. Мусульмане покинули Медину, надеясь, что покаяние халифа было искренним. Однако вскоре выяснилось, что ‘Усман «проявил упорство в прегрешениях»: в письме одному из своих заместителей халиф приказал истребить всех недовольных мусульман. Аллах помог правоверным перехватить послание халифа. Убедившись в коварстве ‘Усмана и опасаясь за свои жизни, мусульмане возвратились в Медину и потребовали от халифа сложить свои полномочия. Получив отказ, мусульмане решили свергнуть ‘Усмана, и приступили к осаде его дома. Один из домохозяев ‘Усмана выстрелил в противников халифа и убил некоего Динара. Мусульмане обратились к ‘Усмани с требованием казнить убийцу, но халиф отказался.

Таким образом выяснилось, что покаяние ‘Усмана было ложным. Упорствуя в своих прегрешениях, ‘Усман превратился из законного избранного халифа в правителя-*кафура*. Убедившись в неверии (*куфр*) халифа, мусульмане вступили с ним в схватку, и Аллах даровал им победу – правоверные одолели пособников халифа-*кафура* и убили его самого, действуя в строгом соответствии с буквой Корана: «...Сражайтесь с имамами неверия, – ведь нет клятв для них...» [Коран, 9 («Покаяние»):12 (12)].

Халид б. Кахтан подводит итог: ‘Усман «первым посеял смуту и разногласия среди мусульман, разрушил их единство и принес раскол в общину Мухаммада». Мусульмане убили ‘Усмана на вполне законных основаниях, поскольку другого способа избавиться от заблудшего халифа у них не оставалось.

Убийство ‘Усмана, а также события, непосредственно ему предшествовавшие, воспринимаются ибадитским автором как крайне важный прецедент, устанавливающий для правоверных мусульман определенный образ действий в отношении правителя (*имам*), совершившего тяжкое прегрешение, но отказавшегося раскаяться в содеянном.

Сотниченко А.А.

(Факультет международных отношений СПбГУ)

Турция: ислам и особенности национальной модернизации

Турция теперь низведена до размеров небольшого государства с населением 10-12 миллионов. Она не представляет ни серьезного рынка, ни решающих точек приложения для империализма.

И.В.Сталин. Беседа со студентами университета им. Сун Ят-Сена (ПСС. Т. 9. С. 256-258).

Турция – аграрно-индустриальная страна, где еще сохранились пережитки феодализма, особенно в сельском хозяйстве. В международном капиталистическом разделении труда Т. играет роль аграрно-сырьевого района и находится в экономической зависимости от империалистических монополий Западной Европы и США. <...> Национальный доход на душу населения составляет (1975) 600 долл. – один из самых низких в капиталистическом мире.

БСЭ. М., 1978. Статья Турция, Республика Турция.

Российский обыватель часто смотрит на Турцию через очки стереотипов, сформированных популярными фильмами, литературными произведениями и редкими личными впечатлениями, как правило, полученными из туристических поездок. Как правило, калейдоскопический образ складывается из Стамбула Алексея Толстого и Леонида Гайдая, а также Анталы, «обессмерченной» нынешними российскими туристами. К нему добавляются неясные воспоминания о турках, которых бил Суворов, о массовой турецкой миграции в Германию и турецких публичных домах, купающих русских женщин оптом и в розницу. И вся эта неприглядная картина – на фоне нищеты, верблюдов, трущоб и гаремов.

На протяжении довольно долгого времени этот образ, по крайней мере частично, соответствовал действительности. Еще 10 лет назад едва ли не половина крупнейшего города Турции Стамбула составляли кварталы *геджеконду*¹, инфляция составляла 60% в год, а на юго-восточных

¹ *Геджеконду* (тур. Gecsekondü – построенный в одну ночь) – историческое название кварталов бедноты, недавних переселенцев из районов голода, стихийных бедствий или неблагоприятной экономической обстановки, известно с XV в. Беглый крестьянин, желающий натурализоваться в Стамбуле, должен был за ночь выстроить подобие дома. Если имелась крыша и четыре стены, власти уже не могли его депортировать.

границах тлела вялотекущая партизанская война. Отношения с Россией сохранялись традиционно (со времен холодной войны) враждебные. Турция была основным источником боевиков-наемников для войны в Чечне, через ее территорию поставляли оружие, боеприпасы, деньги и снаряжение. Сразу после развала СССР руководство страны пошло на популистские шаги создания единого тюркского евразийского пространства во главе с Анкарой, однако к рубежу веков стало ясно, что сил значительно меньше, чем проблем. И политика страны начала меняться, отвечая на новые обстоятельства.

Сейчас Турция – одна из самых динамично развивающихся экономик мира. Из слаборазвитой, преимущественно аграрной страны недавнего прошлого она превратилась в члена G20, занимающую 15 позицию в рейтинге крупнейших экономик планеты. В 2002-2009 годах средний годовой рост ВВП составлял 6-9%, что позволило удвоить этот показатель всего за 5 лет. В настоящее время он составляет 880 млрд. долл. (ближайшие конкуренты – Южная Корея, Мексика, Австралия). Турция стремительно увеличивает свое международное влияние, претендуя на роль неформального лидера Ближнего Востока и Балкан, что позволило говорить о возрождении «новой Османской империи». Как же произошел этот стремительный рывок из состояния нищего придатка Запада к полноценной политической, экономической и цивилизационной субъектности?

Выборы 2002 года стали шоком и для Турции, и для мирового сообщества. Инфляция, нищета и безработица не позволили преодолеть высокий 10% барьер ни одной из ранее существовавших популярных политических партий. Впервые за многие годы было сформировано правительство, в составе которого находились члены только одной, новой политической силы – *Партии справедливости и развития* (ПСР), основанной группой депутатов из запрещенной военными исламской партии Добродетели.

Сначала мировые агентства облетела новость: в Турции к власти пришли исламисты! Западу уже мерещился Бен Ладен, России – эмир Хаттаб, однако на деле новые лидеры страны оказались умнее. Одним из основных направлений политической программы было избрано стремление к полному членству в Европейском Союзе и реформирование законодательства под его стандарты. Этот ход оказался чрезвычайно удачным, и его дивидендами партия пользуется до сих пор. Новый лидер Турции Реджеп Тайип Эрдоган быстро понял, что основная опасность его партии грозит не из-за рубежа, а изнутри страны, со стороны традиционно светских военных и гражданских чиновников, возглавляющих Конституционный суд и Совет национальной безопасности

(СНБ). Согласно действующей конституции 1982 г. эти органы имеют полное право распустить любую политическую силу, которую можно обвинить в покушении на светские основы общества. Реформирование законодательства в направлении европейского позволит лишить армию этого права. Лозунги же демократизации и европеизации обеспечивают серьезную поддержку правительства из-за рубежа.

Наличие у руля лишь одной политической партии позволило сконцентрировать силы на решении острых экономических и социальных проблем, не отвлекаясь на борьбу с оппозицией в правительстве. Реформы пришедших к власти традиционных кругов трудно описать с помощью политологического деления на правых и левых. С одной стороны, реформы, без сомнения, носят либеральный характер. За последние 8 лет была проведена приватизация значительных активов государственной собственности, частный капитал стал по-настоящему доминировать в большинстве отраслей экономики. В соответствии с европейским законодательством были реформированы банковская сфера, государственный механизм регулирования финансов, сняты многочисленные внешнеэкономические барьеры. Однако, как в личной беседе с автором заметил лидер левой Республиканской турецкой партии Северного Кипра (придерживавшейся просоветской ориентации в 70-80-е годы XX в.) Ферди Сабит Сойер, социальная программа Р.Т. Эрдогана почти полностью списана с программы Рабочей Партии Турции 1970 года. Действительно, в настоящее время огромные средства выделяются на различные социальные нужды: школы, больницы, общественные спортивные площадки, государственные курсы переквалификации специалистов и многое другое. Именно за эти шаги, первоначально прошедшие апробацию в крупнейшем мегаполисе (нынешний лидер ПСР с 1994 по 1998 годы занимал пост мэра Стамбула), обеспечили партии поддержку беднейших слоев населения. Даже биография Р.Т. Эрдогана подошла бы скорее лидеру левых: он является выходцем из бедного района Стамбула, а его отец уехал туда на заработки из далекой причерноморской провинции Турции.

Однако цвет нового турецкого социализма не красный, а зеленый. Турецкое общество после реформ основателя республики Кемаля Ататюрка оказалось расколотым на светскую националистическую элиту и традиционно настроенные низы. До 50-х гг. XX в. все исламское подвергалось фактическому запрету. Однако затем традиции начала медленно, но верно возвращаются. Сначала разрешили призывать к молитве с мечетей на арабском языке, как это принято у всех мусульман (раньше разрешалось только на турецком), затем в школах разрешили уроки по основам ислама, открылись учебные заведения по подготовке мулл.

Кстати, именно такое училище закончил нынешний премьер-министр. Практикующих мусульман (т.е. соблюдающих мусульманские обряды) не допускали к занятию государственных постов, однако они нашли себя в мелком бизнесе, который объединялся вокруг запрещенных светским законодательством суфийских орденов в своеобразные холдинги. С проведением приватизации в 80-е гг. XX в. и развитием связей с внезапно обогатившимися за счет увеличения прибылей от экспорта углеводородов арабскими странами Персидского Залива исламский капитал занял прочные позиции в экономике и в 90-е стал серьезно конкурировать с традиционными светскими холдингами Коч, Сабанджи, ОУАК. Динамично развиваясь, открывая для себя новые направления, на которых старые участники рынка не чувствовали себя столь уверенно – туризм, экспортно-ориентированные промышленные группы, развитие бизнеса на новых рынках в странах СНГ, – «зеленый капитал» сейчас уже сравнялся по влиянию со светским, а по ряду направлений превосходит его.

Разумеется, это не могло не отразиться на политике, причем, что характерно, исламские силы сделали ставку на развитие демократии. Только в конце 80-х годов XX века в политике появляются люди, не являющиеся выходцами из традиционных светских кругов. Они пользовались поддержкой определенных структур бизнеса, однако совершенно не имели влияния наверху. С другой стороны, традиционно настроенное население деревень и городских низов могло обеспечить электоральную поддержку, растущую с каждым годом из-за положительной демографической динамики именно в этой среде. В 80-90-е годы XX в. исламские политические силы делали ставку именно на широкое привлечение к политике народных масс, заняв нишу коммунистических и социал-демократических движений прошлого. Традиционная элита оказалась способной реагировать только репрессиями, что работает явно не в ее пользу. Европейцы и американцы явно предпочли бы видеть у власти старых послушных националистов, однако сейчас, в условиях явной поддержки населением курса правящей партии и роста экономики, поддерживать военный переворот они не станут.

Таким образом, в современной Турции на наших глазах разворачивается интереснейший процесс смены элит, который хоть и сопровождается громкими политическими скандалами, однако происходит довольно бескровно. Новая традиционная элита нащупала верное направление для модернизации системы, которое устраивает и большинство населения страны, и мировое сообщество. Естественный рост численности традиционного населения в отличие от светского позволяет новым политическим силам опереться на либерально-демократическую систе-

му управления, которая с восторгом встречается на Западе. Под лозунгами приватизации, одобряемой МВФ, происходит перераспределение собственности, которая переходит от светских государственных чиновников и связанных с ними холдингов к крупным корпорациям, завязанным на суфийские ордена. То есть фактически собственность так и не становится частной, как в Европе и США, но напротив, оказывается в руках иерархически построенных традиционных мусульманских структур, которые задают высокие темпы роста экономики Турции и делают это значительно успешнее и с меньшими потерями, чем это удавалось еще 15-20 лет назад светским властям.

Туманян Т.Г.

(Философский факультет СПбГУ)

***Социально-этические аспекты философии Ибн Баджжи (1082-1138)
в трактате «Рисалат ал-вада'»***

Социально-этическая мысль средневековой арабо-мусульманской философии имеет богатую традицию. Одним из наиболее продуктивных источников, повлиявших не только на ее формирование, но и на развитие всей философской мысли, была древнегреческая философия, прежде всего, представленная Платоном и Аристотелем. Платон и его школа, и в большей степени Аристотель и его последователи задали ориентир философского мышления, итогом чего стало зарождение и развитие восточного перипатетизма. Ярким представителем восточного перипатетизма был Ибн Баджжа (1082-1138), представитель андалусской научной и философской школы. Социально-этическая часть воззрений Ибн Баджжи формировалась под воздействием теоретического наследия древнегреческой и арабо-мусульманской философии, а также на основании собственного опыта государственной службы.

Как известно, социальный идеал Ибн Баджжи не был лишен самоубытных, но при этом весьма утопических черт. Его образ уединившегося мудреца в трактате *Тадбир ал-мутаваххид* («Устроение жизни уединившегося»)¹, сознательно отрешившегося от всего мирского, создал ему репутацию если не мизантропа, то по крайней мере противника активной социальной и политической жизни. Однако перу Ибн Баджжи принадлежит труд *Рисала ал-вада'* («Прощальное послание»)², который позволяет нам оценить систему его воззрений несколько иначе.

¹ *Тадбир ал-мутаваххид // Раса'ул Ибн Баджжжа ал-илахия* («Метафизические трактаты Ибн Баджжи»). (Публ. Маджида Фахри). Бейрут, 1968.

² *Рисалат ал-вада' // Раса'ул Ибн Баджжжа ал-илахия* («Метафизические трактаты Ибн Баджжи»). (Публ. Маджида Фахри). Бейрут, 1968.

Эта работа представляет собой философские размышления, изложенные в форме послания вазиру. Сочинение состоит из шести частей, не являющихся, впрочем, одинаковыми по размеру: на первую, содержащую компиляцию философских и этических аспектов учения Аристотеля, изложенных в его «Никомаховой этике», приходится две трети всего текста. Следующие четыре раздела являются своего рода имплементацией принципов первой части к обстоятельствам практической жизни. Последняя, шестая, часть содержит высказывания, выражающие личное отношение автора к его адресату. Рассуждения о метафизических основах учения Аристотеля, содержащихся в первой части, служат у Ибн Баджжи одной задаче: дать внятные разграничения видов практической деятельности, служащих разным целям (как, например, рассуждения о «двигателях первого движения» или «двигателях, движущихся акцидентальным образом») ¹.

В полном соответствии как с учением перипатетизма, так и с собственной концепцией для Ибн Баджжи выстраивается определенная система «разрядов» удовольствий в зависимости от их природы и целей. К наиболее прочным и истинным он относит те, которые вызваны устремлениями разумной души или самого разума, а не стремления, инспирированные телесными или неразумными потребностями. Так, «к этим [разрядам] относится и удовольствие от наук, которое получает имеющий природное предрасположение к наукам. Данные разряды удовольствия различаются и противопоставляются друг другу, но иногда два разряда или более могут совмещаться. Среди людей находятся такие, кто испытывает желание вкусить от этих разрядов удовольствия в разные периоды своей жизни, и так поступают многие» ².

В целом, как признается сам Ибн Баджжа, при составлении своего послания он вдохновлялся 11-й главой «Никомаховой этики» Аристотеля, и даже при самом поверхностном анализе мы встречаем этому массу подтверждений. Вместе с тем умозрительная часть главы Аристотеля не заслоняет для него того принципиального аспекта, что любое этическое рассуждение выстраивается в рамках практической философии и только в конкретной деятельности обретает свой смысл и значение. Прочие эпистолярные или благочестивые обороты, которыми в силу формальных требований жанра наполнено это послание, служат той же цели.

Таким образом, даже несмотря на то, что труд *Рисала ал-вада* сложно назвать шедевром перипатетической арабо-мусульманской мысли или одним из наиболее значимых произведений Ибн Баджжи, он

¹ Там же, с. 115.

² Там же, с. 120.

заслуживает законного интереса по крайней мере с двух точек зрения. Во-первых, он позволяет реконструировать систему взглядов Ибн Баджжи более полным образом, не ориентируясь лишь на его теорию социальной самоизоляции. Во-вторых, он демонстрирует нам высокую валидность этического учения для объяснения не только природы человека и природы социальных отношений, но и для воздействия на человека посредством доводов, приводимых разумом, высшей санкцией для которых являлась их причастность к философскому знанию.

*Хизриев А.Х.
(Даггосуниверситет, Махачкала)
Иностранные займы*

как средство усиления экономической зависимости Египта в XIX в.

Основным каналом иностранного проникновения в Египет в 50 – 70-е годы XIX в. была внешняя торговля. За период правления хедива Исмаила страна была втянута в систему мирового хозяйства, выступая в качестве поставщика сырья и продовольствия для индустриализовавшихся стран Западной Европы. Однако бурные перемены в экономической жизни Египта, реализация сразу нескольких грандиозных планов легли непомерной ношей на слабую и неразвитую экономику страны, только недавно освободившейся от феодальных отношений. Реформы хедива требовали привлечения крупных финансовых средств, которых у Египта не было. Это вынудило Исмаила обратиться к иностранным займам, которые усиливали его зависимость от европейских финансовых кругов.

Египетский рынок был полностью подчинен интересам иностранного капитала. В стране не было ни одного промышленного предприятия, ни одного банка или крупной торговой фирмы, которые не контролировались бы иностранцами. Они же на основе концессий и подрядов строили железные дороги, мосты и порты. В их руках были коммунальные службы, организация почтово-телеграфной связи и т.п. К тому же, делая выводы о реформаторской деятельности Исмаила, следует отметить, что, несмотря на небывалый для восточной страны масштаб капиталистического развития, параллельно не был создан сильный промышленный класс, который мог бы влиять на политическое развитие страны и предотвратить засилье иностранного капитала. При этом Египет был слабо индустриализован, а сельское хозяйство преимущественно ориентировано на разведение хлопковой культуры.

Действуя заодно с коррумпированной египетской бюрократией, иностранные поставщики и подрядчики опустошали египетскую казну. Английские предприниматели предлагали хедиву различные новые

планы, получали на них подряды на производство работ, затем сами же давали хедиву деньги в долг, чтобы он мог заплатить подрядчикам. Финансисты, предоставлявшие деньги хедиву, брали с него огромные коммиссионные и проценты.

С 1862 г. началась целая череда займов, приведших впоследствии к банкротству Египта. К сожалению, хедив Исмаил не извлек урока из ошибок своего предшественника. Недооценив того, в каком критическом положении находится египетская экономика, он продолжил политику использования иностранных займов, разорявших государственную казну. Финансовое состояние Египта все ближе подходило к критической черте. Хедив Исмаил и его правительство теперь не справлялись со своими обязательствами по текущим выплатам, не говоря уже о погашении самой суммы долга. В конце концов окруженный со всех сторон кредиторами, Исмаил-паша был вынужден принять решение о продаже акций Компании Суэцкого канала.

В результате предприятие, которое обошлось Египту в 16 млн. фунтов стерлингов, из-за которого страна влезла в стомиллионный долг, вследствие которого египетский народ лишился 300 млн. фунтов, заплаченных иностранным банкирам в виде процентов, – это предприятие было продано примерно за 4 млн. фунтов (100 млн. франков). Не решив таким способом финансовых проблем Египта, хедив лишил себя и возможности получать прибыль с акций в будущем.

Однако покупка египетской доли акций Компании Суэцкого канала была лишь коммерческой стороной дела. Куда более важной была политическая составляющая этой сделки. Вплоть до 80-х годов XIX в., за исключением периода правления Аббаса I Хильми, в Египте преобладало французское влияние. Со времен Лессепса важнейшим опорным пунктом французского капитала стал Суэцкий канал. В руках французских банкиров находилась большая часть вексельного долга. В египетских учреждениях, предприятиях, учебных заведениях преобладали французские специалисты, профессора, советники. Скупив у египетского хедива 44% акций Суэцкого канала, Англия стала играть решающую роль в его делах. Именно тогда стало очевидным, что покупка акций Суэцкого канала английским правительством предвещает оккупацию Египта. Как писал лондонский «Экономист», канал был «прорыт с помощью французской энергии и египетских денег на пользу англичанам»¹.

¹ *The Economist*. 22.XI.1869. London.

Pavel Basharin
(Russian State University for the Humanities, Moscow)
The Image of the Xrafstra in Hadith,
or Snakes, Scorpions and Others

The problem of the influence of Zoroastrianism on Islam has been explored by researchers since the late 19th century. Orientalists have accumulated a lot of theories about these hypothetical influences. While many conclusions should be considered controversial, some observations are undeniable (the influence of Zoroastrian eschatology and angelology on the *Quran* and *Hadith*). For example, the image of *daena* as a beautiful girl for righteous men or an ugly girl for sinners, a lot of topics of the Day of Judgment, the image of houris etc.

However, it should be recognized that a number hypothetical Zoroastrian topics, as reflected in the *Sunnah*, have not been reflected in the Oriental studies. This presentation focuses on the image of the Zoroastrian *xrafstra* in the *Hadith* collections of the *Sunnah* of the Prophet. Some of the *Hadith* stories cannot be explained basing only on the background of Islam. When we consider some similar topic in two cultures, we must first assume a typological development. When we find some similarities it should not necessarily mean full borrowings. In the pre-Islamic Arabia typologically similar ideas could be present. Analysis of the *Hadith* corpus demonstrates a lot of passages about snakes and scorpions as a stable pair. Scorpions and snakes are unpleasant realities of life in the desert. In some of the *Hadith* stories there are comparisons between stinging scorpions and biting snakes. Therefore, scorpions and snakes are attributes of hell (*jahanna*). A popular *Hadith* topic about sinners tortured by scorpions and snakes in their tombs later was transformed into a special literary genre '*azab al-qabr* (the punishment in the tomb).

Zoroastrian *xrafstra* as the *daevic* creatures were considered as unclean by themselves. The term was applied to reptiles, beasts of prey, and insects. Scorpions, snakes, lizards, frogs, ants, tarantulas, and all that crept and crawled, pricked, bit or stung – all they belong to the evil, corrupt creatures, the Ahriman's creation. One of professional attributes of the Zoroastrian priest was the *xrafstragan* (in Pahlavi texts he is called the snake killer (*margan*)). In Pahlavi texts "killing *xrafstra*" is compared with "caring for fire according to the law". When the priest slays *xrafstra* he eliminates the source of evil and corruption.

In the most authoritative *Hadith* collections it is said about a requirement to kill scorpions, snakes, toads, wolves, mice, vultures, biting dogs, ravens, poisonous snakes. This requirement applies even to protected places. This slaying is seen as a virtue. Several *Hadith* stories say that these animals

belong to the five classes or kinds of harmful animals. Later *Hadith* reported about dogs, waterfowl and infertile animals. It is interesting that killing the snake named *jānn*, which is similar to a silver tube, is forbidden, because these snakes were considered to be transformed *djinn*s.

There are descriptions of good places and cities in historical sources with the use of the *xrafstra* images (*Mu'jam al-buldān* by Yāqūt, *Kitāb athār al-bilād* by al-Qazwīnī). There is a story in the *Kitāb athār al-bilād* about the foundation of Bayda, built by *ifrits* from white stone for King Solomon. The city is rich with numerous good things, bread, fresh water, fertile soil, fruit of improbable sizes, while snakes, scorpions and other «harmful creatures» are not found there. Thus, the city characteristics are Zoroastrian, especially in connection with the absence of harmful creatures in it.

According to the Zoroastrian beliefs, the *xrafstras* as *daevic* creatures of Ahriman were regarded as unclean. The subject of the most purity laws was resistance to the greatest uncleanness of disease and death. Even a piece of unclean creature can become a cause of death. We can find this topic e.g. in a *Hadith* from the *Mukashafat al-qulūb* by al-Ghazali.

Besides, some traces of a Zoroastrian image of *Nasush* can be found in the *Hadith* corpus. *Nasush* is a she-demon of decay. *Nasush* is the single cause of pollution in the world. She flies from the North and settles in the body of the deceased, flitting from part to part, from the undergarment to his bed, home and even relatives.

Gad Gilbar

(Department of Middle East History, University of Haifa, Israel)
**Paradigms of Trade and Finance in Ottoman Historiography:
The 19th and 20th Centuries¹**

Introduction

Scholars are attracted by the notion of paradigms. It holds great power. Once paradigms are established, they become scientific foundations of a given field of study. The idea underlying this term emerged in the context of the history of the natural sciences, but it is also applied in various disciplines of the social sciences, and even the protégés of Clio have adopted it.

Historians attach different meanings to the term, but there is a common denominator: it addresses a generalization embracing a broad historical phenomenon from both a thematic and a chronological standpoint. The importance of a historical paradigm is that it offers an explanation for developments or phenomena which show a degree of regularity or pattern, and which

¹ This study was supported by the Israel Science Foundation (grant no. 865/06).

have extensive meanings and implications. The terms “thesis” or “theory,” which are also to be found in the studies of historians when discussing an extensive historical phenomenon, differ from a paradigm in that they are “softer”. They denote a narrower idea, or one that has not yet been accepted as valid by the research community.

The present article is devoted to an examination of the formulation of a particular paradigm that to a great extent shaped the way students of the history of the Ottoman Empire perceived the empire’s economic development in the long 19th century. The beginnings of the formulation of the paradigm, which may be termed “the paradigm of the economic predominance of non-Muslim minorities” (hereafter “the economic predominance paradigm”), took place in the first half of the 19th century.

At the beginning of the 20th century, and particularly during the First World War, an important element was added to this paradigm, which would later be known as “the paradigm of the ethnic division of labor” (hereafter “the ethnic division of labor paradigm”). Both the paradigm and its variant flourished during the last four or five decades of the 20th century. However, some 120 years after this paradigm began to coalesce, from the 1970s onward, new studies began to cast doubt, explicitly or implicitly, on its validity.

The Economic Predominance of Non-Muslim Minorities Paradigm

The emergence of this paradigm was related to domination over the most dynamic economic branch in the Ottoman Empire — foreign trade. The perception that gained credence during the first half of the 19th century was that the Ottoman Empire’s Greek and Armenian subjects dominated the international trade of the entire empire, almost unchallenged. Furthermore, they controlled the financial sector and thus dominated all other branches of the economy. The Muslim subjects, who constituted about 80 percent of the empire’s population in the Asiatic provinces, played no real role in these economic sectors, according to the paradigm. It held that economic entrepreneurship and all it entailed was the exclusive domain of the Greeks and Armenians. By contrast, the Muslims, according to this perception, lacked interest in commercial and financial activity and also lacked the ability required in these economic branches. At the basis of the initial paradigm lay a positive appreciation of the activity of the Greeks and Armenians, since by their initiative they contributed to the advancement of the Ottoman state and all its subjects.

This generalization was formulated and disseminated by European travelers, journalists and diplomats, chiefly British, French and German. Among the many works written on this subject I shall cite extracts from four, since each appears to have made an important contribution to the formulation and dissemination of the paradigm in question.

In 1854, a work by the French historian and journalist, Jean-Henri-Abdolonyme Ubcini, *Lettres sur la Turquie*,¹ appeared and within a short time became an authoritative source of current developments and everyday life in the Ottoman major urban centers during the first half of the 19th century. Writing about the times of Sultan Selim III (1789-1807), Ubcini discussed the authorities' attempt to curb the allocation of *berats* (imperial deed of grant) by foreign embassies — mainly the Russian, British and French — to Greek subjects and members of other minority groups. Since *berats* accorded significant economic and judicial privileges to their holders, the demand was great, and the feeling in the upper echelons of the Ottoman government was that the state was losing control over those of its subjects who were engaged in foreign trade. Selim III decided to change the system of issuing *berats*, and from 1802 onwards, the *berats* were to be granted to non-Muslim Ottoman merchants (*avrupa tüccarları*) engaged in international trade by the sultan himself.² Ubcini quotes a contemporary Greek historian, Rizos Neroulus, who wrote about the effects of the new licensing system on the status of the Greek merchants:

“The [Greek] merchants, having found the advantages of this [new] system...joined themselves to this corporation which increased and prospered till the rich commerce of the Levant became almost entirely at its disposal.”³

Ubcini gave a number of additional reasons that explain the great success of the Greek merchants in foreign trade, and also why the foreign community in Istanbul began to perceive Greek predominance over this branch, forcing both Muslim merchants and European trading houses aside.⁴

Mention of the predominance of both Greeks and Armenians in Ottoman commerce and finance repeatedly appeared in books written by European travelers and diplomats in the second half of the 19th and the early 20th centuries. Alongside praise for the commercial and financial talents of the Greek and Armenian subjects as accounting for their business success, sev-

¹ Jean-Henri-Abdolonyme Ubcini, *Lettres sur la Turquie*, 2 vols. Paris: Guillaume, 1851-54. For an English translation see: *Letters on Turkey: An Account of the Religious, Political, Social and Commercial Conditions of Ottoman Empire*, 2 vols. Trans. by Lady Easthope. London: John Murray, 1856.

² Ali İhsan Bağış, *Osmanlı Ticaretinde Gayri Müslimler, Kapitülasyonlar, Avrupa Tüccarları, Beratlı Tüccarlar, Hayriye Tüccarları*, Ankara: Turhan Kitabevi, 1983, pp. 39-70; Bruce Masters, “The Sultan’s Entrepreneurs: The Avrupa Tüccaris and the Hayriye Tüccari in Syria,” *International Journal of Middle East Studies* 24 (1992): 579-97.

³ Ubcini, *Letters on Turkey*, vol. 2, p. 75, n. 3.

⁴ *Ibid.*, vol. 2, pp. 73-74, 216-17.

eral writers dwelt on the incapacity of the “Turks” (Turkish-speaking Muslims, residents of Anatolia) in commerce and banking. These generalizations about the Muslim subjects were diametrically opposite to portrayals of the Greeks and Armenians.

In 1859 the renowned British economist, Nassau W. Senior, published *A Journal kept in Turkey and Greece*,¹ which included his impressions of the city of Izmir. The book acquired a wide readership and was cited many years after its appearance. Senior related that in the course of his visit to Izmir he met Y., an English physician resident in the city. Their conversation focused on the causes of the empire’s weakness and on the reforms (*tanzīmāt*) initiated by the central government in the 1840s and 1850s:

“It is a fact,” said Y., “that while their [the Ottoman] institutions have improved, their wealth and population have diminished. Many causes have contributed to this deterioration. The first and great one is, that they are not producers. They have neither diligence, intelligence, nor forethought... His [the Turk’s] only professions are shop-keeping and service. He cannot engage in any foreign commerce, as he speaks no language but his own. No one ever hears of a Turkish house of business, or of a Turkish banker, or merchant, or manufacturer. If he has lands or houses, he lives on their rent; if he has money, he spends it, or employs it in stocking a shop... The only considerable enterprise in which he ever engages is the farming of some branch of the public revenue.”²

Another book, *Turkey in Europe*, that gained a wide readership and was extensively quoted, was written by Charles Eliot³ between 1893 and 1898, when he served as a secretary at the British Embassy in Istanbul. Eliot devotes numerous pages to a description of the character and qualities of the *osmanlı*.⁴ With regard to their professional dispositions, he wrote:

“In fact, all occupations except agriculture and military service are distasteful to the true Osmanli. He is not much of a merchant: he may keep a stall in a bazaar, but his operations are rarely conducted on a scale which merits the name of commerce or finance. It is strange to observe how, when

¹ Nassau W. Senior, *A Journal Kept in Turkey and Greece in the Autumn of 1857 and the Beginning of 1858*, London: Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1859.

² *Ibid.*, pp. 210-11.

³ *Odysseus (Charles Eliot), Turkey in Europe*, 2nd ed., London: Edward Arnold, 1900.

⁴ In the late 19th century the term *osmanlı* denoted all subjects of the Ottoman Empire. Eliot, however, referred in the chapter discussed above to Turkish-speaking Muslim subjects only.

trade becomes active in any seaport or along a railway line, the Osmanli retires and disappears, while Greeks, Armenians, and Levantines thrive in his place... The true Turk has three spheres of activity. First he is a government official... Secondly, he is an agriculturalist and a breeder of animals... Thirdly, the Turk is a soldier...¹

What is the origin of this generalization? As mentioned, it was formed by Europeans residing in or visiting the main Mediterranean and Aegean port cities. The expansion of these cities in the second half of the 19th century was rapid, and one of the main characteristics of this process was an increase in the number of foreign and non-Muslim residents there and the substantial influence these two groups had on the economic development of those areas.

In the early stages of the emergence of the generalization, it referred, first and foremost, to Istanbul and Izmir, whether explicitly or implicitly in the context of the narrative. With the passage of time, the generalization was applied to the entire Ottoman Empire. Hence, at its inception the generalization was the outcome of an ungrounded inductive impression.

A further fallacy in this generalization was that the impression gained by outward appearances was deceptive, since it was easier to identify foreign and non-Muslim big merchants, bankers and investors than their Muslim counterparts. The latter generally did not expose their wealth, as they had no confidence that the authorities would respect private property rights. Although the *müsadere* (expropriation of property by the authorities) had been abrogated in 1837, and the imperial decree (*khatt-i sherif Gülkhane*) of 1839 determined that the authorities would respect private property rights with regard to all Ottoman subjects, the Muslim merchants' concern over the expropriation of property did not wane for decades thereafter. During the period in which the generalization was formulated, foreign visitors, some of whom were not conversant in the local language, and who had only a casual knowledge of Ottoman society, could not have known that only a short distance from the offices of Greek or Armenian big merchants, Muslim *tujjār* had their offices, and the scope of their business did not fall short of that of the non-Muslims. Hence, two fallacies (an inductive and a deductive one) underlay the very basis of the paradigm.

The acceptance of this generalization by Europeans was facilitated by the way Ottomans were perceived in Europe generally. In the 16th century, the time of the great conquests in the Balkans and Central Europe, the prevailing image of the Ottomans was of fearless and ruthless soldiers. The Ottomans themselves unintentionally reinforced this image in ways that were perceived by Europeans as a lack of interest on the part of the Ottoman rulers

¹ Ibid., p. 95.

in economic matters generally and trade in particular. The world of images and symbols in various cultures includes reverse or converse relations between soldiers and merchants, or between the battlefield and the marketplace. All of the above were congruent with 19th-century reports from Istanbul and Izmir about the continued concentration of “the Turks” in the army and in administration, and their lack of interest in commerce and finance.

Lastly, it would appear that there was an “Orientalistic” dimension in the formulation and dissemination of the generalization. From the 1840s onward, the influence of the European powers on the empire’s economy intensified, and from the 1870s until the outbreak of the First World War, important commercial and financial developments in the Ottoman state were in fact controlled by British and French bankers and merchants. It is therefore hardly surprising that nationals of these two countries justified this situation by highlighting “the Turks”’ lack of interest and ability in all matters pertaining to the most dynamic economic sectors. From this point of view, the generalization legitimized the control of the Ottoman economy by foreigners and their Greek and Armenian protégés.

The Ethnic Division of Labor Paradigm

During the First World War, a variant of the paradigm under discussion emerged. It contained distinctive additional elements, and is known as “the ethnic division of labor.” This new generalization was presented by Alphons J. Sussnitzki in an article published in 1917.¹ Sussnitzki, a German journalist of Jewish origin, contended that the non-Muslim ethnic groups in the Ottoman Empire at the end of the 19th and the beginning of the 20th century possessed unique occupational characteristics when examined in the context of the principal economic sectors (agriculture, industry and services). According to Sussnitzki, the “Turks” were mainly engaged in agriculture and were almost totally absent from the commercial and financial branches. He wrote:

“...Trade is characterized by a very significant absence of the largest of the Turkish ethnic groups. ...*Until the outbreak of the [First] World War the Ottoman Turks could not be counted among the mercantile elements of Turkey* [emphasis in the original]... [they] have neither played a leading part in trade nor in general engaged in it on a large scale.”²

¹ Alphons J. Sussnitzki, “Zur Gliederung wirtschaftlicher Arbeit nach Nationalitäten in der Türkei,” *Archiv für Wirtschaftsforschung im Orient*, 2 (1917): 382-407. For the English translation, see Charles Issawi (ed.), *The Economic History of the Middle East, 1800-1914*, Chicago: University of Chicago Press, 1966, pp. 115-25.

² Sussnitzki, pp. 394-95; Issawi, p. 120.

Unlike the Turks, he continued, the Greek and Armenian subjects were in almost complete control of the commercial and financial branches. They were engaged in agriculture and industry as well, but their principal economic power lay in the economy's dynamic branches:

"We first note the fact that in nearly every form of trade Armenians and Greeks dominate the field...in petty trade and petty credit activities, but also in wholesale internal trade, import and external trade, and in the high finance of Turkey, the Greeks and Armenians...have played the decisive role. Thus we find two nationalities which neither in agriculture nor in industry have such a great importance, exercising in trade a preponderant influence... Neither the [Christian] Arabs and Persians, who are able traders, nor by and large the Jews, can compete with them."¹

In explaining the abstinence from commerce of the Muslim population in Anatolia, Sussnitzki focused on two main factors. First:

"The talents of the Turks suit them for all kinds of work that demand strength and dexterity, and thus in particular agriculture."

Second:

"The straightforward mind of the Turk, immediately directed towards its goal, is relatively far removed from the spirit of capitalism with its subtle profit-speculations and its practical methods of observation... they [the Turks] keep away from all activities which presuppose the speculative thinking of the capitalist entrepreneur...the special kind of purely commercial thinking and any inherent inclination toward trade are almost completely absent..."²

Sussnitzki's views regarding the influence of the Greeks, Armenians and Turks on the state of the Ottoman economy are ambivalent. On the one hand, he valued the economic contribution of the non-Muslim minorities, and his portrayal of their entrepreneurial qualities was written in a positive spirit. Articles on the role and contribution of private enterprise in the development of a modern economy were an important component in the discourse of social scientists in Germany at the time Sussnitzki wrote his article. Indirectly, he indicated that the key to progress was in the hands of non-Muslim businessmen. Yet, the article also contained racist comments about the Armenians and Greeks. He claims that their business success was achieved through deceit and fraud and their entrepreneurship was speculative — assertions that were worded to embrace all Armenians and all Greeks. In contrast to these non-Muslim communities, he emphasized the honesty, sincerity and good

¹ Sussnitzki, pp. 396-97; Issawi, pp. 120-21.

² Sussnitzki, pp. 400, 403; Issawi, pp. 122-23.

faith of the Turks.¹ Conceivably, Sussnitzki sought to lead the reader to the conclusion that if these were the character traits of the Armenians and Greeks, who controlled such important economic branches as commerce and finance, it was hardly surprising that the Ottoman Empire found itself in a deep economic crisis.

Two developments led to the formulation of this new variant, and both are connected with perceptions and attitudes prevailing in the public discourse in imperial Germany in the two decades preceding the First World War and during the war years themselves:

(1) Scholars, journalists and writers of travelogues whose focus of interest was on the archeology, anthropology and history of Anatolia or the Ottoman Empire joined forces to support a significant aspect of Germany's policy towards the Ottoman Empire in the period under discussion. This policy included support, to varying degrees, for the attitude of the Ottoman government toward the Armenian population of Anatolia and Istanbul. German writers accused the Armenians, and to a lesser extent the Greeks, of causing grave economic damage to the Ottoman economy and were to blame for the crisis in which the empire found itself. These accusations were accompanied by racist aspersions. Norbert Saupp² and Hilmar Kaiser,³ who studied this subject, provide numerous examples of this attitude toward the non-Muslims. For example, Alfred Körte, a renowned German archeologist, published a number of articles in 1894 and 1895 in which he claimed that the Armenians were guilty of exploiting the Turkish farmers. Moreover, the Armenians were accused of cheating: "Wherever there is cheating in Anatolia it is connected with the Armenians" ("*...wo man in Anatolia betrogen wirt, hat man es mit Armeniern zu thun*").⁴ Körte warned German businessmen who had investments in the Ottoman Empire of acts of cheating by the Armenians. They were an obstacle to advancing German economic and commercial interests in the East, and should consequently be weakened, he held. Articles written in German publications during the first decade of the 20th century and later, during the First World War, intensified their attacks on the Armenians. They were reported to exact exorbitant interest and to extort their borrowers, and, moreover, to serve the economic interests of Great Britain while harming the

¹ Sussnitzki, *Ibid.*; Issawi, *Ibid.*

² Norbert Saupp, "Das Deutsche Reich und die Armenische Frage, 1878-1914," PhD dissertation, University of Köln, 1990.

³ Hilmar Kaiser, *Imperialism, Racism, and Development Theories: The Construction of a Dominant Paradigm on Ottoman Armenians*, Ann Arbor: Gomidas Institute, 1997.

⁴ Quoted by Kaiser, p. 11, n. 5.

interests of their own country and of Germany. In an article written in 1917, Edward Banse went even further in justifying the persecution of the Armenians because they constituted a threat to the existence of the Ottoman Empire.¹

(2) The negative attitude towards the Armenians was nurtured by another source that became increasingly popular in Germany at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries: “the racial theory.” According to this theory, negative qualities such as a proclivity for fraud, deceit and theft were inborn and common to entire ethnic communities, hence the conclusion that action must be taken against them.

It was within the framework of this discourse in Germany that Sussnitzki’s article on the ethnic division of labor in the empire was written. It was presented to the reader as a study that to all intents and purposes was scientific, and as such it was accepted by scholars not only at the time of its publication but also decades later.² Yet, does this article meet the threshold requirements of a scientific study? It appears that at least from two standpoints the answer is negative. First, Sussnitzki’s central thesis that the commercial and financial sectors were controlled by the Greeks and Armenians is unfounded and uncorroborated in the article itself. He did not provide any data or descriptive information that could validate his arguments. In the section in which he discussed commerce, he referred the reader to three sources³ which ostensibly address the control of the Greeks and Armenians over specific spheres of commerce, yet only one of the three is relevant to the thesis (a study of the fur trade in Istanbul and Asia Minor). Second, the article contains racist slurs against Ottoman Armenian subjects, and to a lesser degree against Greek subjects. Third, according to the criteria prevailing at the time, not to mention in later periods, the journal in which the article was published could not be considered a scientific publication.

The *Archiv für Wirtschaftsforschung im Orient* was in fact an organ of the Deutsch-Türkische Vereinigung, which was founded in 1914 with the support and encouragement of the German foreign ministry. Among the founders and members of the association were representatives of German firms active in the Ottoman Empire, such as the Orient Bank, the Deutsche Bank and the Anatolische Eisenbahn-Gesellschaft. Together with the German foreign ministry, these firms financed an important part of the association’s activities. From the outset, the association’s main goal was to advance the dissemination of German culture and language in the Ottoman Empire. In time, additional roles were assigned to it, the most important of which was

¹ Ibid., p. 20, n. 36.

² Issawi, pp. 114-15.

³ Sussnitzki, p. 396, n. 2; p. 398, n. 2.

advancing German economic interests in the Ottoman Empire. To this end, in October 1915 the Association opened an office in Berlin with the aim of providing up-to-date information to German businessmen on matters relevant to their activity, which would further their business interests in the Orient. In this context, a journal was founded to publish facts and figures about the Ottoman economy. Its articles were aimed at broadening the knowledge and understanding of German investors regarding Ottoman economics, politics and culture.

Refutation of the Paradigm

Indisputably, the predominant paradigm and its variant have become part of the main narrative of the economic history of the Ottoman Empire in the long 19th century. This narrative is shared by historians from various schools of thought. It is therefore not surprising that the paradigm is to be found in academic textbooks, entries in professional encyclopedias, and books written by historians for a wide readership.¹ Yet, along with the continued influence of the paradigm, there has been a new development in recent decades. From the 1970s onward, an increasing number of studies have been published pointing to the important role played by Ottoman Muslims in commerce, including foreign trade, and finance in various regions of Anatolia, the Fertile Crescent, the Arabian Peninsula and the Sudan. In the wake of scattered studies referring to the Muslim *tujjār*, published in the 1970s,² a veritable tide of publications on this subject has appeared from the 1980s until the present.³ In the past thirty years, some fifty studies have been pub-

¹ See, e.g., Indzhikian Oganēs Grigor’evich, *Burzhuziia osmanskoi imperii*, Yerevan: Academy of Science of Armenian SSR, 1977, pp. 157, 159; Kireev Nikolai Gavrilovich, *Razvitie kapitlizma v Turtsii: K kritike teorii “smeshannoi ekonomiki,”* Moscow: Nauka, 1982, pp. 87-88; Charles Issawi, *An Economic History of the Middle East and North Africa*, New York: Columbia University Press, 1982, p. 89; Albert Hourani, *A History of the Arab Peoples*, London: Faber and Faber, 1992, pp. 286-87; Bernard Lewis, *The Middle East: 2000 Years of History from the Rise of Christianity to the Present Day*, London: Weidenfeld & Nicolson, 1995, p. 293.

² See, for example, Hanna Batatu, *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq*, Princeton: Princeton University Press, 1978, pp. 266-81, 289-93.

³ See, e.g., Bağış, *Ibid.*; Leila Tarazi Fawaz, *Merchants and Migrants in Nineteenth-Century Beirut*, Cambridge: Harvard University Press, 1983, pp. 95-97; Michael Field, *The Merchants: The Big Business Families of Saudi Arabia and the Gulf States*, Woodstock: Overlook Press, 1985, pp. 21-24; Gad G. Gilbar,

lished in Western and Middle Eastern languages, wholly or partially devoted to the varied activities of the Muslim *tujjār* in the Ottoman provinces in Asia.

These studies have focused on such topics as the activities and enterprises of the Muslim big merchants, their relations with the authorities, their investments in social services, and their perceptions of the world of trade. The broad scope of themes in the study of the Muslim *tujjār* was made possible, inter alia, by the use of a wide variety of new sources. Historians have employed five main categories of primary sources: (1) The private archives of *tujjār* families; (2) Documents in public archives (including records of *shar'ī* courts) in Middle Eastern countries; (3) State archives of the European countries that had extensive trade relations with the Ottoman Empire, particularly Great Britain, France and Russia; (4) The archives of European trading houses and banks that were active in the region; and (5) Printed primary sources such as local newspapers, travelogues and memoirs.

The picture emerging from this array of studies is that the Muslim *tujjār* played an important economic role in the long 19th century — especially in its latter part — in many cities and the rural hinterland.¹ They were involved in foreign trade, regional (intra-Ottoman), and local trade. There were cities in which they played a central role in various types of trade (for instance in Sivas, Uşak, Damascus, Hama, Mosul, Nablus and Jiddah); cities in which they were active side by side with Greek, Armenian, Christian Arab and Jewish merchants (for instance in Basra, Aleppo, Jaffa, Baghdad and Erzurum); and cities, including the three biggest Ottoman Mediterranean and Aegean

“The Growing Economic Involvement of Palestine with the West, 1865-1914,” in David Kushner (ed.), *Palestine in the Late Ottoman Period*, Jerusalem and Leiden: Yad Izhak Ben-Zvi and E.J. Brill, 1986, pp. 193, 201, 205; Anders Bjørkelo, *Prelude to the Mahdiyya. Peasants and Traders in the Shendi Region, 1821-1885*, Cambridge: Cambridge University Press, 1989, pp. 124-30; James A. Reilly, “Damascus Merchants and Trade in the Transition to Capitalism,” *Canadian Journal of History* 27 (1992): 21-25; Donald Quataert, *Ottoman Manufacturing in the Age of the Industrial Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 149-50; Beshara Doumani, *Rediscovering Palestine: Merchants and Peasants in Jabal Nablus, 1700-1900*, Berkeley: University of California Press, 1995, pp. 61-81, 214-15; Hala Fattah, *The Politics of Regional Trade in Iraq, Arabia, and the Gulf, 1745-1900*, Albany, NY: State University of New York Press, 1997, pp. 77-83; Eugene L. Rogan, *Frontiers of the State in the Late Ottoman Empire: Transjordan, 1850-1921*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 95-120; Sarah D. Shields, *Mosul before Iraq: Like Bees Making Five-Sided Cells*, Albany, NY: State University of New York Press, 2000, pp. 93-122.

¹ Gad G. Gilbar, “The Muslim Big Merchant-Entrepreneurs of the Middle East, 1860-1914,” *Die Welt des Islams*, 43 (2003), pp. 3-28.

port cities — Istanbul, Izmir and Beirut, where the non-Muslim merchants were dominant but where the Muslim merchants played a distinct role in international and regional trade.¹

Studies on the Muslim *tujjār* show that a considerable number were entrepreneurs. Thus, for example, they invested in expanding the cultivation of agricultural produce, including fruit, tobacco and wool in Anatolia, cereal and fruit in Syria, citrus in Palestine, dates in southern Iraq, pearl fishing in the Persian Gulf, and indigo in the Sudan. Muslim *tujjār* also invested in the production of craft and industrial products. Their initiatives in expanding carpet weaving in Anatolia, shipbuilding in Kuwait and soap production in Palestine and Syria are well known examples of their entrepreneurship. Many of these products, whether agricultural or industrial, were exported to the Asian and European markets. The *tujjār* also left their mark in the services sector, especially in traditional banking and overland, river and maritime transportation.² In all of these activities the *tujjār* took great business risks that resulted in many cases of heavy losses, but also huge profits. They constituted a significant element in Muslim Ottoman communities that was open to change. The innovations they initiated or imported were not restricted to the economic sphere. Their investments in education, from elementary to the highest level, were particularly notable.³

The plethora of sources on the Muslim *tujjār* provides us with considerable information about the business careers of Muslim big merchant-entrepreneurs in Istanbul, Izmir, Bursa, Salonika, Damascus, Aleppo, Beirut, Baghdad, Mosul, Basra, Kuwait, Nablus, Jaffa, Jiddah and al-Matamma, among other locations. There were also *tujjār* families who went into politics and whose role in this sphere has become part of the national histories of Middle Eastern countries. The Sabancı family in Turkey, Quwatli in Syria, Bayhum and Salam in Lebanon, Khudayri in Iraq, Nabulsi and Masri in Jordan, Ghanim in Kuwait and Alireza in Saudi Arabia are well known examples. *Tujjār* families were part of the local elite in many communities in the Ottoman Empire and later in the Turkish and Arab states.

In view of these studies, it is clear that the paradigm of the economic predominance of the non-Muslims in the Ottoman Empire, along with its variant, is no longer valid.

¹ Ibid., pp. 21-24.

² Ibid., pp. 7-11.

³ Ibid., p.12.

Conclusion

Some thirty years after the publication of the first studies on the Muslim *tujjār* in the Ottoman lands in the long 19th century, the generalizations about non-Muslim predominance in the Empire's economy are still common. The change of attitude toward this dominant paradigm has been slow thus far. The assimilation of the findings regarding the Muslim *tujjār* in the economic history of the Ottoman Empire has become apparent only recently, toward the end of the first decade of the present century. Why is the rejection of the paradigm so plodding? According to Thomas Kuhn this is not necessarily a long period, for the decline of a paradigm is usually a protracted process. Only when the gap between the theory (the generalization or paradigm) and the facts (historical evidence in our case) widens and deepens, does it become increasingly difficult for scientists (historians) to continue adhering to the old paradigm. The key question in this context refers to the duration of the process. In the history of science, there have been cases in which this process continued for many decades and even generations.¹

With regard to the predominance paradigm, a number of factors may be mentioned that possibly influenced the potency and pace of change. Thus, for example, the public discourse in the West on the weakness of Muslim private enterprise in most Islamic countries in our generation was probably projected onto approaches and perceptions regarding the existence and functioning of Muslim entrepreneurship in the Mediterranean region in the last two centuries. Globalization and the significant role played by multinationals in the economic development of several Middle Eastern economies in recent decades accentuated the role played by foreign and non-Muslim entrepreneurs in the local economies. Yet, it is reasonable to assume that continued research on the Muslim *tujjār*, and, particularly, new quantitative studies on their enterprises and their impact on economic growth, will finally send the old paradigm and its variant to the graveyard of historiography.

Mesut ÇAPA

(Karadeniz Technical University, Trabzon, Turkey)

Russian Consulate in Trabzon

in the Period of the Foundation of Turkish Republic

Introduction

This paper aims to explain the activities of Russian/ Soviet Consulate in Trabzon during Turkish independence War and establishment of Turkish Republic (1920-1926).

¹ Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions*, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press, pp. 150-52.

After the October 1917 Revolution Russia finished the war by signing Brest-Litovsk Treaty on 3 March 1918. These changes in Russia had great effect on Turkish–Russian relations.

After the 1917 Revolutions in Russia (27 February–11 March 1917, October 1917), Erzurum peace agreement was signed between Turkish and Russian officials on 18 December 1917. According to this agreement Russians withdrew from Trabzon and East Anatolia which they had occupied before (Trabzon: 18 April 1916 – 24 February 1918). They left great amount of military supplies and ammunition in Trabzon.

General Denikin's representative General Parsunic arrived in Trabzon harbour on 4 December 1919, while the struggle between Bolsheviks and supporters of Tsar continued to take back the military supplies and ammunition left in Trabzon. Next day General Parsunic met with the Trabzon Regional Commander and told him that although there were some wars between two sides in the past, a strong friendship must be established between Turks and Russians in the future. According to him it was impossible to make an agreement with the Bolsheviks. He mentioned about Turkish-Armenian relations and wanted to show that he was supporting the Turks by saying «it was Russian's duty to punish ingrate Armenians at the end of Bolshevik War».¹ This visit was the last visit made to Trabzon by Tsar's supporters. The Bolsheviks established control over Caucasian republics in 1920, and after that meetings in Trabzon were held with the Bolsheviks' representatives only.

Friendly relations between Turkey and Soviet Union started during the establishment of Turkish Great national assembly. Following Atatürk's suggestion a letter was sent to Russia in April 1920 with an offer to establish diplomatic and consulship relations between two states.² After a short time, Yusuf Kemal (Tengirşek) was charged by Turkish (Ankara) Government with the duty of establishing these relations.

Mr. Yusuf Kemal and Mr. Bekir Sami (Kunduh) left Ankara 11 May 1920 and arrived in Moscow on 19 July 1920 via Trabzon. According to an agreement made between Turkish and Soviet authorities on 24 August 1920, it was decided to open consulates in both countries.³

After signing this agreement, Soviet Russian Government appointed Mr.

¹ Archive of General Head Quarters of Army (ATASE), kls.89, ds. 142-327, bl. 72-1, 3, 6.

² S.İ. Aralov, *Bir Sovyet Diplomatının Türkiye Anıları*, (Translated b: Hasan Âli Ediz), Ankara 1985, p.5-6. Kâzım Karabekir, *İstiklâl Harbimiz*, İstanbul 1988, p.638.

³ Yusuf Kemal Tengirşek, *Vatan Hizmetinde*, Ankara 1981, p.141, 143-145, 171-173.

Eliava as ambassador but he could not go to Turkey due to his illness. Thus, Soviet Russia foreign affairs Officer Çiçerin sent a team led by Upmal Angarski. Upmal Angarski arrived in Erzurum on 31 August 1920 and met with Kâzım Karabekir Paşa. Later on Comrade Midivani (Budu Midivani) was appointed as Soviet Russian Ankara ambassador instead of Eliava. Midivani and his team arrived in Kars on 28 December 1920.¹

Turkish National Assembly Government appointed Ali Fuat (Cebesoy) Paşa as Moscow ambassador on 21 November 1920. Cebesoy left Ankara for Moscow at the beginning of December 1920 and arrived in Kars on 16 December 1920. In Kars he met Soviet Ambassador Midivani who was on his way to Ankara. Turkish embassy team was met with ceremony in Moscow on 19 February 1921.² As a result of some discussions between Turkish embassy team and Soviet officials, Moscow Treaty was signed between Turkish Government and Soviet Union on 16 March 1921. It was confirmed that a new period had started based on mutual friendship by this treaty.

Just after signing Moscow Treaty, Soviet Government had appointed Comrade Natsarenus as ambassador to Ankara on 29 March 1921. 38 members of Embassy delegation led by second secretary Norman arrived in Trabzon on 26 May 1921.³ 11 June Natsarenus and his entourage started their journey to Ankara from Amasya.

Trabzon Russian Consulate and Intelligence department

Although many foreign consulates were opened since 19th century in Trabzon, which was an important harbour city on the Iran commercial route, many of them had already been closed when Turkish Independence War started. Trabzon regained its importance when Turkish Government started friendly relations with Soviet Union. Transportation between Russia and Anatolia was organized via Trabzon most of time. Trabzon was also the first place which immigrants from Caucasians were passing through. Therefore, the Russian Consulate in Trabzon gained big importance at that time.

The Bolsheviks opened the first Russian Consulate in Trabzon at the end of 1920 according to 24 August 1920 treaty. Although Tarakçioğlu men-

¹ Yavuz Aslan, Türkiye Komünist Fırkası'nın Kuruluşu ve Mustafa Suphi, Türk Tarih Kurumu, Ankara 1997, p. 290, footnote: 73, p.301, footnote: 93; Karabekir, Op.cit., p. 830.

² Ali Fuat Cebesoy, Moskova Hatıraları, Ankara 1982, pp.152-154, 163-166. A. Şemsutdinov-Y.A.Bağirov, Bir Karagün Dostluğu Kurtuluş Savaşı Yıllarında Türkiye-Sovyetler Birliği İlişkileri, (Translated by: A. Hasanoğlu), İstanbul 1979, p.39. Tengirşek, Op.cit., pp.187-192.

³ Aralof, Op.cit., p.24. İstikbal newspaper(gazetesi) 27 May 1921, 314; 7 June 1921, 323.

tioned in his memoir about a Russian consul of the Tatar origin in Trabzon in September 1920,¹ most probably he was a temporary representative appointed after the treaty.

Ali Oruc Bagirov was appointed as first Soviet consul in Trabzon at the end of 1920. Bagirov arrived Trabzon in the first days of January 1921.² Ali Oruc Bagirov and Aron Samoiloviç Trabon were on duty as consuls in Trabzon between 1920 and 1925. In 1926 someone else was appointed as a consul to Trabzon instead of Trabon.³ Trabon had served four year as a consul in Trabzon. At 5 November 1924 he had two months permission to go to Moscow and returned back on 3 February 1925. While Mr. Trabon was away the chief secretary Comrade Frankini performed his duties.⁴

The Russian Consulate in Trabzon had one radiophone station and intelligence organisation. The Soviet Russian Information Bureau (Intelligence Bureau) was linked with the Foreign Affairs Public Office from the beginning. In June 1921 this bureau was separated from this Office and linked to Trabzon Consulate. As a result of this change, Jabrodini was appointed as its head, while Istahov and most civil servants of the Office went to Moscow.⁵

It is definite that Trabzon Intelligence Office was an important information source for Moscow. According to Moscow ambassador Ali Fuat Chebesov, the Soviet Union had two main information sources about Turkey and Turkish independent War. The first source was the Russian Embassy in Ankara, the other source was news that was sent to the Swiss newspapers by Swiss journalists who were observing the war from Greece headquarters.⁶

The Russian Intelligence bureau kept following local press very closely. This Bureau disclaimed some news related to Russia. In March 1921 there was much news about fall of Tiflis. An article published in İstikbal newspaper mentioned some looting and killings of Muslims by Armenians during the Soviet occupation of Tiflis. The head of Russian Intelligence Service in Turkey, Astahov, disclaimed İstikbal newspaper information and emphasised that local governments were responsible for this kind of events.⁷

¹ Mustafa Reşit Tarakçıoğlu, Trabzon'un Yakın Tarihi, Trabzon, 1986, p.62.

² İstikbal, 23 December 1920, 200; 11 January 1921, 205.

³ 17.7.37 A letter from Minister of Internal Affairs Refet Bey to Trabzon Governorship, Trabzon Governorship Documents Private archive (MEÇA). İstikbal, 31 July 1921, 367.

⁴ İstikbal, 26 October 1924, 1318; 6 November 1924, 1328; 14 January 1925, 1380; 4 February 1925, 1396.

⁵ İstikbal, 16 June 1921, 329.

⁶ Ali Fuat Cebesoy, Ali Fuat Cebesoy'un Siyasi Hatıraları, İstanbul, 1957, pp.13-14.

⁷ İstikbal, 29 March 1921, 262.

In June 1921 the Russian Councils Consul Oruc Ali and Head of Intelligent Bureau Jabrodini sent to Istikbal newspaper a disclaimer of information quoted from French news agencies about Russia. It was requested that this disclaimer should be published in appreciation of the Turkish-Soviet friendship. Similar disclaimers prepared by the Consul and Head of Intelligence bureau were published in local newspapers in the following days.¹

Bolshevics Activities

The publication of telegraphs containing Bolshevik propaganda received by Russian Intelligence department had some influence in Trabzon. It can be said that at first there was no negative reaction against Bolshevism in Trabzon. It was even seen as a way of liberation during the opening days of the Turkish parliament in Ankara. A public support during the demonstration of 1 May 1920, when the Russian Consulate had not been opened yet, was an indication of this approach.²

The Bolshevik propaganda had started in those days in Trabzon. The French Representative Lepissier wrote in a report that while he was away from Trabzon (the days when Turkish National assembly opened), a Bolshevik committee from Novorossiysk lead by the lieutenant Boris was distributing a leaflet free of charge entitled 'How I became the Bolshevik' written in three languages.³

The 1 of May celebrations took no place in 1921 in Trabzon, even if something had happened there was no public or official support to it like in the previous year.⁴ Because of an increasing Bolshevik propaganda in the Eastern Cities including Trabzon, the Governorship decided to prohibit the celebration of May 1 in 1921. In the report written by the Government of Turkish National Assembly in 1 June 1921, this issue was mentioned.⁵

Mustafa Suphi event affected this decision. A committee of the Turkish Communist Party led by Mustafa Suphi went to Trabzon in January 1921 and disappeared. This event caused many official writings between the Consulate and Governorship. In order to meet Mustafa Suphi and his companions Consul Bagirov waited at Trabzon road on 28 January 1921 but he had returned back without being able to see them. Mustafa Suphi and his companions were sent to the dock without allowing them to meet the people who were waiting for them. They were boarded on a boat and were sent towards Russian coast. In two weeks time the committee still had not arrived to Russia. In February

¹ Istikbal, 26 June 1921, 337; 25 July 1921, 362; 28 July 1921, 365.

² ATASE, kls.813, ds.3, bl.1-4.

³ Yavuz, p.209.

⁴ Trabzon Governorship Documents 28 April 1921, Private archive (MEÇA).

⁵ ATASE, kls. 1033, ds.85-A/98, bl.27.

1921 Bagirov wrote to Governorship of Trabzon to clarify what had happened with Mustafa Suphi's Committee who represented the 3rd International and that was the reason behind attack on them.

The Deputy Governor of Trabzon Sabri Bey replied that «Nobody from the Third International came to Trabzon nor left Trabzon. We have no information about this». The Consulate was not satisfied with this respond and the Director of Information Bureau Astahov wrote to Governorship but did not get any reply.¹ The Head of Boatmen (Kayıkçılar Kahyası) Yahya Kahya was blamed for Mustafa Suphi event. Yahya was killed by an unknown person on 3 July 1922 while he was going to his summer palace in Soğuksu. Because of Mustafa Suphi's event, it was thought that the Russians were responsible for the assassination of Yahya Kahya.²

The Trabzon Governorship took some measures because of the public reaction against an increased Bolshevik propaganda at the beginning of 1921. To respond to these measures, the Consulate also expressed its displeasure and sent its complaints to Ankara. The Consulate complained about the prohibition of the publication of written statements on the Bolshevik conquest of Tiflis, about difficulties made by the Turks for Russian radiotelephone-telegraph officers, and misbehaviour towards Bolshevik officers in Trabzon. As a result, the Ministry of Internal Affairs sent a written order to the Trabzon Governorship in 12 March 1921 to warn Governorship, so as to avoid any activities which would obstruct Turkish-Bolshevik Relations. Moreover, the Ministry asked the Governorship to engage in legal proceedings against those who made inappropriate actions against the Bolsheviks.³ However, there was public and official displeasure in Trabzon against the Russian Consulate for its Bolshevik propaganda. This displeasure was explained in an official document sent to Ministries of Internal Affairs and Foreign Affairs on 26.6.1921.⁴ The problems complained by the Governorship were solved by diplomatic means in Ankara. The Russian Embassy warned the Trabzon Consulate, that they had not to publish any telegraphs that contain Bolshevik propaganda.⁵

Military authorities also undertook some measures against Bolshevik propaganda. The Third Caucasian Division Deputy Commander Colonel Albay (Miralay) Seyfi Bey, informed Trabzon Governorship about an order

¹ Yavuz, 324-325, 333-334.

² Tepeyran, p.124-125.

³ Trabzon Governorship Documents, 17 March 1921, MEÇA.

⁴ Mesut Çapa-Veyssel Usta; Milli Mücadelede Trabzon Vilayetiyle Yazışmalar, Trabzon, 1995. p.151-152.

⁵ Trabzon Governorship Documents, 13 July 1921, MEÇA.

issued by the East Front Commandership on 18 June 1921.

While taking those measures the authorities were also trying to avoid any actions that would annoy Soviet authorities. An intelligent report was received in February 1921, it was claiming that some members of the Baku Turkish Communist party members would bring some gold two million rubles worth to the Turkish coasts. The East Front Commandership announced that a big financial reward would be given to anyone who would assist to capture this money.¹

Relations of the Consulate with Immigrants from Russia and Caucasus and Russian Citizens

Many Russian and Azeri Mensheviks and many ex-state officials from the North Caucasus Republic arrived to Trabzon after establishing of the Bolshevik control over all Caucasus in 1920. The number of arrived people reached its highest point in the first six months of 1921.

The Russian Embassy in Ankara informed Turkish authorities in August 1921 that there were five hundred anti-Soviet individuals and supporters of the Czar in Trabzon and about seventy – eighty of them in Samsun. As a result the Ministry of Internal Affairs requested detailed information from the Trabzon Governorship.

According to the Governorship data there were 25 Russian citizens (except women and children) in Trabzon in 13 August 1921 who escaped from the Bolsheviks. Those people arrived in Trabzon between 1 December 1920 and 20 June 1921. All those people, who were pro-Czar, lived in difficult conditions and had not participate in any political activity. 13 of them were Russian and 8 of them were Georgian. Apart from two students there were representatives of the following professions: engineer, teacher, baker, driver, secretary, warehouse officer and merchant. Most of them found a job related with their profession in Trabzon.²

After the Russian occupation fifteen important people, among them the North Caucasus president Psemaho and Minister of War Cemaleddin Bey, arrived to Trabzon at the end of 1921. A decision about settlement of the North Caucasian group in Trabzon was not made easily. The Russian Government, who had good relations with the Turkish Government, was not happy with existence of the Caucasian refugees in Trabzon. The Russian Consul in Trabzon Ali Oruc Bagirov sent a letter to the Trabzon Governorship on 14 January 1921 about this issue. Bagirov informed that there were

¹ Çapa-Usta, p. 59-60, 143-144.

² A letter sent to Trabzon Governorship by Deputy Minister of Internal affairs Refet Bey at 8 August 1921. A letter by Trabzon Head Police M.Tevfik Bey dated 13 August 1921, MEÇA.

many North Caucasian army officers who were members of the Denikin army in Trabzon. He claimed that some of them were propagandizing and preparing a revolution in the North Caucasus. He stated that he had to inform his government about this issue. The Trabzon Governor informed the Ministry of Internal Affairs about this, and claimed that it was not a good idea to allow those refugees to stay in Trabzon while the Russian Consulate was pursuing them. He suggested that those people should be sent to somewhere else to stay. At the beginning Samsun, Ankara, Bayburt or Gumushane were possible alternatives but finally officials decided to settle them in Trabzon and Akcaabat.

Finally, 8 of the North Caucasian group were settled in Akcaabat and 7 of them in Trabzon. The former North Caucasian President Pesimaf and his family (4 people), Minister of War Cemaleddin Bey and his family (3 people) and ex-Derbend Governor Albay Resid Bey were settled in Akcaabat. The North Caucasian Minister of Foreign Affairs Haydar Bammad (3 person), North Caucasian representative Ibrahim Gergiyof (3 person) and North Caucasian representative Allihan were settled in Trabzon.¹

After Azerbaijan occupation by the Bolsheviks on 27 April 1920, many Azerbaijanis came to Trabzon. Among those refugees there were ex-administrators and merchants. The ex-Governor of Baku Fahri Bey, ex-Minister of Internal Affairs of the Musavat Government Mustafa Vekilof and Minister of Finance Abdulmecit Bey were among the arrivals.²

The Soviet Consulate authorities gave guarantees that the Azerbaijani refugees could return to their country freely.³ A telegraph sent to the Trabzon Governorship by Ankara had announced that «the Ministry of Foreign Affairs informed that after negotiations with the Georgian Foreign Affairs Office, the people who escaped from the Bolsheviks could return to their countries freely». This situation was announced officially at Trabzon and its vicinities.⁴

Mostly the Russian Consulate was communicating with Russian Citizens in Trabzon by means of the local press. One of the advertisements of the Consulate informed that «the Soviet Citizens should register to the Trabzon Representative office until 15 April 1921, otherwise they would not claim

¹ Mesut Çapa, «Kuzey Kafkas Cumhuriyeti'nin Rus Egemenliğine Girmesi Üzerine Trabzon'a Gelen Devlet Erkânı», *Türk Dünyası Araştırmaları*, №100. Şubat, 1996, p.285-302.

² Tarakçioğlu, *Op.cit.*, p.60-61.

³ Date of document is 16 June 1921, MEÇA. *İstikbal*, 6 September, 1921, 396.

⁴ Date of document is 12 July 1921 and it was signed by Minister of Internal affairs Refet Bey, MEÇA.

any assistance from the Russian Consulate as citizens». Similar advertisements were published later.¹

All registered Soviet citizens who reside in Trabzon had to inform the Consulate about any event related to the civil law, such as birth, marriage and death. Any civil event (birth, marriage, death) which were not registered in a «special notebook» (*defteri mahsusa*) of the Russian Consulate would not be recognized officially by any Soviet Socialist Republic Government.²

Apart from Soviet citizens, citizen of other countries were also applying to the Russian Consulate for its mediation and information. A petition was given by the Trabzon Governorship for the release of Anderoglu Besim from Athens who was arrested in Batum by his mother. Trabzon sent his chief secretary to Batum in October 1921 to investigate about the release of Anderoglu Besim.³

In November 1926 a certificate belonged to a women named Tatyana Fileniko who resides in Samsun was requested from Trabzon Governorship. The Governorship sent this document to Samsun Governorship.⁴

A soviet citizen, Garasdanis Karagozyanis who resides in Erivan gave a petition to the consulate on 22 December 1925. In his petition, which was translated by the Consulate translator Agop, he was asking about what had happened to his real estate in Trabzon. The Consulate sent a letter to the Trabzon Governorship in 17 April 1926 asking results of the investigation about this real estate. The governorship investigated the issue through the registres of the Deed Office (Tapu Mudurlugu) and the Financial Directorate (defterdarlik) and released the information.⁵ (A letter dated 9 May 1926 to the Consulate by the Governorship, MECA).

The wife, sons and inheritors of Kapayanidi Konstantin who occupied important place in the commercial life and banking activities in Trabzon gave a petition to the Consulate in 1926. They were living in Athens and wanted to learn what was the claim of the Trabzon Municipality on Kapayanidi's trading establishment and bank. The information given by the Mayor of Trabzon Huseyin Kazaz Bey was delivered to the Russian consulate by the Trabzon

¹ İstikbal, 5 April 1921, 269; 7 April 1922, 579.

² İstikbal, 19 January 1923, 819.

³ An official document sent to the Governorship by Trabzon, 8 October 1921: «Rusya Sosyalist Federatif Şuralar Cumhuriyeti Umûr-ı Hariciye Halk Komiserliği Türkiye'de Selahiyatdâr Murahhaslığı Trabzon Konsolosu», MEÇA.

⁴ From Consulate to Trabzon Governorship 10 November 1926, From Trabzon Governorship to Canik Governorship 11 November 1926, MEÇA.

⁵ A letter from the Governorship to the Consulate 9 May 1926, MEÇA.

Governorship.¹

Visa Transactions

Visa transactions for the travelers from Black Sea Coasts who wanted to go Russia and Batum were being done by the Russian Consulate in Trabzon. Any traveler who had no visa from the Russian Consulate was not allowed to enter Batum.

The Russian Consulate was announcing visa fees via press. From 3 October 1921 visa fees for Russia was 5 gold Ruble except for prisoners of war and holders of diplomatic passports. From April 1922 the visa fees were as follows: travelers to foreign countries 10 gold Rubles, renewing the documents 3,5 Rubles, Russian citizens who were traveling to Russia or transit passengers 1,5 Rubles, non Russians who were traveling to Russia or transit passengers 5 gold Manats.²

At the end of 1926 visa fee to enter Soviet countries was totally 990 kurush: 5 liras for visa, 50 kurush for the Red Cross, fee for visa letter stamp 4 liras and 40 kurush for the Red Cross³. The Russian Consulate was exempting the Russian citizens who had financial difficulties from those fees. The Consulate was limiting visa issuing when it was necessary. Once, the number of refugees had so increased in Batum that there was shortage of dwellings and buildings. Thus the Consulate had delayed the visa transactions for a short time, except for government officers and merchants.⁴

Relations with official institutions in Trabzon, Celebratory and Welcoming Ceremonies

At some point the Trabzon Governorship confiscated the weapons of the Consulate officer Danilof. The Russian Consulate in Ankara was informed about this. The Consulate demanded that those weapons should be given back either to the Consulate or Navy detachment commander Reshernof. The Ministry of Internal affairs asked the Governorship of Trabzon why the weapons were not given back. A letter sent to the Governorship signed by Adnan Adıvar on behalf of the Minister of Internal affairs at 1 February 1921 informed that according to the reciprocity Consulate officers were exempt from the weaponry rules, so the weapons should be given back. The Ankara Government considered the Turkish-Soviet friendship important, therefore it did not want this kind of problems. After the warning of the Ministry of Internal af-

¹ Governorship responded the letter of the Consulate dated 10 November 1926 at 17 November, MEÇA.

² İstikbal, 4 October 1921, 420; 17 October 1921, 431; 2 April 1922, 574.

³ MEÇA.

⁴ İstikbal, 7 November 1922, 756. İstikbal, 5 May 1922, 603.

fairs the weapons were given back to the Trabzon Soviet Russian Consulate in April.¹

The Russian Consul was not afraid of conveying the directives of his Government to Turkish officials. The Consul visited General Sami Sabit (Karaman) Bey in 20 May 1922. He said that the Soviet Government would not recognize Galip Pasha who was waiting in Trabzon to go Buhara as an ambassador. The Ministry of Foreign affairs was informed about the situation. Two days later the Ministry decided not to appoint Galip Pasha as an ambassador and asked him to go back to Ankara.²

The Trabzon Municipality wrote to the Governorship on 10 October 1922 to request registration of any car belonged to the Russian Consulate and Iran Consulate in Trabzon.³

The Turkish-Russian friendship became clearly visible during the celebratory and welcoming ceremonies, and in the messages that were sent in relation to victory and anniversary celebrations and other national and religious festivals. The Trabzon Russian Consul Trabon congratulated Governor Hazim Tepeyran Bey on «the glorious great victory of Turkish nation in Sakarya War on 17 September 1921». Hazim Bey thanked him in a letter sent in reply. Trabon wrote to İstikbal newspaper at 28 May 1922 to congratulate on Ramadan religious festival. He was saying that «he is congratulating the Anatolian people and its brave army and he hoped that the nation would reach its national independence festival very soon».⁴

While one of the leading heroines of the Turkish Independence war lieutenant Fatma Seher Hanim was staying in Trabzon on her way to Erzurum, she was invited to the Russian Consulate on 15 July 1922. In course of this visit Trabon gave a golden watch to her as a gift and showed his respect. Next day Fatma Hanim's gratifying letter to Trabon was published in newspapers.⁵

During the anniversary of the Russian Revolution congratulations letters were sent mutually. At the 7th anniversary of the Russian revolution on 8 November 1924 a special ceremony was organized at the Consulate building. Front part of the building was decorated with laurels and flags. Deputy Consul Franken, the Governor, merchants and other city leading figures were at

¹ Çapa-Usta, Op.cit., pp.45-46. A letter sent to Ministry of Internal Affairs by Trabzon Governorship at 3 May 1921, MEÇA.

² Sami Sabit Karaman, İstiklâl Mücadelesi ve Enver Paşa (Trabzon ve Kars Hatıraları. 1921-1922), İzmit, 1949, p.80-81.

³ MEÇA.

⁴ İstikbal, 21 September 1921, 409; 1 June 1922,623.

⁵ İstikbal, 17 July 1922, 662.

the celebration. International March was played during the celebration.

According to Anatolia News Agency the foundation of a new building of the Embassy of Russian Soviet Republic was laid on 7 November at Kavaklidere region on Cankaya way in Ankara. Russian Ambassador Suric gave a speech here.¹

The Russian Consulate organized a concert on February 1922 to help the victims of the famine in Kirim. An orchestra consisted of famous musicians and ballet dancers of Russia gave two different concerts for men and women. The first concert was given at the Consulate at 4 February evening after a tea meeting. At the end of the concert the orchestra played the International March and the Turkish National Anthem composed by a music teacher Cemil Efendi from Trabzon.²

The Russian Consulate was supporting the activities of the Russian Public Office's Foreign Trade Branch to improve commercial relations between two countries. Some leading figures of Trabzon Muslim scholars (*'ulama*) and merchants attended a tea meeting organized by Trabzon at the Consul House at 21 April 1922 to talk about Turkish-Russian economic relations.³

Soviet ambassadors and officers had used Trabzon route to go to Ankara during Turkish Independence War. Soviet Ambassador Aralof visited Trabzon with his team while he was going to Ankara to start his duties at the beginning of 1922. The embassy team consisted of thirty persons including K.İ. Prjebelski, Y.D.Kapşukova, K.K. Zvonaryev, A.N. Liyakov, A.G. Katelnikov, F.İ.Valiyev, N.İ. Uspenskaya, Y.K. Dmitriyevskaya and other officers. The head of the Turkish Press Office Agaoglu Ahmet Bey (Agayev)⁴ and Member of the Turkish parliament, deputy of Burdur Soysalioglu İsmail Suphi Bey who went to Russia for some scientific research were also traveling to Trabzon with the Russian embassy team on the Russian Commercial Ship «Feliks Dzerjinski».

The team was met with great cordiality in Trabzon. Governor Ebubekir Hazim Teperyan and the Commander went to the ship personally to meet the team. Military band was also at the port. Ambassador Aralof had mentioned the heroism of two friend and ally nations, the Turks and Russians, who were fighting bravely against the oppression and tyranny of the European Imperial-

¹ İstikbal, 9 November 1924, 1330.

² İstikbal, 3 February 1922, 525; 5 February 1922, 526; 10 April 1922, 581.

³ İstikbal, 23 April 1922, 592. Head of Russia Public Office Foreign Trade Branch Aramof informed that importation of grain, flour, boiled sheep's head (*kelle*) and granulated sugar was prohibited. İthalinin yasaklandığını bildirdi from August 1921. See, İstikbal, 5 August 1922, 679.

⁴ Aralov, Op.cit., p.37.

ism together, and he saluted Turkish army. He was applauded with great feeling. Later on they got to the cars and Aralof stood up while public was applauding him. He shouted 'Long Live Turkey'. The first day the Governor invited them to his house for a tea meeting. To respond this, the next day evening Aralof organized a dinner in the «Feliks Dzerjinski» ship. In his speech at the dinner, Aralof mentioned the importance of Turkish-Russian friendship, Turkish nation struggle against the Imperialism and the heroism of the Turkish army. Aralov was quite happy because of the interest he met in Trabzon. As a courtesy to this, he gave a silver tea set to the Governor, a silver plate to Rize Municipality and a Caucasian khanjar to the commander of the third division of army as a gift.¹

The relation with Trabzon Soviet Consulate during the establishment of the Turkish Republic was realised in the framework of main relations between two states. Trabzon, as a gateway to Anatolia for Russia and Caucasus had preserved its importance during this period.

References:

- Aralov, S.İ. Bir Sovyet Diplomatının Türkiye Anıları (Çev. Hasan Âli Ediz). Ankara, 1985.
- Archive of General Head Quarters of Army, ATASE.
- Aslan, Yavuz. Türkiye Komünist Fırkası'nın Kuruluşu ve Mustafa Suphi, Türk Tarih Kurumu. Ankara, 1997.
- Cebesoy, Ali Fuat. Ali Fuat Cebesoy'un Siyasi Hatıraları. İstanbul, 1957.
- Cebesoy, Ali Fuat. Moskova Hatıraları. Ankara, 1982.
- Çapa, Mesut-Veyssel Usta. Milli Mücadelede Trabzon Vilayetiyle Yazışmalar. Trabzon, 1995.
- Çapa, Mesut. Kuzey Kafkas Cumhuriyeti'nin Rus Egemenliğine Girmesi Üzerine Trabzon'a Gelen Devlet Erkânı // Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi, Sayı: 100, Şubat, 1996, s.285-302.
- İstikbal Gazetesi.
- Karabekir, Kâzım. İstiklâl Harbimiz. İstanbul, 1988.
- Karaman, Sami Sabit. İstiklâl Mücadelesi ve Enver Paşa (Trabzon ve Kars Hatıraları. 1921-1922). İzmit, 1949.
- Şemsutdinov A., Bagirov Y.A. Bir Karagün Dostluğu Kurtuluş Savaşı Yıllarında Türkiye-Sovyetler Birliği İlişkileri, (Çeviren: A. Hasanoğlu). İstanbul, 1979.
- Tarakçıoğlu, Mustafa Reşit. Trabzon'un Yakın Tarihi. Trabzon, 1986.
- Tengirşek, Yusuf Kemal. Vatan Hizmetinde. Ankara, 1981.
- Tepeyran, Ebubekir Hazım. Belgelerle Kurtuluş Savaşı Anıları. İstanbul, 1982.
- Trabzon Governorship Documents Private archive (MEÇA).

¹ İstikbal, 9 January 1922, 503; 10 January 1922, 504.

РАЗДЕЛ IV.
ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА АРАБСКИХ СТРАН /
LANGUAGE AND LITERATURE OF ARABIC COUNTRIES

Берникова О.А.

(Восточный факультет СПбГУ)

***Инновационные тенденции развития арабистики:
принципы и методы лингвистического анализа***

Развитие арабистики на современном этапе характеризуется проведением исследований на качественно новом уровне с большей скоростью обработки экспериментальных данных посредством использования информационно-компьютерных технологий. Если в конце 20 века осуществлялись первые попытки внедрения инноваций в исследовательский процесс, то сегодня можно констатировать факт начала нового этапа в мировой арабистике, который затрагивает все области научного знания, в том числе и языкознание.

Имеющиеся и все совершенствующиеся технологические решения способствуют пересмотру подхода к методологии проведения экспериментальных лингвистических исследований в целом, а также принципам и методам лингвистического анализа в частности. Своеобразие современной ситуации состоит и в том, что акцент применения результатов лингвистического анализа смещен в сторону их практической реализации. Основным информационным источником для проведения лингвистических исследований является корпус текстов. Организованная определенным образом совокупность текстов представляет собой базу данных, включающую ценные материалы для социолингвистических, литературоведческих и иных изысканий.

Одним из наиболее эффективных методов лингвистического исследования является глоссирование текста, обеспечивающее оптимизацию обработки языковых данных. Практическим результатом данного метода может являться совершенствование технологий машинного перевода с учетом факторов семантического характера. Строка глоссированного текста, содержащая транскрипцию, позволяет осуществлять поиск по конкретной фонеме, а комбинация учета данных фонематической транскрипции и строки глоссирования позволяет получить точный результат поиска: в первом случае форматом поиска выступают фонетические элементы, во второй – их грамматические характеристики. В зависимости от степени детализации обработки текста количество поисковых параметров и, соответственно, результатов может быть расширено.

Наконец, современный этап развития арабистики требует пересмотра традиционных принципов описания грамматической парадигмы арабского языка, создания систем автоматической обработки языкового материала, что может быть осуществлено посредством формирования грамматического словаря.

Данная разработка в первую очередь должна быть направлена на решение проблемы формализации – представления системно противопоставленных языковых единиц в виде грамматической парадигмы и ее последующей интеграции с лексическим материалом. Представленное комплексное решение предполагает проведение исследований частного характера: формирования словарных статей с учетом индекса частотности, сопоставления полученных данных с материалами арабских толковых словарей, создания алгоритмов словоизменительных моделей арабского языка.

С точки зрения лексикологии, актуальность разработки словаря связана с методикой формирования лексического материала. Известно, что существующие сегодня словари изобилуют искусственно созданной лексикой, построенной по определенному алгоритму и реально отсутствующей в языке. Поэтому при составлении базового корпуса словарных статей включаемые данные должны опираться на арабские толковые словари.

Новизна поставленной задачи заключается в самом предмете исследования: на данный момент в мировой практике отсутствуют аналогичные разработки по арабскому языку. Использование способа автоматизированного формирования лексического контента, методики представления словоизменительных парадигм также носят инновационный характер. Последующий качественно-количественный анализ словарных статей позволит дать объективную характеристику морфологической структуры арабского языка, а также сформировать материал для типологических исследований.

Билык И.Е.
(РГГУ, Москва)

Совмещение фольклорно-мифологического и реального пространства в повести Ибрахима ал-Куни «Обет Деве Марии»

Мифологизм занимает существенное место в современных арабских литературах, находя отражение в поэзии, прозе и драматургии. В произведениях такого рода мифологическое пространство часто реконструируется в отрыве от конкретно-исторической реальности, и произведение изначально приобретает универсальное звучание.

В повести ливийского писателя Ибрахима ал-Куни (р.1948) «Обет Деве Марии» (1989) фольклорно-мифологическое пространство самым тесным образом переплетается или, точнее, совмещается с пространством реальным. Действие разворачивается в период завоевания итальянцами Ливии, в результате чего племя, в котором живет героиня повести Тазидирт, вытеснено в малоприспособленную для жизни пустыню. Реальный план жизни героини почти натуралистически достоверен. Девочка, оставшись сиротой, живет вместе со своей старой бабушкой, пасет коз, преодолевая суровые природные условия.

Фольклорно-мифологический контекст произведения неоднороден и состоит из нескольких пластов. На первом плане противопоставление двух амбивалентных стихий: солнца, ассоциативно связанного с огнем, – дающего жизнь и испепеляющего, губящего все живое, красивого на закате и страшного днем, и селевого потока, возрождающего землю, насыщающего ее животельной влагой и вместе с тем требующего человеческих жертв. Тазидирт всю жизнь страстно мечтает увидеть селевой поток и еще в детстве, едва не погибнув в пустыне от жажды, дает обет – оставаться девственницей до тех пор, пока не увидит поток. И если писатель называет поток «потерянным раем» для героини, то ее существование под нещадно палящим солнцем предстает для читателя настоящим адом.

Мифологема селевого потока – основная и наиболее разработанная в повести – многомерна. Семантика мифологического архетипа воды известна и продуктивна в разных мифологических комплексах, однако в повести Ибрахима ал-Куни она приобретает свою интерпретацию. Эпизод встречи героини с потоком имеет особую эмоциональную окраску и представлен, как встреча с возлюбленным, автор не только учитывает, но и акцентирует эротическую символику воды. Стремление других девушек племени выйти замуж противопоставлено непреодолимому желанию героини увидеть поток. Кроме того, в рассказах Тамимы, подруги героини, живущей по законам племени, и бабушки героини, мечтающих выдать Тазидирт замуж, максимально героизированные потенциальные женихи тоже как бы противопоставлены потоку, олицетворяющему в повести могущественное мужское начало.

В повести задействованы и другие мифологемы – Девы Марии и Ноя. Обе мифологемы придают дополнительную ассоциативность образной системе повести.

Пространство пустыни населено сказочно-фольклорными персонажами – джиннами, в повести происходит ряд ритуально-магических действий, распространенных среди жителей племени.

Композиция повести – «рамочная» и подчинена общему замыслу автора. Повесть состоит из одиннадцати глав, первая и последняя из которых посвящены встрече героини с потоком, остальные – рассказывают историю Тазидирт. Финал повести открыт: скорее всего, героиню, «отдавшуюся» потоку, ждет «смерть-освобождение». Героиня в этот момент испытывает чувство счастья, так как исполнилось ее самое заветное желание. Здесь прослеживается лейтмотив «любовь-смерть», а в сочетании с одним из эпиграфов к повести из Диогена Лаэртского, в которой приведена метафизическая концепция Археляя – происхождения живого из стихии воды, – можно говорить и об опосредованном использовании известного мифологического архетипа «смерть-возрождение».

Совмещение мифологического и реального пространства позволяет писателю на материале конкретно-бытовой действительности подняться до уровня философского обобщения.

Гаипова Шахноза
(ТашГИВ, Ташкент)

Сюжеты и традиции «Тысячи и одной ночи»
в пьесе Салаха 'Абд ас-Сабура «Принцесса ожидает»

Использование фольклора в своих произведениях – это произвольное использование художником фольклорного материала или присущих фольклору художественной формы и изобразительных средств, исходя из поставленных автором задач. Использование фольклорного материала требует творческого подхода к нему. Поэты и писатели, используя фольклор, его темы и идеи, сюжеты и образы, художественные особенности языка и простоту выразительных средств, стараются придать своим произведениям народность. Фольклор является одним из важных факторов, влияющих на развитие литературного процесса.

Взаимоотношения и взаимовлияние устного народного творчества и письменной литературы традиционны. «Шах-намэ» Фирдоуси, «Хамса» Алишера Навои, «Фауст» И.В.Гете, «Освобожденный Прометей» Шелли, сказки А.С.Пушкина считаются прекрасными образцами творческой переработки фольклорных сюжетов.

Несомненный интерес представляют и взаимоотношения классической и современной арабской литературы с фольклором. Еще в 30-е годы XX в. известный египетский драматург Тауфик ал-Хаким подчеркивал, что в древней арабской литературе, не считая редких случаев, существует большое количество элементов, которые не получили должную оценку и совершенно необоснованно не получили широкого распространения в современном театральном искусстве. Прежде всего, он

имел в виду сказки «Тысячи и одной ночи», на основе которых он сам создал несколько произведений.

Действительно, хотя сказки «Тысячи и одной ночи» относятся к числу письменных памятников, в них содержится очень богатый фольклорный материал, и его разнообразие дает драматургу широкие возможности для выбора. Важная особенность этих сказок состоит в том, что они не связаны с конкретным историческим временем. Поэтому Тауфик ал-Хаким, Альфред Фараг и другие египетские драматурги, учитывая возможность отнесения пьесы к любым периодам и обществам, брали сюжеты из «Тысячи и одной ночи».

Один из видных представителей «новой поэзии» Египта прошлого века Салах 'Абд ас-Сабур написал на основе фольклорного материала две замечательные поэтические пьесы: «Ал-Амира тангазиру» («Принцесса ожидает», 1971) и «Ба'да ан йамуту ал-малик» («После смерти короля», 1973). В них вошли легенды, ночные рассказы, ритуальные песни, анекдоты и другие образцы народного творчества. Через эти пьесы широкие слои населения смогли ознакомиться со своим культурным наследием.

Салах 'Абд ас-Сабур в драме «Принцесса ожидает» использовал различные фольклорные традиции. Фабула пьесы такова: принцесса влюбляется в начальника службы охраны дворца, предав отца, она передает дворец охраннику. Тот убивает отца принцессы и захватывает трон падишаха.

Салах 'Абд ас-Сабур взял этот сюжет из древней арабской легенды о крепости ал-Хадр в Ираке. В этой легенде Зу-л-Актаф Сабур завоевывает эту крепость после долговременной осады. Влюбившаяся в юношу с первого взгляда девушка по имени Надира бинт ад-Дизун помогает ему войти в крепость. Юноша обещает жениться на ней после взятия крепости, но, боясь, что девушка предаст его так же, как и своего отца, убивает ее¹.

Салах 'Абд ас-Сабур меняет два места в древней легенде. Если в легенде завоевателем крепости ал-Хадр является внешний враг, то в пьесе завоевателем царского дворца выступает внутренний враг. В легенде враг убивает простую девушку-предательницу, а в пьесе Салаха 'Абд ас-Сабура он не убивает принцессу, а ограничивается лишь высылкой ее. Здесь принцесса не является простой девушкой, она олицетворяет целое государство.

Во-вторых, Салах 'Абд ас-Сабур выбрал двух персонажей сказок

¹ Наима Мурад Мухаммад. Поэтические драмы Салаха Абд ас-Сабура. Каир: Изд-во Союза писателей Египта, 1990. С. 90.

«Тысячи и одной ночи» – ас-Самандала (ас-Самандара) и ал-Карандала – в качестве основных героев своего нового произведения. Ас-Самандара он изобразил как безжалостного правителя, предателя своего народа и государства. Ал-Карандал же предстает мудрецом, острословом, верным другом, он может быть голосом народа, его честью и совестью.

В-третьих, в пьесе, как и в сказках, присутствует загадочный пейзаж: густой запущенный лес, разваливающаяся хижина, таинственные голоса, резкие изменения в природе, восход солнца или крошечный мрак.

В-четвертых, Салах ‘Абд ас-Сабур использовал и некоторые приемы народного театра. К ним относятся, например, приемы труппы комедиантов времен Мухаммада Али¹: показ преступлений или событий через театрализованные представления, например, устроенные по поводу обрезания его сыновей, сценки жалоб народа на произвол сборщиков налогов².

Сюда же можно добавить смену масок, ночные бдения и свободный полет фантазии поэта. Автор воспользовался также легендами «Заколдованный петух», «Капризный моряк» и другими. Применял он и загадочные диалоги, имеющие двойкий смысл.

В-пятых, пьеса содержит множество дидактики – нравственных советов и наставлений. В ней содержится призыв к возвышенной любви, основанной на настоящей духовной близости, в отличие от той, что основана на обычной физической связи. В пьесе говорится о том, что народ должен выбирать своих правителей из числа тех, кто не имеет отрицательных черт характера.

‘Абд ас-Сабур, объединив многие, отличные друг от друга элементы разных фольклорных рассказов, придал им новую форму и содержание. В сцене ночного бодрствования принцесса и ее служанки появляются в царском дворце в траурных одеждах и демонстрируют театральное представление. Это пьеса внутри пьесы, инсценировка ранее произошедшего события. Принцесса со своими служанками каждую ночь ставит подобные спектакли, показывает, как погиб ее отец. Затем начинается ритуал плача. Такие сценки похожи на эпизоды сказок «Тысячи и одной ночи», в частности, сказки «Грузчик и три девушки», но их со-

¹ Правитель Египта, в 1811 году разгромил мамлюкских беев и объединил страну, создал централизованное государство, основатель династии, продолжившейся до 1952 года.

² Али ар-Раи. Театр на родине арабов. Кувейт: «Мир просвещения», 1980. С. 180.

держание несколько изменено.

Вышеприведенные эпизоды служат раскрытию смысла народной поговорки: «позднее раскаяние – враг для тебя». Тем самым зрителя учат, что бесполезно сожалеть по поводу ранее совершенных ошибок.

Поэт, опираясь на накопленный веками народный творческий опыт, на основе художественного осмысления фольклорного материала добился создания всесторонне зрелого произведения и тем самым наделил пьесу народностью и художественной привлекательностью.

Зарипов И.Р.

(Восточный факультет СПбГУ)

***Семантика глаголов моделей фа‘ала, фа‘ила, фа‘ула
в арабском языкознании***

Согласно анализу арабских исследователей, глаголы моделей фа‘ала, фа‘ила, фа‘ула обладают характерной для каждой модели семантикой.

Глаголы модели фа‘ала выражают следующие типы значений: «собираение» (ал-джам‘), например, джама‘а, ҳашара, ҳашада в значении ‘собирать’; «разделение» (ат-тафрйқ), например, базара, қасама ‘делить’, ‘разделять’; «дарование» (ал-и‘тā), например, манаҳа, наҳала ‘даровать’; «запрещение» (ал-ман‘), например, ҳабаса ‘запирать’, мана‘а ‘запрещать’; «воздержание» (ал-имтинā), например, абā ‘не желать’, шарада ‘уходить’, джамаҳа ‘упрямиться’; преобладание (ал-ғалаба), например, қахара ‘покорять’, малака ‘овладевать’; перемещение (ат-таҳавил), например, нақала ‘переносить’, сарафа ‘отклонять’; изменение (ат-таҳаввул), например, раҳала ‘уезжать’, захаба ‘уходить’; покой (алистиқрāр), например, савā ‘покоиться’, сакана ‘утихать’; движение (ас-сайр), например, замала ‘медленно двигаться’, машā ‘идти’, ‘двигаться’; прикрытие (ас-сатр), например, ҳаджаба ‘закрывать, скрывать покрывалом’, ҳаба‘а ‘скрывать’ и др.

Глаголы модели фа‘ила передают такие типы значений, как: возникшее явление (‘арад), например, джариба ‘болеть чесоткой’, ‘амиса ‘гноиться (о глазах)’; марида ‘болеть’; сопровождаемое качество (анну‘ўт ал-мулāзима), например, зариба лисāнуху ‘говорить непристойности’, балиджа джабīнуху ‘светиться (о лице)’; большой размер органа тела (кибру ‘удвин): рақиба ‘иметь большую шею’, кабида ‘обладать большой печенью’, таҳила ‘обладать большой селезенкой’, джабиха ‘иметь большой лоб’ и др.

Глаголы модели фа‘ула обозначают характерное, длительное качество (ас-саджайā ау ал-аусāф ал-фитрийа аллатй лахā мукс), например: ҳасуна ‘быть красивым’, ҳатура ‘быть опасным’.

Следует подчеркнуть, что иногда глаголы данных моделей имеют одинаковые значения, например: фаза‘а и фази‘а ‘пугаться’, галаза и галуза ‘быть грубым, жестоким’, қазира и қазура ‘быть грязным’, камила, камила и камула ‘быть полным’. Арабские исследователи считают, что подобные слова относятся к разным диалектам, но вместе вошли в литературный язык, образуя, таким образом, разные варианты одного и того же глагола.

При желании выразить удивление каким-либо действием (или его восхваление, или порицание), глагол, обозначающий это действие, преобразовывают в модель фа‘ула, ср.: қадā ‘судить’, ‘алима ‘знать’ и қадува ар-раджулу ва ‘алума в значении ‘какой превосходный судья’, ‘какой превосходный знаток’.

Глагол модели фа‘ула изменяют на модель фа‘ала в имперфекте йаф‘улу для выражения значения превосходства одного участника ситуации над другим, ср.: карума ‘быть благородным’ и карамту ал-фāриса ‘я превзошел героя в благородстве’, шаруфа ‘быть знатным’ и шарафту ан-набила ‘я превзошел в знатности человека знатного происхождения’.

Отсюда следует, что преобразование одной модели глагола в другую сопоставимо с образованием по известным моделям отглагольного прилагательного с целью добавления определенного значения к глагольной семантике.

Глаголы, выражающие неотъемлемые или характерные качества, являются непереходными, например: набула ‘быть знатного происхождения’, заруфа ‘быть остроумным’, самина ‘быть жирным, полным’. В основном это глаголы модели фа‘ула.

По семантическому критерию к непереходным глаголам также относят:

- глаголы, обозначающие действие, реализующееся в течение длительного времени или повторяющееся, например: шаджу‘а ‘быть храбрым’, джаши‘а ‘быть жадным’, нахима ‘проявлять прозорливость’;
- глаголы, выражающие значение временного состояния, например: марида ал-мута‘арриду ли ал-‘адвā ‘заболел подвергшийся инфекции’;
- глаголы, передающие значение радости/печали, например, са‘ида ‘быть счастливым’, ҳазина ‘быть печальным’, джази‘а ‘скорбеть’;
- глаголы, содержащие значение чистоты/нечистоты, например, тахура, назуфа ‘быть чистым’, даниса ‘быть загрязненным’, ва-сиха ‘быть грязным’;

- глаголы, обозначающие цвет, или украшение, или изъян, например, ҳамира ‘быть красным’, қаҳила ‘подкрашивать глаза сурьмой’, ‘авира ‘быть кривым, одноглазым’.

Таким образом, переходность/непереходность глагола неразрывно связана с глагольной семантикой. Специфика значения того или иного глагола определяет количество и вид его актантов.

Литература:

1. ‘Аббас Ҳасан. *Ан-Наҳу ал-вафй*. Каир: Дār ал-ма‘āриф, б.д. Т. II. 600 с.
2. Ас-Суйўтй. *Ал-Музхир фй ‘улум ал-луға ва анва‘ихā*. Ч. 2. Каир: Дār ихйā’ ал-кутуб ал-‘арабиййа, 1958. 663 с.
3. Ибн ‘Ақйл. *Шарҳ Ибн ‘Ақйл*. Бейрут: Ал-Мактабату ал-‘асриййа, б.д. Т. II. 686 с.

Зиявудинова Мухлиса (ТашГИВ, Ташкент)

Место Бинт аш-Шати в истории литературы и науки Египта

В арабистической филологической литературе не так много исследований, посвященных жизни египетской писательницы Аише Абдурахман, которая более известна под псевдонимом Бинт аш-Шати («Дочь берега»). Между тем она стала одной из первых женщин, получивших известность в арабском мире как литературовед и историк исламской цивилизации.

Бинт аш-Шати родилась в ноябре 1913 года на берегу Нила в городе Дамiette, который подарил арабскому миру знаменитых ученых и литераторов. Получив образование дома, Аиша экстерном сдала экзамены за среднюю школу, а затем за полный курс литературного факультета Каирского университета, где при окончании получила диплом с отличием.

Более 60 лет она работала в редакции газеты «ал-Ахрам», где печатались ее статьи и рассказы, а также сотрудничала с такими журналами, как «ал-Хилал», «ал-Каукаб», «аш-Шарк», «ан-Нахда ан-нисаййа». Она совмещала литературную деятельность с научно-педагогической. Работая в университете, она написала научные монографии, посвященные поэссе ал-Хансе (VI-VII в.), а также выпустила несколько книг о жизни и творчестве великого арабского средневекового поэта-философа Абу-л-Ала ал-Ма‘арри.

Перу Бинт аш-Шати принадлежат исторические сочинения, посвященные известным женщинам из семьи пророка Мухаммада: «Мать пророка», «Дочери пророка», «Жены пророка», «Саййида Зайнаб – герой Кербель», «Салима – дочь Хусейна», – а также монография об уче-

ных Мавераннахра.

Что касается собственно литературного творчества Бинт аш-Шати, то ее перу принадлежат два романа: «Впавшая в ошибку» (1944 г.) и «Возвращение Фараона» (1949 г.) – и три сборника рассказов – «Тайна берега» (1953 г.), «Сельские рассказы» (1958 г.) и «Картинки из их жизни» (1959 г.). Рассказ под названием «Тайна берега» (сб. «Тайна берега») является автобиографическим. В нем автор рассказывает о своем детстве, которое прошло на берегу Нила. Из этого рассказа можно получить ответ, почему она взяла себе псевдоним «Бинт аш-Шати» – «Дочь берега». События многих рассказов этого сборника связаны с жизнью жителей берега Нила («Песня берега», «На берегу Нила», «Варда» и др.).

Свое сочинение под названием «Современная арабская поэтесса» (1963 г.) Бинт аш-Шати посвятила своей подруге – известной поэтессе Назик ал-Малаика, которая выступила новатором в современной арабской поэзии. В этом сочинении автор знакомит читателя с жизнью и творчеством таких средневековых поэтесс как Лайла ал-Ахйалийя и ал-Ханса, а также с известными писательницами нового времени, такими как Аиша Таймурийя и Варда ал-Йазиджи. В книге приведены образцы из переписки этих двух писательниц, которые затрагивают актуальные вопросы своего времени, рассматривая их с просветительских позиций. Также здесь представлены образцы из их поэтического творчества. В этом же сочинении Бинт аш-Шати демонстрирует свои знания в области современной арабской поэзии.

Бинт аш-Шати сама тоже писала стихи, которые были собраны в сборнике «На мосту». Ее лирические стихи посвящены описанию природы родного края, любимой реке Нил и ее друзьям.

В 50-х годах XX века Бинт аш-Шати посещает Саудовскую Аравию. Плодом этой поездки явились путевые заметки «Земля чудес». При встрече с ней король Саудии назвал ее «Амирату-с-сахра» («Королева пустыни»).

Бинт аш-Шати была хорошо знакома с мусульманской культурой. Она с детства знала наизусть священный Коран, известны ее комментарии к Корану и хадисам. Она была и хорошим оратором. В университетах многих арабских стран она читала лекции по истории арабской литературы. Все свои произведения она писала на чисто литературном арабском языке.

Бинт аш-Шати – одно из наиболее значительных явлений в истории современной арабской культуры и литературы, и более детальное знакомство с ее жизнью и творчеством является несомненно важным для изучения истории и культуры Египта в XX веке.

Ковырина Н.Б.
(РУДН, Москва)

Особенности формирования жанра романа в литературе Иордании

На рубеже XX – XXI вв. исследование основных прозаических жанров: эпопеи, новеллы, повести и особенно романа – в разных национальных литературах арабских стран в аспекте их включенности во всемирный литературный процесс, в единое поле «мировой литературы», приобретает особую значимость. С точки зрения истории мировой литературы, арабский роман вообще и иорданский в частности, является романом молодым, хотя за свою почти столетнюю историю (а египетский и сирийский и более чем вековую), он прошел сложный путь от первых несовершенных, «ученических» попыток до освоения и внедрения на арабской национальной почве художественных открытий мировой романистики XIX-XX столетий с учетом особенностей традиционной арабской прозы, прежде всего, средневекового арабского романа.

Иорданский роман занимает достаточно неординарное, специфичное положение как в общемировом, так и в общеарабском литературных процессах, поскольку изначально национальная литература Иордании является неотъемлемой частью общеарабской литературы, складывавшейся и ныне существующей на арабском языке, и имеющей единую традицию, восходящую к раннему средневековью. Сходные черты литературных процессов в Иордании с другими арабскими литературами, как и специфические национальные особенности ее формирования, обуславливаются историческими причинами.

Подобно другим арабским странам, территория современной Иордании входила сначала в состав Арабского Халифата (VII-XIII века), а затем (с XVI в.) – Османской империи, и вплоть до начала XX века современные Сирия, Иордания, Ливан и Палестина рассматривались как единый географический и культурно-исторический комплекс под общим названием «Сирия» или «Великая Сирия». Процесс же возникновения самостоятельного национального иорданского государства датируется началом XX века (1921). Исторический процесс, в результате которого Иордания превратилась в самостоятельное, национальное государство, был весьма сложным. Общественно-политические события 20-х гг. XX в. всколыхнули иорданское общество, явились стимулятором для подъема и развития культурной и литературной жизни страны. Однако движение «*ан-нахда*» (возрождение через культуру – Н.К.) в Иордании значительно отстает от более развитых арабских стран (Египет, Сирия, Ливан – XIX в.) и, по мнению иорданского литературоведа Самира Кытами, «приходится на вторую четверть (20-40-е гг.) XX века,

так как ранее не было политических, материальных и человеческих ресурсов для этого процесса»¹.

Общественные и литературные процессы в Иордании 1921 – 1948 гг. связаны с просветительской деятельностью эмира Абдаллы (1882-1951). При его правлении закладывались основы государственности, создавалась армия, расширялась торговля, строились школы, издавались первые иорданские газеты и журналы, формировались научные и литературные общества занимавшиеся вопросами научных исследований, становлением новой национальной литературы, утверждением развития и распространения арабского языка, сохранением исторических памятников Иордании. Сложности национального и культурного возрождения Иордании обусловили трудности становления самобытной иорданской литературы, в том числе и романистики, в котором нашли отражение, как общие закономерности литературного процесса (связь с литературным наследием средневековья, ускоренное развитие, перестройка системы жанров), так и многие специфические черты, связанные, прежде всего, с тесным переплетением судеб палестинского и иорданского народов.

Основы формирования прозаических жанров в литературе Иордании многослойны. Это и традиция общеарабского фольклорного и литературного наследия, и требующая обращения к современности и новым формам публицистика, с которой неразрывно была связана деятельность иорданских писателей уже с начала 20-х годов XX века, а затем и осваиваемый с того же периода художественный опыт западноевропейской и русской литератур. Зачинатели иорданской литературы – просветители Х.Бейдас, Х.Файриз, И.ан-Наури – тяготеют на первом этапе своего творчества к «малой прозе», в чем проявляется типологическая закономерность развития прозаических жанров – роман как структура более сложная вызревает позднее новеллы.

В своем стремлении постичь национальные бытийные универсалии и осмыслить через них «общее состояние мира» иорданские прозаики обращаются часто к мифологическим формам: мифу, легенде, притче как универсальной прамодели бытия, включающей в себя единичное и всеобщее, сиюминутное и вечное. В ранних романских опытах проявляются определяющие черты романной прозы, закрепляющие за ней определенное устойчивое литературное пространство. Уже на начальном этапе развития иорданского романа можно говорить о попытках создания разных уровней романной формы, определяющих поджанровую

¹ С. Китами. Литературное движение на востоке Иордании // *Ал-Харака ал-адабийя фи шарк ал-Урдунн*. Амман, 1981, С. 20.

специфику общего жанра, во внутренних структурах которого рождаются элементы философского, мифологического, любовного, исповедального, автобиографического («эго-романа»), политического и психологического романов.

Мамедшахов Р. Г.
(Восточный факультет СПбГУ)
Падежная система личных местоимений
в литературном арабском языке

В арабском литературном языке (АЛЯ) имеется два ряда личных местоимений, которые традиционно называются раздельными и слитными (употребляются и другие термины).

В арабистике отсутствует четкое определение синтагматического статуса этих местоимений. Если об этом судить только по контексту их употребления, то ими де-факто оперируют иногда как лексемами, иногда как морфемами.

Личные местоимения действительно имеют неоднородный синтагматический статус. Раздельные местоимения однозначно признаются лексемами, а слитные скорее следует отнести к энклитикам, что выражается в графической и фонетической цельнооформленности этих клитик с опорными словами и некоторых специфических фонетических явлениях на стыках между ними. При этом они все-таки ближе к лексемам, что подтверждается критериями опущения, вставки и замены.

В арабистике никогда не ставился вопрос о сути соотношения этих рядов и критерии их различения. Вопрос должен ставиться так: раздельные и слитные местоимения являются разными лексемами или разными формами одной лексемы?

С другой стороны, известно, что класс имен в АЛЯ обладает морфологическими категориями рода, числа, падежа и состояния. Личное местоимение, как подкласс имени, хотя и весьма специфический, должен также отражать эти категории. Но по традиционной классификации получается, что у личных местоимений падежа нет.

Тем не менее эти местоимения имеют интересное распределение. Личные местоимения реализуются только в позиции, требующей именительного падежа (фактически только независимое подлежащее), а слитные местоимения – в позициях родительного и винительного падежей (второй элемент сопряженного сочетания, предложное зависимое, прямое дополнение, зависимое подлежащее и т. д.). Функциональные различия выражаются также и различиями в порядке слов. В целом раздельные местоимения имеют большую свободу передвижения. Слитные местоимения достаточно жестко привязаны к позиции после опорного

слова. А различия в их линейной позиции во фразе частично объясняет различие в их синтагматическом статусе. Зависимый элемент, позиционно жестко привязанный к другому, главному элементу, легко клитизуется.

Если критерием различения этих форм является только падеж, то самым естественным способом представления личных местоимений является признание у них категории падежа.

В этом случае мы получаем две падежные формы: прямого (именительного) и косвенного (родительного и винительного) падежей. Это вполне укладывается в рамки именного склонения в АЛЯ, так как в нем как раз имеется словоизменительный тип имени, который характеризуется противопоставлением на поверхностном уровне именительного и родительного/винительного. Такие имена называются двухпадежными.

Мустафаева А.А.
(КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата)
Основные источники синонимии
в современной арабской терминологии

Одним из видов несоответствия терминов и понятий является синонимия терминов. Синонимия в терминологии отличается от ее положения, занимаемого в общеупотребительной лексике. Синонимы в общеупотребительном языке используются для называния разнозвучащих, но близких по значению слов. Поскольку терминология используется в научной речи, то ее цель заключается в передаче информации, а не достижении стилистических эффектов. На основании анализа работ, посвященных синонимии, можно выделить следующие источники семантической эквивалентности в арабской терминологии:

1. *Варьирование формы термина.* Так, в арабском литературном языке для передачи слова «термин» используются масдар (имя действия) восьмой породы «اصطلاح», а также причастие страдательного залога аналогичной породы «مصطلح», образованные от глагола «اصطَلَح» *соглашаться*. Для передачи слова «компьютер» используются слова «حاسب» и «حاسوب», также образованные от одного глагола – «حَسَب» в значении *считать, вычислять*. И в первом и во втором случаях происходит варьирование формы термина при образовании слова от одной и той же производящей основы.

2. *Займствование термина с последующим образованием эквивалента в национальном (арабском) языке.* В период османского правления арабским языком были заимствованы многочисленные турецкие

слова, например, «*قشلة*» в значении *больница*, вернее, *госпиталь* для раненных военнослужащих; в настоящее время в этом значении обычно используется слово «*مستشفى*». Во время завоевания Египта Францией арабский язык пополнился многочисленными французскими словами, например, «*تياترو*» и «*بورو*», которые имеют в языке арабские эквиваленты «*مسرح*» и «*مكتب*» соответственно.

Для арабской компьютерной терминологии, подобно компьютерной терминологии любого языка, данный вид заимствования характерен и наиболее плодотворен, поскольку компьютерные термины приходят из США, которые «господствуют» над миром компьютеров и Интернета. На начальном этапе компьютерные термины заимствуются с английского и лишь затем, в дальнейшем, появляются их арабские эквиваленты. В результате данного процесса некоторые заимствованные термины вытесняются появившимися национальными эквивалентами, а некоторые «уживаются» и продолжают существовать в языке наряду с чисто арабскими терминами.

3. *Одновременное заимствование из иностранного языка.* В арабском языке сосуществуют два заимствованного варианта термина «азот», это – «*نتروجين*» (от английского Nitrogen, в странах Машрика, которые были под властью Англии) и «*أزوت*» (от французского Azot, в странах Магриба, находившихся под властью Франции).

4. *Синхронное существование диалектной лексики и лексики литературного арабского языка.* Например, в египетском диалекте используется слово «*عيش*» – наряду с литературным словом «*خبز*», что в переводе означает *хлеб*.

5. Сосуществование современного и заимствованного старого (устаревшего) слов. Слово «*فنجان*» заимствовано в древности из персидского языка в значении «*чашка*» для кофе или чая, оно не утратило свою былую функцию и используется в современном арабском языке наряду со словом «*كأس*», что в переводе означает *стакан, чашка*. Турецкое по происхождению слово «*أوضة*» (тур. *Oda*) в значении «*комната*» по-прежнему широко используется в арабском языке и, в частности, в Египте, хотя в последнее время его все больше вытесняет слово «*غرفة*».

6. Территориальное варьирование и наличие территориальных синонимичных терминов в литературном арабском языке. Известно, что арабский мир включает в себя свыше двадцати арабских государств,

получивших независимость на протяжении первой половины XX века. Это не могло не отразиться на формировании терминологической системы арабского языка, так как каждая страна начала создавать свою собственную практическую терминологию, действуя изолированно от других арабских государств. Таким образом, появились «территориальные» синонимы. Как и в других областях, в компьютерной терминологии наблюдается широкое территориальное варьирование, например, египетский термин «*حاسب*» (*компьютер*) имеет свои варианты в арабском языке Саудовской Аравии «*حاسوب*», Марокко «*رتابة*», Ливана «*الحاسب الآلي*», «*الحاسب الإلكتروني*», «*جهاز حاسب*». При этом во всех арабских странах используется и английский вариант «*الكمبيوتر*».

Рассмотрим территориальное варьирование компьютерной терминологии на материалах трех арабских государств, где ясно наблюдается процесс синонимии:

<i>Русский термин</i>	<i>Его эквиваленты в арабском языке</i>		
	<i>Египет</i>	<i>Саудовская Аравия</i>	<i>Ливан</i>
Чат	درشة	محادثة	محادثة
Хакер, взломщик	مخترق	متسلل	هاوي الكمبيوتر
Корзина	سلة المحذوفات	سلة المحذوفات	سلة المهمات
Свойства	خصائص	خصائص	خاصيات مميزات
Сотовый телефон	الهاتف المحمول	الهاتف الجوال	الهاتف المحمول

Наличие ряда терминов-синонимов вызывает у специалистов, использующих эти термины, стремление найти между ними разницу, которой фактически не существует, что приводит к искажению их содержания и ошибкам словоупотребления.

Надилова Г.Е.
(КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата)
Языковой плюрализм в арабском романе

Согласно энциклопедическому справочнику «Современное зарубежное литературоведение»¹ все возрастающее внимание к плюрализму, смешанной культуре и к этническому своеобразию в литературе характерно для постмодернизма – современного течения в искусстве, отражающего определенный менталитет, специфический способ мировосприятия, мироощущения. Кроме основных понятий, которыми оперируют сторонники этого направления: «мир как хаос», «мир как текст», «кризис авторитетов», для постмодернизма характерны пародийная форма и фрагментарность повествования.

Проблема культурной полифонии затрагивает сферу, глобальную по своему масштабу, поскольку касается вопросов не только мировоззрения, но и мироощущения, то есть глубоко эмоциональную, внутренне прочувствованную реакцию современного человека на окружающий его мир².

Существует довольно жесткая оценка особенностей постмодернизма: некая эклектичность, присутствующая в современной жизни, порождает «ксероксный уровень» культуры, соответствующий времени, когда все репродуцируется, копируется, перерабатывается и вновь запускается в оборот: от пивных банок до идей и произведений литературы. Однако возможна и другая, не столь негативная оценка данного явления. Коллаж из известных текстов, переписывание старых кусков или хаотичная перетасовка пассажей предыдущих повествований включают в себя новые стилистические приемы и инструменты, иногда с иронической или пародийной окраской. «Борьба и ломка» старых моделей, присутствующая постмодернистской культурной продукции, открывает пространство для новых художественных возможностей, обновленного критического сознания и появления новых, молчавших прежде голосов: женщины, меньшинства, народы «третьего мира» и т.д.

Языковой плюрализм, который проявляется в том, что в текстах арабских художественных произведений сосуществуют современный литературный язык, диалект, классический язык арабского культурного наследия, французский или английский языки является объективным отражением культурной полифонии, существующей в современном

¹ Современное зарубежное литературоведение. Концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1996.

² Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Ithaca: Duke University Press, 1991. P. 260.

арабском обществе в целом. Как известно, разница между арабским литературным языком и диалектами различных стран арабского мира настолько велика, что многие ученые предлагают называть их языками – египетский разговорный язык, алжирский разговорный язык и т.д.

Вопрос о правомочности введения диалектных слов в художественную литературу всегда стоял очень остро и порождал многочисленные дискуссии. Большинство литераторов склонялось к мнению, что литература на то и литература, чтобы пользоваться только высоким слогом и изысканным стилем, ни на шаг не отдаваясь от средневековых норм красноречия и ораторского искусства. Другие, более реалистично мыслящие писатели, допускали в принципе употребление диалектных слов и выражений в случае крайней необходимости и в ограниченном количестве, скажем, чтобы подчеркнуть разницу в культурном развитии персонажа-интеллигента и персонажа-*феллаха*. И только очень немногие авторы смело вводили разговорную речь в повествование в качестве равноправного структурного элемента, отражающего реальность современного арабского общества, все члены которого в повседневном общении используют только диалект.

С точки зрения социологии, литературу и, в частности, роман можно рассматривать как альтернативную сферу исследования поведения человека, как социальный продукт, систему коммуникации, воздействующую на человеческое сознание. Так, романы Нагиба Махфуза рисуют жизнь и общество Египта с большим пониманием и тщательностью, чем работы всех социологов вместе взятые. То же самое можно сказать о романе Абд ар-Рахмана Мунифа «Города соли», который показывает воздействие феномена нефти на эволюцию арабского общества.

Многие слова, прежде бывшие табу, появляются в новых романах, принося с собой новые области смысловых значений. Множественность голосов требует плюрализма стилей, язык автора заменяется языком персонажей. Язык становится пространством, в котором развивается социальная практика. Включение в повествование различных персонажей требует использования разных языков и отдельных друг от друга автономных рассуждений. Различные языки и различные формы речи в одном языке дробят мир и придают ему значение такими способами, которые невозможно свести друг к другу через перевод.

Авторы новых романов хорошо понимают, что разнообразие языка необходимо для выражения огромного разнообразия социальной практики. Роман включает в себя большое количество речевых пластов – от исторических хроник до суфийских откровений, от диалекта затерянного в пустыне оазиса до литературной французской речи. В настоящее время дискуссии ведутся по поводу взаимодействия этих пластов между

собой¹.

Если прежде главной целью повествователя было облегчить коммуникацию и возбудить эмоциональный ответ читателя, то современные новые романы стремятся к созданию своей собственной поэтики, поэтики разноголосия и шока. В литературоведческих дискуссиях ставится проблема различных голосов в тексте. В романах от первого лица мы слышим в повествовании голос главного персонажа или свидетеля событий, сообщающего о них другим людям. В повествовании от третьего лица доминирующим голосом может быть голос всеведущего рассказчика или «смешанный дискурс», включающий голос неуказанного повествователя вместе с внутренними голосами персонажей. В «потоке сознания» внутренние голоса персонажей часто вытесняют подразумеваемого повествователя. Есть и другие комбинации сочетания голосов в современной художественной прозе. Однако на этом пути перед арабским писателем возникает ряд проблем.

Текст, написанный на диалекте, полностью понятен только тем из арабских читателей, кто является носителем данного диалекта или хорошо знаком с ним. Особенно это касается провинциальных диалектов. Каирский и бейрутский диалекты, как правило, понятны многим арабам Ближнего Востока и Северной Африки через фильмы, песни, но в них также есть нюансы, которые не улавливаются жителями других регионов. Романист, который пишет на *'аммиййе*, то есть на своем родном диалекте, вряд ли сумеет привлечь внимание читателей соседней арабской страны, в отличие от своего коллеги, пишущего на литературном языке. Он рискует остаться чисто «местным» писателем.

Диалекты в арабском мире никогда не имели развитой письменной системы и чаще всего приводятся в несоответствующей им орфографии литературного языка (*фусха*), читатель порой с трудом расшифровывает ее. Более того, тексты на диалекте часто непоследовательны в использовании арабских букв для этих целей. При использовании *фусха* и *'аммиййа* одновременно текст состоит из двух лингвистических типов, и расхождение между ними гораздо значительнее, чем в европейских языках в сходной ситуации.

Ввиду всех этих ограничений многие арабские писатели стремятся так построить диалог, чтобы он, хотя и написанный по правилам литературного языка, напоминал разговорные обороты. Иногда они настолько преуспевают в этом, что у читателей, даже литературных критиков, создается впечатление, что они имеют дело с диалектом. Однако при более внимательном чтении заметно, что авторы стараются не нарушать

¹ Peled M. *Aspects of Modern Arabic Literature*. Paris, 1988.

нормы современного литературного языка, создавая его полуразговорный вариант. Использование в диалогах такого типа языка, а именно, разговорного *фусха* или скрытого *'аммиййа* присуще не только Нагибу Махфузу, но и многим другим писателям арабского мира. Это избавляет автора от необходимости писать диалоги на языке, отличающемся по структуре от языка повествования.

Нарративные отрезки текста в романах состоят из различных текстуальных разновидностей: описание основного фона, ситуации, действия, вторжение во внутреннее состояние персонажей и т.д. Они могут включать цитаты из письменных и устных документов, художественных и нехудожественных (письмо, речь, отрывок из газеты). Подразумеваемый рассказчик (в основном, повествование идет от третьего лица) может быть нейтральным по отношению к событиям или сопереживать им. Он может рассказывать историю со своей собственной точки зрения, а может передавать, прямо или опосредованно, голоса и точки зрения определенных персонажей. Различные перспективы неизбежно вызывают различия в использовании языка повествования. Такая техника, как «поток сознания», в которой внутренняя речь и ассоциации перекрывают речь повествователя, «комбинированный дискурс», в котором голоса подразумеваемого рассказчика и персонажа смешиваются, встречается и в произведениях современных арабских прозаиков. Эксперименты подобного рода проводились как Нагибом Махфузом, так и другими писателями с введением ряда стилистических и лингвистических новшеств. Иногда голоса персонажей отличаются от голоса рассказчика структурой предложения, первые начинаются с глагола, вторые с имени существительного.

В последние годы молодые писатели инкорпорируют традиционные нарративные арабские стили в свою прозу¹. Одним из таких методов повествования является пастиш-роман, приверженцем которого является египетский романист Гамаль ал-Гитани. В его романах средневековый арабский текст (или жанр) дает стилистическую матрицу, в которую отливается современный сюжет или современная версия древнего сюжета. Язык этих пастиш-романов, хотя и заимствованный из средневековых текстов, насыщен словами, словосочетаниями, структурами предложений и смыслами, которые однозначно современны.

Интенсивная политика внедрения французского языка в образовательные системы в Тунисе, Марокко и особенно в Алжире привела к такой ситуации, когда существенное количество писателей и интелли-

¹ Ballas S. Le Courant expressionist dans la nouvelle arabe contemporaine // *Arabica*, №25, 1978.

генции в этих странах писали и продолжают писать по-французски, таким образом обогащая репертуар своей национальной литературы. Об этом ясно свидетельствует популярность произведений Тахира ибн Джеллуна (Тахар Бен Джеллун), Мухаммада Диба, 'Абд ал-Кабир ал-Катиби, Катиба Йасина, Асси Джебар, Рашида Абу Джадра (Буджедры) и других.¹ Однако основной чертой недавних десятилетий было возникновение молодого поколения писателей, которые внесли основной вклад в развитие арабского романа на арабском языке.

Экспериментирующие авторы идут по своему пути. В романе 'Алий ат-Таб'и «Захрат ас-суббар» (Цветок кактуса)², герой которого – представитель левых сил поколения 60-70-х годов, автор вводит непривычное для нас, но вполне естественное для туницев поочередное использование то французского языка, то диалекта в «потоке сознания» и внутреннем монологе. Тунисский диалект врывается в сознание героини, вытесняя литературный язык. Наиболее драматичный отрезок на диалекте занимает 9 страниц. Вводится он обращением-предисловием на французском, а весь последующий текст идет на диалекте. Таким образом, три языка конкурируют в пространстве романа. Французский периодически «высылается», то он есть, то его нет, литературный арабский нужен в повествовании для обрамления диалогов, внутренний же мир персонажей заполнен диалектом. Тексты на каждом из языков как бы конкурируют в романе, что указывает помимо всего прочего на противоречивые компоненты тунисской культуры в целом.

Помимо длинного письма на тунисском диалекте³ роман содержит размышления о важности этого разговорного языка, единственного, который понимают простые жители Туниса – рабочие, крестьяне, ремесленники. Автор, не колеблясь, обращается к распространенным диалектным фразам. Девяносто сносок объясняют значения тунисских слов для читателя из другой страны. Французский язык рассматривается как инструмент, необходимое добавление к арабскому литературному языку, что создает в ткани произведения своеобразный трилингвизм.

Арабская литература конца XX и начала XXI соответствует време-

¹ Прожогина С. В. Франкоязычная литература Магриба. М.: Наука, 1973; Прожогина С. В. Между мистралем и сирокко. М.: Восточная литература. 1998; Прожогина С. В. От Сахары до Сены. Литературное пространство франкоязычных магрибинцев в XX веке. М.: Восточная литература, 2001.

² Ат-Таб'и и 'Алийа. Захрат ас-Суббар (Цветок кактуса). Тунис: *Дар ал-Джануб*, 1991. 172 С.

³ Ат-Таб'и и 'Алийа. Захрат ас-Суббар (Цветок кактуса), С. 77-86.

ни своим содержанием, множеством и разнообразием стилей и языков в текстах. Все вышеупомянутые противоречивые качества указывают на тенденции и особенности изменений как социальной реальности, так и эстетики арабского романа.

Социальный и духовный кризис переходного периода, переживаемый интеллигенцией этого региона, выражается в постоянных попытках творческого обновления, познавательного и культурного поиска. И арабский роман в этой ситуации отличается особой языковой многослойностью.

Насырова М.А.
(ТашГИВ, Ташкент)

***Основные труды лингвистической школы Мавераннахра
эпохи зрелого средневековья (X-XIII вв.)***

В период раннего средневековья на основе синтеза научных достижений многих народов формируется богатая научная и философская арабо-мусульманская литература, в создании которой активное участие принимали и ученые из Средней Азии – ал-Хорезми, ал-Фергани, ал-Фараби, Ибн Сина, ал-Беруни, Улугбек. Это были ученые-энциклопедисты своей эпохи, основатели научных школ. В этот период происходит интенсивный рост городов, таких как Самарканд, Бухара, Мерв и др., развивается наука и культура. В Хорезме, например, возникает научная академия. Некоторые ученые даже сравнивают этот период в истории Средней Азии с эпохой Ренессанса в Европе.

Ученые Мавераннахра не только хорошо владели арабским языком, но и внесли огромный вклад в изучение и распространение арабского языка. Многочисленные труды, посвященные арабской грамматике, словари арабского языка, стихотворные диваны и филологические комментарии на научные, поэтические и прозаические произведения средневековых арабских авторов являются ярким доказательством выдающейся роли региона в развитии арабо-мусульманской культуры.

Данное исследование посвящено деятельности средневековых ученых-языковедов Мавераннахра. Проведенная работа позволяет сделать следующие основные выводы относительно развития языковедческих исследований в рассматриваемом регионе:

- Обязательное знание арабского языка способствовало развитию арабского языкознания в Средней Азии в целом, и в Мавераннахре в частности. Вследствие этого появились ученые, занимавшиеся арабской лингвистикой и писавшие языковые трактаты и учебные пособия.
- Ученые из Мавераннахра совершали путешествия в поисках зна-

ний в Сирию, Ирак, Хиджаз и др.

- Вследствие развития лингвистических исследований в Мавераннахре в исламском мире получили широкую известность такие ученые из этого региона, как Исхак ал-Бухари (ум. в 206/ 821 г.), Ибн ал-Хаййат (ум. в 320/ 932 г.), Махмуд аз-Замахшари (1075–1144), Исхак Саффар ал-Бухари (ум. в 405/ 1014 г.), Мухаммад ал-Хорезми (555/1160 – 617/1220 гг.), Наср ибн Абу ас-Сайид ал-Мутарризи (538/1143 – 610/1213 гг.), ‘Умар ал-Джанди (ум. в 700/1301 г.), Мас‘уд ат-Тафтазани (712/1312 – 791/1389 гг.) и многие другие.
- В Мавераннахре были созданы такие фундаментальные труды по арабской лингвистике, как «*ал-Муфассал фи сан‘ат ал-и‘раб*», «*МукаддаMAT ал-адаб*» и «*Асас ал-балага*» Махмуда аз-Замахшари; «*ат-Тахмир*», «*Китаб сихр ал-и‘раб*» и «*ал-И‘джаб фи ‘илм ал-и‘раб*» Мухаммада ал-Хорезми; «*ал-Иклид*» ‘Умара ал-Джанди; «*ал-Мисбах фи-н-нахв*» Насра ал-Мутарризи, «*ал-Мутаввал*» Мас‘уда ат-Тафтазани; «*ан-Нахв ал-кабир*» Ибн ал-Хаййата и др. В рукописном фонде ИВ АН Республики Узбекистан хранятся одиннадцать рукописей «*ал-Муфассала*» Махмуда аз-Замахшари.
- Языковеды Мавераннахра создавали комментарии к научным трудам представителей других арабских лингвистических школ, например, Саффар ал-Бухари «*ал-Мадхал ила Сибавайхи*», Исма‘ил ал-Фука‘и «*‘Умдат ал-макйид ва ‘иддат ал-маджид фи ма‘рифат лафзат ат-таджвид*», Мас‘уд ат-Тафтазани «*Шарх мухтасар ал-Занджани*» и «*Халл ал-мака‘ид фи шарх ал-кава‘ид*», Салих ат-Тумурташи «*Шарх ал-алфия фи-н-нахв*», Махмуд аз-Замахшари «*Шарх абйат китаб Сибавайхи*» и «*Шарх ал-фасих*» и др.
- В последующем ученые-языковеды мусульманского мира писали свои комментарии на труды ученых из Мавераннахра, в том числе на такие труды, как, например, ас-Сахави «*Шарх ал-муфассал ли аз-Замахшари*», Ибн ал-Хаджиб – «*ал-Идах фи шарх муфассал аз-Замахшари*», Ибн ал-Хишам «*Тахлис ал-инсаф фи тафсир ал-Кашшаф*» и др. Последнее в свою очередь свидетельствует о высокой оценке достижений лингвистической школы Мавераннахра.

Редькин О.И.
(Восточный факультет СПбГУ)
Арабская письменная традиция:
проблемы ранних этапов развития.

Письменные тексты, в отличие от существующих исключительно в устной форме, позволяют достаточно адекватно воспроизвести зафиксированные данные независимо от того, каков хронологический или пространственный интервал между их записью и воспроизведением. Не является исключением в этом отношении и арабская письменная традиция.

Как известно, в Аравии, прежде всего в ее центральной части, передача знаний и духовных культурных ценностей в доисламский период осуществлялась преимущественно в устной форме (принято считать, что наиболее яркий пример тому – доисламская поэзия), имеющиеся же сведения относительно степени распространения письменной традиции имеют косвенный характер.

На первый взгляд, быстрый переход от одного культурного типа (по преимуществу устной традиции) к другому (устно-письменной традиции) сопровождался и стремительным, в отличие от других языков, развитием арабской письменности и ее формированием в том виде, который весьма близок к современному. Инновации же, внесенные в систему арабской письменности в первые десятилетия ислама, были настолько логичны и мотивированны, что сохранились вплоть до настоящего времени, претерпев лишь незначительные изменения.

В этот период непосредственно в Аравии арабская письменность вытесняет традиционные письменные системы, использовавшиеся на севере и юге полуострова. В эпоху формирования халифата арабский язык и арабская графика также постепенно становятся основным средством письменной коммуникации и на новых территориях, разделяя на начальном этапе эту сферу с арамейским (в Сирии и Палестине) и греческим (в Египте) языками.

Сторонний наблюдатель вправе ожидать, что реализации столь масштабного культурно-исторического проекта, каковым стало возникновение и развитие арабской письменности, предшествовал длительный период, в ходе которого должны были сложиться соответствующие культурные и материальные предпосылки. При этом отличия между различными этапами континуума, выражаемые в формальных признаках (виды графики, принцип письма) должны быть минимальны.

Вместе с тем при сопоставлении арабских эпиграфических памятников джахилийского периода (512 г. н.э.)¹ и наиболее ранних из тех, которые относятся ко времени хиджры (4 г.х. или 626 г. н.э.),² становится очевидной разница в их графической репрезентации. Арабская эпиграфическая традиция в период, непосредственно предшествующий исламу прерывается и получает свое продолжение лишь в первые годы хиджры. Другими словами, отсутствуют какие-либо письменные артефакты в рамках внутриаравийского ареала, относящиеся к периоду, непосредственно предшествовавшему кардинальным идеологическим и социальным изменениям в жизни Аравии.

В этой связи возникает вопрос: существовала ли в какой-либо форме собственно арабская письменная традиция на территории полуострова до ислама, а именно в период между началом VI в. н.э. и первыми десятилетиями VII в. н.э., и какова вероятность существования иных, кроме эпиграфических, письменных артефактов, относящихся к данному периоду?

Для решения данной проблемы необходимо рассмотрение развития арабской графики в контексте экономических, политических, социальных, географических и культурных реалий Аравии в раннем средневековье. Следует также учитывать и то, что недостаток артефактов эпиграфического характера заставляет использовать разнохарактерные сведения, представленные в таких источниках, как классическая (доисламская) поэзия, хадисы, Коран, а также произведения ранних мусульманских авторов.

Рустамий Салима
(ТашГИВ, Ташкент)
«Илм ал-балāга» и стилистика

Язык, наряду с такими задачами как фиксация событий, выражение вопроса, побуждения, эмоций, хвалы или порицания выполняет эстетическую функцию, используя лингво-художественные средства. На Востоке изучением эстетических возможностей языка, его художественных особенностей в средние века занималась наука «*балāга*». На западе этим занимались «*стилистика*» и «*поэтика*».

Сформировавшаяся в средние века в арабском языкознании наука «*балāга*» и сейчас обогащает нас знаниями о культуре языка, об особых

¹ Abulhab S.D. Roots of Modern Arabic Script: From Musnad to Jazm // Dashed Voice, 50 & 51, 2009, New York. Pp. 6-7, 13.

² Miles G.C. Early Islamic Inscriptions near Ta'if in the Hijaz // Journal Of Near Eastern Studies, Vol. VII, 1948. Pp. 236-242, p. 240.

способах передачи мысли. Правильное выражение мысли, подбор и использование слов, которые адекватно выражают мысль и воздействуют на человека, считаются особым искусством. Цель науки «*балāḡa*» заключалась в изучении закономерностей этого искусства.

В настоящее время тщательное изучение теоретических и практических сторон эстетики языка является основой для включения этого направления языкознания в ряд таких сформировавшихся научных направлений как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и т.д. На наш взгляд, будет целесообразным назвать это направление «лингвистическая эстетика». На сегодняшнем этапе это одна из актуальных проблем языкознания.

В этом контексте представляется продуктивным изучение науки «*балāḡa*» с точки зрения современного языкознания. Поэтому главной целью настоящей работы является рассмотрение и сопоставление арабской «*‘илм ал-балāḡa*» и европейской стилистики.

В широком смысле слово «*балāḡa*» означает «зрелость, достижение совершенства», в узком терминологическом смысле – искусное употребление языковых средств в зависимости от контекста. В античный период литературной истории древнегреческое слово «стилос» означало деревянное перо. «Стилист» – писарь, «стилистика» – знания о правописании, а также писарская деятельность. Тематическая сфера термина «*балāḡa*» – узкая, сфера применения термина «стилистика» – более широкая. Термин «*балāḡa*» ограничен рамками речи. Термин «стилистика» используется более широко, он применяется в различных сферах культуры, таких как изобразительное искусство, музыка, театр, архитектура.

Раздел стилистики, чей объект изучения совпадает с объектом «*‘илм ал-балāḡa*», называется «филологической стилистикой». В свою очередь филологическая стилистика подразделяется на стилистику литературоведения и стилистику языка (лингвостилистику). Одна из двух задач стилистики – изучение разных стилей, включая стили индивидуальные и жанровые – не является предметом изучения науки «*балāḡa*». Вторая – изучение экспрессивно-эмоционально-оценочных свойств различных языковых средств как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане – имеет непосредственное отношение к науке «*‘илм ал-балāḡa*».

Есть некоторые понятия, которые не изучаются в стилистике, но изучаются в науке «*балāḡa*». К таковым относится понятие «*далāla*». В западной лексикологии понятию «*далāla*» частично соответствует понятие «сигнификация».

В стилистике есть понятия «денотация» и «коннотация». Выражение словом основного понятия – «денотация», выражение дополнитель-

ного значения – «коннотация». Под этим понятием подразумеваются значения, связанные с эмоциями, отношением говорящего. «Денотация» в науке «*балāга*» именуется «*ваз'и далāла*». Соответствия «коннотации» в науке «*балāга*» нет.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что важнейшей задачей современного отечественного языкознания является глубокое изучение теоретических и практических сторон науки «*илм ал-балāга*», связанной с эстетикой языка.

Сейтметова Ж.Р.

**(Факультет востоковедения КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата)
Драматургия Альфреда Фарага (1929-2005)**

Египетский драматург Альфред Фараг (1929-2005), крупнейший представитель египетской литературы XX в., художник большого и многогранного таланта. Творчество Альфреда Фарага оставило неизгладимый след в истории развития и становления египетского театра и драматургии. Его произведения, подлинно новаторские по своему содержанию и по форме, переводились на иностранные языки и ставились на подмостках театров различных стран, в том числе западных, и повсюду они находят признание у самого широкого круга зрителей.

Альфред Фараг наряду с такими драматургами как Нуаман Ашур, Саад ад-Дин Вахба, Михаил Руман, Рашад Рушди, Йусуф Идрис, внес огромную лепту в расцвет египетского театрального искусства, пришедшийся на 60-е годы прошлого столетия. Со смертью Альфреда Фарага, как отметил египетский театральный деятель Салах ас-Са'адани, «Культура Египта лишилась бесценного сокровища, а древо творчества – своей лучшей ветви». Известный театральный критик Набил ал-Халфауи не случайно назвал Альфреда Фарага «Шекспиром египетский драматургии».

Перу Фарага принадлежит более 20 пьес, из них семь одноактных. Он также автор сборника коротких рассказов (1966), двух небольших повестей: «История потерянного времени в египетской деревне» (*Хикаят аз-заман ад-дау' фи карйа мисрийя*, 1980), «Дни и ночи Синдбада» (*Айам ва лайали ас-Синдбад*, 1987). Театральному искусству посвящена книга «Путеводитель по театру для умного зрителя» (*Далил ал-мутафарриг аз-заки ила-л-масрах*, 1965) и исследование «Театр на Западе» (*Ал-масрах фи-л-зарб*, 1988). Его пьесы идут на подмостках театров Египта, Кувейта, Катара, Судана, Сирии, Ливии, Туниса, Алжира, Иордании. Пьеса «'Али Джанах ат-Табриси и его слуга Куффа» была поставлена театром А.М.Мейбаха (Maubach) в Берлине в 1986 году, а также опубликована на английском языке издательством «Protos»

(США). Издательство «Heinemann» в Лондоне опубликовало пьесу «Ловушка» (*Ал-Фахх*, 1966) в серии «Египетские одноактные пьесы». В 1977 эта пьеса шла на сцене театра «Locad» (Лондон). Этот же театр в сезоне 1976-1977 гг. показал пьесу «Пометка о браке на свидетельстве о разводе» (*Гауаз аля варакат талак*, 1972). На английский также переведена пьеса «Аз-Зир Салим» (*Аз-Зир Салим*, 1967).

По мнению арабских режиссеров, ставящих пьесы Альфреда Фарага, он один из тех драматургов, которые хорошо знают законы театра и его специфику. Фараг, несомненно, внес большой вклад не только в развитие реалистической драматургии Египта, но и в развитие театрального дела страны. Драматургия Фарага представляет интерес с точки зрения обогащения реалистического направления в литературе новыми формами, стилистическими приемами и языковыми средствами.

Пьесы Фарага созданы, в первую очередь, для постановки, он ищет зрителя, способного мыслить, и хочет, чтобы мысль зрителя напряженно работала во время и после представления. Все поиски писателя направлены на создание театра, способного активно вмешиваться в жизнь и изменять ее. Он создал оригинальную драматургическую систему, которая строилась на новом для того времени типе действия, сосредоточенного не столько на изображении ярких внешних событий, сколько на психологической реакции действующих лиц на эти события.

Выступая смелым новатором, Фараг вместе с тем использовал в своем творчестве все лучшее, что было создано арабским художественным наследием и мировым театром. Как показывает обзор творческого пути драматурга, Фараг – разноплановый и разножанровый автор, свидетельством чего являются его пьесы, написанные в различной драматургической стилистике. Фараг в своих пьесах, проблематика и персонажи которых теснейшим образом связаны с национальной почвой, поднимает острые социальные проблемы Египта 50-70-х гг. прошлого столетия. Обратившись в поисках сюжетов к народному фольклору и арабскому литературному наследию писатель актуализирует традиционные образы, сюжетные повороты, переосмысливая их и адаптируя к реалиям современной эпохи.

Драматургия Фарага отличается последовательным применением принципа «отчуждения» – *«тагриб»*. В его пьесы вводятся элементы «сцены в сцене» или «пьесы в пьесе», разворачивающиеся на сцене события прерываются комментариями лиц, со стороны наблюдающих за происходящим. Вводя повествовательный элемент в контекст пьесы, драматург развил жанр эпической пьесы. Этими вставками автор разрушает каноны классического театра и движется в экспериментальном русле, вызывая при этом не к чувствам зрителя, а к его разуму. И это об-

ращение к разуму, когда зритель должен анализировать происходящие события вместе с героями пьесы, – один из главных творческих принципов драматурга.

Художественное своеобразие творчества Альфреда Фарага позволяет утверждать, что его драматургия – это путь индивидуальных исканий писателя в общем контексте поисков египетской драматургии 50-60-х гг. XX в. Своим творчеством Фараг пытается вскрыть истинное содержание многих явлений окружающей жизни, заостря внимание на противоречиях современного общества, делая их более зримыми, конкретными, рельефными.

Литература (на араб.яз.):

Альфред Фараг. *Сулайман ал-Халаби*. Каир, 1969.

Альфред Фараг. *‘Аскар ва харамийа*. Каир, 1975

Альфред Фараг. *Аз-Зир Салим*. Бейрут, 1975.

Альфред Фараг. *Гаваз ‘ала варакат талак*. Каир, 1988.

Фуад Дуввара. *Ал-масрах ал-мисрий*. Каир, 1987.

Ранийа Фатхалла. *Ал-иттиджях ал-малхамий в масрах Альфред Фараг*. Каир, 1998.

Суворов М.Н.

(Восточный факультет СПбГУ)

Литературная и окололитературная жизнь в современном Йемене

Основной фактор, который следует упомянуть при характеристике литературной жизни в современном Йемене, – это уровень грамотности населения, составляющий лишь 50%. При столь низкой грамотности художественная литература никогда не играла сколько-нибудь заметной роли в духовной жизни йеменского общества. Среди факторов, препятствующих формированию у йеменцев привычки к чтению, особенно художественной литературы, – низкий уровень школьного, а порой и вузовского образования, не дающий свободного владения арабским литературным языком, многодетность семей, лишаящая человека покоя и приватности, относительно высокая стоимость книг, потребление ката, занимающее практически весь досуг взрослого человека.

Об отсутствии спроса на художественную литературу свидетельствует неразвитая в стране книготорговля. Так, в Сане магазины, предлагающие художественную литературу, можно сосчитать на пальцах одной руки, при этом лишь в двух-трех из них можно найти собственно йеменскую прозу. В Адене такой магазин лишь один.

Отсутствие привычки читать сужает круг потенциальных авторов: не читающий человек не только не получает необходимого представления о технике литературного творчества, но и попросту не овладевает в

достаточной степени арабским литературным языком. Фактически, производители и потребители художественной литературы в Йемене – это один и тот же узкий круг людей: журналистов, чиновников, преподавателей.

Наибольший объем художественной литературной продукции в Йемене приходится на очень молодых авторов. «Молодежный» характер определяет и ее общее невысокое качество. Другая причина низкого уровня доходящей до читателя литературы заключается в особенностях национального издательского дела, при котором выбор сочинения для публикации определяется не его качеством, а такими факторами как платежеспособность автора, его общественный авторитет, доступ к административным ресурсам и личные связи.

Поскольку писатели и критики составляют в Йемене один и тот же узкий круг людей, каждый просто боится «обидеть» своего собрата по перу объективным суждением о его произведениях и получить в ответ столь же объективное суждение о своих собственных сочинениях. Таким образом, этим авторам-критикам остается лишь жаловаться на низкий уровень йеменской литературы и литературной критики, не называя при этом конкретных имен и произведений.

Роль существующих литературных объединений в развитии национальной литературы невелика. Союз йеменских писателей (сущ. с 1970 г.) организует литературные встречи, выпускает литературный журнал «ал-Хикма», но не платит своим членам зарплату и почти не финансирует издание книг. Клуб рассказа «Илмаках» (с 2001 г.) занимается лишь организацией литературных встреч и ведет электронный журнал, в котором публикуются новости литературной жизни Йемена и других арабских стран. Изредка издание художественных произведений финансируют государственные организации. Единой библиотечной системы в Йемене не существует, и поэтому при очень низких тиражах (обычно не более 1 тыс. экз.) найти требуемую книгу иногда бывает просто невозможно.

Наиболее динамично литературная жизнь Йемена развивается сейчас в форме электронных журналов, таких как «Илмаках», «Анавин», «Гайман», «Джидарийа», где публикуются литературные новости, критические статьи, изредка рассказы или фрагменты романов, сохраняемые в электронном архиве. Благодаря этим журналам литературная жизнь Йемена перестала быть сферой, закрытой для иностранцев, чего нельзя сказать о самой йеменской литературе, до сих пор недоступной за рубежом, а иногда и в самом Йемене.

Ходжаева Р.У.
(ТашГИВ, Ташкент)

Арабская поэзия в период правления Мамлюков в Египте и Сирии

Мамлюкский период в Египте и Сирии (XIII-XV вв.) представляет собой важный этап в истории этих стран и отличается своеобразием социально-политической и культурной жизни. Во второй половине XIII века после падения аббасидского халифата под ударами монголов центр политической и культурной жизни перемещается в Египет, где правили Мамлюки.

Исследователи расходятся в оценке культуры и литературы мамлюкского времени, некоторые считают, что арабская литература этого периода находилась в состоянии упадка. Подобная крайняя точка зрения обусловлена несколькими причинами. Одна из них заключается в том, что художественная литература этого периода была недостаточно изучена и только начиная с 90-х годов прошлого века стали появляться фундаментальные труды в этой области.¹ Вторая причина заключается в том, что период правления тюрок-мамлюков в Египте в XIII-XV вв., когда страна была полностью независимой, объединяют, а иногда и ассоциируют с правлением турок-османов, завоевавших Египет в начале XVI в., после чего страна превратилась в отсталую провинцию Османской империи, а центр политической и культурной жизни переместился в Стамбул.

В настоящее время исследователи стали больше обращать внимание на появление в литературе мамлюкского периода новых жанров и форм, тягу к новаторству и изменение творческого процесса в целом. Что касается кризиса в литературе, в частности в поэзии, то он коснулся в основном традиционной дворцовой поэзии на литературном языке (*фусха*), в первую очередь классической *касыды*, «золотая эпоха» которой, действительно, относится к более раннему времени – VIII-XI вв. Традиционная *касыда* была довольно широко распространена и в мамлюкский период, но утратила свою главенствующую роль, став лишь одной из многих форм литературного творчества.

В мамлюкский период было создано множество произведений научной литературы, в том числе первые мусульманские энциклопедии. Рассчитанные в первую очередь на *катибов* – секретарей султанских диванов (канцелярий), они получили распространение и в широких образованных кругах. Как отмечал И.Ю.Крачковский, они важны «для

¹ Салам Мухаммад Заглул. *Ал-адаб фи-л-‘аср ал-мамлуки*. (Литература в эпоху мамлюков). Александрия: Изд-во «Ма’ариф», 1996 г. 2 тт.

истории и культуры в целом»¹, и в них в виде компиляций собраны и систематизированы накопившиеся к этому времени знания по многим отраслям науки.

Некоторые энциклопедии содержат и оригинальные исследования авторов, например, энциклопедия ал-Калкашанди (1355-1418) «*Субх ал-а'ша фи сина 'ат ал-иниша*» («Заря для незрячего в искусстве писания»). 14-томное издание этого труда, напечатанное в Каире в 1913-1920 гг., можно найти и в Фундаментальной библиотеке АН Узбекистана. Этот труд представляет интерес в том числе и тем, что содержит ценные сведения по географии, истории и культуре Средней Азии, в том числе переписку мамлюкских султанов с правителями этого региона.

Такие талантливые поэты мамлюкского периода как ал-Бусири, Сафи ад-Дин ал-Хилли, ибн Нубата, аш-Шабб аз-Зариф, хотя и не достигли вершин прославленных поэтов «золотой эпохи» арабской поэзии, но их творчество оставило заметный след в истории литературы своей лиричностью, изяществом слога, а главное, разнообразием художественного почерка. Они одинаково владели высоким слогом традиционной поэзии со всеми особенностями ее форм, стилей, и в то же время именно эти авторы способствовали созданию другого рода поэзии на *фусха* и в пределах размеров *'аруда* – поэзии более жизненной, упрощенной, обращенной к проблемам современности.

Злободневной остротой, например, наполнена *касыда* того же ал-Бусири, жалующегося визирю на свои житейские неурядицы. *Касыда* написана от имени бедного *катиба* в *диване*, за спиной которого – большая семья «выпивающая за раз колодец воды» и съедающая за раз огромное количество хлеба, по вкусу «напоминающего опилки». *Касыда* начинается со строк: «Тебе мы жалуемся на свое положение, мы ведь очень большая семья». Затем поэт переходит к описанию положения своих детей:

*Наступил праздник, а у них нет хлеба
и нет пшеницы, ни одной лепешки.
Охватывает меня жалость, когда [мое дитя],
в руке [другого] ребенка увидев печенье или фиников горсть,
Жадным взглядом впивается в еду,
а затем тяжело вздыхает.*

Трудно поверить, что эта *касыда* написана почти восемь веков назад, настолько она звучит современно и актуально в социальном плане,

¹ И.Ю.Крачковский. Энциклопедии мамлюкского периода. // Избр. соч. Т. V. М.–Л., 1958. С. 397.

рисую положение большой бедствующей чиновничьей семьи, про которую уже в XX веке много писал в своих социально-бытовых романах другой великий египтянин – лауреат Нобелевской премии в области литературы Нагиб Махфуз.

Коротко и ясно дал определение краскам Сафи ад-Дин ал-Хилли, и оно стало основой для выбора цветов флага в некоторых арабских странах.

*Белое – наши добрые дела, черное – деяния,
зеленое – пастбища наши, красное – надежда.¹*

Его стихи о вине пользовались большим успехом:

*Мы не опрокидываем чашу за чашей,
потому что пьем, чтобы жить, а не живем, чтобы выжить.
Немного вина – для души отрада,
когда его много – несомненный вред.²*

Новаторские тенденции в поэзии мамлюкского периода выразились в разрушении канонов *аруда*, в появлении новых размеров, в отказе от монорима и в стремлении разнообразить рифму, в широком использовании поэтических форм, отличных от традиционных, таких как *ал-мувашишах*, *заджал*, *ал-маввал*, *ал-кума*, *кана ва кана*, *дубайт* и др. Эти формы существовали и ранее, но только в мамлюкский период они получили возможность быть на равных с традиционной поэзией и их использование перестало считаться признаком дурного вкуса.

В этот же период появилась склонность к поэзии, которую отличала шутовская направленность, игра слов и т.п., что проявилось в жанрах «*ал-хамака*» («дурачество»), *ал-маджун* (шутка), «*ал-ихмад*» («соленый»). Новые пристрастия и вкусы выразились и в склонности к песенной поэзии, которая, будучи положена на музыку, звучала на вечеринках и пиршествах.

Еще одна особенность поэзии мамлюкского периода было связана с внутренними противоречиями и религиозными проблемами в стране. Поэты, принадлежавшие к разным *мазхабам*, часто выступали рупором религиозных учений и догм. Другие поэты, протестуя против засилья догматизма и религиозной нетерпимости, создавали стихи весьма фривольного характера, иногда переходящие всякие рамки приличия.

Другой формой протеста против религиозной нетерпимости и фанатизма было духовное отчуждение суфийской поэзии, которая получи-

¹ Рибдави Махмуд. *Ал-адаб ал-хадис*. (Новая литература). Дамаск, 1981. С. 40.

² *Ал-Адаб фи-л-'аср ал-мамлуки*, С. 60.

ла очень широкое распространение в этот период. Суфийские поэты в своем стремлении к Высшему Идеалу, совершенству и очищению широко использовали самые разнообразные аллегорические образы.

В противовес духовной отчужденности поэзии суфизма объектом другого вида поэзии стала жизнь народа, религиозные праздники, события, происходившие на улице, базаре и т.п.

Таким образом, рассматривая тенденции развития арабской поэзии в мамлюкский период, можно отметить сосуществование традиционной поэзии с новыми видами поэтического творчества, для которых характерны тематическое разнообразие, новые стилистические приемы, появление новых жанров. Все это свидетельствует о том, что мамлюкская поэзия представляет собой новый этап развития арабской литературы, имеющий свои особенности, достойные изучения, этап, знакомство с которым необходимо для создания более полной картины истории арабской литературы доосманского времени.

***Храковский В.С.
(ИЛИ РАН, СПб)***

Арабский глагол: нетривиальная деривация

Понятийный код, который используется при классификации и описании глаголов, глагольных конструкций и внутриглагольных деривационных процессов (участники ситуации и их семантические роли, синтаксические актаны, референты и диатезы, т.е. типы соответствий между семантическими, синтаксическими и референтными единицами), в основном формировался в результате анализа прототипического глагольного класса действий, вследствие чего вне поля зрения исследователей нередко остаются деривационные процессы, которые характерны для таких периферийных глагольных классов, как класс глаголов состояния и класс качественных глаголов.

«Главным классом предикатов являются действия. Они составляют подавляющее большинство предикатов, обладают наиболее полным набором семантических (т.е. несогласовательных) грамматических категорий, наиболее полным набором граммем в каждой категории и наиболее полным набором значений каждой граммеы. На материале действий и были разработаны основные понятия грамматики глагола...»¹.

Легко понять, почему базой анализа послужил именно прототипический класс действий. Когда мы говорим о прототипе, то имеем в виду, что в прототипе сконцентрированы самые типичные свойства изучаемо-

¹ Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 89.

го объекта. В этом смысле класс действий, если можно так выразиться, самый глагольный класс. Можно полагать, что это самый многочисленный класс глаголов. В его актантную рамку входят обязательные участники ситуации, выполняющие роли Агенса и Пациенса, а за пределами актантной рамки могут находиться такие необязательные участники, как Бенефициант, Цель, Адресат и т.п. Наличие двухаргументной актантной рамки с такими участниками, как Агенса и Пациенса, допускает в принципе возможность осуществления всех типов диатезных изменений, актантной деривации (повышающей, понижающей и интерпретирующей), а также аспектуальной, модальной и других дериваций. Что касается остальных непрототипических семантических глагольных классов, в особенности одноместных пациентивных классов, то по умолчанию считалось или эксплицитно говорилось о том, что у них сокращаются или исчезают вовсе те семантико-синтаксические диатезные и деривационные изменения, которые характерны для глаголов класса действий. Такой подход, в целом интуитивно оправданный, имеет только один изъян. Он априори исключает возможность появления у периферийных классов таких деривационных процессов, которых в принципе нет и не может быть у прототипического класса действий. Мы будем как раз анализировать один из таких деривационных процессов.

Непосредственным предметом нашего анализа служит деривационный процесс, в результате которого в литературном арабском языке некоторые исходные глаголы состояния т.н. I породы преобразуются в т.н. имитативные (симулятивные) глаголы VI породы (типа SaKiRa 'быть пьяным' → taSa:KaRa 'притворяться пьяным', MaRiDa 'болеть' → taMa:RaDa 'притворяться больным'). Однако, чтобы понять формальные и семантические особенности этого деривационного процесса, необходимо напомнить, что глагол в этом языке представлен десятью морфологическими моделями, т.н. породами. Основной является I порода, у которой наиболее простое морфологическое строение. У глаголов остальных девяти пород более сложное морфологическое строение и они являются непосредственными или опосредованными производными модели I породы. В частности, VI порода, к которой относятся имитативные глаголы, является опосредованным формальным дериватом I породы. На первом деривационном шаге глагол I породы путем замены краткого /a/ после первой корневой фонемы долгим /a:/ преобразуется в глагол III породы. На втором деривационном шаге к глаголу III породы прибавляется префикс ta-, в результате чего получается искомый глагол VI породы. Семантику этого двухтактного деривационного процесса отражают примеры (1)-(3):

(1) KaTaBa muḥammad ar-risa:lata (li maḥmu:d) «Мухаммед написал письмо (Махмуду)» ➔

(2) Ka:TaBa muḥammad maḥmu:d «Мухаммед писал Махмуду» ➔

(3) taKa:TaBa muḥammad wa maḥmu:d «Мухаммед и Махмуд переписывались».

Если исходный глагол действия I породы стандартно преобразуется в реципрокальный глагол VI породы в результате двухтактного деривационного процесса, то исходный глагол состояния I породы преобразуется в имитативный глагол VI породы в результате однотоактного деривационного процесса. Иначе говоря, здесь две последовательные формальные операции (замена краткого /a/ долгим /a:/ и прибавление префикса ta-) происходят симультанно, ср. (4) и (5):

(4) MaRiDa muḥammad «Мухаммед заболел» ➔ (5) taMa:RaDa muḥammad «Мухаммед притворился больным».

В рамках двух формальных деривационных процессов происходят и различные семантические изменения. В двухтактном деривационном процессе на первом такте происходит замена второго участника ситуации, входящего в актантную рамку (необязательный участник ситуации становится обязательным), ср. (1) и (2). На втором деривационном такте повышается семантический статус второго участника ситуации, и они оба выполняют по две семантических роли, ср. (2) и (3). В однотоактном деривационном процессе происходят следующие принципиально важные изменения: во-первых, единственный участник ситуации меняет роль пациента на роль агенса, во-вторых, в ситуации, обозначаемой имитативным глаголом, появляется фигура наблюдателя. Притворство требует наблюдателя, иначе оно бессмысленно.

Реципрокное и имитативное значения, выражаемые одной и той же комбинацией двух формальных показателей, связаны семантическим мостиком. При реципрокном значении удваивается число ролей, выполняемых каждым участником, при имитативном значении в ситуацию с единственным участником добавляется фигура наблюдателя. Имитативная деривация является малопродуктивным семантико-синтаксическим преобразованием, однако «изучение... малопродуктивных семантико-синтаксических преобразований в типологической перспективе представляется... чрезвычайно важной и актуальной задачей»¹.

¹ Аркадьев П.М., Летучий А.Б. Деривация антипассивной зоны в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008, 73-99. С. 99.

Салихов М.С.

(Восточный факультет СПбГУ)

Саади и традиция газели в персидской классической поэзии

Следуя размерам и рифмам, даже в некоторых случаях содержание и мотивам *газелей*, созданных другими поэтами, слагавшими *газели* (начиная с Рудаки и до своих современников), Саади сочинил множество *газелей*, усовершенствовав их стиль и манеру. В его *газелях* – удивительная образность, изящество и красота слова, они сочетают в себе четкость мысли Рудаки и словесную манеру Анвари, идейные мотивы Хакани и пластичную музыкальность Санаи. Словом, Саади «классичен», и можно смело сказать, что ему принадлежит первое место после Фердоуси как бесспорному классику персидской литературы. Он являлся автором 4 сборников од (*касыд*), 4 сборников лирических стихотворений (*газелей*), собраний кратких стихотворных поучений, отрывков, четверостиший и двустиший, нескольких прозаических посланий (*ресале*). Но самыми знаменитыми и бесспорно значительными произведениями Саади являются «Голестан» и «Бустан». Необыкновенная красота человека, его стремления и мечты, земная любовь, составляющие основу содержания газелей предшественников Саади, нашли в его *газелях* свое выражение в чарующих образах и красочных картинах.

Тема любви и суфийские мотивы, получившие отражение в *газелях* предшественников, Саади дополнил дидактическими и этическими мотивами критики и недовольства и этим значительно расширил круг тематики *газели*. Его *газели*, как правило, посвящены конкретным жизненным ситуациям и строятся на основе единого сюжета. Место Саади в совершенствовании *газели*, утверждении ее эстетических основ чрезвычайно велико. И безусловно, надо отметить его особую заслугу в оттачивании языка *газели*.

Aftab Ahmad

(India Arab Cultural Centre (IACC), New Delhi, India)

Origin and Spread of Arabic Madh Poetry in India

Indo-Arab relations that can be dated back to antiquity speak of such inter-cultural dialogues and exchanges between two ages-old civilizations. There are a lot of historical evidences for this time-tested cultural tie up. The Old Testament bears ample evidence for maritime mercantile relations between India and the Arab world during Solomon's period.

Arabs' Indian connection predates the spread of Islam. There is commonly held view that from about 2500 years ago, the lands of West Asia and North Africa, stretching from Egypt to Iran had traded regularly with Indus

Valley. India was a fulcrum of world trade and a meeting point of western and eastern trade routes.

Archaeological excavations across the region regularly yield evidence of the Arabs intimate maritime and commercial links with our civilizations in Harappa and Mohenjodaro. There is evidence of relations between the Harappan civilisation and the Dilmun society.

From the time immemorial these two civilizations have been in constant contact with the exchange of goods, ideas, cultures and people of each other. At this end of history, Indo-Arab relations have been on a distinctive trajectory with the massive movement of people from India to the Arab world and vice versa in the form of pilgrimage or labor migration.

The cultural contacts were not confined to the linguistic interactions only, but to a wide variety of activities ranging from menu to the naming of individuals and clans. The Arabs have contributed even to the naming of this region, Hindustan. The name to the religion Hinduism is partly an Arab contribution. The spread of Islam fostered this linkage tremendously.

The history of learning and teaching of Arabic language in northern India started with the arrival of Islam but in southern India much before the Islam. It came as the language of Arab traders who were in the region in visible numbers. It was further boosted by the invasion of Mohammed bin Qasim in 710 AD. Teaching of Arabic started traditionally in Mosques and Madrasas which were established to cater studies on Qur'an, Hadith and other aspects of Islamic studies. People learnt Arabic because it was the language of Quran and was compulsory to understand Islam. These madrasas played an important role in promotion of Arabic language and produced famous scholars of Qur'an, Hadith, Fiqh and Islamic history.

India has not only produced eminent scholars in different fields of Arab history and Islamic studies but also in Arabic language and literature who had immensely enriched the Arabic literature in both forms of prose and poetry. Writing poetry in Arabic had started in India some time in the 7th century and flourished in many forms. Haroon bin Mosa Al-Multani is considered as the first Indian Arabic language poet. Arabic poets of Indian origin like Abul Ata As-Sindhi (d.796), Abul Hindi and Abu As-Sila Al-Sindhi had made a huge contribution to the Arabic literature in Umayyad and Abbasid period. Arabs have certified the Arabic literary works carried out by the Indians as the great Indian Madh poet, Ghulam Ali Azad Belgrami was titled «Hassan –ul-Hind» (the Hassan of India) in a reference to great Arab poet, Hassan bin Thabit. India's Arabic poetry had enriched Arabic literature immensely as the Arab poets have borrowed several themes from them.

It is difficult to trace out the beginning of Arabic Madh (praising of Prophet Mohammed) poetry in Indian subcontinent but Indian scholars of

Islamic history points it had started some time in 8th century. Indian Arabic poets besides other forms of poetry had written maximum in Madh form because it was more close to their heart and believe.

A large number of Arabic scholars in India have written Madh poetry through out the ages but their works are not in published form. Despite that there is a long list of Indians who had written the Madh poetry and their works are in published form. Some of the imminent poets are Qazi Abdul Muqtadir Al-Kindi (1304-1389), Abdul Haq Dehlawi (1551-1642), Shah Waliullah Delhlawi (1703-1763), Ghulam Ali Azad Belgrami (1705-1786), Shah Abdul Aziz Dehlawi (1746-1824), Fazl Haq Khairabadi (1798-1862), Faizul Hasan Saharanpuri (1813-1887), Nawab Siddiq Hasan Khan (1833-1890) and Allama Anwar Shah Kashmiri (1875-1933).

Ever, despite the tangible evidences to the age old cultural relations between India and Arab world, there is a widely held view that India has only produced works on Islamic studies like Qur'an, Hadith, Fiqh and other related fields but it has an upper hand in enriching the Arabic literature particularly in Madh poetry. This paper will seek to trace out the origin and development of Arabic Madh poetry in India.

Magda El-Nowieemy
(University of Alexandria, Egypt)
East and West:
Reading of Ibn Tufayl's Hayy Ibn Yaqzan

The 11th and 12th-century-Spain provided a good context for Islamic-Arabic philosophy to thrive. There had been favourable conditions under which the first philosophical novel Hayy Ibn Yaqzan arose. It was written by Abu Bakr Muhammad Ibn Abd Al-Malik Ibn Muhammad Ibn Tufayl Al-Qaisi Al-Andalusi, an Arab philosopher and physician, born in Islamic Spain (c. 1110-1182).

There is more than one accepted way of reading and interpreting this novel. My aim is to make a case for the translation movement as more decisive in conceiving this novel. In the early Abbasid era classic, Hellenistic, and later Greek thought were incorporated into Arabic literature by the translation movement which flourished in the latter half of the eighth century of our common era, reached its climax in the ninth, continued into the eleventh, and showed some signs of life in the twelfth and thirteenth centuries. By the end of the tenth century, almost all scientific and philosophical Greek works had been translated into Arabic.

On the other hand it is crucially important to be aware of the eastern philosophic production current at the time. Flows from Islamic culture brought key figures in Spain, in philosophy in particular. So Aristotelian ra-

tionalism, and Platonic ideas were mingled with the cultural and Islamic milieu of Al-Ghazali, Al-Farabi, Ibn Bajjah, and Ibn Sina.

Although Hayy Ibn Yaqzan has been well-analyzed in a rich flow of books and articles over the years especially in Europe, the theme of east and west will be given prominence in my present paper.

The first part of my argument will concern the ideological and cultural colourings of the context in which it was written. The second part deals with the most debated issues in the novel that continues to be the point of intersection of contesting ideologies. It also deals with the astonishing variety of conclusions the novel has yielded.

РАЗДЕЛ V.
«ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА» /
YOUNG SCHOLARS' SECTION

Авсинева Н.М.
(РУДН, Москва)

***Методический аспект деловой переписки на
французском и арабском языках***

В 90-е годы появился особый интерес к национально-культурной специфике делового языка. Рассматривая деловую переписку, мы не в праве упускать аспект методики его преподавания, который связан с национально-культурной спецификой.

Необходимость изучения официально-делового стиля и его жанров, реализующихся в различных видах деловой документации, определяется тем значением, которое он приобрел в настоящее время в связи с развитием международных контактов, научно-исследовательской, законодательской, предпринимательской и других видов деятельности человека. При подготовке профессиональных переводчиков необходимо уделить особое внимание деловому языку, его прагматическому аспекту и национально-культурной специфике.

Говоря об официальном языке, необходимо рассмотреть официально-деловой стиль. Деловой стиль – это совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы официально-деловых отношений, то есть отношений, возникающих между органами государства, между организациями или внутри них, между организациями и частными лицами в процессе их производственной, хозяйственной, юридической деятельности. Сфера применения деловой речи может быть представлена как широкая сеть актуальных официально-деловых ситуаций и как набор соответствующих жанров документов.

Говоря об особенностях делового языка арабов и французов, мы не должны забывать о национально-культурной специфике, присущей Востоку и Западу.

Деловое письмо является одним из языковых средств делового общения. Оно заменяет и подтверждает телефонные переговоры, телеграммы и телексы. Перед нами встает вопрос о потребности обучения нормам и критериям написания делового письма.

При этом важно учитывать, что любое европейское деловое письмо должно быть хорошо оформленным, четким и ясным, кратким. Стиль письма должен быть простым, легким для восприятия. Язык французской коммерческой переписки старается избегать длинных фраз. Одна-

ко если длинные выражения необходимы для того, чтобы понять смысл, опускать их из-за соображения краткости не следует. Не нужно бояться большого числа абзацев, они придадут письму максимум порядка и ясности. Составитель письма должен использовать точные термины, определенный набор клише, не выходить за рамки делового стиля, быть тактичным. В деловой переписке обязательно используется набор стандартных фраз, архаических выражений, клише, речевых оборотов, которые подчеркивают официальный характер письма, присущий языку администрации.

В арабском деловом письме дело обстоит иначе. Написать короткое письмо для араба – значит проявить крайнее неуважение к своему партнеру. Чем сильнее араб стремится заключить с вами сделку, тем длиннее письмо, которое он вам напишет, тем больше в нем повторений. Такие понятия, как четкость, краткость, порядок, арабскому деловому языку не свойственны в принципе. Для него характерны громоздкие конструкции и бесконечные повторения. Что касается числа абзацев, здесь хотелось бы сказать, что в отличие от французов арабы не любят большого числа абзацев. Причиной тому, вероятно, является почти полное отсутствие знаков препинания в языке.

Проявлением уважения к человеку в деловой сфере считается написанное разборчивым почерком письмо. Французы, как правило, не пишут от руки (за исключением писем к друзьям и родственникам). Они предпочитают письма в напечатанном виде, где опять же не допустимы опечатки. В отличие от французов арабы чаще пишут от руки. И несмотря на все достижения технического прогресса, написанное от руки письмо не умерло, а даже приобрело больше веса в глазах получателя, ведь, написав его лично, отправитель показывает вам свое расположение. И чем важнее письмо, тем больше вероятность того, что оно будет написано, а не напечатано. У арабов, в отличие от французов, существует несколько видов почерка. В арабской переписке используются два вида почерка: *наsx* и *рук'а*.

Шаблоны французского и арабского делового письма заметно отличаются друг от друга. При составлении письма нельзя забывать про национально-культурный и религиозный аспект европейского и восточного общества.

Обучая деловой переписке, необходимо обратить внимание на то, что французской коммерческой переписке свойственны следующие черты:

- частотное употребление страдательного залога;
- большое количество условных предложений (форма *conditionnel*);
- частое употребление причастных оборотов;

- присутствие архаизмов;
- набор особых клише, оборотов, предложений, свойственных только деловой письменной речи.
Арабской коммерческой переписке свойственно:
- частотное употребление слитных местоимений;
- наличие модальных конструкций;
- частое употребление форм страдательного залога: как глаголов, так и причастий (гораздо чаще, чем в разговорной речи и в арабском литературном языке в целом);
- широкое употребление форм условного наклонения;
- использование лексики делового стиля, употребление фраз-клише.

При обучении деловому языку необходимо уделить особое внимание построению макета делового письма, формулам приветствия и прощания, основной части, национальным и культурным особенностям (особенно это касается арабского языка), а также грамматическим и стилистическим формам, присущим деловой переписке.

Боков Тимофей
(Восточный факультет СПбГУ)
Сирийская пресса в 1918 – 1932 гг.
по материалам работы Валида ал-Му‘аллима
«Сирия в 1916-1946 гг.: Путь к свободе»¹

Сирийская пресса, зарождение которой относится к эпохе «Арабского Возрождения» (*النهضة العربية*)², к 1918 г. представляла собой довольно развитую систему, способную влиять на общественное мнение. Валид ал-Му‘аллим – современный сирийский дипломат и историк – в своей работе по истории Сирии (1916-1946 гг.) не обошел этот аспект стороной.

Мы коснемся трех разделов работы ал-Му‘аллима, в которых он освещает историю сирийской печати: 1) «Пресса в период правления

¹ وليد المعلم . سورية: 1916-1946. الطريق الى الحرية . دمشق ، 1988 .

² В 1860–70-х гг. Бутрус ал-Бустани основывает в Ливане целый ряд газет и журналов, таких как «Труба Сирии» (نفير سورية) [George Antonius. The Arab Awakening, 1938, p.38, цит. по: Hamish Hamilton, London, 1945]; журнал «Сады» (الجنان) и газета «Сад» (الجنة) [З.И.Левин. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М.: «Наука», 1972, С. 67]; примерно в то же время Абд ар-Рахман ал-Кавакби основывает газеты «Алеппо» (الشهباء) и «Справедливость» (الاعتدال) [Ibid., С. 125].

Фейсала»; 2) «Сирийская пресса в период мандата» и 3) «Сирийская пресса в начале конституционного периода».

В первом разделе ал-Му‘аллим отмечает, что король Фейсал уделял прессе особое внимание и проводил с редакторами сирийских изданий консультации, желая направить общественное мнение Сирии в русло поддержки национальной независимости. 17.02.1919 была основана официальная газета «Столица» (*العاصمة*), выходившая дважды в неделю. В ней публиковались изданные законы и официальные обращения правительства.

После того как на конференции в Сан-Ремо было принято решение о предоставлении Франции мандата на управление Сирией, правительство Фейсала решило с помощью прессы сформировать отрицательное общественное мнение относительно колонизации страны европейцами. 7.05.1920 правительство обнародовало указ, согласно которому все газеты должны были подчиняться Управлению печати, главой которого был назначен ‘Абд ал-Кадир ал-‘Азем.¹

Во втором разделе ал-Му‘аллим пишет, что после того как французы заняли сирийские территории, все газеты, издававшиеся при Фейсале, прекратили на время свою деятельность, кроме газеты Ма‘аруфа ал-Арнаута «Слуга Арабов» (*فتى العرب*), которая еще накануне прихода французов выпустила специальный номер, где приветствовала их и отрицательно отзывалась о правлении Фейсала.

27.07.1920 г. генерал Гуро (Gourgau) издал указ, предписывавший всем главам редакций газет и журналов присылать в управление французской разведки копии номеров, планирующихся к выходу, для прохождения французской цензуры и удаления нежелательных для новой власти пассажей. Вскоре количество белых мест в сирийской прессе

¹ المعلم, Op.cit., pp. 94-95. Ал-Му‘аллим перечисляет газеты, появившиеся в этот период, указывая даты основания: 14.10.1918 – «Арабская независимость» (*الاستقلال العربي*), которую издавали Рашид ас-Сулх и Ма‘аруф ал-Арнаут; 15.10.1918 – «Язык арабов» (*لسان العرب*) – первая ежедневная дамасская газета, издававшаяся Хейр ад-Дином аз-Заркали и Ибрагимом ‘Али; 23.10.1918 – «Новая Сирия» (*سورية جديدة*), которую издавали Тауфик ал-Язиджи и Хабиби Кихала; 2.12.1918 – «Жизнь» (*الحياة*) Фариды Сийаха; 14.02.1919 – «Орел» (*العقاب*) Ас‘ада Дахира; 9.12.1918 – «Алеппо» (*حلب*) – ежедневная алеппская газета, издававшаяся по примеру «Ал-‘Асимы»; 2.2.1919 – «Права человека» (*حقوق البشر*) ‘Абд ал-Хамида ал-Джабири; 3.2.1919 – «Возрождение» (*النهضة*), основанная Мухаммадом Субхи Басмаджи [المعلم, Op.cit., p. 94-95].

перешло все возможные пределы, и французские колониальные власти перешли к более решительным мерам. 27.02.1921 г. Горо издал указ о создании специального отделения по делам прессы при администрации Верховного комиссара в Дамаске с целью установления прямой цензуры.

В 1921 г. был учрежден официальный бюллетень администрации Верховного Комиссариата (النشرة الرسمية للأعمال الإدارية للمفوضية العليا). После того как в апреле 1923 г. Верховным Комиссаром был назначен генерал Вейган в положении сирийской прессы наметилось непродолжительное улучшение: многие стеснявшие ее запреты были сняты. В целом, политика ущемления сирийской прессы продолжилась и в дальнейшем, в том числе после назначения Верховным Комиссаром генерала Саррайя, который установил аналогичные правила в Алеппо и Латакии.¹

Третий раздел работы ал-Му‘аллима освещает развитие сирийской прессы после 1928 г. В результате широкомасштабных антифранцузских выступлений сирийцев в середине 1920-х гг. Франция была вынуждена смягчить свою политику. В феврале 1928 г. был опубликован указ 1816, отменявший ограничения, наложенные ранее на прессу. Однако сирийская пресса не сразу смогла воспользоваться плодами этого указа, поскольку местные власти во главе с шейхом Тадж ад-Дином ал-Хусни² использовали различные методы давления, в частности, приостановив деятельность изданий на разные сроки. 31.08.1930 г. был издан указ, согласно которому цензурой стали ведать Национальная Библиотека в Дамаске и Академия Наук в Алеппо.

Тем не менее несмотря на трудности, с которыми был сопряжен процесс демократизации Сирии и ослабления французского влияния в стране, политическая журналистика не только не лишилась своих позиций, но и значительно их укрепила. Несмотря на то, что многие из газет,

¹ المعلم, Op.cit., pp. 180–182. Основными газетами Сирии, появившимися в этот период, ал-Му‘аллим называет: 01.09.1920 – «А и Б» (الف باء) Юсуфа ал-‘Ибси; 02.10.1920 – «Цивилизация» (العمران) – ежедневная газета Ильяса Кавзима и Каблана ар-Рияши; 01.02.1922 – «Абу Нувас нашего времени» (ابو نواس العصري) – ежедневная газета Амина Са‘ида; 02.01.1924 – «Ушло в долгий ящик» (حط بالخرج) Хашима Ханикана. 01.01.1921 начал выходить журнал Академии Наук (مجلة المجمع العلمي), а с 15.05.1921 – журнал полиции (مجلة الشرطة). Также ал-Му‘аллим отмечает наличие в это время в Алеппо как минимум четырех газет, столько же в Латакии и трех в Хомсе. [وليد المعلم, Op.cit., p.182].

² Шейх Тадж ад-Дин ал-Хусни был назначен главой сирийского правительства 13.02.1928 и пребывал в этой должности до 19.11.1931 [نزار الكيالي. دراسة في تاريخ سورية السياسي المعاصر: 1920-1950. دمشق، 1998، ص.64-68].

основанных в предыдущий период, прекратили свое существование, им на смену пришли другие, причем в большем количестве. Так, если в 1931 г. в Дамаске выходило 10 политических газет, то в 1932 г. их было уже 18, и большинство из них были настроены против режима мандата.

Всего в это время в Дамаске выходило 23 газеты, освещавших проблемы политики, культуры или религии. В Алеппо издавалась 21 газета, две газеты издавались в Александретте и одна – в Хомсе. В стране также издавалось 5 газет на иностранных языках. Так, газета «Яки Кун» (يكي كون) издавалась в Александретте на турецком языке. Тем не менее тираж самой крупной из газет не превышал 4000 экземпляров в день. Из появившихся в тот период газет ал-Муаллим особо выделяет газету сирийского Национального Блока (الكتلة الوطنية) «Дни» (الايام), появившуюся в мае 1931 г.¹

Из информации, касающейся развития сирийской прессы, приведенной в работе Валида ал-Му'аллима, мы можем сделать следующие выводы:

– В рассматриваемый период (1918-1932 гг.) сирийская пресса постоянно находилась под пристальным вниманием властей (будь то арабские власти, французская администрация или ставленники французов из числа представителей местной элиты); на сирийскую прессу оказывалось перманентное давление, тем не менее она не только не утратила своих домандатных позиций, но и продемонстрировала поступательное движение вперед.

– Общество Сирии, в основном его интеллектуальная элита, достигли такого уровня развития, что пресса, прежде всего независимые политические издания, осознавались как необходимый фактор развития страны и достижения ею подлинной независимости.

Герасимов Ярослав
(Восточный факультет СПбГУ)
Советский Союз и Россия XX – XXI вв.
в арабской художественной литературе.

Данный доклад посвящен отражению истории, культуры, национальных традиций СССР и современной России в художественных и публицистических произведениях арабских авторов XX века.

Несомненно, художественная литература крайне важна как средство взаимного культурного обогащения, а также нахождения точек соприкосновения и взаимопонимания между народами различных государств, которые исповедуют различные религии, имеют свои нацио-

¹ المعلم, Op. cit., pp. 266–267.

нальные особенности и сложившееся на протяжении веков мировоззрение.

Арабы с древних времен проявляли интерес к территории, на которой в настоящее время расположена наша страна. Первыми из них, оставившими свои описания нравов, обычаев и традиций предков современных россиян, были арабские географы и путешественники: Ибн Хордадбех (ок. 820-912), Ибн Фадлан (дата его путешествия из Багдада на Волгу – 921-922 гг.), ал-Мас‘уди (896-956) и др.

Следует констатировать, что в течение XX века арабские авторы редко обращались в своих художественных и публицистических трудах к советской и российской тематике. В качестве исключений можно отметить произведения Михаила Нуайме (Ливан), Муина Бсису (Палестина), Аниса Мансура (Египет), Маджида Ала ад-Дина (Сирия), Мухаммада Абд ал-Вали (Йемен). Произведения указанных авторов привлекают внимание также тем обстоятельством, что в них затрагивается история нашей страны на протяжении всего XX столетия.

Характеризуя арабских литераторов, посвятивших свои произведения России, необходимо начать с упоминания творчества знаменитого ливанского писателя М. Нуайме. Одним из арабских поэтов, посвятивших ряд своих литературных произведений различным аспектам жизни в СССР, является Муин Бсису. Упоминание деталей жизни в Советском Союзе можно встретить также в ранних рассказах Мухаммада Абд ал-Вали.

Советская тематика также нашла свое отражение в творчестве знаменитого египетского писателя и публициста Аниса Мансура (род. в 1924 г.). Он получил известность как разносторонне образованный человек, обладающий энциклопедическими знаниями, прекрасно разбирающийся в вопросах философии, литературы, политики, естественных наук, свободно говорящий на английском, французском, итальянском и греческом языках, а также на иврите.

Единственным автором, посвятившим роман событиям, происходившим как в СССР, так и в современной России, является сирийский писатель Маджид Ала ад-Дин.

Роман Маджида Ала ад-Дина «Горькие сны Ивана», опубликованный в Дамаске его собственным издательством «Дар Ала ад-Дин» в 2002 году, интересен, прежде всего, потому, что его автор в своеобразной манере освещает историю России, Советского Союза и РФ на протяжении практически всего XX века. Этот роман практически не известен в России, поэтому его содержанию следует уделить особое внимание.

В своем романе автор описывает историю России с 1916 года по

конец 1990-х годов. Фабула романа строится на восприятии главного героя (Ивана Дубова) основных событий, происходящих в России: конец I Мировой войны, Октябрьская революция, Гражданская война, НЭП, II Мировая война, правление Хрущева, период т.н. «развитого социализма», перестройка Горбачева, распад СССР, рост национализма и сепаратизма в отдельных республиках, правление Ельцина.

«Горькие сны Ивана» написаны в жанре просветительского романа, автор является, несомненно, человеком левой, социалистической ориентации. Он долгое время находился в СССР, окончил Университет Дружбы народов, с искренней симпатии относится к нашей стране. С болью воспринимает те беды, с которыми Россия столкнулась в 90-е годы. Все это в совокупности не могло не отразиться на содержании рассматриваемого произведения, в котором художественный вымысел тесно переплетается с реальными историческими событиями, происходившими в нашей стране. Это делает роман интересным как для обычного читателя, так и для историка, стремящегося получить представление о России и Советском Союзе.

Арабские авторы продолжают в своих произведениях обращаться к тематике, связанной с Россией и СССР, подтверждением чему является публикация в Ливане в 2009 году романа Назара Дандаша «Дни красной Москвы».

Работы арабских авторов, посвященные России, целесообразно разделить на следующие категории:

1. Жанр исторического романа («Горькие сны Ивана» Маджида Ала ад-Дина).
2. Жанр путевых заметок и мемуаров («Чужеземец в зарубежных странах» Аниса Мансура, «Мои семьдесят лет» Михаила Нуайме).
3. Агитационно-просветительская литература («Мой Советский Союз» Муина Бсису, «Горькие сны Ивана» Маджида Ала ад-Дина).
4. Произведения арабских авторов, в которых России отводится хотя и небольшая, но при этом важная роль (короткие рассказы йеменских авторов).

Для более детального анализа указанных выше литературных произведений содержащийся в них материал целесообразно разделить на следующие разделы:

- сведения о географии и достопримечательностях нашей страны;
- политическая ситуация и культурная жизнь в дореволюционной России;
- советский период истории России;
- Россия в постсоветский период.

В качестве особого аспекта следует отметить ошибки и неточно-

сти, допускаемые арабскими авторами в освещении русской тематики.

Анализ произведений Михаила Нуайме, Муина Бсису, Аниса Мансура, Маджида Ала ад-Дина и Мухаммада Абд ал-Вали позволяет сделать вывод о том, насколько собственная идейная позиция автора, степень его знания России, избранный им жанр и его литературный талант повлияли на характер изображения им российской действительности.

В качестве примеров будут рассмотрены произведения Муина Бсису и Аниса Мансура, которые по-разному подходили к освещению событий в нашей стране. При этом произведения обоих авторов пользовались и пользуются заслуженным вниманием арабского читателя.

Муин Бсису – палестинец, активный участник ПДС, несомненно, рассчитывал на СССР как на «могущественную силу», которая поможет его народу обрести независимость и добиться суверенитета, формально признанного ООН. В связи с этим Бсису в своих путевых заметках, составленных в ходе путешествий по СССР (далеко не только РСФСР), высказал свое однозначное мнение относительно того, что наша страна является образцом строительства справедливого и процветающего общества и наиболее подходящим образцом для арабского мира. В путевых заметках М. Бсису присутствует ряд откровенно панегирических моментов, описывающих успехи развития хозяйства в ряде республик Советского Союза, в частности в Узбекистане.

Что же касается Аниса Мансура, то его путевые заметки о Советском Союзе написаны пером журналиста-путешественника. При этом его произведение во многом напоминает средневековый жанр *рихла*. Действительно, по ходу произведения он, как может показаться, удивляется разнообразным новшествам и «диковинкам», существующим в Советской России. В то же самое время еще в первых главах он декларирует как одну из задач своей книги разоблачение всевозможных мифов о русских и России, которые сложились у арабского читателя. Взгляд Аниса Мансура на Советский Союз достаточно интересен и в некоторой степени даже уникален: здесь нет революционной патетики, не ощущается приверженности к идеям социализма, финансовой и моральной независимости от Запада. Он выступает в качестве независимого путешественника, который подробно отмечает все позитивные и негативные моменты, которые встречаются на его пути во время поездки по СССР.

Таким образом, нами была предпринята попытка проанализировать мнения арабских писателей о новейшей истории нашей страны на протяжении всего XX столетия. Сопоставление и анализ их взглядов позволяет воссоздать тот образ Советского Союза и современной России, который сложился в арабской литературной среде.

*Гиниятуллин Руслан
(Восточный факультет СПбГУ)
Особенности компьютерной и интернет-терминологии
в современном арабском литературном языке*

Средства, используемые для создания компьютерной и интернет-терминологии, коррелируют со средствами расширения словаря общей лексики арабского литературного языка. При этом, приоритетным способом адаптации компьютерной и интернет-терминологии является лексико-семантическое словообразование.

Для обозначения новых понятий используются исконно арабские эквиваленты, существующие в языке. Для этих целей широко применяется метод употребления слова в переносном значении, метафорический перенос. Слово заимствуется из литературного языка и переносится в сферу специального употребления, в область компьютерной терминологии. Этот метод наиболее распространен для создания компьютерных и интернет-терминов в современном арабском литературном языке.

Согласно выводу, сделанному О.М.Синьковой, которая проанализировала особенности развития арабской компьютерной терминологии, основной способ метафорического переноса в терминообразовании – «это сужение значения слова, несмотря на то, что в современном арабском языке основным семантическим способом словообразования является расширение значения»¹.

Семантическое калькирование широко используется при формировании лексического пласта в сфере компьютерных и интернет-технологий. Однако зачастую невозможно определить точный способ появления той или иной терминологической единицы в системе языка.

При образовании терминов компьютерной сферы самым широким образом применяются масдары (имена действия) и имена относительные.

Анализ словарного состава данного терминологического пласта свидетельствует о значительном влиянии английского языка на его формирование. Так, отмечены примеры семантического калькирования английских терминов либо прямые заимствования. Данный факт не является удивительным, поскольку компьютерная и интернет-лексика изначально складывались именно на базе английского языка.

Важно подчеркнуть, что термины, заимствованные из английского языка, обладают всеми признаками грамматического, фонетического и

¹ Синькова О.М. Способы словообразования компьютерной терминологии в арабском литературном языке (на материале современной прессы). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 2007.

орфографического освоения их в арабском литературном языке. Например, они участвуют в создании терминов-словосочетаний с исконно арабскими словами, а также образуют относительные прилагательные. «Как правило, термин приходит в арабский язык как англоязычное вкрапление, затем его сменяет транслитерированное заимствование, затем заимствование подвергается адаптации (грамматической, фонетической, орфографической, лексико-семантической), и, наконец, ему на смену приходит исконное арабское слово»¹.

Существует проблема многообразия терминов, используемых для обозначения одного понятия. Она связана с тем, что в арабском мире постоянно издается новая литература в области компьютерных и интернет-технологий, в которой варьируется терминология для обозначения одних и тех же явлений. Поэтому в настоящее время арабскими учеными-лингвистами предпринимаются попытки создания стандартизованного списка компьютерных и интернет-терминов.

Жуков А.Е.

(Институт Африки РАН, Москва)

***Россия и ЛАГ: перспективы взаимодействия
по разрешению кризисной ситуации в Судане***

В январе 2005 г. в Судане завершилась гражданская война, продолжавшаяся более 22 лет. Однако время, прошедшее с момента подписания *Всеобъемлющего мирного соглашения*, не принесло этой стране ни мира, ни политической стабильности. В настоящее время в западных *вилайетах* Судана – в регионе Дарфур – продолжается другой вооруженный конфликт между группировками местных племен (военно-политических движений), в котором также принимает участие правительственная армия. Сохраняется напряженность и во взаимоотношениях суданского правительства с автономными властями Юга страны. Очевидно, что за шесть лет переходного периода центральному правительству так и не удалось сделать единство Судана привлекательной перспективой для жителей южных *вилайетов*. При этом если по результатам референдумов, запланированных на январь 2011 года, Южный Судан и район Абьей объявят о выходе из состава страны, это может привести к возобновлению войны между Севером и Югом.

В течение всего послевоенного периода в Судане (2005-2010 гг.) Совет Лиги арабских государств, равно как и МИД РФ, последовательно выступали за конструктивный диалог с законным правительством

¹ Синькова О.М. Способы словообразования компьютерной терминологии в арабском литературном языке.

Судана и критиковали политику ряда стран Запада, направленную на международную изоляцию этой страны. При поддержке руководящих органов ЛАГ страны-члены этой организации активно участвовали в восстановлении пострадавшего во время войны хозяйства Судана, в том числе в рамках программы «Цели тысячелетия» ООН.

Начиная с 2007 года Совет Лиги арабских государств оказывает всестороннюю политическую поддержку объединенной миссии Африканского Союза и ООН в Дарфуре (UNAMID) и правительствам Ливии и Катара, взявшим на себя роль посредников на переговорах между суданским правительством и оппозиционными дарфурскими группировками. За это время было принято более 100 резолюций Совета ЛАГ, осуждающих бойкот переговоров со стороны отдельных группировок и призывающих все стороны вооруженного конфликта присоединиться к мирному процессу. Эти усилия ведущей организации межарабского сотрудничества находят понимание и полную поддержку политического руководства России. Спецпредставитель президента РФ в Судане последовательно выступает за многовекторные консультации всех заинтересованных международных партнеров Судана. За два года своей работы на этой должности он неоднократно посещал Египет, Ливию и Катар для обсуждения «дарфурского досье» с руководством этих государств и ЛАГ, хотя конкретных результатов достичь пока не удалось.

Тем не менее после возобновления переговоров по Дарфуру в 2007 г. международным посредникам так и не удалось выработать формат, который объединил бы за столом переговоров лидеров всех основных дарфурских группировок, не решены также вопросы повестки дня и перечень предварительных условий для начала переговоров. Отчасти это связано с тем, что в арабском мире нет единства в вопросе о преодолении дарфурского кризиса. Несмотря на все усилия руководства Совета ЛАГ консолидировать позиции правительств Ливии и Катара, каждое из которых выдвигает собственные варианты урегулирования конфликта, противоречия между ними не ослабевают. В этой связи закономерно, что в 2009 г. на ведущие роли в пуле международных посредников и ко-спонсоров мирного процесса выдвинулся Африканский Союз, что значительно снизило способность ЛАГ влиять на ход мирного урегулирования.

Аналогичным образом странам-членам ЛАГ не удалось выработать скоординированной позиции по южносуданской проблеме и предложить региональным властям Южного Судана четкую концепцию развития взаимоотношений с арабским Севером. Здесь, в частности, сказывается соперничество отдельных арабских государств, прежде всего Ливии и Египта, за влияние в этом регионе.

С другой стороны, опыт последних лет говорит о том, что даже в тех вопросах, где у арабских государств нет противоречий по суданскому вопросу, мнение ЛАГ нечасто принималось во внимание правительством Южного Судана и государствами-спонсорами *Всеобъемлющего мирного соглашения* между Севером и Югом. Все это говорит о необходимости усиления взаимодействия с другими странами и межправительственными организациями. Одной из таких стран, с которой возможно более тесное взаимодействие по преодолению суданского кризиса, является Россия.

В пользу этого сотрудничества говорит совпадение позиций России и ЛАГ по суданской проблеме. В первую очередь, это безусловная поддержка единства и территориальной целостности Судана, о которой неоднократно заявляли как российский МИД, так и Совет ЛАГ. Вторых, это неприятие ордера на арест президента Судана Омара Хасана ал-Башира, выданного Международным уголовным судом в Гааге. Третьих, это в целом критическое отношение к употреблению термина «геноцид» применительно к конфликту в Дарфуре и, соответственно, критика неправительственных организаций и правительств западных стран, бросающих обвинения в «геноциде».

Независимо от исхода референдумов и будущего статуса Южного Судана, очевидно, что у ЛАГ и России сохраняются и общие интересы, и потенциал для сотрудничества на этом направлении. Это касается помощи Северу и Югу в разрешении имеющихся между ними спорных вопросов и, прежде всего, совместной работы по предотвращению нового вооруженного конфликта.

Представляется, что для решения этих проблем целесообразно использовать трехсторонний формат сотрудничества: Россия – Судан (Север и Юг) – Лига арабских государств. Наиболее перспективными направлениями российско-арабского взаимодействия в этом формате на сегодняшний день являются: 1) проведение на регулярной основе консультаций по проблемам Судана между российскими дипломатами и парламентариями и их суданскими коллегами при участии руководящих органов ЛАГ – Совета Лиги и Общеарабского Парламента; 2) создание платформы для диалога и сотрудничества между представительствами России, Судана и других арабских стран при всемирных организациях, таких как ООН; 3) сотрудничество российских и арабских компаний в Судане в целях поддержки экономического развития страны.

За последние несколько десятилетий РФ (СССР) и ЛАГ накопили богатый опыт взаимодействия по проблемам ближневосточного урегулирования. Кроме того, созданы и действуют механизмы обмена мнениями и согласования позиций между внешнеполитическими ведомст-

вами России и ряда арабских стран. Представляется целесообразным применить этот опыт и в целях совместной помощи правительству Судана по преодолению острейшего политического кризиса в этой стране.

Касымова С.С.
(ТашГИВ, Ташкент)

Хамидуддин Дарири и его произведение «Мукаддимат ад-Дарири»

Как известно, ученые из Мавераннахра внесли значительный вклад в развитие арабской науки и арабского языка в период средневековья. Бухарский ученый Хамидуддин Дарири (ум. в 1267 г.), занимающий особое место в истории арабского языкознания, жил и работал над своими трудами в замке Кахандаз в Бухаре. Он является автором книги *«Китаб ал-аруд»*, краткой книги по грамматике арабского языка *«Мукаддима ад-Дарири»*, а также первым комментатором книги Бурханидина Маргийани *«Ал-Хидайа»*. Этот двухтомный комментарий больше известен под названием *«Ал-Фава'id»*. Также им создан комментарий к произведению Абу Бакра Нишапури *«ал-Гайа»*.

Его сочинение *«Мукаддима ад-Дарири»* также известно под названием *«Мухтасар ан-нахв»* и *«Дарири»*. В рукописных фондах Узбекистана имеются рукописи и литографии этого произведения, озаглавленные *«Дарири»*. В фонде рукописей Ташкентского института Востоковедения имени Абу Райхана Беруни хранятся две рукописи и семь литографий, в фонде им. Хамида Сулеймана одна литография, в музее Бухары – еще одна литография. Также в зарубежных фондах есть рукописи и литографии этого произведения. В настоящее время мы располагаем информацией о том, что они хранятся в музеях и библиотеках Индии и Англии; в Калькутте и в Банкипуре имеются комментарии на это сочинение. В начале XX века в типографии журнала *«Ислах»* было опубликовано учебное пособие на староузбекском языке, разработанное на основе этого произведения. Это литографическое издание в двух экземплярах хранится в фонде рукописей Ташкентского института Востоковедения.

Наличие рукописей, которые переписаны в различные эпохи, а также наличие литографий, напечатанных в разных странах, указывают на актуальность изучения трактата *«Дарири»* с точки зрения современного языкознания. При изучении этого сочинения главной задачей была подготовка критического издания текста, для чего были использованы две рукописи и одна литография из фонда рукописей Ташкентского института Востоковедения.

Первая рукопись, инвентарный номер которой №6452, условно обозначена буквой «А», вторая рукопись, инвентарный номер которой

№9369, условно обозначена буквой «Б» и одна литография, инвентарный номер которой №11397, условно обозначена буквой «С». Надо отметить, что упомянутая литография напечатана вместе с комментариями к этому произведению, составленными Мир Саидом Шарифом Джурджани и Мавлави Хади 'Али. При подготовке критического издания текста сочинения «Дарири» на основании списков, которые относятся к разным эпохам, были учтены требования для подготовки критического издания текста. Сравнительный анализ рукописей показал, что текст произведения почти не изменен, обнаруженные немногочисленные изменения были показаны в сносках к тексту. Различия текстов в основном заключается в буквах, словах и в использовании предлогов, а также в отсутствии или наличии некоторых слов, словосочетаний, предложений, примеров на приводимое грамматическое правило. В рукописи «А» отсутствуют две главы и один подпункт.

Составление сравнительного текста произведения Хамидуддина Дарири «Дарири» является важным этапом в исследовании данного произведения с точки зрения современной лингвистики.

Коровкина А.Ю.

(Восточный факультет СПбГУ)

Развитие системы образования в Бахрейне в XX веке

Историю развития системы образования в Бахрейне можно разделить на три периода: коранический, колониальный и национальный. В течение первого периода, который длился вплоть до 20-х годов XX века, существовали только учебные классы (коранические школы) при крупных мечетях. Ученики знакомились с Кораном, при этом обязательным для них являлось заучивание наизусть определенного количества сур, а также знакомство с основами чтения и письма. Главной задачей таких школ было подготовить служителей мечетей низших ступеней и мелких чиновников.

С 20-х годов XX в. начинается новый этап в развитии образования, который продолжался до 50-х годов. В это время при сильной поддержке со стороны англичан были созданы светские начальные учебные заведения, отдельные: мужские и женские. Обучение велось иностранными преподавателями по специально подготовленным в Англии программам. Список преподаваемых предметов значительно расширился, теперь в него входило изучение арабского и английского языков, арифметики, географии и истории. Таким образом, английское правительство готовило чиновников, членов низшего офицерского состава военно-полицейских сил и других служащих, которые стали бы основой поддержки правящей династии и при этом лояльно относились к британ-

ским властям.

В 60-е годы наступил следующий период, продлившийся до конца XX века. В течение этого времени были заложены основы современной системы образования. Правительство учредило специальные органы, призванные контролировать и стимулировать развитие образования, утвердило ежегодные ассигнования из государственного бюджета, причем со временем эта сумма все более и более увеличивалась, достигнув, в конечном итоге, достаточно высокого уровня. До 80-х годов в Бахрейне функционировали только начальные и средние школы, а также специальные профессиональные училища, преподавание в которых велось не только иностранными специалистами, но и местными учителями по новым программам. Основная задача этих учебных заведений состояла в том, чтобы подготовить национальные кадры специалистов среднего звена. Те же, кто хотел продолжить свое обучение, были вынуждены уезжать за границу.

Однако в последней четверти XX века эта ситуация изменилась. Проблема развития образования стала одной из приоритетных для правительства, что объясняется заботой о подготовке национальных высококвалифицированных кадров, а также о соответствующем воспитании молодежи. Правящие круги Бахрейна по-прежнему старались, с одной стороны, привлечь к решению проблем образования прежних партнеров с Запада (США, Англию), а с другой – наладить отношения со странами арабского мира, которые имели более богатый опыт в сфере развития образования (Египет, Сирия, Ливан), а также со своими ближайшими соседями (арабскими государствами Персидского залива). В 1980 г. при содействии всех шести государств региона был создан Университет арабских стран Персидского залива. В 1986 г. в столице Бахрейна г. Манаме был основан Университет Бахрейна. До сих пор два этих высших учебных заведения считаются в стране главными и наиболее престижными.

Кроме того, начиная с 60-70-х годов XX века, на повестку дня был поставлен вопрос о ликвидации неграмотности среди взрослого населения. И хотя в начале Министерство образования выделяло средства в основном на профессиональное обучение, а главную роль в финансировании играли общественные организации и частные общества, со временем роль правительства в этой области значительно возросла.

Развитие системы образования в Бахрейне прошло в XX веке несколько этапов, в ходе которых перед ним вставали серьезные проблемы различного рода. В целом, однако, это развитие можно охарактеризовать как последовательное и весьма успешное, особенно в сравнении с аналогичными процессами в других странах Восточной Аравии.

Кункова В.И.
(Восточный факультет СПбГУ)
Арабский город в период своего торгово-экономического расцвета
при Аббасидах (на примере Басры)

Арабский халифат внес большой вклад в урбанизацию Ближнего Востока. Апогеем расцвета ближневосточных городов стало ранее средневековье (IX–XI века), затем к XV–XVII векам произошел их упадок, сопутствовавший общему замедлению темпов экономического развития региона. Для Ближнего Востока свойственна непрерывность городской традиции. Древние столицы и небольшие города доарабского времени продолжали свое существование и обретали новые черты в рамках нового государства – халифата, объединенного новой религией – исламом. После арабского завоевания сохранились и продолжали развиваться все византийские города, оказавшиеся на территории халифата, что обеспечило преемственность в развитии византийского и арабского города. Что касается городов, основанных арабами: Басра, Куфа, Фустат, Кайруан, – они сначала представляли собой военные лагеря с временными жилищами, хотя, например, Басра и Куфа уже к 638 году превратились в постоянные поселения.

Город в арабском средневековом обществе эпохи Аббасидов был местом осуществления большинства торговых операций. Именно в городах, в отличие от сельской местности, выступавшей как источник сырья и сельскохозяйственной продукции, осуществлялись все важнейшие этапы торговой деятельности: доставка товаров, хранение их на складах, купля-продажа и другие сделки. Горожане составляли примерно одну шестую часть населения Арабского халифата, а число людей, занятых в торговле, – около 20 процентов.

К важным экономическим центрам средневекового Ирака относился портовый город Басра. Он был обязательным пунктом на пути, объединявшем морскую торговлю в Индийском океане и сухопутные маршруты, идущие через столицу Аббасидов – Багдад. Городом, непосредственно связанным с Басрой, был город Убулла на Персидском заливе. В 772 году Басра была обнесена городскими стенами. Население города превышало 100 тысяч человек.

Басра была названа ее известным уроженцем ал-Джахизом «сокровищницей арабов», в которой скапливаются ценные товары со всего света и товары местного производства. Купцы пользовались системой чеков и расписок, о чем упоминает путешественник Насир-и Хосров, который побывал в Басре в конце 1051 – начале 1052 г. и оставил описание того, что происходило на базаре города: «Купец сдает товар мянле и получает от него расписку. Затем он покупает все, что ему надо,

а вместо уплаты дает чек на того же самого менялу. За все время, что купец находится в городе, он сплошь пользуется расписками менял и совершенно не прибегает к звонкой монете».

Торговым центром Басры при Аббасидах долгое время был рынок ал-Мирбад, который находился к западу от города в сторону пустыни и по праву назывался «оком Басры». Интересно происхождение названия этого рынка. Есть несколько интерпретаций слова «мирбад»: 1) стойло для верблюдов и место их привязи, 2) хранилище для фиников, где они лежат и сушатся на солнце, 3) серый цвет – цвет пыли. Первоначально ал-Мирбад при своем основании еще в доисламскую эпоху был рынком верблюдов, но со времени правления Омейядов там стали продавать любые виды товаров, главными из которых были финики.

Как и на любом крупном арабском рынке в ал-Мирбаде проходили также состязания поэтов, он был местом соревнований племен, которые выставляли там свои лучшие товары напоказ. Расцвет ал-Мирбада относится ко времени расцвета Аббасидского халифата, пик которого пришелся на IX-XI века, равно как и его упадок совпал с падением династии во 2-й половине XIII века.

Положение ал-Мирбада в XIII веке описано в словаре Йакута (1180-1229): «Ал-Мирбад в Басре – один из ее знаменитых кварталов. В давние времена там был верблюжий рынок, затем превратившийся в большой квартал, населенный людьми, где проходили соревнования поэтов и хатибов. Сейчас между ним и Басрой территория около трех миль, которая раньше была вся населена людьми, а теперь представляет собой развалины. Ал-Мирбад стал отдельным поселением посреди пустыни».

Помимо роли Басры как центра транзитной торговли, в городе проживало множество ремесленников. Очень развитым было текстильное производство. Здесь делали шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные, льняные ткани, а также обувь. В городе было много вырытых каналов, по которым плавали небольшие лодки, однако население испытывало проблемы с пресной водой. В области парфюмерного производства и изготовления благовоний Басра получила известность своей розовой водой и фиалковым маслом, которые шли на экспорт.

В целом, Басра и другие арабские города как центры концентрации торговой активности позволили Аббасидскому халифату достичь вершины своего экономического и политического могущества, обеспечить арабскому средневековому государству лидирующую позицию в международной торговле.

Победоносцева А.О.
(Восточный факультет СПбГУ и Гуманитарный факультет
Стамбульского университета)
Иудейские общины в этническом Курдистане (Турция, Иран, Ирак)
в XIX-XX вв.

Начиная со средних веков до эмиграции евреев в Израиль в середине XX в. на территории этнического Курдистана существовали иудейские общины, версий возникновения которых несколько. Либо учение иудаизма могли воспринять непосредственно курды в те времена, когда хазарские войска в своих походах проникли в Армению и достигли Мосула. В «Иудейских древностях» Флавий приводит удивительный рассказ о переходе в иудаизм в I веке н.э. правителей государства Адиабена. Либо, согласно традиции самих курдских евреев (*лахлухов*), они переселись в Курдистан во времена правления ассирийского царя Салманасара (730–712 гг. до н.э.), когда тот завоевал Самарину, еще до разрушения первого храма.

Как из-за пестрой картины вероисповеданий самих курдов (мусульмане, али-илляхи, езиды и т.д.), так и из-за разнообразия конфессий других народов, живущих с ними по соседству, Курдистан называют «заповедником религий» и иудейские общины подтверждают это «звание».

Иудейские общины в XIX в., по описаниям посетивших регион иудейских (и не только) путешественников, представляли собой бедные сельские поселения под покровительством местных феодальных курдских правителей, которые предоставляли общине защиту, а те, в свою очередь, охраняли собственность шейха, обеспечивая его стражей.

По соображениям безопасности лахлухи часто переезжали из больших деревень в крупные населенные пункты и в города. Как городские жители, так и деревенские курдские евреи были заняты в торговле и в ремеслах. Зажиточные крестьяне выращивали сельскохозяйственную продукцию и зерновые культуры, занимались виноградарством и разведением крупного рогатого скота и овец.

Жизнь крупной городской общины была сосредоточена вокруг синагоги, в которой члены общины собирались на *шабат* и праздники. Во главе каждой общины стоял *хахам*¹, который в то же время выполнял функции *хазана*², *моэля*³, *шохета*¹ и *габбайя*². По *галахическим* вопро-

¹ Хахам – духовный глава, соответствовало статусу раввина в сефардских и восточных общинах.

² Хазан – синагогальный кантор.

³ Моэль – лицо, совершающее обряд обрезания.

сам³ они обращались к раввинам Багдада. В городских общинах в возрасте трех лет дети начинали учебу в *бейт мидраш*⁴, где они обучались Торе и молитвам, чтению и письму почерком *раш*⁵. Дети старшего возраста изучали Тору, Мишну и Гемару. В возрасте восьми лет они начали посещать основные школы. В большинстве своем курдские евреи были неграмотны, но знали и строго соблюдали *мицвот*⁶. Некоторые обычаи и обряды восходят ко временам существования иерусалимского храма (например, общественное жертвоприношение во многих общинах курдских евреев совершалось еще в начале XX в.).

Помимо языка *Таргум* (смесь искаженного арамейского и сирийского), на котором разговаривали курдские евреи, они владели арабским и курдским (диалект *курманджи*). К 30-м годам XX в. последний стал преобладающим.

В XIX веке курдские евреи стали переселяться в Российскую империю: Армению (общины из Урмии, Салмаста и Хоя), которая вошла в состав России после русско-персидской войны (1826-1828 гг.), и Тифлис (80-е гг. XIX в.). Также в XIX в. началось переселение лахлухов в Палестину (главным образом, в Цфат) и к началу XX в. образовалась община в Иерусалиме. Начиная с 20-х гг. XX в. под давлением окружающей реакции и операции «Эзра и Нехемия»⁷ в Израиль переселились почти все евреи из Курдистана.

Тесное соседство с курдами оказало заметное влияние на культуру лахлухов. В Израиле они продолжали жить обособленной общиной: отмечали курдские праздники, сохраняли курдскую культуру и язык, стали выпускать собственные газеты.

Основные сведения о жизни и быте общин, населявших города и деревни современной Турции (Мардин, Урфа), Ирана (Сенендедж, Керманшах, Урмия, Салмаст, Хой) и Ирака (Амадия, Нерва, Халабджа,

¹ *Шохет* – резник, совершающий убой скота и птицы в соответствии с ритуальными предписаниями.

² *Габбай* – должностное лицо в еврейской общине или синагоге, ведающее организационными и денежными делами.

³ *Галаха* (*Халаха*) – иудейское религиозное право.

⁴ *Бейт мидраш* – место изучения Торы, Мишны, Талмуда и послеталмудической раввинистической литературы.

⁵ *Раши* – вариант ивритского алфавита, использующийся, главным образом, для комментариев текстов Библии и Талмуда.

⁶ *Мицвот* – заповеди еврейской религии.

⁷ В 1950-1951 гг. в ходе операции "Эзра и Нехемия", названной в честь двоих руководителей исхода из древнего Вавилона, в Израиль было переправлено около 110 тыс. евреев, в числе которых 18 тыс. курдских.

Кифри-Салихия, Кой-Санджак, Мосул, Шуш, Синдо, Нирам, Сухо, Ревандуз, Рустака, Синдур, Туз-Хурмато, Захо, Зибар) известны из источников XII в. (Вениамин из Туделы, Петахия Регенбургский), XVII в. (Бабаи Ибн Лутф, Бабаи Ибн Фархад), XVIII в. (Саадия Козэн), XIX в. (Вениамин II, Мордехай Эдельман, Давид Де-Вет Хилель) и начала XX века (Э. Соун, Авинадав Б. Саадия Халеви, У.Фишель).

Попов В.

(Восточный факультет СПбГУ)

***Текущая предвыборная ситуация в Египте:
новое и хорошо забытое старое***

Пожалуй, наиболее эпохальным событием во внутривосточной жизни Египта последних лет стали первые (с 1956 года) прямые альтернативные президентские выборы, прошедшие в стране в сентябре 2005 года. Конечно же, никто не ждал чуда. С самого начала всем было понятно, что победит бессменный и горячо любимый президент Мубарак, тем более что инициатива проведения этих выборов изначально исходила именно от него. Однако примечателен был сам факт наличия нескольких кандидатов на высший пост. Всего Мубараку противостояло 9 смелых. Никто из них не надеялся на победу. Некоторые занялись откровенной клоунадой и «пиаром»¹. И тем не менее политическая жизнь страны заметно оживилась. Еще большего эмоционального накала ситуация достигла в декабре того же года, когда, несмотря на мощнейшее административное давление, массовые подтасовки и закрытие участков, на которых у оппозиции появлялись шансы на победу, формально запрещенным «Братьям-мусульманам» удалось получить 88 депутатских мандатов и сформировать вторую по численности фракцию².

¹ Например, Айман Нур, один из основателей партии «Завтра», призывавший к проведению в стране «цветной» революции (кстати, цветом партии был выбран оранжевый). Правда, после выборов он на некоторое время даже оказался в тюрьме, якобы, за подлог при регистрации партии.

² Всего нижняя палата насчитывает 454 места. Поскольку движение «Братья-мусульмане» до сих пор формально запрещено, представлявшие его кандидаты баллотировались как независимые. После трех туров выборов и назначения 10 «президентских» депутатов итоговое распределение сил выглядело следующим образом: Национально-демократическая партия (НДП) – 311 мест (68,5%), группа братьев-мусульман – 88 мест (19,4%), независимые – 24 места (4,6%), «Вафд» – 6 мест (1,3%), «Тагамму» – 2 места (0,4%), «Завтра» – 1 место (0,2%); еще 12 кресел предстояло повторно разыграть в наступающем 2006 году.

Следующим шагом стало принятие парламентом 11 мая 2010 года решения о частичной отмене ограничений, связанных с введенным после убийства в 1981 году президента Анвара Садата чрезвычайным положением. Теперь чрезвычайные полномочия властей ограничивались лишь борьбой с терроризмом и противодействием незаконному распространению наркотиков. Естественно, при желании в террористы можно записать любого, однако сделанные послабления упраздняли цензуру в СМИ и обеспечивали некоторую свободу политической деятельности.

Завершившиеся в июне 2010 года выборы и последующие назначения в Консультативный Совет¹, наделенный с 2007 года новыми полномочиями, несколько остудили наиболее горячие головы, но, не взирая ни на какие ограничения, стартовавшая в стране бурная избирательная кампания² остается центральной темой обсуждения не только в Египте, но и во всем арабском мире. Любая проблема или событие внутри или за пределами страны немедленно вписывается в актуальный политический контекст и используется в предвыборной борьбе. Так, например, 40-градусная июльская жара, приведшая к росту энергопотребления и, как следствие, некоторым перебоям в столичных электросетях, тут же объявляется оппозицией полным провалом властей и энергетическим коллапсом³. Тема обсуждается на всех арабоязычных телеканалах. «Аль-Джазира»⁴ устраивает телемосты. «Эксперты» обвиняют, чиновники оправдываются. Президент Мубарак на заседании правительства торжественно объявляет о решении построить первую в стране атомную электростанцию.

В августе жара постепенно спадает, отключения электричества сходят на нет, начинается Рамадан, и «электродрама» сменяется спорами по поводу содержания традиционных для этого времени телевизион-

¹ Верхняя палата парламента; частично избирается, частично назначается президентом.

² В ноябре-декабре 2010 года в стране пройдут выборы в нижнюю палату парламента; на сентябрь-октябрь 2011 года запланированы очередные выборы президента.

³ По личным наблюдениям: с отключением электричества за почти три месяца пребывания в Каире пришлось столкнуться лишь 4-5 раз; продолжительность самого длительного отключения (в самом конце июля) не превышала полутора часов.

⁴ Популярный катарский новостной телеканал; вещает на арабском и английском языках

ных премьер. Сын Хасана ал-Банни¹ грозит засудить авторов сериала «Ал-Гама'а», а заодно и все руководство египетского государственного телевидения. «Братья-мусульмане» обвиняют власти в клевете и преднамеренном очернении их движения в глазах избирателей. Ответственные лица опять оправдываются. Авторы сериала говорят о «взвешенном подходе», что, мол, не только «Братья-мусульмане» показаны в фильме с неприглядной стороны, да и вообще, политика – грязное дело.

Рамадан заканчивается, и происходит очередная смена сюжета. Теперь на повестке дня эпохальные исторические разоблачения. Один из крупнейших арабских журналистов XX века Мохаммед Хейкаль в эфире все того же телеканала «ал-Джазира» озвучивает гипотезу о том, что второй президент Египта Гамаль Абд ан-Насер, возможно, был отравлен своим заместителем Анваром Садатом. Тяжесть обвинения усугубляется еще и тем, что яд, якобы, был подсыпан в кофе лично Анваром Садатом, когда Абд ан-Насер был у него в гостях. Естественно, дочь Садата тут же пишет заявление в прокуратуру. Это становится одной из центральных тем во всех газетах и на всех телеканалах не только в Египте, но и в других арабских странах. Параллельно со всем этим в течение августа «ал-Джазира» показывает многочасовое и многосерийное интервью вдовы Садата Джейхан, данное ей одному из известных оппозиционных египетских журналистов, а по совместительству – корреспонденту «ал-Джазиры» Ахмаду Мансуру.

Интерес к нынешней кампании подогревается еще и присутствием некоторого элемента неопределенности. Естественно, никто не сомневается, что в отсутствие внешнего вмешательства или каких-либо внутренних потрясений выборы 2010 и 2011 года пройдут под полную диктовку властей. Борьба, в основном, идет за почетное второе и третье место. Однако преклонный возраст президента Мубарака², неясность относительно возможности его очередного выдвижения, застопорившаяся операция «наследник»³ и угроза иностранного – прежде всего

¹ Основатель официально запрещенного движения «Братья-мусульмане»; убит в 1949 году в центре Каира, предположительно, по приказу тогдашнего министра внутренних дел Египта.

² Нынешнему президенту Египта 82 года; недавно он перенес сложную операцию на желчном пузыре.

³ По мнению многих наблюдателей, президент Хосни Мубарак пытается организовать более или менее законную передачу власти своему сыну Гамалю; эта тема также не сходит с газетных полос и телеэкранов в большинстве арабских стран.

американского – давления и прямого вмешательства дают повод для всевозможных спекуляций и нагнетания обстановки.

Сологуб М.С.

(Факультет международных отношений, СПбГУ)

***Участие палестинского общества в деле мирного урегулирования
арабо-израильского конфликта в XXI веке.***

В XXI веке было выдвинуто множество планов по урегулированию арабо-израильского конфликта. Помимо предложений на государственном и международном уровнях, существуют и общественные организации, предлагающие свои варианты разрешения палестинской проблемы. Можно выделить две инициативы, выдвинутые при участии палестинских жителей:

1. Декларация принципов палестино-израильского урегулирования.

Декларация принципов палестино-израильского урегулирования была подписана 27 июля 2002 г. А.Аялоном и С.Нуссейбой. Цель организации – разрешение конфликта путем массового сбора подписей под совместной Декларацией принципов.

В Декларации заявлено о создании двух независимых государств – Израиля и Палестины, и об их взаимном признании. Однако к этому добавлены важные уточнения. Для разрешения проблемы беженцев Израиль и Палестина должны будут создать международный фонд помощи, который будет выплачивать компенсации тем палестинцам, которые предпочтут остаться в тех странах, где они сейчас находятся.

Однако у Декларации есть и свои минусы: трудно обеспечить связь между двумя разделенными палестинскими анклавами (Сектор Газа и Западный берег реки Иордан); пункт о разделе Иерусалима может трактоваться совершенно по-разному и др.

2. Женевская инициатива.

План был предложен группой израильских и палестинских политиков под руководством Йосси Бейлина Ясира Абеда Раббо. Официально этот план был представлен 12 октября 2003 г. в Иордании и получил наименование «Женевской инициативы». Постулируется, что документ должен быть открытым для широкого круга общественности. Основной задачей предлагаемого Женевского соглашения было продекларировать желание участников конфликта продолжать переговоры; при этом предполагается, что подписание данного соглашения означало бы окончание конфликта.

Основные пункты, заявленные в рамках *Женевского соглашения*, включают установление границы между Израилем и Палестиной; вывод Израилем войск с оккупированных территорий; признание общемиро-

вой исторической, религиозной, духовной и культурной ценности Иерусалима; немало внимания уделено и вопросу безопасности. Важно отметить, что в данном *Соглашении* впервые в письменном виде заявлен отказ палестинских беженцев от своего права на возвращение в Израиль. Другим наиболее спорным вопросом *Соглашения* остается пункт о палестинских заключенных.

Несмотря на приложенные к его разработке усилия, *Женевское соглашение* так и не получило желаемой поддержки ни в Израиле, ни в Палестине, ни в мире.

Таким образом, ни один миротворческий план, включая и международные, и региональные, в полной мере не был реализован, сроки выполнения даже достигнутых договоренностей постоянно переносятся, процесс мирного урегулирования затягивается. Более того, можно констатировать, что большое количество различных мирных инициатив приводит к негативным результатам: идея мира обесценивается, стороны все меньше верят в возможность разрешения ситуации мирным путем, кровавые столкновения не прекращаются ни на минуту, а перспектива решения палестинской проблемы отодвигается в неопределенное будущее.

Степанова А.

(Восточный факультет СПбГУ)

Альхесирасская конференция и позиция России по марокканскому вопросу в начале XX века

Гибралтарский пролив всегда был стратегически важен для мировых торговых отношений, так как он контролирует путь из Средиземного моря в Атлантический океан. Его значение еще более возросло после завершения строительства Суэцкого канала. «Марокканский вопрос» был составной частью сложной многовековой борьбы за влияние в бассейне Средиземного моря. В силу этого европейские страны постоянно пытались взять Марокко под свой контроль, применяя не только экономические методы, но и прибегая к прямой военной экспансии. Поскольку между самими «великими державами» постоянно велась борьба за влияние в регионе, Марокко смогло долгое время сохранять независимость, хотя и формальную, благодаря умелой политике своих правителей. В известной мере эти обстоятельства определяют изменчивость и противоречивость внешней политики Марокко накануне европейской экспансии.

Тем не менее из-за усиливавшегося давления с Запада, в основном Англии, Франции и Германии, с одной стороны, и малоэффективной внутренней политики правительства Марокко, с другой, к концу XIX в.

страна фактически утратила суверенитет. В начале XX в. ведущие державы Европы официально разделили сферы влияния в Марокко, превратив его в колонию.

Можно выделить два основных этапа на пути западных держав к закабалению Марокко: Мадридская (1880) и Альхесирасская (1906) конференции. С Мадридской конференции начался процесс превращения Марокко в полуколонию. Текст Альхесирасского акта (1906) носил уже откровенно кабальный характер.

Специфика отношений между Россией и Марокко длительное время определялась тем, что Россия, в отличие от европейских держав, не являлась конкурирующей стороной в марокканском вопросе и не добивалась для себя никаких привилегий в Марокко.

Первые контакты России и Марокко относятся ко времени правления Екатерины II. Главные интересы России в тот период были сосредоточены в районе Черного моря. После успешных войн с Турцией ей удалось добиться значительных политических успехов, в том числе обеспечения свободного выхода в Атлантический океан.

Прошли годы, прежде чем политика России в этом регионе приобрела сколько-нибудь активный характер. Россия сначала отказалась участвовать в Мадридской конференции, однако впоследствии, под давлением держав, присоединилась к итоговой конвенции. Однако сообщение о решении России доставило большое удовлетворение султану, который заявил, что «был счастлив... поскольку убежден, что его отношения с могущественным императором всех русских (Александром II) служат благополучию обеих империй и их подданных... и [он] считает дружбу могущественного императора великой России благословением и счастьем для будущего».¹ Таким образом, Мадридская конференция объективно способствовала поддержанию дружественных отношений между двумя странами.

Практически такая же ситуация сложилась и во время Альхесирасской конференции. После унижительного Портсмутского мира российское правительство официально заявило о поддержке позиции Франции, надеясь на получение денежного займа. Однако следует отметить, что российская политика в предшествующий период объективно способствовала сохранению политической самостоятельности Марокко и замедлению процесса ее колонизации Францией.

Итоги Альхесирасской конференции привели не к сглаживанию, а к углублению противоречий в 1906-1908 гг. Главным ее итогом стало

¹ Подгорнова Н.П. Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916). М.: Институт Африки, 1999, С. 8.

дипломатическое поражение Германии в борьбе с Антантой. Происходит усиление разногласий внутри Тройственного союза, в том числе тенденции правящих кругов Италии к отходу от Австрии и Германии, дальнейшее укрепление англо-французской Антанты и сближение Антанты и России, которое произошло в годы Марокканского кризиса 1905 – 1906 гг. Это подготовило заключение англо-русского соглашения 1907 г., то есть превращение англо-французской Антанты в Тройственную англо-франко-русскую.

В эти годы происходит корректировка позиции России в марокканском вопросе. Россия открыто не поддерживала Францию и была недовольна нарушением статус-кво в Марокко в пользу Франции. Россия, к тому же, не могла игнорировать обострившееся соперничество европейских держав из-за далекой страны Магриба.

Период 1907-1911 гг., когда Российская империя была занята ликвидацией последствий революционного хаоса, был не слишком подходящим временем для инициатив по дальнейшему развитию русско-марокканских связей. Однако они не утратили своей жизненной силы. В период с 1906 по начало 1912 г., как и ранее, отношения между Россией и Марокко были мирными и в целом не омрачались какими-либо инцидентами. Хотя антиевропейское движение в стране создавало объективные трудности для двусторонних контактов, марокканцы по-прежнему сознавали, что политика России отличалась от колониалистских действий Франции, Испании и Германии.

Франция шаг за шагом готовила международное общественное мнение к предстоящему захвату Марокко. Для юридического оформления оккупации французскому правительству оставалось лишь заключить соответствующий договор, что и произошло 30 марта 1912 г.

Для России было не выгодно установление протектората Франции над Марокко, так как это практически ставило под контроль Франции выход из Средиземного моря в Атлантический океан и серьезно увеличивало ее влияние. Однако в этот период главной целью российской внешней политики являлось скорейшее выведение России из внешнеполитического кризиса и стабилизация ее международного положения, поэтому вследствие сложного внутривнутриполитического положения и существующих союзнических обязательств Россия была вынуждена занять пассивную позицию по марокканскому вопросу.

Тихомиров В.

(Восточный факультет СПбГУ)

*Монеты как средство пропаганды официальной идеологии
в Омейядском халифате (41/ 661 – 133/ 750 гг.)*

Любые денежные знаки являются не только платежным средством, но и своего рода инструментом пропаганды. Это связано с тем, что они находятся в постоянном употреблении, а значит, на них всегда обращено внимание людей. Кроме того, монета – это символ власти.

Монеты представляют собой уникальный исторический источник, который позволяет установить, на какие слои населения была ориентирована государственная пропаганда и насколько она была воспринята в этих слоях, более того – позволяет понять систему общественных отношений, доминирующую в рассматриваемый период времени. Кроме того, это важнейший источник для изучения экономических отношений в изучаемом государстве (в данном случае в Омейядском халифате), его экономических связей со странами и областями (Волжская Булгария, Хазарский каганат, Византийская империя, Восточная, Северная и Западная Европа), лежащими за пределами данного государства.

Процесс развития пропаганды официальной идеологии, осуществляемой посредством монет, можно разделить на три периода, соответствующих периодам развития монетного дела в Омейядском халифате, каждый из которых характеризуется своим типом монет:

1. Становление монетного дела до реформы ‘Абд ал-Малика ибн Марвана (66 – 87 г.х./ 685 – 705 гг.):

1) монеты, чеканенные официальной властью Омейядского халифата;

2) монеты, чеканенные ‘Абдаллахом ибн аз-Зубайром и его сторонниками;

3) монеты, чеканенные ал-Хаджжаджем в 73 г.х./692 г.

2. Денежная реформа ‘Абд ал-Малика ибн Марвана (66 – 87 г.х./ 685 – 705 гг.):

1) события и меры, предшествовавшие реформе;

2) стандартизация монет.

3. Монеты, чеканенные накануне аббасидского восстания в иранских провинциях халифата.

Все три вышеуказанных периода необходимо рассматривать не только с точки зрения изменения внешнего вида монет, но и с учетом изменения их метрологических данных, которые в контексте рассматриваемой проблематики играют не менее важную роль, чем их внешний облик. Если легенда монеты содержит сведения пропагандистского характера, то качество монеты (т.е. ее размер, вес, проба металла, из кото-

рого она изготовлена) влияет на степень доверия и, соответственно, уровень восприятия населением той информации, которую она несет.

В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению монеты как способа пропаганды официальной идеологии в Омейядском халифате, необходимо провести комплексный, многоплановый анализ практически всех сторон денежного обращения, включая металлургическую базу халифата. Низкая проба монеты может привести к негативному восприятию населением отраженной на монете информации. Кроме того, монета служила средством не только внутренней, но и внешней торговли, а соответственно, и пропаганды. Следовательно, здесь нужно учитывать такие факторы, как соотношение количества того или иного драгоценного металла в государствах, участвующих в товарно-денежном обмене, и источник получения ими данного металла (преобладание внутренних или внешних источников) и т.п.

Особое место в контексте данной проблематики занимают монетные дворы, которые были одним из важнейших инструментов власти халифа, поскольку основными символами власти являлись *хутба* (خطبة) и *сикка* (سكة). С другой стороны, они же могли стать одним из факторов, поддерживающих сепаратистские тенденции. Подтверждением последнего может служить тот факт, что при Мерване б. Мухаммаде б. Мерване б. ал-Хакаме (127–132/ 744–750 гг.) сторонниками Аббасидов на аверсе дирхамов чеканилось в круговой легенде (внутри стандартной): *قل لا اسلكم عليه اجرا الا المودة في القربى*, т.е. «Я не требую за это от вас никакой платы, кроме любви к ближним».

Подводя итог, необходимо отметить, что анализ монеты как средства пропаганды официальной идеологии не должен сводиться лишь к рассмотрению внешнего облика монеты, но должен распространяться на все сферы денежного обращения.

**Юлгушева А.Х.
(ИВР РАН)**

Значение аднанитско-кахтанитского конфликта в политической истории ал-Андалуса со времени завоевания до провозглашения Омейядского эмирата (711-756 гг.)

Аднанитско-кахтанитский конфликт, несомненно, оказал значительное влияние на политическую, социальную и культурную историю Арабского Халифата. Корни многовековой борьбы северных и южных арабов уходят в глубь истории и, как считают некоторые исследователи, берут свои истоки в извечном противостоянии кочевников пустынь и оседлого населения городов. Став непримиримыми противниками после

битвы при Мардж Рахите 684 г., в ходе арабских завоеваний аднаниты и кахтаниты сформировались в две враждующие этнополитические группировки, чья конфронтация сыграла важную роль в истории Халифата Омейядов и была перенесена на все земли, куда ступили победоносные войска халифа, наполнив внутренними противоречиями, стычками и беспорядком военные лагеря и поселения, став одним из главных препятствий на пути к дальнейшему успеху.

Это соперничество во многом повлияло на историю арабской Испании, и даже когда с приходом к власти Аббасидов конфликт перестал играть важную политическую роль (как известно, при новой династии борьба за власть шла уже между другими группами, часто неарабскими) – ал-Андалус явился исключением. Здесь вследствие изоляции от других областей Халифата и сохранению Омейядской династии старая вражда еще долго была одним из важнейших факторов, определявших ход политической истории страны.¹

Традиционно за начало завоевания Пиренейского полуострова мусульманами принимается 711 год. С Тариком в Испанию прибыли по преимуществу берберы, войско же следовавшего за ним Мусы б. Нусайра составляли главным образом арабы, этнополитические разногласия среди которых начали проявляться уже в это время и явились позднее одним из основных препятствий к дальнейшему продвижению мусульман в Европу. Это была первая крупная волна переселения арабов на землю ал-Андалуса, в ходе успешных действий Тарика и Мусы была завоевана значительная часть полуострова.

В 740 г. североафриканские берберы, недовольные своим положением в Халифате, подняли восстание, чье эхо прогремело и над ал-Андалусом, где также случился берберский бунт. Для умиротворения региона правительство Дамаска направило в Северную Африку воинский контингент в составе тридцати тысяч воинов. Однако подавить восстание удалось не сразу, в 741 г. халифские войска потерпели поражение в землях Танджи, и часть войска, а именно десять тысяч сирийских всадников под командованием Балджа б. Бишра, оказались осажденными в Сеуте.

В то время наместником ал-Андалуса был ‘Абд ал-Малик б. Катан ал-Фихри. Сирийцы обратились к нему за помощью, но он отказал им, вероятно, опасаясь возможных последствий их прихода на андалусскую землю, ведь, будучи выходцем из Хиджаза, Ибн Катан был свидетелем преступлений, которые совершили войска Йазида против жителей Ме-

¹ *Пиотровский М.Б.* Предание о химйаритском царе Ас‘аде ал-Камиле. М.: ГРВЛ, 1977. С. 7.

дины во время битвы при Харре 26 августа 683 г., вследствие чего питал к сирийцам ненависть.¹ Когда же берберские повстанцы достигли самой Кордовы, сирийский контингент все же был призван из Сеуты для восстановления порядка на обоюдовыгодных условиях. Сирийцы одержали победу, однако андалусский наместник отказался выполнить обещанное, решив отправить их обратно в Сеуту. И тогда воины пошли на Кордову, захватили ее и свергли наместника, возведя на его место в сентябре 741 г. своего полководца. Затем, требуя казни престарелого Ибн Катана, воины выдворили его из дома в Кордове с такими словами: «ускользнул от мечей наших в день при Харре, требуем мы мести за то, что питались верховыми животными и шукурами, а потом хотел ты выдворения нашего на погибель...»²

Казненный принадлежал к калбитам, а его противники – к кайситам. Так на окраине Халифата вспыхнула конфронтация между этими двумя этнополитическими группировками. Именно с приходом гарнизона Балджа в ал-Андалус и началось явно выраженное противостояние «северной» и «южной» группировок арабов на Пиренейском полуострове. Разумеется, сторонники Ибн Катана были недовольны таким развитием событий. Собравшись под руководством его сыновей Катана и Умайи, приверженцы свергнутого наместника, будучи по происхождению в основном йеменитами, вступили в сражение с кайситским войском во главе с Балджем и потерпели поражение, но в битве был смертельно ранен и сам Балдж.

Эти события положили начало беспрестанным кровопролитным столкновениям между враждующими сторонами. Следующий наместник ал-Андалуса Са'лаба (Саваба) ал-Джузами оказался в непростой ситуации: фикрийцы ему не подчинились, да и йеменитская группировка была настроена против него, и разгорелась *фитна*. Тогда 'амил Ифрикийи и Магриба Ханзала б. Сафван послал наместником в ал-Андалус Абу-л-Хаттара для того, чтобы тот навел порядок в провинции. Как сообщает Ибн ал-Аббар, жители ал-Андалуса сами попросили Ханзалу, чтобы тот прислал им человека, который объединил бы их несмотря на их разногласия. Этим наместником и стал ал-Хусам б. Дирар б. Саламан ал-Калби, носивший *кунью* Абу-л-Хаттар. Для того чтобы как-то разрешить сложившуюся ситуацию, Абу-л-Хаттар расселил армию Балджа

¹ د. مهدي عبد المنعم محمد حسين. ثورات البربر في الأندلس في عصر الامارة الاموية. اسكندرية، 1993. С. 5.

² *Ibn Idhari*. Al-bayano l-mogrib par Ibn-Adhari (de Maroc), et fragments de la chronique d'Arib (de Cordue). Par R.P.A. Dozy. Leyde: chez E.J. Brill, 1849–1851. P. 32.

по разным округам провинции, выслал зачинщиков смуты. Однако, будучи йеменитом по происхождению, он проявлял некоторую нетерпимость по отношению к выходцам из североарабских племен, предпочитая йеменитов мударитам, которые объединились под руководством ас-Сумайла б. Хатима. Это вызвало усиление поляризации между группировками, что привело к гражданской войне.

К.А. Бойко, отсылая нас к Ибн ал-Аббару, сообщает, что руководители враждующих группировок Абу-л-Хаттар и ас-Сумайл даже обменивались стихотворными посланиями, в которых каждый доказывал превосходство своего племени. Кроме того, своим высоким назначением Абу-л-Хаттар был якобы обязан поэтическому посланию, которое он направил халифу Хишаму. В нем он порицал халифа за его прокайситскую ориентацию в ущерб кахтанидам, за забвение поддержки, которую последние оказали Омейядам в сражении при Мардж Рахите.¹ Таким образом, ввиду своей пройеменитской политики Абу-л-Хаттар, сделавший многое для стабилизации положения в регионе и его относительно успокоения, был свергнут оппозиционной кайситской группировкой во главе с ас-Сумайлом б. Хатимом.

Положение, в котором оказалась провинция в тридцатые годы первого века хиджры, было неоднозначным, некоторое время ал-Андалус оставался без управляющего. Создавшаяся ситуация все усложнялась, и тогда люди попросили победившего ас-Сумайла, «чтобы тот нашел правителя, который бы правил ими, ввиду того, что повелитель верующих Марван б. Мухаммад отвлечен от них заботами на Востоке и находится далеко от них, и выбрал он им Йусуфа б. ‘Абд ар-Рахмана ал-Фихри».² Жители ал-Андалуса согласились на кандидатуру Йусуфа, происходившего из северных арабов, условившись при этом на поочередном правлении провинцией представителями оппозиционных группировок. Из этого следовало, что через определенное время Йусуф должен был передать правление йемениту, однако, когда пришел черед правителя из йеменитов, этого не случилось. Напротив, Йусуф, будучи представителем кайситов, проводил антикахтанитскую политику, что привело к повсеместному расколу.

События того времени нередко именуют гражданской войной, Ибн ‘Изари даже сравнивает произошедшее с двумя великими *фитнами* раннего ислама – «битвой верблюда» 656 г. и битвой при Сиффине

¹ Бойко К.А. Арабская историческая литература в Испании (VIII – первая треть XI в.). М.: ГРВЛ, 1977. С. 18.

ابن الاخبار . كتاب الحلة السيرة . د. حسين مؤنس . القاهرة: دارالمعارف ، ١١١٩ ، ج. ١. С. 61–68.

² *Ibn Idhari*. Al-bayano l-mogrib. P. 37.

657 г.¹ Освободив своего предводителя из заключения, разгневанные сторонники Абу-л-Хатгара, сразились со своими противниками при Шакунде. Но на данном этапе истории ал-Андалуса победа оказалась на стороне «северных» арабов – кайситов, йемениты потерпели поражение, а Абу-л-Хатгар был убит.

Смута, воцарившаяся в ал-Андалусе в это время, явилась во многом следствием событий, происходивших на Востоке в центре Халифата, где прекратила свое существование династия Омейядов. Однако сложившаяся ситуация в итоге способствовала последующему успеху бежавшего в Испанию ‘Абд ар-Рахмана б. Му‘авийи, уцелевшего в ходе аббасидской политики истребления представителей прежней династии. Еще находясь на африканском берегу, ‘Абд ар-Рахман уведомил клиентов и сторонников Омейядов, находившихся на территории ал-Андалуса, о своем приезде и отправил к ним верного *маулу* Бадра. «И стали они распространять по всему ал-Андалусу призыв ‘Абд ар-Рахмана и упоминания о нем. И согласовалось все это с произошедшей между йеменитами и мударитами *фитной*. И объединились йемениты за дело ‘Абд ар-Рахмана».²

Когда ‘Абд ар-Рахман прибыл в ал-Андалус, среди встретивших его были представители йеменитов, питающих ненависть к ас-Сумайлу и Йусуфу; по выражению Бадра, «в йеменитах они нашли народ, сердца которого преисполнены гнева, ищущий путей отмщения».³ Андалусские области одна за другой выражали ‘Абд ар-Рахману свое подчинение и покорность, так что вокруг него собралось многочисленное войско. В Кордове вокруг ‘Абд ар-Рахмана объединились йемениты, к нему присоединялись также и мудариты. В конечном итоге на стороне Йусуфа ал-Фихри остались только фикхрийцы и кайситы.

Ас-Сумайл советовал Йусуфу перехитрить ‘Абд ар-Рахмана. ‘Абд ар-Рахману было предложено жениться на дочери Йусуфа и поселиться в любом из *джундов*; Йусуф написал ему послание, заверяя, что не предаст его. Однако от предложения Йусуфа ‘Абд ар-Рахман отказался, поскольку его приверженцы поняли, что ал-Фихри задумал хитрость, поскольку его визирем, который заведовал всеми его делами, был ас-Сумайл, не заслуживающий доверия.

Ибн ал-Кутиййа сообщает, что накануне последовавшего сражения ‘Абд ар-Рахман спросил: «Какой сегодня день?» Ему ответили: «Сего-

¹ *Ibn Idhari*. Al-bayano l-mogrib, p. 37; *Chejne A.G.* Muslim Spain. Its history and culture. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1974. P. 112.

² *Ibn Khaldoun*. Kitab al-ibar. P. 262.

³ *Ibn Idhari*. Al-bayano l-mogrib. P. 45.

дня четверг, день стояния на [горе] Арафат». Тогда ‘Абд ар-Рахман промолвил: «Сегодня день Арафата, а завтра пятница, день праздника жертвоприношения. И я надеюсь, что завтра между мною и ал-Фихри произойдет то, что случилось между кайситами и моими предками в день Мардж Рахит».

В пятницу исход битвы выявил победителя, и десятого числа месяца зу-л-хиджа 138 г.х. в день праздника жертвоприношения ‘Абд ар-Рахман объявил себя эмиром ал-Андалуса (15 мая 756 г.).

Период социальной и политической нестабильности в Испании завершился после отделения этой провинции от Халифата и провозглашения в 756 г. на ее территории независимого государства-эмирата. Своей централизаторской политикой ‘Абд ар-Рахман I положил начало стабилизации внутренней жизни страны. Укрепление государства создало благоприятные условия для духовной, этнической и политической консолидации разнородного населения ал-Андалуса, для постепенной «переплавки» его в единое целое.¹

Босая Е.М.

(Восточный факультет СПбГУ)

Бурса – административный, культурный и экономический центр Османской империи в XIV-XVI вв.

Тема настоящей работы – история города Бурса с момента его возникновения и до конца XVI века. В рамках изучения этой темы перед нами ставились следующие задачи: рассказать о географических особенностях, составе населения, архитектуре, традициях и культурной жизни Бурсы; раскрыть причины небывалого подъема в торговле и быстрого экономического развития города в XVI веке; выяснить, в каком состоянии первая столица османов подошла к XVII веку, когда Османскую империю поразил серьезный кризис, затронувший практически все сферы жизни средневекового османского общества.

Бурса – город в двухстах сорока километрах от Стамбула. Это древний город, основанный задолго до появления греков и римлян, однако своего расцвета он достиг лишь во времена Османской империи. В XIV – XVI вв. Бурса была на пике своего развития как в культурном, так и в экономическом плане. Будучи первой столицей Османской империи, она была большим и густонаселенным городом: там проживали турки, греки, армяне, евреи, валахи и др. Город поражал своим величием и

¹ *Бойко К.А.* Арабская историческая литература в Испании (VIII – первая треть XI в.). М.: ГРВЛ, 1977. С. 21.

убранством. В Бурсе строились мечети, гробницы, минареты, медресе, *хаммамы*.

В истории османской архитектуры существует период, который принято называть «бурсским». Его специфика определяется памятниками, относящимися, главным образом, к XV в., когда произошло усиление Османского государства. Считается, что в это время османские зодчие начинают постепенно отходить от сложившихся традиционных норм и перестают слепо копировать памятники старины. Они находят свой собственный стиль в архитектуре, отличный как от «анатолийского», так и от «персидского».

В XV–XVI вв. европейские путешественники часто посещали первую османскую столицу. Некоторые из них оставили свои описания города, которые сохранились до наших дней. Такими путешественниками были Бертрандон де ля Брокьер, Перо Тафур, Джордж Хелер, Бенедетто Деи и другие. Из этих описаний мы узнаем, что сложно было найти в то время город великолепнее и богаче Бурсы. Во многом этот расцвет объяснялся тем, что город находился на перекрестке торговых путей. На местных базарах активно велась торговля тканями, красителями, специями.

Особое место в жизни города занимали ткачество и производство шелка. Можно сказать, что ткани были «визитной карточкой» Бурсы. Сфера их применения была очень широка. Из многоцветных атласов и бархатов шили одежды султанов, тканые полотнища покрывали саркофаги в усыпальницах, из узорных тканей были выполнены великолепные шатры. Однако в основном текстиль шел на продажу: в XV–XVI вв. подобный род деятельности был чрезвычайно выгоден и приносил немалый доход торговцам.

Со временем столица Османской империи была перенесена в Адрианополь (Эдирне), затем в Стамбул. Но даже потеряв статус столицы, Бурса продолжала вплоть до XVII в. оставаться одним из крупнейших административных, культурных и экономических центров Османской империи.

Литература:

- Кулланда М.В. Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX в. М.: ГМБ, 2007.
- Inalcık H. Bursa and the commerce of Levant // Journal of the economic and social history of the Orient. Leiden: E.J. Brill, 1960.

- Lowry Heath W. Ottoman Bursa in travel accounts. Indiana University Ottoman and Modern Turkish Studies Publications, 2003.
- Özdemir N. Bursa. Turistik kent rehberi. Bursa: Sentez Yayıncılık, 2007.
- Özendes E. The First Ottoman capital Bursa. Ankara: T.C. Kültür Bakanlığı, 1999.

Научное издание

**INTERNATIONAL CONFERENCE
DEDICATED TO THE
200TH ANNIVERSARY OF SHAIKH
MUHAMMAD AYYADH AT-TANTAWI (1810-1861)
ABSTRACTS AND PAPERS**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР:
К 200-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ШЕЙХА АТ-ТАНТАВИ (1810-1861)
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ**

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет *А.С. Матвеев*
Обложка *А.Е. Федоровский*

Подписано в печать с авторского оригинал-макета 20.10.2010.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ.л. 17,5. Тираж 200 экз.
Заказ №

Издательство СПбГУ, 199004, С.-Петербург, В.О. 6-я линия, 11/21
Тел. (812) 328-96-17, факс (812) 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

INTERNATIONAL CONFERENCE

**RUSSIA AND THE ARAB WORLD:
dedicated to the
200TH ANNIVERSARY OF SHAIKH
MUHAMMAD AYYADH AT-TANTAWI (1810-1861)**

November 2-3, 2010

ABSTRACTS AND PAPERS

